

1 2011
30605 к

Е.З.Кажибеков

**ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННАЯ
КОРРЕЛЯЦИЯ
ГОМОГЕННЫХ
КОРНЕЙ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР,
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. З. КАЖИБЕКОВ

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННАЯ
КОРРЕЛЯЦИЯ
ГОМОГЕННЫХ
КОРНЕЙ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(ЯВЛЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА · 1986

Кажобеков Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: (явление синкретизма). — Алма-Ата: Наука, 1985. — 272 с.

На обще- и межтюркском материале анализируется малонзученное в тюркском языкознании явление глагольно-именного омографизма на примере односложных корней слов.

Книга предназначена для специалистов по истории языка, тюркологов, преподавателей вузов, аспирантов.

Ответственный редактор
академик АН КазССР А. Т. КАЙДАРОВ

ЕРДЕН ЗАДА-УЛЫ КАЖИБЕКОВ

**ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ ГОМОГЕННЫХ
КОРНЕЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ:
(явление синкретизма)**

*Утверждено к печати Ученым советом Института языкознания
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: доктора филологических наук Т. Д. Джанузаков, Т. Сайрамбаев, кандидат филологических наук А. М. Ибатов

Зав. редакцией *Л. И. Дробжева*. Редактор *Г. М. Ким*. Худ. редактор *Н. Ф. Чурсин*. Оформление художника *Э. Ф. Ким*. Техн. редактор *Л. Ю. Уляницкая*. Корректор *С. Г. Жанабекова*

ИБ № 2077

Сдано в набор 28.11.85 Подписано в печать 16.05.86. УГ12056.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 14,3. Усл. п. кр.-отт. 14,3. Уд.-изд. л. 15,5.
Тираж 1500. Заказ 6. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, Щербакова, 1

К 4602010000—085 92.85
407(05)—86

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1986

Введение

В любом языке, даже в таких классических, как греческий, латинский или арабский, всегда есть факты, требующие изучения¹. Одним из таких фактов в тюркских языках следует считать так называемый тюркский синкретизм, или глагольно-именную омонимию основ и корней. Сложная и противоречивая природа этого явления позволяет квалифицировать глагольно-именную омонимию корней-основ как одну из кардинальных проблем тюркской исторической грамматики. Трактовка лексической и грамматической диффузности корней, тесно связанной с синкретизмом частей речи, усугубляется тем, что сравнительно-историческое тюркское языкознание еще находится на стадии формирования (САГ 427). Между тем решение проблемы тюркского синкретизма моно-, ди- и полисиллабов позволит прояснить некоторые моменты общего плана, как то — вопросы глоттогенеза, семантической эволюции гомогенных комплексов, о словообразовательных моделях, сыгравших значительную роль в истории тюркских языков, о соотношении и истории частей речи (в частности, имен и глаголов) и т. д.

В предлагаемой работе мы не ставили задачи доказать реальность существования в тюркских языках первичных синкретичных основ, выражающих одновременно соответствующие значения имени и глагола, так как в

---

¹ *Clauson G.* The name Uygur. — *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1963, pt. 3—4, p. 140—149.

трудах многих советских и зарубежных тюркологов этот аспект проблемы был решен достаточно убедительно.

В тюркских языках корень слова, или неразложимая основа, имеет свои определенные словоизменительные формы с нулевыми показателями, причем именно этим определяется или уточняется словообразовательная форма в своем грамматическом отношении к другим словам. Известно, что в тюркских языках именительный падеж тождествен основе имени и является главной формой для падежных образований, «таким образом у имен сама основа является одновременно и словом»². «Что же касается повелительного наклонения, — писал об основной форме глаголов в 1900 г. П. М. Мелиоранский, — то в качестве его употребляются просто коренные буквы глагола», так «*قون* и *كوج* суть корни глаголов 'спускаться' и 'кочевать' и произнесенные просто без всякого наращения имеют значение чистого приказа спуститься или кочевать» (АФТ028—029). Примета повелительного наклонения «в том, что его освобождают от всех наращений» (АФТ032). Императивная форма глагола представляет собой словообразовательную основу для всех наклонений и «является, таким образом: 1) повелительным наклонением в собственном смысле, т. е. равняется русскому *бери*; 2) основой всех наклонений глагола *брать*, т. е. соответствует русскому *бра-*»³. Именно поэтому правомерно, с точки зрения истории тюркских языков и их природы, выделять глаголы во втором лице единственного числа как опорные, основные глагольные формы (см. об этом: КТС 1974, 15). В этой связи можно привести слова В. В. Виноградова, который, говоря о том, что «система глагола более синкретична и синтаксична, чем система всех других знаменательных частей речи», добавлял: «Инфинитив — не центр глагольной системы, а ее окраина»⁴.

² Дмитриев СТЯ 154—155; ИСГТЯ II, 57, 317; Баскаков Вв. 106; Рамстедт 32, 81; Егоров В. Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, с. 39 и мн. др.

³ Дмитриев СТЯ 162—164; а также см.: Баскаков Вв. 106; Клаузон TMS 136 etc.; Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, с. 245—246; Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 333—334 и т. д.

⁴ Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947, с. 651—652.

Результаты исследований ряда ученых показали, что в подавляющем большинстве языков мира независимо от их родства чистую основу-корень также представляют повелительное наклонение глагола и звательная форма существительного⁵. Однако от корней слов в иноструктурных языках (как, например, в русском) корень слова в тюркских языках существенно отличается тем, что он выступает в предложении или словосочетании как самостоятельное слово, выражающее лексическое значение и грамматическую форму, характеризующие отношение лексемы к определенной лексико-грамматической категории (БМ114; ИСГТЯ IV, 83). Способность тюркских слов в своей основной форме функционировать не только в изолированном употреблении, но и в предложении является одной из важнейших черт тюркских языков (ИСГТЯ II, 72; Баскаков Вв. 106 и др.). Кроме этого, следует добавить, что тюркские корни являются не только самостоятельными лексемами, но могут быть использованы в этой же своей форме в качестве более разнообразном. Достаточно напомнить, что основной падеж в произведениях фольклора и памятниках замещает собой любой другой падеж (в том числе и винительный) (ИСГТЯ II, 57).

Учеными давно замечен факт совпадения глаголов и имен в своих основных формах, хотя попытки увязать это явление с положением о том, что корень-основа в тюркских языках несет в себе идею определенной части речи, были предприняты позже. Факты лексико-грамматического изменения без формально-морфологических обозначений этого процесса называются в зависимости от его особенностей многими терминами: безаффиксальный/безаффиксный способ словообразования/словопроизводства, словообразование с помощью нулевой аффиксации, нулевое словообразование, транспозиция и т. д.⁶ Уже одно

⁵ Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963, с. 106.

⁶ Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, 1974, № 4; Она же. Теория номинации и словообразование. — В кн.: Языковая номинация. М., 1977, с. 287—303; Лопатин В. И. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. — ВЯ, 1966, № 1; Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М., 1955, с. 166; Он же. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. — Иностранные языки в школе, 1953, № 5, с. 24; Лихтман Р. И. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском

количество этих терминов говорит о том, что данное или сходные явления могут пониматься и трактоваться по-разному в зависимости от того, какие признаки его принимаются за основные. Важность нулевой формы в системе грамматических дифференциальных признаков отмечал Т. А. Бертагаев (Бертагаев 46—47) и др.⁷ Тот факт, что «один деривационный элемент, нуль, способен выразить столько же разных значений и столь же большое их количество, сколько вся остальная система из разных суффиксов» (ЯН 290), свидетельствует о глубокой древности семантической системы слов, позднее закрепившейся или выразившейся в многочисленных морфологических показателях.

Формальные совпадения некоторых основ имен и глаголов Г. И. Рамстедт сравнивал с конверсией в некоторых индоевропейских языках, в частности в английском (Рамстедт 179). Тем не менее термин «конверсия» не отражает специфики глагольно-именной омонимии в тюркских языках. Если сущность конверсии заключается в «превращении», переосмыслении, то тюркский синкретизм, предполагая все это, включает в себя также момент преемственности, исторический аспект, отличающий это явление в тюркских языках от, казалось бы, сходного явления в некоторых индоевропейских. Так, В. Л. Котвич, отмечая сходные и различные моменты в частях речи в тюркских и индоевропейских языках, писал, что ранее различия между частями речи в индоевропейских и тюркских языках были более значительными, и только в последнее время более или менее четко начали проявляться отдельные общие черты (Котвич 65).

В литературе последних лет, особенно после изысканий Э. В. Севортыяна в области тюркского глагольно-именного оморфизма, данное явление получило название «глагольно-именная омонимия» и «синкретизм». Объясняя термины «омоним» — «омонимический» и «синкретизм» — «синкретичный», Э. В. Севортыян писал: «Первая

языке. — ВЯ, 1968, № 2; Тимофеев К. А. О так называемом «безаффиксном» способе словообразования. — Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1968, вып. 2, ч. 1 и мн. др.

⁷ Ср.: Оралбаева Н. Проблема нулевой формы и нулевого слова в грамматическом строе тюркских языков. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976, с. 141 и мн. др.

пара терминов служит квалификацией совпадающих именных и глагольных корней-основ с точки зрения современного состояния в тюркских языках. Вторая пара терминов служит квалификацией тех же совпадений на ранних ступенях истории тюркских языков» (САГ 362). Таким образом, термины «омоним» — «омонимический» представляют синхронный, а «синкретизм» — «синкретичный» — диахронический аспекты проблемы. Б. М. Юнусалиев обозначал коррелятивные глагольно-именные пары как «первичные» или «лексико-грамматические омонимы», указывая, что словом «первичный» подчеркивается распространенность данного явления на более ранних этапах развития тюркских языков (ЮКЛ I, 69). И. А. Батманов писал о синкретичных корнях, «кажущихся с точки зрения нынешнего мышления омонимами, а на самом деле представляющих из себя фундамент, из которого и выросли впоследствии имена и глаголы» (Батманов ЧРК 44—45). Глагольно-именные соответствия основ А. А. Юлдашев считает одним из сложных и неразработанных аспектов общей проблемы полифункциональности лексем (Юлдашев ПС 227—232, 250, 260—262, 264—265, 273 и др.).

Выбор моносиллабов в качестве объекта нашего исследования не случаен. Это вызвано спецификой структуры слова в тюркских языках вообще и корня-основы в частности. Строение слова, как известно, в тюркских языках менее затемнено, чем, например, в языках индоевропейских. Более того, как уже отмечалось выше, корни слов не только легко выделяются в производных словоформах, но и сами по себе являются лексемами — самостоятельными словами-типами. Тем не менее структура корня до сих пор остается камнем преткновения в тюркологии, хотя специфика строения тюркского слова показывает, что решение многих вопросов грамматики нужно начинать именно на уровне моносиллабов. Перечисляя важнейшие проблемы тюркологии, К. М. Мусаев отмечает, что «необходимо в первую очередь исследовать тюркские неразложимые корни»⁸. Это подтверждают многочисленные исследования последних лет, посвященные вопросам о понятиях «корень», «основа»⁹. Кирпичи-

⁸ Мусаев К. М. Об основных проблемах тюркской лексикологии. — Там же, с. 37—38.

⁹ Юнусалиев Б. М. Развитие корневых слов в киргизском языке.

ками, исходными словами, по мнению Дж. Клосона, в тюркских языках являются такие лексемы, из которых мы не можем вычленить суффикс, т. е. слова, не поддающиеся морфологическому членению (basic words) (Clouston TMS 135).

В 1952 г. Г. И. Рамстедт установил, что исконный исторически первичный корень был одно- или двусложным (Рамстедт 141). Год спустя, после изучения данных тюркских, монгольских и тунгусских языков В. Л. Котвич делает вывод о том, что в большинстве случаев алтайские корни были односложными, хотя В. Банг, К. Менгес, Б. Я. Владимирцов и др. считали правомерной первичность монгольских «удлиненных» форм по отношению к тюркским, якобы потерявшим свой древний гласный, или объясняли тюркские моносиллабы как результат утраты гласного из пратюркских двусложных форм. Так, по К. Менгесу, одним из свидетельств утраты конечного гласного может быть в тюркских языках долгота предшествующего слога (Котвич 36—37). Н. К. Дмитриев также считал, что «старшими являются формы с большим количеством слогов, сохранившиеся только в монгольском языке»¹⁰. В. Л. Котвич, проанализировав теорию Ф. Е. Корша, Х. Педерсена и Е. Д. Поливанова об изначальности ударения на первом слоге, сохранившегося в монгольских языках и передвинувшегося в тюркских языках на второй слог¹¹ (исходя из чего в тюркских язы-

---

Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1953; *Он же*. К вопросу о корне в киргизском и родственных ему языках. — Первая научная сессия АН КиргССР. Фрунзе, 1955; ЮКЛ I; *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954; *Хасенова А. К.* Қазақ тіліндегі туынды түбір етістіктер. Алматы, 1959; *Она же*. Глагольные основы казахского языка: (производные глаголы синтетического типа). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1960; *Хасенова А. К.* Етістіктің лексика-грамматикалық сипаты. Алматы, 1971; *Искаков А. И.* Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1964; *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979 и мн. др.

¹⁰ *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940, с. 157.

¹¹ Об этом см.: *Корш Ф.* Древнейший народный стих турецких племен. — ЗВОРАО. СПб., 1909, вып. XIX, с. 166—167; *Pedersen H.* Türkische Lautgesetze, ZDMG, 1903, LVII, S. 541; *Поливанов Е. Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. — ИАН СССР, 1927, с. 1197—1198.

как второй слог должен быть усилен, а в монгольских, наоборот, ослаблен — т. е. мы наблюдаем в действительности явление, обратное предполагаемому процессу, по этой теории), приходит к мысли, «что формы более краткие были известны уже пратюркскому языку и, наоборот, формы удлиненные, монгольские, представляют собой явление более позднее» (Котвич 36—38). Кроме того, устанавливается, что подобные «удлинения» посредством гласных и «расширения» за счет согласных «базисных» тюркских форм характерны и для тюркских дисиллабов в монгольском и иногда в чувашском языках. Положение об односложности тюркских праформ выдвигает также Ж. Дени¹². Оно принято и советскими тюркологами (САГ 71). «Можно утверждать то, что наиболее простые формы тюркского языка в период образования слов от нескольких организованных звуков, первые слова, которые создавались или устанавливались, — все являлись односложными, и что остальная часть словаря была образована путем удлинения этого первобытного запаса односложных слов», — пишет Дж. Клосон (Clauson TMS 137).

Однако несмотря на то, что тюркские корни в подавляющем своем большинстве односложны, не всякий моносиллаб представляет собой (этимологически) корень. Ср. в соответствующих словарных статьях примеры типа $art- \rightleftharpoons art < *ar- \rightleftharpoons *ar$, $bek- \rightleftharpoons bek < berik- \rightleftharpoons berik$ и т. п. Действительно, нужно быть очень осторожным в формулировке первичности односложных основ, так как многие односложные основы могут быть доказаны как производные и наоборот, как справедливо замечал Дж. Клосон, многие двусложные формы в процессе историко-этимологического анализа могут представляться неделимыми (Clauson TMS 137). Таким образом, многие омонимы синхронного среза, с точки зрения диахронической, должны распадаться на совершенно разные (и по материально-звуковому оформлению) слова, как например, $a:t$ 'имя' с долготой, восходящее к ajt ($\rightleftharpoons ajt$ 'называть', 'нарекать'), и т. п. Изолированные слоги, как устанавливает А. А. Леонтьев, поддерживая тем самым положение о

---

¹² Deny J. Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie). Paris, 1955, p. 93.

первичности моносиллабических структур, по-видимому, составляют пра-слой многих языков мира¹³.

Работа с корнями (или непроизводными основами) сопряжена с рядом трудностей. «Действительное различие между корневыми и производными глаголами состоит в том, что в последних совершенно ясно семантическое строение, характеристика действия по его орудию, форме, результату и т. д., между тем как в большинстве корневых глаголов семантическое строение, их внутренняя форма остаются скрытыми» (САГ 62, 212 и др.). По поводу семантики корневых морфем следует сказать, что корень выражает общую идею лексического значения слова (БМ 96). Т. А. Бертагаев считает, что корень вбирает в себя наиболее общее, центральное, узловое или гнездовое значение всего гомогенного комплекса дериватов (Бертагаев 17).

Решение вопроса на уровне моносиллабическом имеет принципиальный характер, так как корни слов «являются базой, определяющей отношение данного слова к той или иной части речи» (БМ 132), как принято в традиционных грамматиках. Во многих исследованиях канонизируется представление о том, что корень по своим основным характеристикам (лексическое значение и грамматическая форма) может быть только либо именем, либо глаголом. Считается, что корень уже только формально принадлежит строго определенной части речи. Зачастую авторами приводятся в качестве подтверждения такие обще- или межтюркские корни, установить синкретизм которых (даже в синхронном плане) не представляется затруднительным. Данные специального сравнительного анализа лексических пластов и помодельного членения дериватов позволяют сделать вывод о том, что глагольно-именные основы представляют собой закономерный словообразовательный феномен в истории тюркских языков, тщательное изучение которого, несомненно, прояснит некоторые моменты тюркской исторической грамматики.

---

¹³ Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963, с. 105—106.

Глава 1

Проблема корневой глагольно-именной омонимии в тюркских языках (Степень изученности и основные аспекты)

Одним из первых исследователей тюркского синкретизма по праву должен быть назван Арминий (Герман) Вамбери. Он первым выделил этимологию в самостоятельный раздел тюркологии¹. Историко-лексикологические работы венгерского ученого и особенно его известный этимологический словарь² содержат множество интересных наблюдений и межтюркских сопоставлений; в них высказывается и аргументируется ряд правомерных положений по различным аспектам исторической грамматики (в широком смысле этого слова) тюркских языков и истории языка³. Так, по мнению ученого, свидетельством того, что отточенность и лаконизм тюркских языков «существовали, судя по духу словообразования, в то древнее время, когда племя турецкое (т. е. тюркское. — Е. К.) еще не было разъединено географически и был один только турецкий язык», являются корни слов одновременно глагольного и именного характера, обнаруженные им в разных тюркских языках⁴. По этому поводу Г. Вамбери писал, что «особенно интересно было бы

¹ Севортян Э. В. Вопросы сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976, с. 47.

² Vámbéry H. Etymologisches Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.

³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 50.

⁴ В качестве иллюстрации данного тезиса автор приводил слова типа баг-тақ 'уходить, идти вперед' от баг/бог 'вперед, вперед', гаг-тақ/kit-мек 'идти назад' от қат/кет 'назад, задом', мең-мек/мін-мек 'подыматься' от таң/мең 'вверх, на' и т. п. (см.: рукописное пре-

изъяснить, в какой грамматической форме мы представляем себе основы турко-татарских языков, т. е. следует их считать глаголами или существительными, и можно ли производить эти две части речи друг от друга, как это относительно других языков то утверждают, то отрицают... Мы здесь имеем дело со значительным количеством слов, которые ни глаголы, ни существительные и по приставке суффиксов могут быть и то и другое, во многих же случаях встречаются в одном наречии с аффиксом, а в другом без аффикса в виде существительного или глагола»⁵. Как мы видим, ученый, не ограничиваясь фиксационным подходом — интерпретацией феномена омоформизма как омонимии глагольных и именных основ, — предполагал историческую реальность синкретичных корней — одновременно глагольных и именных по своей изначальной природе. По его мнению, такие коренные слова, как *qat*, *saq*, *sus*, *tap* и *tal*, «могут быть формами и существительных и глаголов, ибо *qat* значит 'ряд' и 'поставь в ряд', *saq* значит по-уйгурски 'число' и 'считать', *sus* 'спокойный' и 'успокаивать', *tap* 'след' и 'следить', *tal* 'внизу' и 'заходить, тонуть'»⁶. При написании своего этимологического словаря Г. Вамбери не сомневался в исторической реальности синкретичных корней, а также имел в виду формальную грамматическую нерасчлененность аффиксов.

О наличии таких основ в тюркских языках писал в 1899 г. П. М. Мелиоранский. В частности, он отмечал, тем самым предполагая единое происхождение именных и глагольных основ, что «в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецких (т. е. тюркских. — Е. К.) языках, как теперь», хотя «есть и теперь корни, имеющие двойное значение — глагольное и именное»⁷. Данное мнение в настоящее время разделяет большинство тюркологов⁸, хотя причи-

---

дисловие Г. Вамбери к этимологическому словарю, написанное в Будапеште 13 октября 1877 г. на русском языке за год до его выхода в свет, с. 12—13).

⁵ Там же, с. 15.

⁶ Там же, раздел № 18.

⁷ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО. СПб., 1899, вып. 2—3, т. 12, примечание № 22.

⁸ Щербак А. М. Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков. — СТ, 1975, № 4, с. 8; Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке.

ны омоформии корней имен и императивов как исторической реальности интерпретировались в работах различных ученых, начиная от Г. Вамбери и кончая новейшими исследованиями Э. В. Севортяна, А. М. Щербака, А. Т. Кайдарова и др., по-разному. Так, в 1912 г. некоторые совпадения ономатопоэтических форм глагола и имени (без соответствующей трактовки) отмечал Г. И. Рамстедт⁹. В 1916 г. В. Банг, исследуя проявления морфологического синкретизма в плане глагольно-именной нерасчлененности аффиксов словообразования, выделяет случаи образования имен посредством присоединения отыменного имяобразующего аффикса -ċi (со значением названия имени деятеля) непосредственно от глагольных основ. На основании этого он приходит к заключению, что «чистый глагольный корень» в тюркских языках восходит к «чистому субстантиву»¹⁰, т. е. предполагает именное происхождение глагола, выдвинув идею глагольного имени. Несколько лет спустя Ж. Дени обосновывает сходное положение о главенствующей роли имени в грамматическом строе тюркских языков¹¹. Однако в тюркских языках известны не только имена, образованные при помощи отыменных показателей от глаголов, но и наоборот, имена, образованные отглагольными аффиксами от имен (например, köz-egü 'лом', tum-aği 'насморк', kug-ğak 'засуха', уап-ğak 'челюсть', 'боковая сторона всякого предмета', tün-gak 'ночной сторож', töl-çek 'родящая много детей' и т. д.)¹². Последние примеры, казалось бы, если следовать логике В. Банга, свидетельствуют об обратном — о глагольном характере имени,

М., 1962, с. 425; *Он же*. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 33 и др.

⁹ *Ramstedt G. J.* Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, Helsinki, 1912, t. 28.

¹⁰ *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türkischen Sprachen. 2 Stück: Über das Verbum *al-* 'nehmen' als Hilfszeitwort. — *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse*. Jahrgang 1916, N 37; Halbband 2. Berlin, 1916, S. 918.

¹¹ *Deny J.* Grammaire de la langue turque: Dialecte Osmanli. Paris, 1920.

¹² Подробнее об именах, образованных при помощи отглагольных аффиксов -агу, -қақ, -чақ ~ -чан (обе формы восходят к *чан), -қыч, -мақ от имен, см.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 424—425.

происхождении имени от глагола, т. е. о некоем именном глаголе. Таким образом, в результате поморфемного членения ряда словоформ обнаруживаются диаметрально противоположные в грамматическом смысле моменты, как бы опровергающие друг друга. По-видимому, оба вывода (об исторической изначальности имени и о первичности глагола в эволюции частей речи) неверны, взятые в отдельности, и правильны в совокупности; все эти на первый взгляд взаимоисключающие явления являются рефлексамии синкретичности корней, их глагольно-именной неопределенности. С такой грамматической нейтральностью лексем В. Банг столкнулся позднее при работе с подражательными глаголами¹³. Специфическое значение мимем «сообщает им большую динамичность. Не случайно, что в формах подражательных имен и омонимичных с ними глаголов исследователи раньше, чем в других рядах глагольно-именных омонимов, отметили совпадение глагола и имени»¹⁴.

Глагольно-именные корреляты датский тюрколог К. Гренбек объяснял как «случайное совпадение первоначально различных слов»¹⁵, что соответствовало общепринятому в индоевропейском языкознании тех лет представлению об исторической несовместимости имен и глаголов. Г. И. Рамstedт считал, что трудно признать приоритет глагола перед именем, а совпадения основ имени и глагола относил к явлениям древнейшим, сложно объяснимым (морфологически нечленимым) и, возможно, случайным¹⁶. Вслед за В. Бангом, К. Гренбеком и Г. И. Рамstedтом регистрировал диффузные в грамматическом отношении омоформы и К. Брокельман¹⁷. В. Л. Котвич отмечал, что в алтайских языках «много

¹³ *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 2 Mitteilung: Über einige schallnachahmende Verba. — *Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse*, Berlin, 1919, N 5, S. 35.

¹⁴ *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 420.

¹⁵ *Grönbeck K.* Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, t. 1, S. 19.

¹⁶ *Ramstedt G. J.* Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, Bd. 2, Formenlehre. Helsinki, 1952, S. 192, 193; также см.: *Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957, с. 172—173.

¹⁷ *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, N 147 (d).

корней и слов, которые могут выступать без каких бы то ни было морфологических изменений даже в таких различных функциях, как именные и глагольные»¹⁸. Причем больше всего «корней и основ, выступающих в роли как существительных, так и глаголов, не имея при этом никаких морфологических элементов», по мнению автора, в тунгусо-маньчжурских языках, затем в тюркских и, наконец, меньше всего подобных корней в монгольском языке. На основании выявленных основ глагольно-именного типа¹⁹ ученый делает вывод о том, что в тунгусских языках «нет еще достаточно четкого разделения слов на части речи — нет даже разделения на существительные и глаголы... В результате исследования морфологии тунгусских языков складывается впечатление, что к каждому неизменяемому корню или основе могут присоединяться суффиксы как именные (суффиксы склонения), так и глагольные (суффиксы спряжения); например, слово *џика* может склоняться и спрягаться. В первом случае оно имеет значение имени: «трава, зеленый», а во втором — глагола: «пасться на траве». Очевидно, *џика* —

¹⁸ Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 24—25.

¹⁹ Тунгусо-маньчжурские языки: *ауа* 'дождь' ⇔ *ауа*- 'лить' (о дожде) *вопо* 'град' ⇔ *вопо*- 'падать' (о граде), *уа* 'мгла, туман' ⇔ *уа*- 'подниматься' (о тумане), *уатзи* 'вечер' ⇔ *уатзи*- 'наступать' (о вечере), *use* 'зерно, семя' ⇔ *use*- 'сеять', *ифа* 'мука' ⇔ *ифа*- 'молоть', *пагүа* 'борона' ⇔ *пагүа*- 'боронить', *охоло* 'горсть' ⇔ *охоло*- 'брать в горсть', *пица* 'терн' ⇔ *пица*- 'колоть', *qamni* 'овраг, ущелье' ⇔ *qamni*- 'стеснять, сужать', *kutule* 'слуга' ⇔ *kutule*- 'вести (коня)', *weile* 'дело, вина' ⇔ *weile*- 'делать', *dube* 'конец' ⇔ *dube*- 'кончиться', *sula* 'свободный' ⇔ *sula*- 'быть свободным', *bolуо* 'чистый' ⇔ *bolуо*- 'очищать', *aisi* 'польза, помощь' ⇔ *aisi*- 'помочь'; тюркские языки: *toi* 'праздник' ⇔ *toi*- 'насытиться', *oi* 'углубление' ⇔ *oi*- 'сделать углубление', *ас* 'голодный' ⇔ *ас*- 'голодать', *kös* 'кочевье' ⇔ *kös*- 'кочевать', *tün* 'дыхание' ⇔ *tün*- 'дышать', *qos* 'пара, парный' ⇔ *qos*- 'добавить, удвоить', *oŋ* 'правильный, соответствующий' ⇔ *oŋ*- 'удаться, иметь успех', *tit* 'полено' ⇔ *tit*- 'раскалывать'; монгольские языки: *sinzi* 'черта' ⇔ *sinzi*- 'наблюдать', *balуи* 'глоток' ⇔ *balуи*- 'выпить глоток воды', *адхи* 'горсть' ⇔ *адхи*- 'брать в горсть', *алхи* 'шаг' ⇔ *алхи*- 'шагать' и др. (Там же, с. 67—68). (П р и м е ч а н и е. В некоторых случаях *z*, *з* обозначает аффрикативное [dz].)

общее обозначение понятия «зелень», семантически конкретизирующееся только с прибавлением того или иного суффикса»²⁰. Конечно, не любой корень мог быть синкретичным, «часто тот или иной корень имел совершенно конкретный характер имени или глагола; в таких случаях между ними уже с самого начала существовало известное разграничение, а присоединение того или иного суффикса выражало это разграничение еще более ярко»²¹. Материалы тунгусо-маньчжурских и монгольских языков²² подтверждают выводы В. Л. Котвича: так, только на первую букву «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» приходится более пятидесяти синкретичных одно-, дву- и трехсложных слов. Ср. т.-ма. ај- 'помочь' ⇔ ај 'помощь', ап- 'столкнуть', 'свалить дерево', 'поставить, закинуть сеть с берега' ⇔ ап 'ловушка', ап- 'потерять сознание' ⇔ ап 'обморок', аја- 'убить зверя' ⇔ аја 'самострел', алма- 'петь' ⇔ алма 'песня', апана- 'приливать (о крови)' ⇔ апана 'багровое пятно (от прилива крови)', аңазақāп- 'осиротеть' ⇔ аңазақāп 'сирота' и мн. др. (ССТМЯ I).

Тем не менее трудно только на основании большого количества глагольно-именных основ квалифицировать эти языки как древнейшие, так как процент моносиллабов в лексическом составе тунгусо-маньчжурских языков очень незначителен, что противоречит положению о первичности односложных (алтайских) структур, которого придерживался сам В. Л. Котвич (а затем и большинство тюркологов). Явление глагольно-именной корреляции было предметом исследования алтаистов²³, хотя далеко не во всех случаях глагольно-именной характер архетипов, устанавливаемый учеными, квалифицировался как синкретизм.

²⁰ Там же, с. 65.

²¹ Там же, с. 66.

²² См., например, новейшие издания: *Lessing F. D. Mongolian-English dictionary*. Berkeley and Los Angeles, University of California press, 1960; Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975—1977, т. 1, 2.

²³ *Мусаев К. М.* О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — *ALTAICA. PIAC. XIX*. Helsinki 1977, p. 197—204; Проблема общности алтайских языков. Л., 1971; Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972; Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979 и т. д.

Более полно изучена глагольно-именная омонимия (или синкретизм корней) в тюркских языках²⁴. Ряд исследователей рассматривал это явление как одно из наиболее ярких проявлений общей неразграниченности, динамичности тюркских частей речи, что весьма правомерно требует более внимательного изучения взаимозависимости способов словообразования, уровня грамматического развития и степени устойчивости частей речи как в синхронных, так и в диахронических срезах. Объективный анализ глагольно-именных коррелятов немислим без тщательной корректировки фактических данных (и их на первых порах гипотетической интерпретации) с определенными моментами эволюции частей речи, некоторые проблемные вопросы классификации (и изучения критериев дифференциации) которых, в свою очередь, могут быть прояснены лишь в связи с учетом тюркского синкретизма — одного из важных словообразовательных приемов древних эпох. Приведем в этой связи слова Э. В. Севортыяна, носящие в известном смысле программный характер: «Историческое изучение словообразования в тюркских языках показывает, что на всех этапах своей эволюции оно находится в определенном соответствии и внутренней связи с уровнем грамматического развития тюркских языков. В отношении лексики уровень грамматического развития определяется состоянием дифференциации частей речи. Принципиально разным состояниям частей речи соответствуют неодинаковые способы словообразования. И наоборот, в неоднородном состоянии словообразования исторически отражаются разные уровни развития частей речи в тюркских языках»²⁵.

---

²⁴ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык: Фонетика и морфология: Части речи и словообразование. М., 1952, ч. 2, с. 162—163, 178, 205, 312 и т. д.; *Он же*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, с. 149—158, 172 и др.; Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, § 311—312; Шербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 128—130, 193—198; *Он же*. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977, с. 21 и др.

²⁵ Севортыян Э. В. Об «Этимологическом словаре тюркских языков». — ВЯ, 1971, № 6, с. 78.

Изучение тюркского синкретизма в связи с историей формирования и некоторыми грамматическими особенностями тюркских частей речи

Природу глагольно-именной омонимии, как мы писали выше, можно раскрыть только в связи с некоторыми аспектами грамматики тюркских языков, в частности с историей формирования, классификацией и критериями разграничения тюркских слов на лексико-грамматические, парадигматические классы — части речи. Теоретическая классификация последних, исследование процесса их становления являются «одной из кардинальных и вместе с тем труднейших проблем языка. В ней, как в фокусе, концентрируются все сложнейшие вопросы отношения не только словарного состава языка (лексики) и грамматического строя (морфологии и синтаксиса), но и более общих категорий языка и мышления, содержания и формы, бытия и сознания»²⁶.

Рассматривая глагольно-именную корреляцию, А. Н. Кононов отмечал, что «древнейшее состояние глагольных основ представляет особый интерес в связи с проблемой разграничения имени и глагола как самостоятельных частей речи»²⁷. Изучение данной проблемы связано с решением ряда лексических, морфологических и синтаксических вопросов²⁸.

Фундамент теории частей речи в тюркских языках заложили А. К. Казем-бек, О. Н. Бетлингк, В. В. Радлов, авторы «Грамматики алтайского языка»²⁹, которая, по словам Н. К. Дмитриева, «долгое время являлась образцом для всех последующих грамматик по тюркским языкам»³⁰, в частности для грамматики П. М. Мелиоранско-

²⁶ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык..., с. 147.

²⁷ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, с. 79.

²⁸ Вопросы теории частей речи. Л., 1968.

²⁹ Казем-бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839; Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1848—1851, t. 1—2; Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — Записки ИАН, 1906, т. 7, сер. 8; Он же. Die jakutischen Sprache in ihrem Verhältnisse zu Türksprachen. SPb., 1907; Вербицкий В. И., Ильминский Н. И., Невский М. А. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

³⁰ Библиографический словарь отечественных тюркологов. М., 1974, с. 138.

го³¹. Классификационная схема, выработанная данными учеными, была поддержана зарубежными тюркологами³². Важную роль в усовершенствовании традиционной схемы распределения слов на части речи сыграли грамматики советского периода³³. В середине 30-х гг. А. К. Боровковым была предложена трактовка тюркских частей речи³⁴ «в русле общих представлений о данном предмете в советском языкознании»³⁵, принятая позже многими учеными. Н. К. Дмитриев и И. А. Батманов выдвигают новую классификацию — разделение слов на грамматические формы на основе их функциональной роли: имена (склоняемые), глаголы (спрягаемые) и неизменяемые (несклоняемые и неспрягаемые) слова³⁶. В последующие годы этот вопрос разрабатывали Э. В. Севортян, А. И. Искаков, Б. О. Орузбаева, П. И. Кузнецов, Ф. Р. Зейналов, З. М. Валиуллина и мн. др.³⁷

³¹ Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка: Фонетика и этимология. СПб., 1894, ч. I.

³² Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. Heidelberg, 1918; Denny J. Grammaire de la langue turque. Paris, 1920; Grönbech K. Der türkische Grammatik. Berlin, 1917; Németh J. Türkische Grammatik. Berlin, 1917.

³³ Самойлович А. Н. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925; Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М., 1928; Поливанов Е. Д. Краткая грамматика узбекского языка. Ташкент, М., 1926; Боровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935; Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.; Л., 1941; Он же. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956; Поцелуевский А. П. Руководство для изучения туркменского языка с приложением краткого туркменско-русского словаря. Ашхабад, 1929; Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940; Он же. Каракалпакский язык. Ч. 2...; Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940 и т. д.

³⁴ Боровков А. К. Части речи в тюркских языках. — В кн.: Тезисы к докладом на сессии ЛНИЯ. Л., 1936, с. 10—11; Он же. О частях речи в тюркских языках. — Революция и письменность, 1936, № 2.

³⁵ Севортян Э. В. Вопросы грамматики в советской тюркологии. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 310.

³⁶ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940; Он же. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948; Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936; Он же. Грамматика киргизского языка. Фрунзе, Казань, 1939—1940, вып. I—III; Он же. Части речи в киргизском языке. — ВЯ, 1955, № 2.

³⁷ Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 188—225; Ыскаков А. Ы. Қазақ тіліндегі сөздерді таптастыру туралы. — Халық мұғалімі, 1950, № 9, 10; Искаков А. И. О классификации частей

Однако несмотря на все это, вопросы связи значения и назначения слова, т. е. его семантики и грамматической функции, о распределении лексем на части речи на основе определенного понимания названных аспектов их бытования для тюркских языков все еще остаются открытыми³⁸. Дело осложняется тем, что «каждая часть речи в тюркских языках, — как замечает Н. А. Баскаков, — может выступать в качестве любого члена предложения, и каждый член предложения может быть выражен любой частью речи»³⁹. Кроме этого, приходится учитывать, что первые грамматики тюркских языков разрабатывались в основном по образцу грамматик классических языков. Для начального периода изучения тюркских языков это следует признать вполне закономерным, так как для углубления в существо предмета нужно было иметь достаточное количество необходимого материала⁴⁰. Тем не менее выражение в единых грамматических формах различных значений может восприниматься по-разному в зависимости от того, изучаются ли те или иные категории данного языка исходя прежде всего из его собственной специфики или в сравнении с другим иноструктурным языком. Здесь мы сталкиваемся с так называемой проблемой «опоры на родной язык», имеющей принципиальное значение при сравнительно-сопоставительных штудиях разных грамматических явлений в

речи в казахском языке. — В кн.: Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1952, с. 117—133; *Он же*. Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1964; *Он же*. Принципы классификации слов по частям речи в казахском языке. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976, с. 133—135; *Орузбаева Б.* Глагол как часть речи в киргизском языке. — Труды киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1952, вып. 3; *Кузнецов П. И.* О принципах выделения частей речи: (на материале турецкого и русского языков). — В кн.: Сборник трудов по языкознанию. М., 1957, № 1; *Зейналов Ф. Р.* Традиционная классификация частей речи в тюркских языках. Баку, 1957; *Он же*. Принципы классификации именных частей речи: (на материале азербайджанского языка). Баку, 1960; *Валиуллина З. М.* К вопросу о классификационных принципах частей речи. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976, с. 121—123.

³⁸ *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология..., с. 43.

³⁹ *Там же*, с. 44, 136; см. также: *Ширалиев М. Ш.* О синтаксической функции частей речи. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 176.

⁴⁰ *Котвич В. Л.* Исследование по алтайским языкам..., с. 23—24.

различных языках. Опора на родной язык — это прежде всего выведение всех результатов анализа фактов родного языка из его природы и специфики, глубинное и неформальное сопоставление явлений из разных языков⁴¹.

Но во многих тюркских грамматиках выявляется иное отношение к решению данной проблемы, в результате чего многие «традиционные взгляды русских грамматистов, канонизированные в научных академических грамматиках и перенесенные в практику классификации частей речи в тюркских языках, далеки от действительного реального их соотношения, а главное, весьма несовершенны и противоречивы»⁴². О механическом перенесении основных положений традиционной индоевропейской грамматики и восточной (арабской) филологии в тюркологию как о негативном явлении писал А. И. Исаков⁴³ и др. «Видеть в известном языке без дальнейших количественных категорий другого языка не научно, — читаем у И. А. Бодуэна де Куртенэ, — наука не должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав»⁴⁴.

Одной из важнейших грамматических особенностей, отличающих тюркские языки от индоевропейских, В. Г. Егоров считал диффузность частей речи, морфологическую нерасчлененность имен и глаголов в тюркских языках (resp. алтайских): «Части речи не успели здесь окончательно выделиться, обособиться, так сказать, окристаллизоваться и грамматически оформиться, как в некоторых индоевропейских языках»⁴⁵. По мнению ученого, «все это говорит за то, что схема построения грамматики, принятая в индоевропейских языках, не вполне пригодна для алтайских языков. Здесь должна быть выработана своя схема»⁴⁶.

⁴¹ Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков. — Филологические науки, 1960, № 1, с. 4; Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969, с. 254.

⁴² Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология..., с. 44.

⁴³ Исаков А. И. Принципы классификации слов по частям речи в казахском языке..., с. 133.

⁴⁴ Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. СПб., 1871, с. 26.

⁴⁵ Егоров В. Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, с. 42.

⁴⁶ Там же, с. 42—43.

В тюркских языках, как и в подавляющем большинстве языков мира ⁴⁷, слова распределяются на две основные группы: имена и глаголы. Об этом писал в 1922 г. Е. Д. Поливанов: «Изменяемые части речи делятся... на глаголы и на обширный класс имен» ⁴⁸. К такому же выводу (развивая положение Ж. Дени) пришел Л. Базен ⁴⁹. Дж. Клосон тюркские корни, называемые им исходными или «базовыми словами», так же распределяет на два основных класса: имена (не глаголы) и глаголы ⁵⁰. Это положение принято многими тюркологами ⁵¹. С учетом того, что все имена в тюркских языках восходят к субстантивам ⁵², можно в парахроническом аспекте все соотношения частей речи условно свести к двум основным: имена существительные и глаголы. Принято определять значение существительных как отдельной части речи «предметностью», «субстанциональностью» ⁵³, хотя они могут обозначать и действия, состояния, процессы, свойства, качества, отношения между предметами и т. д. Считается, что такие существительные выражают действие как субстанцию, нечто самостоятельно существующее, а не как признак предмета. Но понятия «действие», «процесс», «состояние» входят в категорию признака. Во многих лингвистических теориях глагол и имя прилагательное объединяются в одну категорию; и глагольность, таким образом, понимается в них как категория представления признака предмета через его действие ⁵⁴. С другой стороны, в любом языке есть глагольные лексемы, совмещающие в пределах одно-

---

⁴⁷ См., например, в индоевропейских: *Вандриес Ж.* Язык: Лингвистическое введение в историю. М., 1937, с. 116.

⁴⁸ *Поливанов Е. Д.* О принципах построения турецкой грамматики. — Наука и просвещение. Ташкент, 1922, № 1, с. 12.

⁴⁹ *Bazin L.* Structures et tendances communes des langues turques. — In: *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, 1959, t. 1.

⁵⁰ *Clauson G.* Turkish and mongolian studies. London, 1962, p. 135.

⁵¹ См.: *Искаков А. И.* Принципы классификации слов по частям речи в казахском языке..., с. 134 и мн. др.

⁵² *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология..., с. 39—40.

⁵³ *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке. — В кн.: *Русская речь.* Новая серия. Л., 1928, ч. 2, с. 5—27; *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938; *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947 и мн. др.

⁵⁴ *Lakoff G.* Irregularity in Syntax. New York, 1970, p. 10. — Цит. по кн.: *Языковая номинация.* М., 1977, с. 67, 69.

словной номинации действия сигнификат и денотат знака⁵⁵.

Еще в Древней Греции, стремясь установить изоморфизм между языком и мышлением, Аристотель противопоставлял такие грамматические категории, как имя (предмет мысли, субъект) и глагол (логическое сказуемое; то, что говорится об этом предмете)⁵⁶. Попытки снять такую односторонность привели к изменению формулировок: имя изображает понятие, глагол—мысль⁵⁷,— что по сути дела не изменило положения вещей. Особенно сложно интерпретировать или применять понятия имени и глагола при изучении фактов живого языка, где подобное разделение является условным⁵⁸. В тюркских языках, где количество односложных синкретичных корней насчитывается сотнями, этот вопрос приобретает наибольшую остроту. Как мы отмечали выше, в тюркологии были известны случаи возведения глагола к имени или наоборот, что соответствовало традиционному в индоевропейском языкознании представлению о несовместимости имени и глагола. Тем не менее в тюркских— и шире в алтайских—языках обнаруживаются абсолютно идентичные глагольные и именные основы, в которых первичность одной из них по отношению к другой установить невозможно, вследствие чрезвычайной древности корней и их аффиксов⁵⁹.

Подробно изучив некоторые отличительные черты частей речи в алтайских и индоевропейских языках, В. Л. Котвич предположил, что подобная формальная невыраженность глаголов и имен в алтайских языках является реликтом былого аналитизма, когда корень находил окончательное грамматическое определение в структуре предложения. Со временем, в результате языкового развития «между ними постепенно возникала «демаркационная линия», главным образом за счет эле-

⁵⁵ Языковая номинация..., с. 54.

⁵⁶ Керт Г. М. К вопросу о взаимоотношении языка и мышления. — В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 32.

⁵⁷ Уфимцева А. А. Лексическая номинация: (первичная нейтральная). — В кн.: Языковая номинация..., с. 66.

⁵⁸ *Marinet A. Eléments de linguistique générale.* 2 ed. Paris, 1961. — Цит. по кн.: Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 39 (примечание № 36).

⁵⁹ Рамstedt Г. И. Введение в алтайское языкознание: Морфология..., с. 171—172.

ментов морфологических»⁶⁰, хотя, как полагал автор, в алтайских языках «еще не произошло окончательного разграничения частей речи»⁶¹.

Несмотря на обилие литературы, посвященной изучению тюркских частей речи, до сих пор одним из спорных моментов в тюркской грамматике является вопрос об установлении строгих критериев распределения слов по частям речи⁶². При выделении частей речи важно учитывать синтаксические функции слова⁶³, так как в тюркских языках от нее генетически производна категориальная принадлежность лексемы⁶⁴. Более того, в тюркских языках при определении части речи того или иного слова зачастую лексико-семантические и морфологические факторы «оказываются либо недостаточными, либо ненадежными»⁶⁵ по сравнению с местом слова в предложении, являющимся его надежным грамматическим маркером; поэтому свое последнее уточнение слово находит в структуре предложения или даже в связи с несколькими предложениями⁶⁶. Отмечая, что в индоевропейских языках за счет грамматического оформления изолированное слово довольно четко определено, тогда как в языках другого типа отдельное слово, не имеющее грамматического оформления, способно обозначать несколько значений, Г. П. Мельников справедливо указывает, что в последнем случае (особенно в изолирующих языках) слово, которое в отдельном употреблении может вызвать целую цепь смысловых ассоциаций, в предложе-

⁶⁰ Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 65.

⁶¹ Там же, с. 24.

⁶² См., например: Исакаев А. И. Принципы классификации слов по частям речи в казахском языке..., с. 133.

⁶³ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 64; Баскаков Н. А. Двойственная природа частей речи: (на материале тюркских языков). — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов: Тезисы докладов. Л., 1965, с. 39—41.

⁶⁴ Баскаков Н. А. Двойственная природа частей речи..., с. 173, 216.

⁶⁵ Ширалиев М. Ш. О синтаксической функции частей речи. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 176.

⁶⁶ Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956, ч. 2, с. 317; Он же. Категория сказуемости. — Там же, с. 16 (здесь синтаксический способ словообразования признается наиболее древним).

нии, в контексте, в совокупности с другими лексемами достаточно конкретизируется и «семантическое поле всех понятий, представленных словами, оказывается столь четко очерченным, и взаимосвязь между понятиями столь явно выраженной, что структура взаимодействия элементов и их функций в описываемой предложением внеязыковой ситуации предстает во всей полноте»⁶⁷. Если за одним словом признается способность выражать несколько понятий, то следует согласиться также с тем, что не всякое различие в содержании фиксируется различием формы, т. е. мы вынуждены признать, что одна форма может быть использована для выражения нескольких значений. Кажущаяся неувязка вызвана не противоречивостью объекта, а неточностью определения в данном случае формы в связи с лексической семантикой. «Противоречие существует, если под формой лексического значения понимать только звуковую оболочку основы слова», что не совсем верно, так как средством выявления значений, как правило, «наряду с фонетической оболочкой самого слова служит его контекстуальный указательный минимум, без которого слово не может раскрыть своего содержания»⁶⁸.

Несмотря на то, что здесь рассматривается в основном вопрос о появлении у слова дополнительных значений и употреблений, в некотором смысле все вышесказанное применимо и к нашей ситуации. О важной роли синтаксической функции при определении частеречной принадлежности слова писали многие тюркологи. Так, В. Г. Егоров подчеркивал ведущую роль определенной последовательности, или порядка, слов в предложении как основного средства выражения конкретных грамматических отношений, без которого невозможна коммуникация. В древности место слова в предложении было исключительно его грамматическим маркером, хотя «и теперь, как и в доисторические времена, грамматическая, вернее морфологическая, природа слова в алтайских языках почти всецело определяется его синтаксической функцией. Нередко здесь одна и та же грамматическая форма в разных словосочетаниях может иметь зна-

⁶⁷ Мельников Г. П. Кибернетический аспект различения сознания, мышления, языка и речи. — В кн.: Язык и мышление, с. 236—237.

⁶⁸ Кузнецова Э. В. Полисемия и ее отношение к слову и понятию. — Там же, с. 211.

чение и существительного, и прилагательного, и наречия, и послелога, и даже глагола»⁶⁹. Подробнее этот момент был освещен в трудах советских ученых, которые мы рассмотрим ниже.

Таким образом, некоторые принципиальные аспекты изучения проблемы глагольно-именной корреляции или тюркского синкретизма, а также отдельные направления поиска были определены тюркологами предшествующих поколений. Активное изучение названного феномена следует полностью отнести к советскому периоду.

Вопросы истории и теории тюркского синкретизма, разработанные советскими учеными

Изучение тюркского синкретизма в советский период — важнейший этап в разработке проблемы. Труды Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, А. Н. Кононова, Э. Н. Наджиба, Б. М. Юнусалиева, И. А. Батманова, А. М. Щербака, К. М. Мусаева, А. Т. Кайдарова и, особенно, Э. В. Севортына позволили говорить о глагольно-именных основах как об объективном лингвистическом факте, сыгравшем немаловажную роль в истории словообразования тюркских языков. Историческая реальность таких слов принималась во внимание в трудах по отдельным тюркским языкам, этимологических и исторических словарях и типологических исследованиях в области грамматики всех тюркских языков или некоторых их групп.

Как считает Н. А. Баскаков, в древности существовала нерасчлененная категория имен-глаголов типа каракалпакских *юй* 'дом' и 'собрат в кучу', *той* 'пир' и 'насыщаться', к которой восходят исторически все корневые и производные глаголы⁷⁰. В составе лексики каракалпакского языка он отмечает неполно разграниченные на части речи слова (такие глагольные корни, которые «сохранили еще следы слабой дифференциации с корнями имен и употребляются в современном языке как в

---

⁶⁹ Егоров В. Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, с. 42—43.

⁷⁰ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, ч. 2 ... , с. 162—163.

глагольном, так и в именном значении»); к ним ученый относил корневые слова типа *ой-* 'долбить, углублять' ⇔ *ой* 'яма, углубление' и дериваты типа *к̣тарры-* 'стариться' ⇔ *к̣тарры* 'старик', 'старый' и т. п.⁷¹ Большая же часть гомогенных глагольных и именных основ, по мнению автора, претерпев всевозможные фонетико-семантические преобразования, настолько видоизменилась в современном языке, что они воспринимаются как омонимы, в то время как этимологически являются единими по своему происхождению, ср., например, *к̣быз-* 'гореть, набирать жар' и *к̣быз* 'девушка'⁷². В «Историко-типологической морфологии тюркских языков» Н. А. Баскаков уделяет анализу структуры корневых морфем большое внимание: им выделен и объяснен ряд глагольно-именных основ типа *ög-* 'думать, размышлять' ⇔ *ög* 'разум, мысль', *şuq-* 'отсыреть, намочить' ⇔ *şuq* 'влажность, сырость, влага', 'роса', *jij-* 'шить' ⇔ *jij* 'шов' и т. д.⁷³ Такие соответствия, как считает ученый, были более представлены на ранней стадии развития тюркских языков, когда последние имели близкую к изолирующим языкам типологическую структуру, выражающуюся в том, что функции морфологических показателей в словах выполнялись грамматически значимыми сочетаниями изолированных слогов — корневых морфем⁷⁴.

А. Н. Кононов в разделе «Первообразные (коренные) основы» своей грамматики узбекского языка приводит два типа корней, из которых первый составляют синкретичные глагольно-именные формы, функционирующие в значении имени (существительного ~ прилагательного) и основы глагола (2 л., ед. ч., повелительного наклонения), например: *тўй* 'пир' ⇔ *тўй* 'насыщаться', *уй* 'дом' ⇔ *уй* 'складывать', *қари* 'старый, старик' ⇔ *қари* 'стареть', *қўш* 'двойной, парный' ⇔ *қўш* 'соединять', *шиш* 'опухоль' ⇔ *шиш* 'опухать', *тик* 'прямой', 'отвесный' ⇔ *тик* 'втыкать' и т. п., а второй — основы, употребляющиеся

⁷¹ Там же, с. 178, 205, 312.

⁷² Там же, с. 312 (об этом слове см. в перечне синкретичных корней).

⁷³ Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: (Структура слова и механизм агглютинации). М., 1979, с. 141—187.

⁷⁴ Там же, с. 172.

только в глагольных или именных значениях и уже утратившие былой синкретизм⁷⁵.

А. М. Щербак совершенно верно замечает, что число тюркских корней, выступающих в качестве и глагольных и именных основ, «было некогда более значительным и что по мере приближения к нынешнему состоянию оно уменьшалось вследствие явно выраженной тенденции грамматического «прояснения», в результате чего один и тот же корень в разных языках имеет нетождественную семантику: в одном он синкретичен, в другом сохраняет в себе лишь глагольное значение, в третьем языке употребляется в качестве именной основы. Там же приводятся синкретичные корни: кирг. *jan* 'бок' и 'подходить с боку', *baj* 'богатый' и 'богатеть', азерб. *dad* 'вкус' и 'пробовать', 'вкушать', тур. *an* 'сознание, мысль' и 'вспоминать', алт. *kat* 'ряд, слой' и 'складывать', тур. *tün* 'вечер, ночь' и 'темнеть, смеркаться' и т. д.⁷⁶ В списке общетюркских односложных реконструированных слов А. М. Щербак выделяет 44 глагольно-именные основы пратюркского среза, например: *šiš* (~ *šis*) 1) 'опухоль', 2) 'опухать'; *y* 1) 'мелкий', 2) 'тереть', 'растирать'; *tüt* 1) 'дым', 2) 'дымить'; *tü* 1) 'ровный, прямой', 2) 'накладывать, устраивать'; *tū* 1) 'вёрша, морда', 2) 'закрывать, загораживать, запруживать'; *tam* 1) 'капля', 2) 'капать'; *šik* 1) 'плотный, частый', 2) 'давить, жать' и др.⁷⁷

В 1936 г. И. А. Батманов, выделяя две схемы — «схему А. Н. Самойловича, положенную в основу построения его «Краткой учебной грамматики османско-турецкого языка», охватывающую категории форм по их функции или по типам образований» и схему некоторых практических грамматик, созданных по подобию русской грамматики Шапиро, «совершенно непригодной для описания языковых фактов турецких (здесь и ниже — то же, что и тюркских. — Е. К.) (агглютинативных) языков», — писал, что в русском и тюркских языках эволюция частей речи протекала совершенно различными путями, в результате чего в тюркских языках процесс окостенения

⁷⁵ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, с. 245—246, 258.

⁷⁶ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 129. См. также: *Он же*. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977, с. 21.

⁷⁷ Щербак А. М. Сравнительная фонетика ..., с. 193—198.

форм еще не закончился, как например, в русском языке, «и неизвестно еще, возникнет ли в этом особая необходимость, так как наличие окостеневших форм отнюдь не может рассматриваться как достоинство языка»⁷⁸. И. А. Батманов отрицательно относился к тому, что некоторые грамматисты одну и ту же форму трактуют и как имя (существительное или прилагательное) и как глагол, «тогда как в самом деле, эта форма еще не окостенела и относится к «промежуточной» части речи, видоизменяя свое значение в зависимости от позиции в предложении». По его мнению, такой подход создавал ложное представление о природе родного языка и его законах, так как в тюркских языках значение слова может быть установлено не только и не столько по его форме, сколько по его позиции, определенному месту лексемы в предложении⁷⁹. В любом языке нужно уметь различать кроме признаков одной стадии зачатки последующих и пережитки предыдущих стадий развития, считает ученый, и в числе реликтовых явлений приводит ряд глагольно-именных основ, иллюстрирующих «отложения доисторического тождества имени и глагола»: *toj-* 'пировать' ⇔ *toj* 'пир', *köç-* 'кочевать' ⇔ *köç* 'кочевье', *iç-* 'пить, принимать внутрь' ⇔ *iç* 'внутренность', 'середина', 'нутро', *oj-* 'углублять' ⇔ *oj* 'углубление, низина' и т. п.⁸⁰ Такие слова отражают древнейший полисемантизм, хотя, конечно, далеко не все случаи движения лексической семантики по пути ее сужения или расширения представляют собой рефлекс многозначности корней в вышеуказанном смысле⁸¹.

Таким образом, традиционное разграничение основ на именные и глагольные может полностью быть принято

⁷⁸ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке: (материалы к стандартной схеме морфологии киргизского языка). Фрунзе, 1936, с. 3.

⁷⁹ Там же, с. 4.

⁸⁰ Он же. Категория времени сказуемого в современных турецких языках: (генезис представлений и употребление форм). — В кн.: Сборник научных трудов. Ташкент, 1934, т. 1, вып. 2, с. 18—66; Он же. Об элементах диффузности и основных пережиточных явлениях в категории имени по материалам турецких языков. — Там же, с. 75—84; Он же. Части речи в киргизском языке: (материалы к стандартной схеме морфологии киргизского языка). Фрунзе, 1936, с. 9, 15—16 и др.

⁸¹ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке..., с. 9—10.

только по отношению к современному состоянию тюркских языков; и факты «той стадии языкотворческого процесса, когда существовала как бы единая часть речи, т. е. в сознании было полное безразличие к разграничению субъекта, объекта, продукта и процесса действия, а отсюда и полное безразличие к частям речи или отсутствию формального выражения их, поскольку не было надлежащего содержания», носят несомненно реликтовый характер. И несмотря на то, что «в современных турецких языках мы имеем ограниченное количество основ, не имеющих стабильного (именного и глагольного) значения, тем не менее, для полноты представления о грамматических категориях современного киргизского языка и других тюркских языков, необходимо учитывать это положение, и со всей определенностью нужно сказать, что процесс стабилизации основ (по категориям глагола или имени) в указанных языках окончательно еще не завершился; следовательно, не всегда еще можно провести резкую грань между именем и глаголом», — пишет И. А. Батманов⁸². Эволюцию таких синкретичных основ или процесс их стабилизации автор понимал в виде двух этапов, или типов, первый из которых представлял собой собственно глагольно-именные корни, а второй состоял из трех пластов: а) именные; б) глагольные, в) сохранившие диффузный характер. Последний пункт «в» представляет собой отголосок состояния, породившего «пункты «а» и «б», развившиеся лишь впоследствии в именные и глагольные основы (в современном понимании их)». Подводя итоги в своем исследовании частей речи в киргизском языке, И. А. Батманов формулирует несколько выводов, вполне приложимых и к другим тюркским языкам. В частности, отмечается, «что во многих случаях резкие смысловые и формальные грани между частями речи отсутствуют», что находит свое наглядное подтверждение в существовании в языке «пережиточного пласта — нестабилизовавшейся категории или промежуточной части речи, отроги которой, в процессе дифференциации, дали окостеневшие уже категории». Таким образом, «наличие пережитков особой, промежуточной части речи уживается с прогрессивными, стабилизовавшимися категориями, сосуществующими с ней»⁸³.

⁸² Там же, с. 15—16.

⁸³ Там же, с. 20, 43.

Категориальную двойственность тюркских слов, как известно, относил к пережиточным явлениям вслед за И. А. Батмановым и В. М. Жирмунский⁸⁴. Более подробно останавливался на этом вопросе Н. К. Дмитриев, неоднократно повторявший, что тюркские части речи совершенно не похожи на части речи в русском языке, так как в первых части речи еще не «стали на свои места», не вполне еще грамматически оформились, в результате чего можно выделить лексический пласт слов, «которые по существу не вмещаются в рамки одной какой-нибудь части речи, а представляют какие-то переходные величины между двумя или даже тремя категориями», как, например, формы существительных-глаголов или глаголов-существительных, существительных-прилагательных или прилагательных-существительных, прилагательных-наречий и даже в некоторых случаях «тройных» образований: существительных-прилагательных-наречий и наречий-прилагательных-существительных, причем «исходный пункт во всех этих случаях определяется семантикой отдельного слова — лексемы, а грамматическое развитие этого слова прослеживается по его синтаксической функции в предложении»⁸⁵. Там же приводятся примеры типа *iç*- 'принимать внутрь', 'пить' $\rightleftharpoons$ *iç* 'нутро', 'внутренность' и др. По этому поводу М. Ш. Ширалиев пишет, что следует признать правомерной такую интерпретацию синтаксической функции как акт трансформации части речи в другую часть речи, а не в член предложения⁸⁶.

Н. К. Дмитриев подразделял части речи в тюркских языках на две группы: «переходящие» (I) и стабилизовавшиеся части речи (II). Явления смещений (I группа) некоторые морфологи объясняют тем, что слово одной и той же части речи употребляется в разных синтаксических функциях (прилагательное и то же прилагательное, но уже в функции наречия и т. п. случаи). Другие считают, что в разных употреблениях мы имеем

⁸⁴ Жирмунский В. М. Развитие категорий частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками. — Изв. АН СССР, 1945, № 4, вып. 3—4, с. 118 и др.

⁸⁵ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 27 и др.; См. также: Он же. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 81.

⁸⁶ Ширалиев М. Ш. О синтаксической функции частей речи. — В. кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 177.

ному повторению дериватами значения односложных корней, лежащих в их основе. Так, взамен архаизированных *жаш*- 'прятать' и *жаш* 'спрятанный, скрытый, тайный' появляются *жашыр*- 'прятать' и *жашырын* 'скрытый, тайный', вместо *тут*- 'дымить' и *тут* 'дым' современные *түте*- 'дымить' и *түтүн* 'дым' и т. п. Указанный процесс словоразвития протекал медленно, на отдельных этапах морфо-семантического движения гомогенных рядов могли временно сосуществовать поздние и ранние формы, как например современные киргизские *муң*- 'печалиться' наряду с *муңай*- в том же значении⁹¹. Как мы видим, Б. М. Юнусалиев также относил глагольно-именную корреляцию или омонимию к явлениям архаичным, пережиточным, постепенно выветривающимся из языка.

К. Аханов, исследовавший все случаи звукового совпадения лексем в казахском языке, также выделял некоторые глагольно-именные соответствия типа *toj*- $\rightleftharpoons$ *toj*, *toң*- $\rightleftharpoons$ *toң*, *köç*- $\rightleftharpoons$ *köç*, *ajtıs*- $\rightleftharpoons$ *ajtıs*, *kiris*- $\rightleftharpoons$ *kiris*, *ajqas*- $\rightleftharpoons$ *ajqas*, *ugus*- $\rightleftharpoons$ *ugus* и т. д.⁹²

Следует заметить, что большинство тюркологов ограничивалось лишь указаниями на отдельные совпадения форм имени и глагола, что исключало возможность проведения широких аналогий и не позволяло выработать единое мнение о природе и специфике тюркского синкретизма на уровне корневых слов.

Наиболее полно и всесторонне явление тюркского синкретизма было освещено в главе «Древнейшее состояние глагольных основ» Э. В. Севортьяном, в которой были подробно разработаны вопросы о природе и источниках синкретизма, отношениях компонентов в глагольно-именных парах, формах бытования и мн. др.⁹³ Историческую

⁹¹ *Он же*. Киргизская лексикология..., с. 12—13.

⁹² Аханов К. Тіл білімінің негіздері. Алматы, Мектеп, 1978, 113—114, 117—118-б.; См. также: Аханов К. Қазақ тіліндегі омонимдер. Алматы, 1958.

⁹³ Севортьян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, с. 359—447; См. также: *Он же*. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — В сб.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952, с. 330—340; *Он же*. Аффикальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1957; *Он же*. О некоторых вопросах глагольного словообразования в тюркских языках. — Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. М., 1957, с. 147—170.

реальность древнейшей дописьменной словообразовательной модели «имя — глагол» наглядно демонстрируют материалы двух томов «Этимологического словаря тюркских языков»⁹⁴, регистрирующие большое количество реконструируемых синкретичных корней-основ. Э. В. Севортян обобщил опыт многих тюркологов, не ставивших перед собой цели изучать именно глагольно-именную корреляцию в тюркских языках, но в своих работах, так или иначе ее трактовавших.

После выхода работ Э. В. Севортяна тюркологи все чаще стали обращать внимание на проблему глагольно-именной корреляции. Так, глагольно-именные совпадения корней и дериватов рассматриваются А. А. Юлдашевым в русле неразграниченности частей речи вообще, их взаимопереходов и смешанных типов (существительное-прилагательное, существительное-наречие, существительное-прилагательное-наречие, имена-глаголы и др.). При этом ученым это явление трактуется как один из самых сложных и неразработанных вопросов полифункциональности, как наиболее трудный аспект относительной диффузности тюркских частей речи⁹⁵. Ученый совершенно справедливо отмечает, что «осмыслением накопленных сведений с точки зрения семантического единства и тождества полифункциональных лексических и морфологических единиц тюркологи занимаются меньше всего. Основательного исследования этого вопроса до сих пор нет. Были и есть лишь весьма противоречивые, порою взаимоисключающие воззрения на этот счет, требующие обоснования и отражающие самые различные лингвистические концепции, начиная от логико-функциональной теории грамматики и кончая теорией формальной грамматики». А. А. Юлдашев так же считает теорию о том, что синкретичность форм «отражает былую неопределенность или диффузность их категориальных свойств», вполне реальной⁹⁶.

⁹⁴ Севортян Э. В. *Этимологический словарь тюркских языков*. М., т. 1, 1974; т. 2, 1978. См. также: *Он же*. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков» (обще- и межтюркские основы). М., 1966; *Он же*. Об «Этимологическом словаре тюркских языков». — ВЯ, 1971, № 6, с. 74—88 (см. подпункт «Глагольно-именные корни») и др.

⁹⁵ Юлдашев А. А. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972, с. 227—228, 230 и др.

⁹⁶ Там же, с. 235.

Э. Н. Наджип, обнаруживая синкретичные лексемы в памятниках «Хосрау и Ширин», «Сирадж ал-Кулуб», «Ettuhfet-üz-Zekiyye fi-l-lûgat-it-Türkiyye», «Kutadgu bilig», «Мукаддимат ал-адаб», у Сейфа Саран, Махмуда Кашгари, Абу-Хайяна, Шейха Сулеймана, Ибн аль-Муханны и др., замечает, что «такое явление мы наблюдаем в исторических документах со времен енисейско-орхонских памятников»⁹⁷. Там же приводятся примеры типа *توزماق tozmaq* 'распыляться' ⇔ *توز toz* 'пыль', *uçmaq* 'окрылиться', 'лететь' ⇔ *uç* 'крыло', *اچ اچ* 'не будет испытывать голод' ⇔ *اچ اچ* 'голодный', *ارقا* *arqa-* (в *ارقشتى*) 'навьючить' ⇔ *arqa* 'спина', *qısqa-* 'укоротиться' ⇔ *qısqa* 'короткий' и мн. др.

Известны отдельные статьи, посвященные данному вопросу: некоторые критерии определения синкретичных корней устанавливает А. Т. Кайдаров⁹⁸; К. М. Мусаев и В. И. Цинциус реконструируют глагольно-именные общеалтайские основы⁹⁹; М. А. Ахметов выявляет отдельные синкретичные формы в древнетюркском языке¹⁰⁰; М. Х. Ахтямов, изучая омонимы, отмечает и глагольно-именные совпадения¹⁰¹; А. И. Исаков также выделяет

⁹⁷ *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. М., 1979, кн. 1, с. 122—125 и др. См. также: *Он же.* Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Саран и его язык. Алма-Ата, 1975, ч. 2 и т. д.

⁹⁸ *Кайдаров А. Т.* Некоторые аспекты синкретизма первичных основ в тюркских языках. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976, с. 27—29; *Он же.* О критериях определения синкретических основ в тюркских языках. — Изв. АН КазССР. Сер. филолог., 1977, № 3, с. 51—57. См. также: *Кайдаров Э. Т.* Қазақ тілі этимологиясынан этюдтер. — Сөз өнері. Алматы, 1978, 62—71-б.

⁹⁹ *Мусаев К. М.* О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — В сб.: Altaica. P.IAS, XIX. Helsinki, 1977, с. 197—203; *Цинциус В. И.* Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков. — В сб.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 3—14; *Она же.* Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков. — В кн.: Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979, с. 3—17.

¹⁰⁰ *Ахметов М. А.* Синкретичные глагольно-именные корни-основы в языке орхоно-енисейских памятников. — Уч. зап. Башкирского университета, серия филологических наук, 1975, вып. 85, № 28, с. 164—167; см. также: *Он же.* Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Уфа, 1978, с. 35—38.

¹⁰¹ *Ахтямов М. Х.* Образование лексико-грамматических омони-

лексические омонимы (моносиллабы, например: *көш* 'кочевье', 'перекочевка' $\rightleftharpoons$ *көш-* 'кочевать', 'переселяться'; *той* 'пир, праздник' $\rightleftharpoons$ *той-* 'насыщаться', 'наедаться' и т. п.) и лексико-грамматические омонимы (дисиллабы, например: *қызык* 'интересный' $\rightleftharpoons$ *қызык-* 'интересоваться'; *таныс* 'знакомый' $\rightleftharpoons$ *таныс-* 'знакомиться')¹⁰². Рассматривает глагольно-именное коррелирование и М. Т. Тома-нов¹⁰³.

Большинство ученых отмечает отдельные синкретичные формы в работах, посвященных исследованию других вопросов языка¹⁰⁴.

Семасиологическая обусловленность возникновения омоформности тюркских моносиллабов

Одним из основных источников синкретизма корней-основ в тюркских языках принято считать каузативный характер значений, комплексность семантики древних слов, обозначавших причинно связанные явления суммарно¹⁰⁵. Дж. Клосон по поводу все еще необъясненных остаточных явлений праязыка в языке памятников считал, что в древности в тюркских языках не было четких различий между существительными и прилагательными, с одной стороны, и глаголами—с другой¹⁰⁶, вследствие чего пра-слова только в результате длительной языковой эволюции конкретизировали свое лексико-грамматиче-

мов (омоформ) в башкирском языке. — В кн.: Башкирская лексика. Уфа, 1966, с. 18—195.

¹⁰² Исаков А. И. Принципы классификации слов по частям речи в казахском языке..., с. 134—135.

¹⁰³ Томапов М. Т. Основные вопросы исторической морфологии казахского языка. Автореф. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1975, с. 25—34.

¹⁰⁴ Конопов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — В кн.: Тюркологический сборник: 1975. М., 1978, с. 170—171; Он же. О семантике слов «*қара*» и «*ақ*» в тюркской географической терминологии. — ИАН ТаджССР. Отделение обществ. наук, 1954, вып. 5, с. 83—85; Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 287; Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — Там же, с. 112—113; Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: (западнокыпчакская группа). М., 1975, с. 122, 127, 308—309 и мн. др.

¹⁰⁵ Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, с. 427, 549 и др.

¹⁰⁶ Clouston G. Turkish and mongolian studies. London, 1962, p. 45 (Chapter 2: The evolution of the turkish languages).

ское значение и морфологически определялись как самостоятельные части речи, «хотя вначале, несомненно, различительные черты между этими классами были весьма смутными и неопределенными»¹⁰⁷. Об этом же грамматически нерасчлененном характере семантически древних форм, увязывая все это со своей методологически ошибочной яфетидологией, писал в свое время Н. Я. Марр. Так, например, основой слова «небо» в доисторические эпохи обозначали целый комплекс понятий: верх, круг, шар, высокий, голубой, облака, небесные светила, божество и т. д.¹⁰⁸; словом же «рука», по данным яфетической палеонтологии, обозначались понятия «сила», «мощь», «право», «знак», с одной стороны, а также «братъ», «давать», «владеть», «иметь» и др.¹⁰⁹

Представить себе первые слова древнего человека невозможно без анализа всех главнейших факторов зарождения речи, без учета роли труда, трудового процесса в формировании примитивного языкового общения. Трудовой процесс является процессом информативным в самом широком смысле этого слова, «ибо он не только постоянно порождает новую информацию, но и сам невозможен без нее и очень зависит от состояния каналов ее передачи и циркуляции»¹¹⁰. Именно в объеме передаваемой информации заключается первое и основное различие в использовании звуковых сигналов людьми и животными. И именно этот момент следует признать важнейшим стимулом чрезвычайного усложнения звуковой сигнализации и, наконец, возникновения человеческой речи. Вопрос о зарождении речи сам по себе весьма сложен и противоречив, и его окончательное решение (в частности, лингвистическое) — дело будущего. Н. Я. Марр¹¹¹ и его последователи исходным состоянием языка считали кинетическую речь, что не подтвердилось историко-этнографическими данными, свидетельствующими об ее второстепенной роли¹¹². Ближе к истине предположения о

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 33—34.

¹⁰⁸ Марр Н. Я. По этапам развития яфетической теории. М.; Л., 1926, с. 115, 250, 275.

¹⁰⁹ Марр Н. Я. Чуваша-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, с. 10.

¹¹⁰ Алексеев В. П. Возникновение человека и общества. — В сб.: Первобытное общество. М., 1975, с. 29.

¹¹¹ См.: Марр Н. Я. Избранные работы. Л., 1936, т. 1.

¹¹² Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.

возникновении речи на основе жизненных шумов или аффиктированных звуков. Как бы то ни было, именно «фундаментальное увеличение объема информации потребовало выработки наиболее экономных приемов ее кодирования в процессе передачи»¹¹³.

По мере увеличения объема информации росла и семантическая мобильность лексемы, которая доходила до такой степени, что в одном слове стало ощущаться несколько самостоятельных значений, выработавшихся на базе лексикализационных процессов на стыке между семасиологической и лексико-грамматической дифференциацией. Именно такая синтаксическая функциональная развитость слова и вызывает последующую грамматическую регистрацию или маркировку всех этих семантически выработавшихся форм, т. е. прежде чем в слове развиваются грамматические формы, в нем вырабатываются все функции и значения этих грамматических форм без их формальной реализации. Поэтому синкретизм или глагольно-именная корреляция обязательно предшествуют грамматикализации, сигнификации значений, хотя не следует, видимо, абсолютизировать этот процесс.

Вследствие своей универсальности глагольно-именные конструкции не могли исчезнуть полностью, но постоянно изменялись и «дорабатывались» соотносительно с новыми условиями, трансформируясь в омоформизм вторичных, производных образований, их аффиксов.

Интересные результаты дает изучение детской речи, которая, по мнению некоторых ученых, филогенетически воспроизводит в сжатом виде пройденные ступени развития речи/языка человека. Исследования показывают, что в детской речи обнаруживаются обозначения явлений, фактов, процессов «порой диффузного характера: апа! — это и 'взять на руки', и 'вести гулять', и 'пальто', в которое малыша одевают, когда ведут гулять»¹¹⁴. Кроме этого, изучение первых слов показывает, что в древности у орудия, производимого им действия и объекта действия зачастую было одно и то же название¹¹⁵, что вполне

¹¹³ *Алексеев В. П.* Возникновение человека и общества. — В сб.: Первобытное общество. М., 1975, с. 31.

¹¹⁴ *Чикобава А. С.* К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции. — В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 22—23.

¹¹⁵ *Леонтьев А. А.* Некоторые вопросы глоттогенеза в свете со-

согласуется со спецификой восприятия первобытного человека, которому «было свойственно «не «стоять» в каком-нибудь отношении, а активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира»; в мозгу человека запечатлевалась «способность этих предметов» удовлетворять потребности «людей»¹¹⁶, но не сами эти предметы в совокупности объективно присущих им признаков, — читаем у А. А. Леонтьева. — Точно так же первобытный человек воспринимал орудие как средство удовлетворения определенной потребности, например потребности в резании или скоблении. Поэтому естественно ожидать, что неандерталец распространял на свои орудия и на продукты своего труда те звуковые сигналы, которые первоначально были связаны только с самим действием». Итак, у первобытного человека имена «одинаковы у орудия, действия и предмета, точнее, это одно имя, прилагаемое к любому из компонентов трудового акта»¹¹⁷.

И. А. Батманов в глагольно-именных основах типа *köč*, *toj* и т. п. видел отложения «диффузной стадии мышления при безразличии к разграничению субъекта и процесса действия», тех комплексных представлений, «которые Леви-Брюль определяет законом партиципации»¹¹⁸. Такие синкретичные корни-основы, по мнению автора, «являлись продуктом предметного восприятия действий и состояний, не мыслимых тогда еще абстрактно, а уподобляемых физически (глазом, рукой) осязаемым объектам восприятия. Прямыми наследниками (по своей синтаксической функции) этого «способа» восприятия и являются глагольно-именные формы, многоликие в грамматическом отношении, но выражающие и современные дифференцированные представления (содержание новое, а формы не догнали еще его; впрочем,

---

временных психологических данных. — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 6; *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 52—53.

¹¹⁶ *Маркс К.* Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». — Соч., т. 19, с. 377.

¹¹⁷ *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963, с. 65—66, 106.

¹¹⁸ *Батманов И. А.* Части речи в киргизском языке: (материалы к стандартной схеме морфологии киргизского языка). Фрунзе, 1936, с. 44.

нужно ли в данном случае догонять содержание?!»¹¹⁹. Еще раньше В. Г. Егоров в своей работе по чувашскому языку так объяснял данную недифференцированность (формальную) частей речи в тюркских языках: «Все эти грамматические особенности языка являются отражением глубокой древности алтайских языков, а вместе с тем и отражением первобытного мышления, которое еще оперировало словами, как знаками большого разнообразия значений»¹²⁰.

Разумеется, последствия былой комплексности значения архетипов не ограничиваются только глагольно-именным коррелированием; они являются базой для широкого фоно-морфо-семантического движения тюркских слов в пределах одной части речи. Ср. многочисленные значения глагола *bulā-/bulā-* 'перемешать' → 'сделать мутным', 'мутить' → 'пачкать'; 'мешать' // 'помешивать' → 'помахивать' // 'махать' → 'качать' → 'кивать'; перен. 'возбуждать недовольство', 'сеять смуту'; 'досаждать', 'обижать'; 'запутывать' и т. д. (ЭСТЯ II, с. 254—255). Путем семантической реконструкции можно установить комплексное объединение центральных значений для тюрк. *aṣī ~ aṣī* в 'горький — кислый — соленый' подобно аналогичной выраженности синей части цветового спектра в *kōk* 'голубой — синий — зеленый — серый' (ЭСТЯ I, с. 90). О первичной диффузности или комплексности синкретичного корня *būk сигнализирует сложная семантическая структура именного коррелята, включающая в себя значения результата, места и другие (табл. 1). В некоторых случаях в результате фонетического размежевания комплексное значение праформы, конкретизируясь, фиксирует свои отдельные направления развития за неомонимичными формами, ср. лексикализационную схему в БМ 150—152 (табл. 2).

При семантических реконструкциях, дающих возможность установить древнейшее значение лексемы, в некоторых случаях представляется необходимым теоретическое восстановление утраченных звеньев в семантической цепи корня. Так, «объединение именных и глагольных основ неизбежно ведет к частичному пересмотру смысловой

¹¹⁹ Там же, с. 26—27.

¹²⁰ Егоров В. Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, с. 43.

Таблица 1

— место сгиба, отворот → угол
 — место изгиба, поворот реки → изгиб реки / поворот реки / извилины текущих вод, поворот → долина между гор по течению реки → горный проход, узкая долина, узкий овраг → уединенное место → ровное место на берегу реки (у подножия высоких гор); луг; равнина → роща у проточной воды, заросли кустарников и колючих растений по краям оврагов, заросли тростника у реки, озера → чаща, заросли, холм с деревьями, холм; густой лес, лес
 — шов, рубец

*bük- 'гнуть (ся)', 'сги-
 бать (ся)' и т. д. ⇔ *bük
 в значениях

— наклонный, загнутый, согнутый, сложенный вдвое, в наклонку, согнуто → напралом, наотрез → без иска, без последствий
 — скрюченно, скорчившись; ничком
 — горб (верблюда) → односторонний верблюд
 — положение, когда игральная кость (бабка) ложится возвышением вверх; выгнутая, выпуклая сторона алчика

Таблица 2

*juŋ- $\left\{ \begin{array}{l} \text{иŋ} \sim \text{ип} \\ \text{иг} \sim \text{иу} \rightarrow \text{иу} \rightarrow \text{иш} \rightarrow \text{и} \end{array} \right.$
 'понимать, мочь' $\left\{ \begin{array}{l} \text{иц} \sim \text{иу} \text{ 'понимать'} \\ \text{ип} \sim \text{иу} \rightarrow \text{иу} \rightarrow \text{иш} \rightarrow \text{и} \text{ 'мочь'} \end{array} \right.$

стороны реконструируемых праформ. Возьмем, например, глагол **kok-* 'тлеть, обугливаться', 'тлеть, разлагаться', 'плохо пахнуть', — пишет А. М. Щербак. — При объединении с ним существительного *kok 'пыль, пепел, прах' у этого последнего, вероятно, будет выделено еще одно значение — 'нечисть, нечто смердящее'¹²¹. Подобным образом многими учеными сближаются в одну глагольно-именную пару общетюрк. *qol* 'рука' и древне- и среднетюрк. (а также кар. и чаг.) *qol-* 'просить', 'вымаливать', 'желать сочетаться браком' и др. (ДТС, 454; Малов П. 413; Боровков 212; Наджип I, 69, 131; Ибатов 136; РСл II, 584, 585; БСл II, 92) и т. д., хотя следует предположить для значения «рука» его древнейший коррелят — *'вытягивать/протягивать/подавать (руку)', 'брать (в руку, рукой)', непосредственно соотносимый с общеизвестным именным значением.

Восполнять такие «пробелы» в семантических структурах синкретичных корневых морфем нужно крайне осторожно. При этом необходимо выявлять в массе гипотетически возможных значений только гомогенные. Не всякие близкие значения могут быть связаны друг с другом комплексной связью. Значения синкретичного слова отображают разные стороны одного явления, его проявления (имя действия, место, результат, орудие /средство, предмет и другие атрибуты действия/ процесса), но никак не схожие моменты разных по происхождению процессов. «Между значениями... слова, его понятийным содержанием всегда имеется различие, но в пределах некоторой сходной по своим объективным признакам области. Только этот момент схождения, «общий семантический элемент» дает повод говорить о связи между различными значениями полисемантического слова, — пишет Г. В. Колшанский. — В принципе каждое значение слова могло бы рассматриваться как основание для определения одинаково звучащих слов с разным значением в качестве омонимов, но два фактора — сигнификативное схождение, т. е. схождение отражаемых признаков (форма, функция, материал и т. д.) предметов, и общий языковой источник развития (проявление в некоторой степени экономии языковых средств) — оправдывают

---

¹²¹ Щербак А. М. Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков. — СТ, 1975, № 4, с. 8.

признание полисемии. Существование полисемии слова... демонстрирует лишь закономерную возможность... иметь для различных значений одну материальную оболочку...»¹²². Иногда сдвиг в семантике происходит благодаря мимеографическому употреблению, как, например, в аη- 'быть раскрытым', 'образовать щель', 'широко распахиваться' ⇔ аη' 'отверстие', 'щель', 'трещина' > аη-" 'опешить', 'приходить в замешательство' ⇔ аη" 'удивленный', 'пораженный', 'изумленный', 'растерянный' (ЭСТЯ I, 154—157)¹²³. Сюда же относятся случаи, когда один из компонентов синкретичной пары вырабатывается позже другого по модели «имя — глагол» (ср. ЭСТЯ I, 464 и др.). Важно в подобных случаях учитывать семантическую филиацию, последовательность развития от комплексного, нерасчлененного, обобщенного значения к более узкому, частному, конкретному¹²⁴. Ср., например, первичное обобщенно-комплексное значение исходного синкретичного корня *qa (p), заключающее в себе потенциально возможные различные направления дальнейшей агглютинативной лексикализации: *qa (p) - 'класть, положить (что-л. во что-л.)'; 'приложить, прикладывать (к чему-л.)'; 'прикрыть, покрыть, прижать, сжать (что-л. чем-л.)' и т. п.; *qa (p) 'вместилище вообще (сосуд, ящик, мешок, футляр и т. п.)'; 'покрытие чего-либо (крышка, навес; кора; наружный слой и др.)'.

Глагольные значения реально существующих гомогенных корней можно условно подразделить на три группы:

1) 'складывать', 'класть вместе, по порядку'; 'сводить вместе, собирать' > 'стягивать'/'сжимать'; 'оставить', 'класть', 'положить'; 'снять одежду, сапоги'; 'поставить', 'бросить' и др.;

2) 'покрывать, закрывать (крышку, какое-либо покрытие, веко)', 'запирать'; 'бросать без внимания, оставлять на произвол судьбы'; 'покрываться облаками (о небе)'; 'затворять', 'заточать', 'заключать (в тюрьму)', 'загонять в загон' и т. д.;

¹²² Колшанский Г. В. Семантика слова в логическом аспекте. — В сб.: Язык и мышление. М., 1967, с. 203.

¹²³ О некоторых дериватах и параллелях см.: Мусаев К. М. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — *Altai-sa*. PIAC, XIX, Helsinki, 1977, с. 199; КТКЭС 39—40.

¹²⁴ Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 77.

3) 'хватать, захватывать'; 'похищать, красть, таскать'; 'одолевать, нападать (о болезни или злом духе)'; 'схватить руками, зубами'; 'кусать', 'клевать', 'глотать'; 'унести'; 'схватывать (ртом)'; 'вырвать', 'взять к себе'; 'набрасываться (о животном)' и т. п.

Как видим, морфологическое развитие слова в тюркских языках закрепляет формально уже имеющиеся значения лексем, восходящие к его пра-семантике¹²⁵. Семасиологическое решение проблемы тюркского синкретизма частей речи, таким образом, дает возможность проследить процесс эволюции форм и значений во взаимосвязи и взаимообусловленности, начиная с дописьменных эпох, когда первые слова, соответствующие примитивному уровню сознания первобытного человека, морфологизируясь и преобразуясь в языке, являлись той почвой, тем фундаментом, на котором позже сформировался один из древнейших способов словообразования по модели «имя—глагол».

Изучая проблему взаимоотношения языка и мышления на примере частей речи, А. Н. Савченко приходит к заключению, что «существуют языковые формы мышления, отличные от логических форм, и что они накладывают свой отпечаток на мышление»¹²⁶. Формальное неразграничение некоторых частей речи в тюркских и отдельных индоевропейских языках обусловлено, по мнению автора, тем, что «грамматический строй языка, по крайней мере в самых общих чертах, обуславливается логической системой мышления», причем теоретически, если подходить к данному явлению с философской точки зрения, соотношение коррелятивных форм глагола и имени вполне допустимо¹²⁷. И дело тут не только в том, что образы конкретных предметов и вещей, проецируемые в нашем сознании или мозгу, соответствуют степени нашего знания того или другого предмета или явления, его атрибутов, качеств и признаков, и чем меньше мы знаем тот или иной предмет или явление, тем более обобщенно и расплывчато наше представление о нем. Это только

¹²⁵ См. подробнее: *Кайдаров А. Т., Кажибеков Е. З.* Гомогенные корни и их лексико-семантическое развитие (на примере qa- ~ qa). — СТ, 1980, № 3, с. 17—24.

¹²⁶ *Савченко А. Н.* Части речи и категории мышления. — В кн.: *Язык и мышление.* М., 1967, с. 231.

¹²⁷ *Там же*, с. 228, 231.

первый этап, связанный с исходным моментом зарождения рассматриваемого явления глагольно-именной корреляции форм в языке. Трудно (и навряд ли необходимо) сравнивать сознательное словопроизводство по модели «имя — глагол» с первоначальным примитивным приемом словосозидания, из которого вырос тюркский синкретизм. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что «в пережитках диффузных представлений заложен диалектический момент. Отсюда—в процессе развития диалектического мышления пережиточные нормы могут быть использованы с обновленным, переродившимся, конечно, содержанием. И не случайно, по-видимому, сохранились до наших дней промежуточные категории..., ибо их гибкость как нельзя лучше импонировала и импонирует развивающемуся диалектическому мышлению. И в сохранении промежуточных или пережиточных форм нужно усматривать скорее признаки, свидетельствующие о развитии диалектического момента в мышлении, вступавшего в противоречие с формально-логическими элементами. Этим обстоятельством, пожалуй, и можно объяснить тот факт, что наряду с окостенением (в формальном отношении) языковых элементов продолжают существовать промежуточные категории. Из этого можно сделать вывод, что хотя и будет в ближайшее время идти процесс формальной стабилизации частей речи, поскольку для анализа требуются аналитические представления, тем не менее промежуточным формам предстоит еще известное будущее, ибо они-то легко могут обслужить синтетические представления»¹²⁸.

Анализ источников тюркского синкретизма и краткий обзор истории вопроса показывают, что в данном вопросе еще много нерешенных задач. Однако уже сейчас, на основе имеющихся у нас лексических и грамматических сведений, можно сказать, что «разные этапы развития словообразования отличаются между собой способами и условиями создания слов, конкретные формы которых образуют словообразовательные модели, присущие тому или другому уровню грамматического развития тюркских языков. В настоящее время выясняется, что действующему издавна аффиксальному способу предшествовал, а в

¹²⁸ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке: (материалы к стандартной схеме морфологии киргизского языка). Фрунзе, 1936, с. 46—47.

известный период параллельно с ним действовал принципиально новый способ словообразования — корневая глагольно-именная омонимия, которой в грамматической сфере соответствует синкретизм частей речи»¹²⁹. Конечно, первостепенную роль в данном случае должны играть сами синкретичные моносиллабы, фактом своего реального существования и количеством подтверждающие теоретические прогнозы.

---

¹²⁹ Севортян Э. В. Об «Этимологическом словаре тюркских языков». — ВЯ, 1971, № 6, с. 78.

Глава 2

Обще- и межтюркские синкретичные моносиллабы

В данной главе приводятся результаты анализа лексики тюркских языков, в частности общетюркского и межтюркского пластов, в плане выявления глагольно-именных коррелятов. Термины обще- и межтюркский употребляются нами в том же значении, что и в «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна.

Учитывая неразработанность проблемы корневой глагольно-именной омонимии, спорность некоторых моментов теории синкретизма частей речи, необходимо начинать исследование с выявления коррелятивных пар, бытующих в большинстве языков. Причем глагольно-именные корни обще- или межтюркского характера вовсе не составляют большинство в числе обнаруженных в чистом виде (существующих как самостоятельные слова-типы) или реконструированных в процессе помодельного анализа синкретичных основ. Тем не менее именно этот пласт лексики тюркских языков очень важен, так как факт отнесенности той или иной формы к обще- или межтюркскому разряду уже полностью исключает ее случайность. Кроме того, «хотя общетюркские основы в ряде случаев создавались в позднее время, в частности в эпоху письменности, распространяясь из одного языка или ареала в языки остальных ареалов, основная масса обще- или межтюркской лексики сформировалась в древнейшие эпохи, начиная с фазы относительно более однородного состояния тюркских языков» (ЭСТЯ I, 25). Поэтому синкретичные корни, бытующие во всех или нескольких

группах тюркских языков, являются наглядным подтверждением архаичности или древности подобных образований, отчасти дошедших до нас в прежнем качестве.

Приводимый ниже неполный или предварительный перечень обще- или межтюркских синкретичных моносиллабов, несомненно, является достоянием пратюркского этапа в истории развития тюркских языков.

*aŋ

О синкретичном корне aŋ- 'думать', 'размышлять'; 'помнить', 'припоминать', 'понимать' ⇔ aŋ 'ум', 'сознание', 'разум'; 'восприимчивость', 'понятливость', 'мысль' и др. в древних и современных тюркских языках см.: Наджип I, 123, 250; ФЗ 267; ЮКЛ I, 71; САГ 365; ЩФ 129; ЭСТЯ I, 153—154, 756; КТКЭС 39, 40 и т. д.

Хак. oŋpa-, сев. алт. oŋpo-, а также oŋga- 'знать', 'понимать' наряду с известным тюркским производным aŋla- «позволяют установить прямую связь между a:ŋ ~ aŋ ~ an и ой 'мысль', 'ум' и др. О том же говорит форма oŋdan- 'очнуться', 'проснуться', 'пробудиться', 'опомниться'..., параллельная ойан-» (ЭСТЯ I, 153—154). Наглядно представлена эта связь также в кирг. oŋog- 'предполагать, умозаключать', хак. oŋag- 'понимать, разуметь', казах., ккалп. aŋyag- 'понимать, догадываться'.

Среди значений деривата aŋla- отмечаются значения 'понимать' и 'слушать', как и в синкретичных корнях *es, *uq.

О комплексном значении синкретичной исходной формы свидетельствует соединение значений «орудия» и «названия процесса» в *aŋ- ⇔ *aŋ САГ 421. См. также: Калужиньски I, 11 и др.

*art

Тюрк. art- 'навьючивать' ⇔ art 'спина' Н. А. Баскаков относил к корням, сохранившим следы слабой дифференциации и употребляющимся в современных языках как в глагольном, так и в именном значении (Баскаков КЯ 312).

Еще Г. Вамберн выделял из aŋqa и art- корень ar- и аффиксальные -qa и -t (Vámbéry 18—19). Несмотря на производный характер, глагольно-именной омоним a:rt 'спина' ⇔ a:rt- 'навьючивать на спину (животного)' ср. в «Хосрау и Ширин»: ارت art 'назад', 'спина' ⇔ artmaq

‘нагружать’ (Наджип I, 173—176)], исторически реален (ЭСТЯ I, 179—181; там же см. исчерпывающую сводку форм).

Трудно согласиться с предположением В. Д. Колесниковой о том, «что тюрк. *art* представляет собой заимствованное из монгольских языков служебное слово *ard* ‘сзади’, ‘позади’, используемое в тюркских языках и как служебное слово, и как имя в значениях ‘зад’, ‘задняя сторона’, ‘тыл’, ‘спина’»¹. Это слово, скорее всего, следует отнести, так же как его корень, к общеалтайскому лексическому фонду (см. отд. словар. статью *ag- $\rightleftharpoons$ ag*).

*ač

Синкретичный корень *ač-/ač-* ‘быть голодным’, ‘изголодаться’, ‘проголодаться’, ‘чувствовать голод’ $\rightleftharpoons$ *ač/ač* ‘голодный’, ‘голод’ отмечают многие исследователи (АФТ 065; Ramstedt SKE 16; ДТС 3, 4; ЭСТЯ I, 208—209; Ибатов 43, 257; Наджип I, 122—123, 159, 161; ЮКЛ I, 75; САГ 336 и мн. др.).

*böğ

О тюрк. *bög-/böğ-/böğ-/büğ-/büj-/büv-/boğ-/buw-/bîw-/...* ‘запруживать, перегораживать/перекрывать (воду)’, ‘загораживать (о дороге)’, ‘перекрывать’, ‘быть/становиться помехой/преградой’ $\rightleftharpoons$ *bög/böw/böj/bük/bek/büö/bök/pök/boğ* ‘запруда’, ‘затычка’, ‘запор’, ‘перемычка’, ‘плотина’ см.: ЭСТЯ I, 208—210, там же см. вычленения из дериватов.

*bük

А. М. Щербак реконструирует праформу/архетип *rük ‘согнутый’ $\rightleftharpoons$ ‘сгибать (ся)’, ‘гнуть (ся)’ (ЩФ 196). О древности синкретичного слова свидетельствует развитая система именных значений к тюрк. *bük-/rük-/buk-/pök-/bik-/bîq-/pîq-/böğ-/boğ-/tuq-* ‘гнуть’, ‘сгибать’, ‘подгибать’, ‘наклонять’, ‘сгибаться, пригибаться’ $\rightleftharpoons$ *bük/rük/buk/bîq/pök/poq/tük/tök/tuq*: 1) ‘сгиб’, ‘место сгиба’, ‘отворот’, ‘место изгиба, поворота реки’, ‘изгиб реки’, ‘угол’; 2) ‘загнутый’, ‘согнутый’; 3) ‘долина между горами по течению реки’, ‘горный проход, узкая долина, узкий овраг’; 4) ‘луг’, ‘равнина’ и др. (ЭСТЯ II, 290—291); сюда же относится ‘роща у проточной воды’, ‘заросли

¹ Колесникова В. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках. — В кн.: ОСЛАЯ, с. 86, 87.

кустарников и колючих растений по краям оврагов', 'заросли тростника у реки, озера', 'чаща', 'холм с деревьями', 'холм' (*Там же*), а также 'густой лес' (ЮКЛ I, 69).

Однако этими значениями все же круг именных омоформ не ограничивается. К. М. Мусаев добавляет к ним кар. г. *bik* 'горб (верблюда)' и казах. *bük* 'одно из четырех положений алчика — сгорбленная сторона алчика' (Мусаев ЛТЯ, 122, 127), что вполне оправдано. Можно добавить, что в калькутском словаре джагатайского языка Л. З. Будагов регистрирует *بوک* 'верблюд одногорбый' (БСл I, 286); а казах. *bük* 'выпуклая, выгнутая, сторона алчика' имеет и «распространенную» форму *bügö* (< *bükö* — озвончение интервокального гласного) (КТС 1976, 551, 555); ср. др.-т. *bök* I 'положение, когда игральная кость-бабка ложится возвышением вверх (противоположное *čik*)' (ДТС 117). Ср. *bük* в казах. *bük tösüv* 'пасть ничком', ног. *букъ* 'скрюченно, скрючившись' (Баскаков Н 239).

В словаре В. В. Радлова отмечается двусложная глагольно-именная основа *bügül* 'изгиб', 'крутой поворот' ⇔ *bügül*- 'сгибаться' (РСл IV, 1882). Наряду с общеизвестным тюрк. *بوگمک* (*ü*), *بگمک* (*ö*) 'гнуть, сгибать, сложить, свернуть', 'связать узлом' Л. З. Будагов регистрирует *ایکی بوکلو* 'сотканый из двух ниток' (БСл I, 286), откуда, как и из казах. *bük-tö*- 'сгибать', вычленяется именной коррелят *bük*.

Подробнее о *bük*- и *büg* в дериватах см.: ЭСТЯ II, 292—293; САГ 367. Ср. также у Иллича-Свитыча ССН 347: алт. **böк*^ - 'изогнутый' (эвенк. *bukä*- 'кланяться', монг. *bökän* 'горб верблюда', чаг. *bök*- 'кривить, выпучивать') ~ и.-е. **bheug*-/*bheugh*- 'изгибать'.

*bür

С др.-т. *bür*, кумык. *bür*, як. *büör*, башк. *bögö*, тат. Баб. *рögä*, алт. *bögök*, хак. *püürek*, туркм. *bövräk*, ккалп. *büjrek*, с одной стороны, и алт. *bügčük*, хак. *pügčük*, казах. *bügšük*, тат. *рогчоқ*, *bög[ц]ög*, ккалп. *burtik*, с другой, — (все слова в значении «почка») Л. В. Дмитриева сопоставляет др.-т. глагол *bür*- 'стягивать', 'затягивать (с образованием складок)', намечая тем самым соответствующую глагольно-именную пару (см.: Дмитриева. Названия растений, с. 167; а также Дмитриева Л. В. Из эти-

мологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: ИЭАЯ, с. 177—178).

В ЭСТЯ II, 294—296 устанавливается единство происхождения *büg-* с туркм., тур. (гагауз.), аз. *büz-*. Также устанавливается некоторая семантическая дифференцированность *-g-* и *-z-* коррелятов: центральное значение *büg-* — 'делать складки', центральное значение *büz-* — 'стягивать', 'сморщивать', хотя оба значения представлены также в глаголе *büg-*.

Примечательно то, что Л. З. Будагов регистрирует казах. *بورشاқ* 'почка на дереве' в гнезде с корнем *بورماک* 'собирать сборы, делать фалды, стягивать' (БСл I, 277).

Итак, можно выделить в глагольно-именную пару *bög-* 'сделать сборки, складки'; 'сделать морщины', 'морщить'; *büg-* 'шить со складками', 'разбухнуть (в воде)'; *büz-* 'стягивать', 'сжимать', 'стаскивать на одно место', 'складывать', 'сморщить' $\rightleftharpoons$ *büg* 'лист, почка'; *rüg* 'древесный лист, почка'; 'неровный', 'неправильный', 'каменистый', 'кочковатый'; 'неровность на поверхности предмета' (РСл IV, 1397, 1719, 1886, 1901). Из дериватов типа *rüglän-* 'раскрываться (о молодых почках)', 'покрываться листьями', *rüglüg* 'покрытый листьями' (РСл IV, 1399) выделяется именная омоформа, а из производных — *rügta* 'складка' (Там же, 1400), *bögö* 'почка деревьев' (Там же, 1719) (<*büg-* 'пускать почки' + имяобразующий аф. -*ö*) и подобных форм — коррелятивный глагол. См. также: Исаков. Опыт 47, 48; Калужински II, 81.

Ср. совпадения двусложных образований типа *bögös* 'сморщенный' $\rightleftharpoons$ *bögös-* 'сжеживаться', 'сжиматься', 'морщиться' (РСл IV, 1720) и т. д. Н. А. Баскаков сопоставлял алт. *büg* 'лист', 'кочка', *bügke-* 'покрывать, накрывать', *bügkek* 'покрытый, пасмурный' (Рамстедт 14).

**jaq/žaq*

Общетюрк. *ياغمق، ياغمق* 'мазать', 'натирать' (БСл II, 333), *jaq-* 'мазать' (РСл III, 24, 56), *žaq-* 'втирать', 'мазать', 'красить' (РСл IV, 10), др.-т. *jaq-* II 'прикладывать', 'мазать' (ДТС 237); тоф. *h̄saγ-* 'мазать, смазать (маслом, жиром)', казах., ккалп., аз. и другие формы в тех же значениях

⇒ межтюрк. jaq/jaу, ср.: тур., аз. ياغ, уйг. ياخ 'масло', 'жир', 'мазь всякого рода' (БСл II, 333); др.-т. jaу 'жир', 'масло' (ДТС 223); jağ/jaq 'масло', 'жир' (РСл III, 22, 38, 39); ياغ jağ 'масло, жир', يير ياغي jār jağī 'нефть (земляной жир)' (АФТ 0116, 0120); ккалп. диал. jaу 'масло' (Насыров 349); тоф. ħśaу 'жир' (Рассадин 193) и т. д.

По мнению В. И. Асланова, «слово jaу имело значение не только 'масло', 'жир', но и 'пот', о чем свидетельствует слово jajlīq 'платок (для вытирания пота)', которое восходит к jaḷlīq»². Ср. в др.-т. jaḷlīу 'масляный' (Малов II, 383); jaḷlīq 'платок'; 'то чем вытирают руки или посуду после мытья' (Курышжанов 120), ср. казах. žavlīq 'женский головной убор вообще и из белого коленкора в частности', таjlīq 'полотенце (которым вытирают жирные замазанные вещи, посуду и т. п.)', 'салфетка' < таj 'масло'.

А. М. Щербак реконструирует архетип в виде *θāу 'масло, жир' (ЩФ 196).

В перечень именных форм следует включить, несомненно, и межтюрк. نو/ياو/جو/جاو (БСл I, 443; II, 333); jaw/jav/ju:/ja: (РСл III, 3, 16, 289, 534) 'сало', 'масло', 'жир' и т. д. Это слово сохранилось в караим. jav 'жир' и казах. žav в словосочетании közdün žavın aḷpandaј 'красивый, очень красивый' (досл.: 'как будто вынимает жир из глаз') (Мусаев ЛТЯ 39). Следует ли привлечь сюда же чаг. яal 'жир' (РСл III, 153)?

По Н. К. Дмитриеву, чаг. ja: 'жир', 'сало' < jaу/jav³, а в туркм. ja:g 'масло', 'сало', 'жир' долгота имеет фонематическое значение⁴.

*jan

Др.-т. и ср.-т. jan- 'возвращаться' (ДТС 231; Малов II 384; Айдаров 359; Боровков, 139); يانماق janmaq 'возвращаться' («Хосрау и Ширин») (Наджип I, 132); jan-

² Асланов В. И. О приемах анализа лексико-семантического развития арабских и персидских заимствований в азербайджанском языке. — ALTAICA. PIAC. XIX. Helsinki, p. 30.

³ Дмитриев Н. К. Долгие гласные в гагаузском языке. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 204; Дмитриев СТЯ, с. 212.

⁴ Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке, с. 183.

'привести в соприкосновение, соединить' (Ибатов, 261); *يانمق* 'вернуться' (БСл I, 342) и сиб. тат. *نان* (*нән*) — пап- (испорч. из *يانمق*) 'возвращаться' (Там же, 414); кирг. *жап-* 'подходить сбоку, касаться'; алт. *јап-* 'возвратиться домой' (Вербицкий 168); салар. *јап-* 'возвращаться' (Тенишев СЯ 345); *јап-/жап-* 'возвратиться' (РСл III, 79—81; РСл IV, 21); ж.-уйг. *јап-* 'возвращаться', 'отвечать', 'возражать' (Малов СЮ 36); ног. еп- 'прибывать', 'возвращаться' (Баскаков Н 242); уйг. диал. *јап-* 'возвращаться', 'поворачивать назад', 'отказываться', 'оставлять' (Jagging 147)

⇔ др.-т. и ср.-т. *јап/жап* 'сторона, бок', 'бедро' (ДТС 231, 640; Айдаров 359; Боровков 138); *јап/жап* 'сторона' (РСл III, 78—79; РСл IV, 21); кирг., казах. и в др. *јап/жап*, ж.-уйг. *јап* с тем же значением (Малов СЮ 36); ног. *јап* 'сторона, край', 'опушка (леса)' (Баскаков Н 31); кум. *дван* 'бок, сторона' (Баскаков Кум. 210); уйг. диал. *јап* в тех же значениях (Jagging 147).

Глагольный корень *јап-* мы имеем в др.-т. *јаптақ* 'возвращение', *јантур-/јандур* < *јап-* 'возвращать' (ДТС 232) + афф. побуд. *-тур-*; в *ينكا* 'сторона', которое П. М. Мелиоранский пытался представить как дательный падеж от *يان* 'сторона' (АФТ 063) [ср. уапа 'сторона' в Ettuhfet. (Dizin, 277 — САГ 446)]. О глаголе *јап-* в памятниках Кюль-Тегина, Тоньюкука и в др.-уйг., а также его фонетических вариантах алт. *дьян-/дван* ~ тув. *чан-* ~ тур. *döp-* ~ хак. и шор. *нан-* см.: Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ, с. 240—241. А. М. Щербак реконструирует отдельно архетипы *θān 'сторона, бок' и *θап-* 'возвращаться' (ЩФ 196).

Н. К. Дмитриев предполагал смысловозначительное значение долготы в туркм. *jāp* 'бок', 'край'⁵, хотя здесь, возможно, мы имеем результат иноязычного воздействия, Гипотеза Э. В. Севортына о праформе *јап современных форм *јап/јау/јақ/јуw* (САГ 380—383) подтверждается формами *جان، يانك، يانك* наряду с общепринятыми *يان، جان* 'сторона, бок' (БСл II, 341), салар. *јап* 'сторона, бок' (Тенишев СЯ 346) и т. п.

Об участии слова *јап* 'сторона' в формировании суф-

⁵ Там же.

фикса исходного падежа -дан см.: Рамстедт 43. Критический анализ этой гипотезы см.: Кондратьев 16.

* jaγ

Др.-т. jaγ- 'рассекать, расщеплять' (ДТС 239); ср.-т. jaγ-/jig- 'раскалывать, рассекать', 'расщеплять, делать дыру, разрывать' (ФЗ 306); алт. jaγ-, тув. џаγ- 'колоть', 'разнимать, разъединять', хак. џаγ-, туркм. jaγ-, тур. уаγ-, башк., тат., уйг. jaγ-, кирг., казах. џаγ-, узб. jōγ- 'колоть, раскалывать', тоф. h̄saγ- 'расколоть (кость)', 'пахать (землю)', 'разнять (драку)' (Рассадин 194). См. также: РСл III, 102—103; РСл IV, 26

⇔ др.-т. jaγ 'яр, овраг' (ДТС 238); ср.-т. jaγ 'крутой склон, обрыв' (ФЗ 306); тюрк. jaγ 'крутой берег', 'крутизна'; 'пропасть, отвесная скала' (РСл III, 99—100); џаγ — то же (РСл IV, 26); кирг. џаγ 'крутой яр, расщелина', 'трещина в земле', алт. jaγ 'половина' и мн. др.

Сюда же относится чув. s̄ig 'крутой берег' < *jāγ (Рясянен 73). А также др.-т. еγ- II 'раскалывать' ⇔ еγ III 'бурав' (ДТС 175) через этап jеγ- II 'расщеплять, раскалывать', 'разрезать', 'рассекать' (ДТС 257); ср. еγiк II 'брешь, отверстие, расщелина' (Там же, 182).

Формы типа тар. jоγиk 'щель' произошли не от jоγ-, а в результате лабиализующего воздействия умлаута (<jаγиk) (Рясянен 71). А. М. Шербак фиксирует (отдельно друг от друга) архетипы *θāγ- 'рубить, рассекать' и *θāγ 'овраг', 'крутой берег' (ЩФ 196).

Возводя русское *яр* к тюркскому источнику, Н. К. Дмитриев отмечал, что это слово «во многих тюркских языках означает 'отвесный, крутой берег' (очевидно, от глагола *яр-* 'рассекать пополам', 'рубить')»⁶.

Н. А. Баскаков усматривал следы древнего соответствия г ~ s/z в совр. алт. *дъас-* 'распускать', 'расплетать', 'разжимать', 'разъединять' и *дъар-* 'раздирать', 'разъединять', 'раскалывать' (Баскаков Вв 156). Об этом корне и его дериватах см.: Калужиньски III, 42.

Дифференцирующую роль внутренней флексии за счет чередования широких и узких гласных усматривал в аз. jaγ- 'рассекать', 'раскалывать', 'расщеплять' и jig- в jigt- 'раздирать', 'разрывать', 'рвать', 'прорывать', 'про-

⁶ Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 554.

рубить' Э. В. Свортян (САГ 434). Н. К. Дмитриев долготу в туркм. ja:ɣ 'берег' считал возможным признать фонематической по сравнению с jaɣ- 'рубить', 'рассекать'⁷.

*joj- ⇔ *joq

Тюрк. joj-/žoj- 'сводить на нет', 'уничтожить', несомненно, составляет с общетюрк. joq/žoq 'отсутствующий', 'неимеющийся', 'нет' глагольно-именную неомонимическую пару.

Jod-/jod-/jos-/joj-/jot-/žoj-/žuj... 'стирать', 'уничтожать', 'прятать', 'скрывать'; 'потерять', 'вычеркнуть'; 'лишиться', 'заставить исчезнуть', 'пропасть', 'ликвидировать', 'изживать', 'сводить на нет' (ДТС 269, 270, 275; РСл IV, 92, 164; ҚТС 1979, 141 и т. д.)

⇔ joq/žoq/juq/žuq 'нет', 'отсутствующий', 'отсутствие'; 'бедный, неимущий' в парн. joq č'yaɣ 'пропажа'; также в составе казах. žoq-žuqa, žoq-žitik, žoq-žitañ 'беднота', 'бедность', 'недостаток'; žoq bol- 'исчезнуть', 'стать невидимым'; žoq žerdep 'неожиданно', 'непредвиденно'; žoq qil- 'уничтожить' и мн. др. (ДТС 272, 273; РСл IV, 92—93, 164; ҚТС 1979, 143, 145 и др.).

Значения "погребальная церемония", "поминальный обряд", вероятно, гомогенны значениям "нет", "отсутствие", хотя в древних тюркских языках намечается некоторая лексикализационная функция конечных -y и -q, ср. joɣ 'погребальная церемония', 'поминальный обряд', 'похоронная церемония'; 'печаль', 'траур' (БАБ 221; Батманов ЯЕП 58; ДТС 269; РСл III, 409) и joq в значении "отсутствие", "нет" (РСл III, 397—400) и др. В енисейской письменности также различаются семантически и фонетически joɣla- 'хоронить' и joqla- 'скорбеть', 'утрачивать' (БАБ 221), которые объединяются, однако, в форме joɣla- 'устраивать поминки, оплакивать' в ДТС 270.

Н. К. Дмитриев долготу в туркм. jo:q 'нет', 'не имеется' считал фонематической⁸. Г. И. Рамстедт ставил рядом тюрк. toq 'сытый' ⇔ toj-/tod- 'насыщаться' и др.-т., уйг. jod- 'пропадать' ⇔ joq 'нет, не, без, бедный, бездетный' как аналогичные (Рамстедт 128, 133).

Н. К. Дмитриев устанавливает, что joq, так же, как и

⁷ Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 183.

⁸ Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке..., с. 183.

бар, первоначально было существительным со значением «ненахождение» или «отсутствие чего-либо». Об этом свидетельствуют дериваты joq-luq 'отсутствие', joq-suġ 'неимущий', joq-aġ-u 'теряться', а также отдельные моменты словоизменения: joq-qa čġqtġ 'он пошел впустую' (букв.: 'в отсутствие'), joq-taġ bar boldġ 'из отсутствующего он стал наличным', башк. juq narsä 'пустяк', juq säfär 'ненужное путешествие', juq hüz 'чепуха', 'пустые слова'. Как и всякое существительное в тюркских языках, joq (и бар) функционирует и в качестве прилагательного по схеме: joq 'отсутствие' > 'отсутствующий'⁹.

* juq/žiuq

Кирг., казах. žiuq-/алт., узб., др.-т., тел., ком., чаг. (يوقمق) juq- 'приставать', 'прилипнуть', 'прилипнуть', 'прилипнуться'/каз. žök-/žoq- 'быть прилипчивым', 'приставать'. 'приставать (о болезни)' (ДТС 281; РСл III, 537; РСл IV, 93, 103, 164 и т. д.)

⇔ др.-т. juq 'помои', в ајақ juqġ 'помои', 'налет на стенках чаши', койб. juq 'смола (древесная)', также juq/žiuq-/joq в кирг., казах., алт., узб., туркм. 'остатки пищи на дне посуды; то, что прилипло' (ДТС 281; РСл III, 537), Ср. также žiuq в казах. žumiguna žiuq bolmadġ 'не наелся' (досл.: 'к живому ничего не пристало'), žiuqsuz 'непитательный'; метаф. 'необщительный', 'неприятный', 'неловкий', 'неприспособленный' (КТС 1979, 208, 211, 228). Также см.: ЮКЛ I, 69—70; Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке..., с. 183 и т. д.

А. М. Щербак в архетипе * ѳук объединяет значения "что-либо липкое", "смола" ⇔ "приставать", "прилипнуть" (ЩФ 197).

* žij/* žġq

Общетюрк. jġy-/jġj-/jġv-/jġk-/jġg- 'собирать', 'валить', 'наваливать', 'нагромождать', 'накапливать', 'копить', 'сосредоточивать'

⇔ тар. žġk 'полный', 'совсем полный, до края'; др.-т. dġk 'большое количество', ср. тув. dġk tġmen 'бесчисленный'; а также др.-уйг. tġk 'много'; казах. диал. žġq 'мно-

⁹ Дмитриев Н. К. Категория принадлежности. — В кн.: ИСГТЯ II, с. 35—36.

го', 'полно'¹⁰; сюда же, по всей вероятности, следует включить тюрк. *çoq*- 'собирать' ⇔ *çoq* 'много' (см. ниже отд. слов. статью) (ДТС 265, 269, 284, 285; Малов П 377; Ибатов 107; РСл III, 1241; РСл IV, 115, 135; ТРС 926 и т. д.).

Глагольно-именной характер корня подтверждается таким же характером дериватов: *žijjn*- 'собираться' ⇔ *žijjn* 'большое собрание', летнее гульбище'; *žiliš*- 'собираться' ⇔ *žiliš* 'собрание', 'частый', 'рядом' (РСл IV, 118, 146) и т. п.

В киргизском языке мы имеем глагольно-именную основу *žij*- 'собирать в кучу', 'накапливать' ⇔ *žij* 'густой', 'сплошной', 'сплошь'; 'очень много', 'часто' (Юдахин 277, 285).

Ср. у Иллича-Свистыча ССН 328: алт. *çok* 'много' ~ урал. *çokk Λ 'густой, много'.

* *kert*

Др.-т. *kert*- 'надрезать, делать метку' (ДТС 301); *كرتماك* 'делать надрез, зарубку' (АФТ 060); кирг. *kert*- 'делать зарубку, надсекать', 'отрубать, рубить (что-либо не толстое)'; *kerte čajna*- 'жевать с хрустом, резко перекусывая' (Юдахин 379); *kert-/kärt*- в ком., алт., тел., леб., шор., чулым., тур., чаг. 'зарубить'; 'тесать лес для постройки', 'обтесывать камни'; 'грызть, обгрызать', 'крошить' (РСл II, 1102); каз. *kirt*- 'зарубить' (РСл II, 1363)

⇔ кирг. *kert* 'звукоподражание хрусту' (Юдахин 379); 'скрежетание зубами', 'звук, слышащийся, когда скотина ест траву' (РСл II, 1102); каз. *kirt* 'треугольная вырезка' (РСл II, 1363); ср. крымско-тат. оноματοпоэтическое *qirt qirt* 'хруст зубов при еде' (Дмитриев СТЯ 93).

* *kög*- ⇔ * *köz*

В тюркологии принято усматривать в некоторых чередующихся формах (например, *semig*- 'жиреть' ⇔ *semiz* 'жирный', *qutug*- 'беситься' ⇔ *qutuz* 'бешеный', *kög*- 'видеть' ⇔ *köz* 'орган зрения', 'глаз') своеобразную функцию, восходящую к ротацизму хуннской эпохи,— глагольные основы маркируются при помощи -г-варианта, имен-

¹⁰ *Құрышжанов Ә. Нарынкол, Кеген аудандарында тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір жергілікті ерекшеліктер жөнінде. — Қазақ тіл білімі мәселелері. Тіл мен әдебиет институтының еңбектері. Алматы, 1959, 1-т, 49 б.*

ные — -z-¹¹. Существует также мнение о том, что в конечных согласных этих слов мы имеем дело с разными морфологическими показателями; например, В. Банг видел в -z- аффикс двойственного или множественного числа (ЩФ 87 (№ 233)).

Казах. *kördeyoj* 'показной', 'внутренне пустой' — ср. *kördeyoj adam* 'человек показной (только внешне хороший, а внутренне пустой, глупый)', — возводимое, обычно, к глагольным корням *kög-* 'видеть' и *qoj-* 'оставить'¹², формально-морфологически имеет в данном употреблении основы в именном значении, соединенные союзом *de* 'и'.

О совпадениях дериватов от этого корня, типа *kögüš-* 'видеться', 'встречаться'; 'поздороваться, дать друг другу руки при свидании'; 'прощаться' ⇔ *kögüš* 'взгляд', 'смотрение', 'взор', 'свидание', 'человек, с которым часто видишься, друг'; 'знакомый' см. РСл II, 1257—1258; БСл II, 148, 150. Некоторые совпадения дериватов от этого корня отмечает Ф. Байрамов¹³.

* *köš*

Синкретизм общетюрк. *köš-/köš-/kiš-/...* 'переходить, передвигаться, кочевать', 'перекочевывать, переселиться, переехать', 'отправиться', 'перемещаться'

⇔ *köš-/köš-/kiš-/...* 'кочевка', 'временная кочевка на одном месте', 'кочевье', 'перекочевка', 'перемена места жительства', 'путешествие', 'караван', 'табор', 'стоянка лагеря во время военных действий' и т. д. отмечается во многих источниках (ДТС 311; РСл II, 1286—1287, 1304, 1491; БСл II, 144—145; ЮКЛ I, 75; САГ 369 и др.).

По мнению Л. З. Будагова эволюция значений тюрк. *koš* (возможно, гетерогенного *köš*) имела такое направление: 'главная ставка запорожского войска' < 'ставка,

¹¹ Дмитриев Н. К. Соответствие R//z. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 325; *Он же*. Глаголы речи (*verba dicendi*) в языках тюркской группы. — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 573; Баскаков Вв., с. 156; Исхаков. Опыт, с. 9—10; Рамstedt, с. 132; Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ, с. 300—301 и мн. др.

¹² Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 199.

¹³ Байрамов Ф. Аналитическое глаголообразование в языке эпоса «Книга моего деда Коркуда». — В кн.: Проблемы лингвистического анализа. М., 1966, с. 95.

лагерь (у кочевников) < 'походная кибитка' < 'шалаш', 'лачуга', 'балаган' < 'нечто пустое, полое, дуплистое', 'дупло'. Развитие форм представляется таким образом: qoş < qouş < qıvış (БСл II, 82—83). Однако здесь более правомерно предполагать сближение с köş 'кочевка', 'кочевье', ср. также значения 'стоянка лагеря во время военных действий' и др. (БСл II, 144). Кроме этого, нужно учитывать, что тюрк. köş 'стан, лагерь', а также 'походные принадлежности для лагеря'¹⁴; qos/qoş 'маленькая юрта для путешествий' (РСл II, 622), quş 'шатер', 'шалаш' (РСл II, 1024) могут иметь другое направление этимологизации (ср. qos- 'соединять', 'составлять', 'прилаживать').

Глагольно-именная пара *күс*- 'переселяться, перекечевывать' ⇔ *күс* 'рой' в башкирском языке регистрируется в Юлдашев ПС 250. О синкретичном архетипе *köş в значениях 'кочевье' ⇔ 'кочевать', 'переходить с места на место' см.: ЩФ 195. Примеры типа köş- ⇔ köç И. А. Батманов считал «отложениями доисторического тождества имени и глагола»¹⁵. О русском *кочевать* < тюрк. köş- см.: Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. — В кн. Дмитриев СТЯ 538.

№ 1: küj- ⇔ köz/kör

В САГ 432 среди примеров, иллюстрирующих *j ~ z ~ d//t ~ r*, объединяются неомонимичные глагольные и именные формы: тюркм. köj- 'быть пригорелым', 'гореть', 'жечься'; старотур. kög- 'gozpalaç sie (o ogniu)' (Przekl. Kogañ, 87), с одной стороны, и тюркм. köz 'уголь (горящий)', 'угли'; узб., кирг. *кўр* 'мелкие угли (вместе с золой)', аз. и др. köz 'горячие угли', 'жар' — с другой. Подробнее о формах и значениях тюрк. küj-/köj-/kiw- 'сжечься, обгореть', 'печалиться, горевать', 'гореть' ⇔ köz/kös 'горячие уголья', 'жар', 'искра'; 'раскаленный уголь' см.: РСл II, 1216, 1293, 1300, 1324, 1401, 1418; БСл II, 152; Ибатов 117 и мн. др. Ср. также др.-т. kez I 'нагар от молока и других продуктов на дне кастрюли' (ДТС 305).

¹⁴ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 20, 497 (прим. № 67 к «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме»).

¹⁵ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936, с. 15.

О глагольно-именном дисиллабе (от метафорического значения) в кирг. *küjük*- 'заботиться', 'беспокоиться', 'гореть любовной страстью', 'не быть в состоянии перевести дух' ⇔ *küjük* 'горе', 'ехидный', 'едкий (о слове)'; 'гарь', 'горелый' (ср. казах. *küjük* 'ожог' и метаф. 'горе', 'печаль') см.: САГ 379.

№ 2: *küj*- ⇔ *kün*

Известно, что еще Г. Вамбери сближал *küj*- 'гореть' и *kün* 'солнце' (*Vámbéry* 5). В древних тюркских языках известны глагольные формы *köj*-/*köp*-/*küj*- 'гореть' (ДТС 312, 314, 325, 646). О *köp*-/*köj*-/*küj*-/*kiw*- 'гореть', 'сжечь' см.: Рясянен 178—179. По Г. И. Рамstedту,

köp-/*köp*- > *köj*- 'гореть'. Древнее первичное *köp*- наличествует, например, в тюрк. *köp-ük*- 'становиться загоревшим' (Рамstedт 136). Ср. ряд М. Рясянена: сев.-зап. *küj*-/*köj*- 'гореть', узб. *köj*-/*küj*- < (юго-вост., юго-зап.)

köj- (< як., уйг. *köp*-) (Рясянен 69, 117).

Примечательно то, что в калькутском словаре джагатайского языка Л. З. Будагов регистрирует слово قوی 'солнце' (БСл II, 98) наряду с общезвестным тюрк. *kün*/*gün*... в том же значении (БСл II, 164—165; Малов II 397; ДТС 326; Исхаков Опыт 67; ТРС 365—366 и т. д.).

Сближение *küj*- 'жечь', 'припекать', 'гореть' с *kün* оправдывается также некоторыми вторичными образованиями, в которых наблюдается то же соответствие. Так, ср.: ног. *qıjas*/*qıjas* 'солнце', 'место, освещенное солнцем при облачной погоде', 'место, освещенное солнцем' (Баскаков II 252, 253); чаг., каз. قویاش *qıjaš* (БСл II, 98);

башк. *кояш*, тат. *кояш*, узб. *қуёш*, уйг. *қуяш* (Исхаков Опыт 67) и *künäš* 'солнце' (ДТС 327; Малов II 397); گنناش *günäš* 'солнце' (АФТ 0110); тур. *güneş* 'солнце' (ТРС 367);

тюрк. *كونيش*/*كونش*/*اكوناش*/*اكوناش*/*اكونس*/*اكوناس* 'солнце', 'очень жаркий день' (БСл II, 165—166); см. также: Исхаков Опыт 67 и др. Сюда же следует включить чув. *хәвәл* 'солнце', венг. *hajnal* 'утренняя заря', 'заря', 'рассвет', тюрк. *kuṅal* 'солнце' и др. (Рясянен 26, 54, 78; Гальди 280; Дмитриев Н. К. Соответствие Л//Ш. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 320).

В тат. диал. наряду с *qujaš* 'солнце' известно *köp* 'солнце' (Ахатов 58).

После сводки форм — уйг. *küpäš* 'солнце', кыпч. *küpäs*, тел. *küpäš* 'солнечная сторона, солнце', тур., крым. *günäs*; бараб. *küjös*; леб. *köjös*; чув. *хәвәл*; ср.-т. ('солнце, жара'), кум., чаг., вост.-тюрк., туркм., кар. Т., леб., шор. *kujaš*; кар. Л. *kujas*; тат. *kəjaš* 'солнце'; як. *kījas* 'жара, жаркий день', *kujās* < *kījāg* 'жарить' (>? тунг. *kujaḡka* 'лесной пожар') — М. Рясянен замечает: «На первые из приведенных примеров, возможно, оказало контаминирующее влияние слово *küp*, *gün* 'день, солнце'» (Рясянен 180). Однако формы с -п- и -j- в этих словах, скорее всего, едины по своему происхождению. На корневом моносиллабическом же уровне форму с -п- следует признать хронологически более древней.

* қар

Др.-т. кар- 'покрывать, закрывать (крышку, какое-либо покрытие, веко)' (Clauson ED 582); қар- 'хватать, захватывать, похищать, красть, таскать' (ДТС 420); кар- 'хватать, схватиться руками, зубами' и т. д. (Clauson ED 580; АТФ 0102; БСл II, 3; РСл II, 403—404; ТРС 510; Рассадин 218 и мн. др.); также ср.: бараб. *kaī-* 'покрываться облаками (о небе)' (РСл II, 3); як. *xāi-* 'запирать, затворять, заточать, заключать (в тюрьму)', эвенк. *kā-*, *ka-* 'закрывать, покрыть крышкой' (ССТМЯ I, 356—357) и т. д.

⇒ др.-т. қар/қір 'сосуд, мех, бурдюк, мешок'; мед. 'оболочка плодного пузыря', 'панцирь' (ДТС 40, 420, 445; БСл II, 1); кыпч. *kaw* 'тонкая кожа', осм. *kav* 'сброшенная зменная шкура' (Clauson ED 578). См. также: РСл II, 400—403, 462—463; Малов СЮ 53; ССТМЯ I, 357 и т. д.

Ср. тур. *qarıš-* 'хватать' ⇒ *qarıš* 'захватывание' (РСл II, 413); чаг. *qarqa-* 'покрыть' ⇒ кум. *qarqa* 'навес' (РСл II, 420); уйг. *qarqi-* 'прицепляться, придерживать-ся' ⇒ тар., чаг. *qarqi* 'капкан, ловушка' (РСл II, 421) и т. д.

О ностратическом характере слова см.: Дмитриева Л. В. Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: ИЭАЯ, с. 181. Некоторые возможные дериваты (в пече-

негских именах-названиях) от данного корня отмечал К. Г. Менгес (см.: *Menges K. H. Etymological notes on some räčänäg names. — Byzantion, 1944—1945, vol. XVII, p. 273—274 etc.*).

А также ср. у Иллича-Свитыча ССН 328, 337, 343, 345, 350: алт. *кара- 'закрывать' ~ драв. *карр- 'покрывать' ~ с.-х. *кр 'укрывать'; картв. *kb-in- 'кусать', *kb-il 'зуб' ~ с.-х. *kb- 'кусать'; и кроме этого (элизия?): алт. *ару-/ *abu- 'брат, хватать' ~ с.-х. *һр 'хватать' ~ и.-е. *Нер- или *Нер- 'доставать, брать'.

* qat

Др.-т. qat- 'накладывать рядами', 'присоединять' (Малов П 412); 'смешивать', 'примешивать', 'смешиваться', 'приправить (суп)' (ДТС 432; Курышжанов 159; Ибатов 133; ФЗ 339; АФГ 0102, 0103); чаг., тур., алт., кирг.-казах., узб. (qot-) и др. qat- 'соединить, смешать, примешивать', 'слагать одно с другим', 'складывать' (БСл II, 5; РСл II, 278—279); а также см.: ЮКЛ I, 74; Мусаев ЛТЯ, 103; САГ 367 и др.

⇔ др.-т. qat 'сторона', 'бок', 'ряд', 'слой', 'пласт', 'ярус', 'складка' [Малов П 412; ДТС 401, 403—404, 423, 432 (в qat qadraq 'складки гор'; qaqa jet qatī перен. 'могила' и др.); Курышжанов 159; Ибатов 133; ФЗ 339]. В современных тюркских языках то же — "часть", "берег"; "крат"; ایکى قات 'двое, двойной', каз. метаф. 'беременная женщина' и т. д. (БСл II, 4; РСл II, 274—275 и др.). См. также: ЮКЛ I, 74; САГ 367.

Синкретизм *qat 'поставь в ряд' ⇔ 'ряд' отмечал в 1877 г. Г. Вамбери (*Vámbéry*. Предисловие XV). В списке односложных форм А. М. Щербак регистрирует праформу *kat 'слой', 'пласт' ⇔ 'присоединять, добавлять', 'смешивать', 'складывать', 'скручивать' (ЩФ 194, 129). О глаголе qat- 'смешивать' в qatir 'мул' см.: *Vámbéry H. Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. Leipzig, 1879, S. 194.*

* qoq

Др.-т. qoq- 'чадить', 'пахнуть горелым (о мясе)' (ДТС 457); алт., шор., леб., саг. qoq- 'сгореть так, что останется только пепел', тел. qoq- 'обуглиться, сгореть так, что толь-

ко угля останутся' (РСл II, 508); тур. qoq- 'иметь, издавать запах, пахнуть' (РСл II, 508; БСл II, 86)

⇔ др.-т. qoq 'пыль', 'прах', 'мельчайшая частица, пылинка' (ДТС 457)¹⁶; бараб., алт., тел., шор., леб. qoq 'зола' (РСл II, 507); др.-уйг. qoq 'земля (как одна из стихий)', алт. qoq 'струп, парш' (РСл II, 507—508); туркм. kok 'запах' и т. д.

О реконструкциях глагольно-именных омонимов *qoq- ⇔ *qoq из дериватов см.: САГ 234, 375, 439. А. М. Щербак отмечает синкретичный корень *kok 'пыль, прах' ⇔ 'тлеть, обугливаться', 'тлеть, издавать запах' (ШФ 194). Из оморфных пар производных ср.: тур. qoqi- 'издавать запах' ⇔ qoqi 'запах' (и по другим языкам) (РСл II, 509—510; БСл II, 86; САГ 375 и т. д.). О некоторых дериватах от этого корня см.: Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 126 и т. д.

*qoş

Общeturk. qoş-/qos-/quş-/... 'соединять, присоединять, добавлять', 'слагать, сочинять', 'прибавить', 'запрягать' и др. (ДТС 460; РСл II, 622—623, 635—636; БСл II, 83 и др.)

⇔ qoş/qos/quş/... 'пара', 'состоящий из двух равных частей, парный', 'вместе находящиеся', 'двойной', 'два предмета, находящиеся друг возле друга', 'пара лошадей и других лошадей, запряженных вместе', 'пара наполненных вином чаш', 'двойной вьюк (равновесно наложенный на обе стороны животного)' (ДТС 460; РСл II, 622—623, 635—637, 1024; БСл II, 82 и т. д.). Сюда же, возможно, относится слово قوز в значении «близнецы», которое П. М. Мелноранский сравнивает с قوش 'пара' (АТФ 059), если قوز не является стяжением из egiz.

Формы типа чаг. qoşa 'двойной, парный' (Рамстедт 183) также свидетельствуют о синкретизме корневого монсиллаба. Глагол qoş- Г. Вамбери считал стяжением:

koş- 'складывать, сложить, прибавить' < koj-uş, kous (Vámbéry. Предисловие VI), с чем трудно согласиться. Глагольно-именной архетип *kōš 'пара', 'вьюк, поклажа' ⇔ 'присоединять, добавлять', 'спаривать' приводится

¹⁶ Ср. qoу I 'сор, соринка (в пище или глазу)' (ДТС₄₅₂).

в ЩФ 194. См. также ЮКЛ I, 76; САГ 373. Ср. монг. *хос* 'пара' и *хош//хой//хор//хог*, выделенные из гомогенных дериватов (Бертагаев 18).

*qij

Общeturк. qij-/qit-/qid- 'срезать, резать (наискось, косо)', 'отрезать', 'сбоку трогать, косить, делать кривым, согнуть', 'скашивать'; *перен.* 'отступать, отказываться, отречься (от своих слов)', 'нарушать (слово)', 'враждебно касаться чего-либо', 'погубить, убить' и др. (ДТС 440; РСл II, 688—690, 786, 855; БСл II, 105) ⇔ тур., чаг. qij (кы) 'берег, край' (РСл II, 687); тур. قی (транскрибируемое в словаре как qij) 'косой, вкось, наискось идущий', 'берег', 'косогор' (БСл II, 103, 106). Ср.: тур. и ср.-т. kiü 'край', 'берег' (САГ 446 и др.). Сюда же, несомненно, следует включить уйг. kiñ 'косой (о глазах)' (ср. с алт. kij- 'коснуться со стороны', 'скосить') из сводки в Рясянен 175. См. там же: гомогенные производные типа kijп 'кривой, косой', kijпн 'сбоку', kiñig 'косой, кривой', qijsaj- 'криво стоять' и т. д. А также др.-т. qin 'враждебный, злобный, злой (о взгляде)' (ДТС 445) (ср. русское *косо посмотреть* и т. п.).

В своем приложении моносиллабов в «Сравнительной фонетике тюркских языков» А. М. Щербак отмечает глагол-имя *kij 'край, кайма' ⇔ 'делать что-либо по краю', 'срезать наискось' (ЩФ 194).

Слово قی (в teñiz qijı) 'морской берег, побережье', сравниваемое с qij 'колодец' и транскрибируемое как qij в Курышжанов 166, скорее всего, гомогенно рассматриваемому нами синкретичному корню. О qij 'колодец' см. в отд. слов. статье: qij- 'лить' ⇔ qij 'колодец' в IV главе.

О некоторых дериватах от корня-основы *qij см.: Современный казахский язык: Фонетика и морфология, с. 126 и др.

*qir

Тюрк. qir-/... 'соскребать, соскабливать, царапать', 'разбить, сломать', 'уничтожить, разбить, убить', 'убивать, уничтожать', 'рубить', 'сокрушить', 'резать' и мн. др. (ДТС 445; РСл II, 735, 861; БСл II, 51; ЩФ 194)

⇔ ср. в БСл II, 51 قیر, قیر 'грань', 'резьба', 'резня', 'убийство', قرچی 'резчик, гранильщик', قرلی

'граненый' и qīg со ссылкой на казах. в значении «дубина», «палица» (РСл II, 734). Сюда же, вероятно, следует включить общетюрк. qīg 'край', 'гребень горы' (Исхаков Опыт 66; РСл II, 732—734, 860; БСл II, 42 и т. д.).

Чар. قير يېقى kīgī- 'царапать (о стреле)' (РСл II, 862) может быть интерпретировано нами как отыменное образование, межтюрк. qīga 'пашня, пахотное поле' (Исхаков Опыт 65—66; РСл II, 735; БСл II, 42 и др.) — как отглагольное.

*oj

Общетюрк. oj-/... с центральными значениями 'делать выемку /углубление', 'углублять', 'выкапывать', 'выковыривать', 'вырезывать', 'гравировать', 'прорубать', 'пробивать отверстие', 'бурить', 'прокапывать'

⇔ oj/... с центральными значениями «впадина», «углубление», «рытвина», «овраг», «долина», «низменность» (ЭСТЯ I, 425—428).

Об этой синкретичной основе см.: Vámbégy 43; Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936, с. 15 (№ 2); Баскаков КЯ, 178; ЮКЛ I, 73; САГ 369—370; ЩФ 195 и т. д.

В ЭСТЯ I, 427 см. о модификациях oj: *oη-/üη-//*oγ-/*ov-; там же см. о семаснологически и генетически близких формах *oη- (462—463), üη- ⇔ üη (634), aη- ⇔ ⇔ aη (155—156), üt- ⇔ üt (639—640), древнедиал. небной параллели к *oj — öj (Там же, 517; хотя на с. 427 пишется, что эта форма отсутствует).

*oη

О тюрк. *oη- 'быть удачливым', 'поправляться', 'выздоровливать' ⇔ *oη 'правый', 'доля, удел, судьба' см.: ЮКЛ I, 71; САГ 370; ЩФ 195; ЭСТЯ I, 456—457.

*öη

В тюркских языках распространена именная основа öη 'цвет', 'цвет лица', 'лицевая сторона' (ср. казах. öηdö- 'приукрасить', öηü žaqsı 'с хорошим видом'), которая может быть соотнесена с глаголом öη- 'выцветать', 'вылинять', 'менять свой цвет', ср. tüsü öηböjtün mata 'не линяющий, не выцветающий материал' и др.

Исчерпывающая сводка форм глагола и имени дана в ЭСТЯ I, 534—535.

* ög

О тюрк. ög-/... 'подниматься вверх'
⇔ ög/... 'подъем', 'верх', 'возвышенность' как самостоятельных морфемах и в составе дериватов см.: ЭСТЯ I, 542—544; ЮКЛ I, 72; САГ 370, 421; ЩФ 195; Наджип I, 295—296, 305 и др.

* sal

Н. А. Баскаков, отмечая, что «некоторые из глагольных корней сохранили еще следы слабой дифференциации с корнями имен и употребляются в современном языке как в глагольном, так и в именном значении», наряду с общезвестными примерами, иллюстрирующими это положение, типа *toj-* 'насыщаться' ⇔ *toj* 'пир, свадьба', *art-* 'навьючивать' ⇔ *art* 'спина' и др., регистрирует и *sal-* 'класть, положить' ⇔ *sal* 'плот' (Баскаков КЯЗ13).

Итак, если верно сближение Н. А. Баскакова, мы имеем глагольно-именную пару: общетюрк. *sal-* 'класть, положить', 'поставить, воздвигнуть', 'бросать, кидать, отбрасывать', 'бить, ударять', 'пригонять, сгонять, прибивать', 'махать, размахивать', 'назначать, определять', 'оценивать, принимать за' (ДТС 482; РСл IV, 344—345, 348 и т. д.) (последовательность развития значений, если все они гомогенны, не совсем ясна)

⇔ *sal* 'плот', 'плот из бурдюков'; *سالچی* 'гонщик леса'; *سالامق* 'сплотить плот, доски' (ДТС 482; БСл I, 689; РСл IV, 343 и др.); возможно, сюда же относятся чаг. *şal* 'деревянная доска' (РСл IV, 960), а также тур. *سال (س)* *sal* 'носилки' (БСл I, 689). Ср. тур. *sal* 'рукоятка лука' (РСл IV, 343) (<* 'рукоятка, на которую, прицеливаясь, кладут стрелу' — именной коррелят для *sal-* 'класть?'); шор. *sal* 'очаг', 'место, где раскладывают огонь' (РСл IV, 344) и др.

По мнению некоторых тюркологов, этот моносиллаб (в значении "плот") имеется в этнониме *selžük/sel-çük/sälçük* 'плотовщик, перевозчик (на плоте/плотах)' < *sal* 'плот' + афф. -çü (лицо, производящее действие, профессия) + афф. уменьшительности (?) -k (или *sälçü* >

sälçük; säl + афф. уменьш. -çük)¹⁷. Ср. тур. salzi 'строитель плотов' (РСл IV, 372).

Именной коррелят к глаголу sal- 'ударить' представлен в казах. qaqsal 'задира', 'вредный' (ср. qaqsal adam 'человек, который, где бы он ни находился, делает вред'), — если эта форма не восходит к казах. qaqsan 'ныть', 'сильно болеть', 'надоедливо повторять, твердить', — а также в казах. qigirsa 'истребительный, уничтожительный' (именная омоформа к значению «бить, ударять», «положить»), которые иногда неправомерно представляют как композиты, состоящие из глагольных корней, что морфологически невозможно¹⁸. Ср.-т. سال sal- 'послать', 'отпустить', по мнению П. М. Мелиоранского, — одно из переносных значений («непервых») глагола سالمق 'класть' (АФТ 094). Долгота в туркм. sal 'плот' по сравнению с sal- 'класть', 'ставить', 'пускать', возможно, как считал Н. К. Дмитриев, разделяя исторически единую (синкретичную) лексему¹⁹, имеет фонематическое значение.

Из производных представляет интерес форма جاله žala (по Ценкеру) 'плот, сделанный из бурдюков и кусков дерева' (РСл IV, 36), которая может быть интерпретирована нами как отглагольная.

В монг., как и в тюрк., sal 'плот' (Сыдыков 207).

* sap

Тюрк. sap- 'соединять', 'составлять', 'списывать', 'охватывать', 'вдевать нитку', 'приставить', 'привить', 'прививать', 'окулировать', 'приставить кусок', 'сучить', 'придельвать одно к другому'

⇒ sap 'ручка', 'рукоятка', 'черенок', 'держатель', 'древко', 'шейка (скрипки и т. п.)', 'нитка', 'нитка для шитья', 'моток', 'сноп' (ДТС 485; АФТ 094; РСл IV, 400—401; БСл I, 682; ТРС 751; Малов СЮ 100; а также ЮКЛ I, 74; САГ 370). А. М. Щербак выделяет глагольно-имен-

¹⁷ Семенов А. А. К вопросу о происхождении слова «сельджук». — Бюллетень АН Узбекской ССР, 1946, № 3, с. 17—18; Сенковский О. И. Собрание сочинений. СПб., 1859, т. 7, с. 639; Кононов РТ 102; Rasopni L. Selçük adinin menseine dair. — In: Bellekten Türk tarih kurumu, 1939, çilt 3, 377—384 b.

¹⁸ Современный казахский язык: Фонетика и морфология, с. 199.

¹⁹ Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке..., с. 183.

ной архетип *sar 'нитка для шитья' ⇔ 'вдевать нитку', 'соединять', 'составлять' (ЩФ 196).

Как видим, можно значения данного синкретичного корня подразделить на две подгруппы: 1) "сучить" ⇔ "нитка" и 2) "приставлять" ⇔ "ручка".

О глагольных и именных значениях этого корня-основы см.: Калужински I, 13; Дмитриева Л. В. Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: ИЭАЯ, с. 182 и т. д.

* ses

Кирг., казах., узб., тур., чаг., каз., уйг., алт., тел., леб., кар. Л. ses-/säs-, sez-/säz- 'чувствовать', 'догадываться', 'предугадывать', 'чуют', 'сознавать за собою вину', 'чувствовать боль' (ДТС 498; Ибатов 192; БСл I, 655; РСл IV, 488 и др.)

⇔ кирг. sez 'чувство', 'гнев', алт. ses 'догадливость'; ср. (?) тур., крым., аз. säs 'голос', 'звук', 'шум', казах. ses 'знак', 'звук' (РСл IV, 487 и др.; см. также: ЮКЛ I, 71—72; САГ 370) и казах. ses во фразеологизмах (Кенесбаев Ф 460—461).

О монгольских, тунгусских, финских параллелях см.: Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия (verba sentiendi) в тюркских языках. — В сб.: ИРЛТЯ 296. -R-варианты наличествуют и в тюркских языках. Так, ср.: *سيزگانمك*, *سيسگانمك* 'испугаться', 'испугавшись, внезапно проснуться' и др. с формами типа *سيركاك* 'внезапное пробуждение от сна', *سرکاک* 'легкий сон' (БСл I, 655); казах. sergek 'осторожный, чуткий' и т. д.

О глагольно-именных совпадениях дериватов см.: САГ 379; ДТС 498, 499; Наджип I, 123.

* ser

Др.-т. ser- 'снаряжать', 'прибавлять', 'поправлять' (Малов П, 421); казах. ser- 'сделать прибавку'; 'брызгать', 'сеять, засеять', 'поливать' (РСл IV, 493—494; КРС 1954, 296); тур., аз. *سپمک* sermek, каз. *سپمک* 'поливать', 'окроплять', 'посыпать' (БСл I, 620); алт. ser- 'приправлять', 'посыпать (мукой, цветами)', 'сделать прибавку' (Вербицкий 296; Вербицкий В. И., Ильминский Н. И., Невский М. А. Грамматика алтайского языка

ка. Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869, с. 249 и т. д.)

⇒ сер алт., тел., леб., кирг. (= казах.) 'прибавка', 'приращение', 'прикраса', 'приданный наряд', 'придача' (РСл IV, 493—494; БСл I, 618 и др.). Ср. сер в казах.: *baqa sijse — kölgö ser* 'помочится лягушка — озеру прибавка' (посл.).

Об этой глагольно-именной паре (со ссылкой на алт.) см.: САГ 370. Ср. с тюрк. сер- 'сыпать', 'высыпать', 'рассыпать' русск. *сып-* (2 л., ед. ч., повел. наклонения) ⇒ *сып-* (на теле).

* *sīq*

Др.-т., кирг., узб., туркм., тур., уйг., крым., алт., тел., казах., каз., чаг. *sīq-/sīq-* 'давить', 'жать', 'выжимать', 'выдавить', 'схватить, скомкать', 'стеснять', 'мучить', 'теснить', 'наседать на кого-либо', 'вынуждать', 'беспокоить', 'волновать', 'задевать', 'подтягивать, затягивать (гайку и т. п.)' (ДТС 504; РСл IV, 605—606, 678; БСл I, 702; ТРС 771 и т. д.)

⇒ др.-т. *sīq* 'малый', 'незначительный' (ДТС 504); тур., крым., чаг. *sīq/sīk* 'тесно сдавленный', 'сдавленный', 'сложенный', 'компактный'; 'часто' (РСл IV, 606, 678); тур., аз. *سِق* *sīq* 'частый', 'часто', 'нередкий (о времени и тканях)' (БСл I, 701); тур. *sik* 'частый', 'густой', 'плотный', 'узкий', 'тесный' (ТРС 770). Синкретичный архетип *sīq 'плотный, частый' ⇒ 'давить, жать' отмечается в ЩФ 196; см. также: ЮКЛ I, 70; САГ 371.

Возможно, именной коррелят *sīj* мы имеем в قاتتى

صیی 'переломил', которое «по догадке автора алтайского словаря... есть деепричастие от неупотребительного глагола *сы-*» (БСл I, 716). Л. З. Будагов считает, «что эта частица скорее подходит под корень *صغمو*, который в алтайском произносится также *сый-*» (Там же). Казах. *sīj-* 'вмещаться' и *sīq-* 'давить', 'сжимать', по-видимому, представляют собой результаты лексикализации единой лексемы с комплексно-обобщенным значением «давить, сжимать, засовывать (толкая), утрамбовывать (толкать), запихивать (толкать)» и т. п. Ср. *sīq-* с *سغ* *sīq-* 'жать, давить', *شغش* *sīyīš-* 'вмещать' (сравниваемое П. М. Мелиноранским с предыдущим *سغمو*)

(АФТ 095), *سِق* *sīq*- 'быть набитым, начиненным' (также сравниваемом с предыдущим *سَغَمِق* 'помещаться, входить (во что-то)'; 'жать, давить' (Там же, с. 96). С другой стороны, известен глагол *sīy*- 'помещаться', единство которого с *sīq*-/*sīy*- 'жать, сжать' отмечал еще в 1869 г. Л. З. Будагов (БСЛ I, 700—701). В этот же ряд включаются также глаголы *sīp*- 'ломаться' (сводку форм см.: Аширалиев 42), *sīt*- 'выжимать', 'выдавливать', 'разбивать', 'крошить', 'разламывать', 'ломать' в памятниках (ДТС 506; Малов П 424; ФЗ 374), а также *sī*- 'влезать, вмещаться', *sī*- 'ломать' (Ибатов 192). О стяженном происхождении *sī*- (>*sī*-?) из *sīy*-/*sīq*- см.: Дмитриев СТЯ 212; *Он же*. Долгие гласные в гагаузском языке. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 205. О неправомерности реконструкции *sī*- 'ломать' см.: БМ 142—143. Говоря о фонетических закономерностях, используемых для дифференциации значений корневой морфемы, Н. А. Баскаков в своей «Историко-типологической морфологии тюркских языков» приводит пример выпадения конечного коренного согласного и фузии с согласным аффикса: *sīp*- < туркм. *sī̄p*- < *sīy*-*īp*-, як. *uip*- 'ломаться, разбиваться'; < *sīq*- ~ *sīy*- + *-īp*-; ср. *sīq*- 'давить, жать, теснить' (ДТС 504), 'разрушать' (по В. Радлову), *sīj-īq* 'обломок' (ДТС 513) < *sīq*- ~ *sīj*- + *-īq*; *sīq-īy* 'гнет и притеснение' и т. д. (БМ143).

Однако в данном случае возможно другое решение — соответствие *p* ~ *j* ~ *q* ~ *γ* в корневом согласном. Сравнение др.-т. *sījīq* 'обломок', возводимого Н. А. Баскаковым к *sīq*- ~ *sīj*- + *-īq*, с однотипным по своей структуре казах. *sīpīq* в том же значении позволяет нам установить корень *sīp*- ~ *sīj*- ~ *sīq*- ~ *sīy*-. Эта реконструкция подтверждается другими примерами типа *oj*- ~ *up*- ~ *uγ*-, выявленными Н. А. Баскаковым на основании анализа параллельных производных форм с общим значением (БМ 151), общетюрк. *kūj*- 'припекать', 'гореть', 'жечь' ⇔ *kūp* 'солнце' (см. отд. слов. статью) и др. (в последнем случае представлены формы глагольно-именной пары, восходящей к единой праформе с комплексным значением). Для *jūp*- 'мыться', по мнению Н. А. Баскакова, однотипной *sīp*-, вполне оправдана этимология, основанная на том, что *jūp*- является стяженной формой. Кроме того, она подтверждается и казах. формой *žuw-up*- 'мыться'.

М. Рясянен сближал тюрк. *sīq*- 'втянуть', 'уйти в зем-

лю (о воде)', 'потонуть, провалиться', 'впитываться' с sīy- 'проникать, входить' ~ sīj- ~ sīη- 'умещаться', sūη- 'нырять' (Рясянен 175).

О некоторых глагольно-именных совпадениях дериватов см.: Наджип I, 130; РСл IV, 632 и др.

* tal

Тел., алт., шор., саг., койб., качин., казах., кирг., каз., ком., крым. tal- 'уставать', 'быть таким усталым, слабым, что не мочь двигаться', 'падать в обморок', 'терять сознание' (РСл III, 876—877); тув. dal- в том же значении; в тат. йокыга талу — 'клонить ко сну', в башк. 'погружаться в сон', в тур. dalmak '(быстро) погружаться, окунаться, нырять'; '(быстро) входить, проникать, влетать, врываться, вторгаться'; перен. 'погружаться, окунаться, уходить с головой'; воен. 'вклиниваться'; 'забываться, начинать дремать', 'впадать в забытье' (ТРС 207) (ср.: тур., крым. dal- 'быть погруженным' (РСл III, 1632) и т. д.)

⇔ кирг. dal 'растерявшийся', 'опешивший', 'расслабленный', 'обессиленный'; ср. dal в тур.: Yar geliyor diyende dal çukudan çuandı (Türkçe sözlük, Ankara, 1959, S. 191) 'когда сказали: «Идет любимая», — он очнулся от глубокого сна' (САГ 371); имя это представлено и в казах. dal 'растерянный', 'опешивший', ср.: dal bol- 'растеряться', 'оказаться в отчаянном положении', dal qil- 'привести в растерянность, в затруднительное положение' (КТС 1978, 35—36).

Отмечая древнейшие синкретичные корни * qat 'поставить в ряд' ⇔ 'ряд', * saq 'считать' ⇔ 'число', * sus 'успокаивать' ⇔ 'спокойный' и др., Г. Вамбери приводил также *tal 'внизу' ⇔ 'заходить, тонуть' (Vámbéry. Предисловие XV).

В словаре Л. З. Будагова отмечаются طالمنق чаг. تالينماق, تالمنق 'метаться', 'противиться', 'шататься', 'биться', с одной стороны, и чаг. تالين 'тяжелое дыхание собаки, высунувшей язык от усталости или бешенства' — с другой (БСл I, 729). Подобные глагольно-именные соответствия дериватов от тюрк. طالمق (د) talmaq 'утомиться', 'устать', 'изнемогать, ослабевать' (БСл I, 728—729) подтверждают синкретизм исходного корня * tal/* dal.

Интересно, что Л. З. Будагов после анализа слова

دال 'корень' добавляет, что эта форма также есть «и повелительное наклонение глагола *ط* *دالمق* 'погрузить', 'вонзить'», а *دال قليج* ученый переводит как "вонзи меч" (БСл I, 548).

* *taš*/* *tīš*

Др.-т., ср.-т., кирг. (=казах.) (наряду с *tasī-*), тур., чаг., крым., кар. Т., тел., мищер., шор., леб., чулым., качин., узб., аз. и др. *taš-/daš-/tas-* 'переливаться через край', 'выходить (выступать) из берегов', 'разливаться', 'подняться (о воде)', 'быть вне', 'выйти из границ'; 'выплывать'; 'прибывать', 'выслать', 'выгнать'; 'волноваться, кипеть', 'возбуждаться', 'выходить из себя', 'стать дерзким, наглым' и т. д. (ДТС 540; Ибатов 202; ТРС 832; РСл III 916, 918, 933—934; БСл I, 725 и др.)

⇒ др.-т., ср.-т., саг., тур., чаг., тар., шор., узб., алт., туркм. *taš/daš/tas* 'внешний вид', 'облик', 'наружная, внешняя сторона', 'внешность', 'вне', 'наружность', 'наружный', 'внешний', 'верхний (об одежде)' (ДТС 539; Ибатов 202; РСл III, 916, 931; БСл I, 725); сводку форм также см.: Аширалиев 35 и др.

Сюда же, несомненно, следует включить казах., тел., алт., каз., тоб. и др. *tīs/tīš/dīš* в тех же значениях (РСл III, 1336—1338; БСл I, 416); чув. *tul* 'наружный', 'внешний', закономерно соответствующее тюрк. *tīš/taš/dīš/dāš*²⁰ и др.

О комбинаторном чередовании гласных типа *taš ~ tīš* 'внешнее', типичном для тюркских языков, см.: Рясянен 55.

Интересно, что после чаг. *تيشماك* 'развязать', 'распутать', 'отпустить' Л. З. Будагов писал: «Вероятно значение этого глагола произошло от слова *طيش، تيش* 'вне', 'внешность', в каз. *طيش ايتماك* также значит 'уволить', 'выпустить'» (БСл I, 416), — предлагая тем самым глагольный коррелят и для тюрк. *tīš*. По мнению М. Рясянена, тюрк. *šīq-* 'выходить' возникло в результате редукции гласного из *tašīq-* 'выходить': в современных тюркских языках *čīq-/šīk-* и т. д. 'кончатся, выходить' < *tšīk < *tʰšīk < *tīš ~ taš* 'внешняя сторона' > др.-т., уйг. *tašīk-* 'выходить', як. (метатеза) *taγus-* 'выходить', чув. *toχ-* 'выходить' < **tolχ-* < **tal'ik-* (Рясянен 51).

²⁰ Дмитриев Н. К. Соответствие Л//Ш. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 320.

Об этом синкретичном корне см. также: ЮКЛ I, 76; САГ 371. Ср. архетип *tāš I 'внешний, вне' ⇔ 'переливаться через край', 'выходить из берегов' в ЩФ 197 и т. д.

*tat

Др.-т., ср.-т., казах., тат., башк., узб., аз., тур., чаг., тар., крым., ком., кар. Л., тел., алт., саг., койб., качин., чулым., кирг., туркм. tat-/dat-/dad-/ta:t-/da:t- 'пробовать', 'вкусать', 'отведывать', 'приходиться по вкусу, быть приятным', 'найти вкус в чем-то', 'иметь вкус', 'быть вкусным', 'делаться сладким', 'испытывать', 'познавать', 'изведывать'; 'подвергаться', 'попасть', 'претерпевать', 'отзываться', 'отдавать, иметь посторонний привкус, запах' и т. д. (ДТС 541; Малов П, 427; Боровков 289; Наджип I, 123; ФЗ 388; АФТ 090; Курышжанов 197; РСл III, 900—901, 1638; ТРС 833); см. также. Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках. — В сб.: ИРЛТЯ, с. 297—298 и др.

⇔др.-т., ср.-т., чаг., крым., тур., тар., бараб., тоб., казах., тел., каз., алт., чулым., тат., аз., узб. tat/dad/dad/ta:t/da:t 'вкус', 'сладость', 'пряность', 'чувство', 'удовольствие', 'наслаждение', 'фруктовый сироп', 'сладость', 'конфеты', 'питье'; сюда же относятся чув. tut/tutā и именной корень в образованиях типа tatli /tatliγ/tätti 'вкусный', 'сладкий' в древних и современных тюркских языках (ДТС 542; Малов П, 427; Наджип I, 79, 85, 121, 123; ФЗ 388; АФТ 090; Курышжанов 197; ТРС 832, 833; РСл III, 898—900; БСл I, 329, 720 и др.).

Об этом синкретичном корне см. также: Дмитриев Н. К. Глаголы речи (*verba dicendi*) в языках тюркской группы. — В кн.: Дмитриев СТЯ 572; ЮКЛ I, 74; САГ 367—368, 443; ЩФ 129, 197; также см. Котвич 44, где среди примеров чувашских «удлиненных» форм, соответствующих моносиллабу в других тюркских языках и в монгольском, приводится тюрк. tat, чув. tudə, монг. dad-, das- 'вкус', 'привыкать'.

*toj- ⇔ *toj/*toq

Общетюрк. toj-/doj-/tuj-/tot-/tod-/toδ-/toz-/los- 'насыщаться, пресыщаться (в прямом и переносном значениях)', 'наедаться', 'быть сытым, пресыщенным', 'накушаться' (ДТС 569, 570, 572, 579; ФЗ 391; Ибатов 208; БСл I, 577, 749, 754; РСл III, 1142, 1205, 1206, 1208, 1701;

также см.: *Дмитриев Н. К.* Соответствие Р//Д//Т//З//з//И. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 328 и т. д.)

⇔ общетюрк. тоq/як. tot/... 'сытый', 'насыщенный', 'наполненный', 'компактный', 'питательный' (ДТС 576; ФЗ 391; Ибатов 208; БСл I, 339, 749; РСл III, 1144—1145); сводку форм см.: Аширалиев 43 и др.; сюда же обычно относят общетюрк. омонимичное тоj/доj 'пир', 'пиршество' (РСл III, 1141, 1701; ДТС 572; ФЗ 391; Ибатов 208 и т. д.). Это омонимичное сочетание глагольных и именных форм отмечают в грамматиках как реликт предыдущих стадий развития языка, пережиток древнейшей нерасчлененной категории имен-глаголов (см. об этом, например: Баскаков КЯ 162, 178, 312, 390; *Батманов И. А.* Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936, с. 9 и т. д.).

С тюрк. тоq 'сытый' Г. И. Рамstedт сравнивает tod- 'насыщаться', зап.-тюрк. toj- — то же, тюрк. tol-, як. tuol- 'быть полным' (Рамstedт 128, 199). См. также: ЮКЛ I, 73; САГ 371—372; *Байрамов Ф.* Аналитическое глаголообразование в языке эпоса «Книга моего деда Коркуда», с. 94 и мн. др.

Формы типа чаг. тоqа 'насыщенный', 'полный', 'сытый' (Рамstedт 183; РСл III, 1146) могут быть свидетельством исторической реальности глагольной омоформы тоq-.

О критике восстановления основы-корня тоq, toj-/tot- и др. в форме to- 'насыщаться' см.: БМ 142. Ср.: тюрк. tosiq 'сытость' Г. И. Рамstedт членит не на to-siq, а на tod- 'быть сытым' + siq (Рамstedт 146).

Следует также заметить, что семасиологически ближе к глаголу toj- 'насыщаться' (семантически коррелятивна) форма тоq 'сытый', а не toj 'пир'. Так, ср.: в БСл I, 577, 754 и др. везде, где приводится глагол *طويماق، دويماق* даются отсылки к *توق، طوق* или глагол регистрируется в одном гнезде с *طوق* (БСл I, 749).

*toŋ

Корень-основа toŋ-/ton-/tuŋ-/doŋ-/don- и др. 'мерзнуть', 'замерзать', 'зябнуть', 'стынуть', 'замирать', 'обмирать', 'застывать' ⇔ toŋ/ton/tuŋ/doŋ/don и др. 'мерзлый', 'замороженный', 'мороз', 'холод', 'остывший', 'крепкий', 'твердый', 'жесткий' (ДТС 574—575; Малов II, 433; Ибатов 211, 215, 266; РСл III, 1170—1171, 1434, 1710—

1711; БСл I, 573. Также см.: ЮКЛ I, 70; САГ 368; ЩФ 197; Юлдашев ПС 228 и т. д.).

*tuš

Имя *tuš* 'то, что напротив', 'передняя часть чего-нибудь' и глагол *tuš-* 'повстречаться' (по М. Кашгари). Ф. Байрамов объединяет в глагольно-именную пару, отмечая, что основа *tuš* здесь является и именем и глаголом. Однако попытка возведения автором *tuš* к *tu-* 'закрывать', 'запрудить'²¹ неоправдана как с семаснологической, так и с морфологической стороны (БМ 142). Там же Ф. Байрамов приводит производные (со ссылкой на словарь Л. З. Будагова) *tušlaš-* 'взаимно встречать друг друга' и *tušlaš* 'встреча', 'прием', 'выход навстречу', свидетельствующие о том, что «более позднее образование *тушлаш* также носит синкретический характер». Заметим, что эти образования прежде всего позволяют выделить из них имя *tuš* 'встреча', коррелятивное вышеупомянутому глаголу *tuš-* 'повстречаться'. Сближение же значений 'то, что напротив' и 'повстречаться' без переходных этапов семантического движения этих, вполне возможно, гомогенных значений представляется нам несколько затруднительным.

Ср. др.-т. *tuš* 'противолежащий', 'противолежащее место', 'напротив', 'наоборот', 'взамен', 'в противовес'; 'замена', 'возмещение', 'оплата'; *tuš* в *tuš bol-* 'встречаться', 'наталкиваться'; *tuš qil-* 'заставить встретиться' и глагол *tuš-* 'встречаться' (ДТС 590); а также чув. *těl* 'место, место встречи' (ср. *těl pul-* 'встречаться') и туркм. *dūš-* 'встречаться', сопоставляемые в ЩФ 55, и мн. др. О синкретичной праформе *tūš 'время', 'место' ⇔ 'встречаться' см.: ЩФ 198; ЮКЛ I, 76.

*tüz/tiz

Во многих древних и современных тюркских языках наличествует синкретичный корень *tüz-/düz-/diz-/tiz-/töz-/tev-/tüs-/tir-* 'выравнивать, равнять', 'выпрямлять', 'делать прямым', 'исправлять', 'приводить в порядок', 'наводить порядок', 'устраивать', 'улаживать', 'улучшать', 'настроить (инструмент)', 'вставить/поставить в ряд'; 'нанизывать', 'насаживать' и др.

⇔ *tüz/düz/diz/tiz/löz/tev/tüs/tir* 'ровный', 'плоский',

²¹ Байрамов Ф. Аналитическое глаголообразование в языке эпоса «Книга моего деда Коркуда», с. 95.

'равный', 'одинаковый', 'гладкий'; 'равнина', 'степь'; а также 'верный', 'истинный', 'исправный' и др. (ДТС 557, 564, 602; АФГ 092; ФЗ 383—384; Ибатов 214; БСл I, 391—392, 571, 579; РСл III, 1293, 1581; Рясянен 58; ЮКЛ I, 71; САГ 368; ЩФ 198 и др.).

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 321: алт. *tūr' ^- 'протыкать, нанизывать' (о монг. dūgū- 'протыкать, всовывать', туркм. dūz- 'нанизывать', тув. diz- см.: ВЯ, 1963, № 6, с. 47) ~ драв. *tūr- 'проходить через отверстие'.

*tūj- ⇔ dük

Тюрк. tūj-/tōj-/tök-/tög-/tü:-/tus-/dög-/... 'ударить (слегка)', 'ткнуть (кулаком)', 'бить, ударять', 'тыкать', 'размельчать, толочь, молотить' и др. во многих современных и древних языках (ДТС 579; ФЗ 382; Курышжанов 108; Ибатов 209; РСл III, 1499, 1527, 1528 и т. д.)

⇔ др.-т. dük в dük иг- *изобр.* 'ударить (слегка)', 'ткнуть (кулаком)' (ДТС 161); бараб. tük-tük 'стукотня' (РСл III, 1530); тур. tîq 'подражание звонкому звуку' (Там же, с. 1300); сюда же, возможно, следует отнести ономатопоэтическое (подражание стуку?) dîq tîq 'клюв' (Дмитриев СТЯ 64 (№ 11), 75) и др. Гагауз. d'ü:- 'бить', 'толочь' = тур. dōi- < dök'- (тип стяжения: ö/ü + j(i) > ü:) (Дмитриев СТЯ 211).

Этот корень, по всей вероятности, гомогенен тюркскому синкретичному корню *tîq/*tik в глагольных и именных значениях "вонзить", "уколоть" ⇔ "прямой, прямо стоящий", "шов", "сплица" (см. отд. слов. статью). Сравнивая корни *tîq/*tik и *tūj/*tük, легко проследить лексико-семантический сдвиг в огубленных и нелабиализованных формах.

*tüş

В САГ 372 объединяются в глагольно-именную пару *tüş- 'падать', 'сходить', 'слезать' ⇔ tüş 'остановка', 'место или время отдыха в пути', по М. Кашгари. Кроме этого, с общетюркским глаголом tūs-/tüş- 'сходить вниз', 'падать вниз', 'упасть', 'спуститься', 'слезть', 'попасть куда-нибудь' (РСл III, 1577—1578, 1587—1588; Аширалиев 39 и др.), по-видимому, можно сопоставить как его именную коррелят также общетюрк. tūs/tüş 'полдень' (РСл III, 1576, 1586), потому что «глагольный корень түш- означа-

ет не только 'слезать', 'падать', но и 'попадать (так сказать) в точку', что связано, между прочим, с обозначением солнцестояния или положения солнца в полдень»²².

Сравним у Иллича-Свитыча ССН 318: алт. *t'ül'- 'входить, падать' (бурят. *tūlgū-* 'входить', туркм. *düš-*, диал. *tüš-* 'падать', кор. *tyg-* 'входить') ~ урал. *tule- 'приходить, спускаться'.

*tīq/*tik

Общетюркское *tīq-/tik-* 'устанавливать, втыкать, водружать', 'затыкать', 'ставить', 'ставить (торчком)', 'ставить (палатку, юрту, статую — "каменную бабу" и др.)', 'воткнуть', 'посадить (дерево)', 'совать', 'вбивать', 'вонзать с силой', 'вколачивать', 'набивать', 'впихивать', 'втискивать', 'уколоть, колоть', 'шить'

⇒ *tīq/tik* 'прямой', 'вертикальный', 'отвесный', 'прямостоящий', 'прямо', 'стоймя', 'крутой'; 'щель, шов'; (тур.) *tīy* '(вязальная) спица', 'игла', 'шило' (ДТС 160, 558, 569; Малов П 430; Боровков 304; БСл I, 316, 416—418; РСл III, 1300, 1345, 1347, 1348, 1409; ТРС 859—860; Баскаков Н 241 и мн. др.).

Казалось бы, можно включить сюда же ср.-т., тур., аз. и др. *tīy/tig/tīy* 'меч', 'шпага', 'сабля'; 'орудие с откинутым лезвием, употребляемое сапожниками, портными и седельщиками', 'острый конец передней части лодки' (ср. тур. *tīy* 'спица', 'игла', 'шило' в ТРС 859), однако в данном случае мы имеем дело с персидским заимствованием (см. Эраб вэ фарс 648; Боровков 304; БСл I, 416; РСл III, 1304—1305; ТРС 862; а также Севортян Э. В. Выпадение согласных в южных тюркских языках. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 290).

О закономерности чередования гласных переднего и заднего ряда в одном и том же корне отдельных тюркских языков см.: ИСГТЯ I, с. 115. Тем не менее несмотря на общность семантики, в некоторых тюркских языках эти формы используются для семантической дифференциации комплексного значения; ср.: казах. *tik-* 'шить' и *tīq-* 'втыкать, вонзать'.

О соответствиях в монг., кор., тунг. языках см.: Рамстедт 55. Синкретичный корень выделяется также в ре-

²² Дмитриев Н. К. Глаголы мышления (*verba sentiendi*). — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 579.

зультате помодельного анализа дериватов; ср., например: др.-т. *tikçi* 'портной' (Курышжанов 200 и т. п.), имеющее в своем составе именную корневую омоформу.

*t̄in

Распространенный в большинстве современных и древних языков синкретичный корень *t̄in/*t̄in/*t̄in и др. имеет широкий ряд гомогенных значений, которые можно условно подразделить на следующие коррелятивные пары:

I) 'дышать', 'вздыхать', 'дуть' ⇔ 'вздох', 'дыхание', 'дух', 'жизнь', 'душа'; II) 'переводить дух', 'отдыхать', 'передохнуть', 'делать остановку', 'останавливаться' ⇔ 'отдых', 'передышка'; III) 'успокаиваться', 'затихать', 'притихнуть', 'молчать' ⇔ 'покой', 'спокойствие', 'отдых', 'тишина', 'безмолвие', 'тихий', 'бесшумный', 'молчание'. Сюда же относится именно *t̄in/t̄in/d̄in/t̄ün* 'слушание', 'подслушивание' в казах. *ün-tün žoq* 'нет ни слуху, ни духу', *t̄in t̄inda-*, туркм. *d̄in sal-* 'подслушивать' и т. д. (ДТС 567, 586; Малов П 436; ФЗ 389; Курышжанов 202; Ибатов 211, 216; РСл III, 1275, 1312—1314, 1360, 1361; БСл I, 423, 562, 739—741; а также см.: ЮКЛ I, 69; САГ 24—25, 372, 429; ЩФ 197; Рясянен 63 и др.).

*us

Тюрк. *us-* 'думать', 'разуметь' ⇔ *us* 'дума', 'разум' отмечается во многих источниках (Clouston ED 240—241 и др.), хотя не всегда в одном и том же языке или памятнике (тексте) встречаются обе формы; ср.: *us-* 'думать' (ДТС 616) и *us* 'ум', 'мысль', 'разум', 'сознание' (Курышжанов 210; Ибатов 223); *اس* *us* у М. Кашгари (с пометой "огуз") 'человек, отличающий зло от добра', *اوص* *us* 'ум' у Абу-Хайана, глагол *usmaq* 'намереваться' у Ибн аль-Муханны и т. д. (Наджип I, 324—326; ЭСТЯ I, 606—607).

«Возможно, что допустимо сравнение *us* с *es*, имеющим те же значения. Можно в связи с этим отметить известное "районирование" обеих форм: *us* в юго-западных, *es* в северо-западных языках, а также в узбекском и уйгурском. В кыпчакских памятниках хорошо известны и *uo* и *es* (при этом *us* — в большем числе памятников), но в огузских памятниках *es* не встретилось» (ЭСТЯ I, 607).

Учитывая формы *uz-/oz-* в *oj-* 'мыслить' ⇔ *oj* 'мысль', а также известное соответствие *j ~ d/t ~ ʃ ~ z/s*, можно предположить гомогенность этих форм.

**üη/in*

Др.-т. и др. *üη-* 'пробивать отверстие', 'сверлить' (ДТС 626); 'просверливать' (*Räsänen VEWT 521b*) в ЭСТЯ I, 634 связывается с именной омоформой *ün/in* 'нора', к которой восходят глаголы, образованные афф. -*qī-*: *üηgü-/üηgi-* в современных тюркских языках со значением 'делать/копать яму'. Этот дериват является также синкретичным, что еще раз подтверждает вышеприведенную этимологию, ср.: казах. глагол *üηgü-* и имя *üηgü* в *üηgölö-*, по семантике близком к *üηgü-* 'копать/делать углубление'.

Э. Н. Наджип связывал рунические *in* 'нора' с *in-* 'спускаться' (Наджип I, 452). Действительно, интересна связь общетюрк. *in/en* 'нора', 'берлога', 'пещера', 'отверстие, трещина в земле'; 'пустой', 'порожний', 'необитаемый' (ДТС 173, 209, также см. 261, 267: *jīn/jīn*; Ибатов 251; БСл I, 211, 508; РСл I, 729, 1438 и др.) с общетюркским глаголом *en-/in-* 'спускаться', 'сходить', 'опускаться', 'войти' (ДТС 173; Ибатов 251; РСл I, 727—728, 1439 и др.); ср. индоевропейское *in* 'в', 'внутри', кор. *an* в том же значении (*Ramsiedt SKE 52*), хотя в последних примерах возможно и случайное совпадение.

Анализ многих дериватов от этих корней (см., например, разработку А. Т. Кайдарова в КТКЭС 156—158) показывает бóльшую вероятность первой этимологии, связывающей значения 'пробивать отверстие' ⇔ 'отверстие/нора'.

Возможно, вышеизложенные формы гомогенны **oj/öj/*ov/ev/*ot/ut/üt* в глагольно-именных значениях 'копать, углублять' ⇔ 'углубление, яма, нора, жилище' (*Vámbéry 43, 44*), а точнее, представляют их праформу **üη-* (/öη- и др.). Ср.: гл. **oη-* в тув. *oηу* 'окоп' (ЭСТЯ I, 462) и т. д.

*čīž

Каз. *čīž-* 'жарить на масле' (РСл III, 2097) ⇔ *čīž* в чэг. *čīžlik* 'остатки от вытопленного курдюка' (РСл III, 2150). Ср. кирг. (= казах.) *šīžī-* 'печь (о солнце)', *šīžīq* 'остаток от вытопленного жира', перен. 'испытанный',

'опытный', *šīžīlda-* 'жариться на огне', *šīžyig-* 'жарить, топить жир', 'мучить кого-нибудь словами' (РСл IV, 1060—1061), причем последняя форма с аффиксом побудительности говорит о наличии глагольного корня *šīž-* в казах., так же, как и в *šīžit-* в том же значении, и имени *šīž* (?) из *šīži-* 'печь' < *šīž* + *-i-* и *šīž-miž bolma* 'не горячись не сердись'.

*šaq

Межтюрк. *šaq-/šaq-/saq-* 'ударять', 'высекать (искру, огонь)', 'колоть (дрова)', 'разбить полую кость', 'заставлять шлепать', 'выстрелить', 'взрываться', 'сверкать' (о молнии)' и т. д.

⇔ *šaq/šaq/saq* 'стукотня', 'подражание шуму шлепка', 'подражание звуку, возникающему при столкновении двух предметов (о камне, металле)', 'отрывистый звук', 'звук от удара' и др.

Это же слово наличествует в редупликационных казах. *šaq-šiq* 'бряцание, лягз', аз. *šaq-šaq* 'трещотка', 'погремушка', др.-т. *šaq šiq* изобр. 'отрывистые звуки', кирг. (= казах.) *saq-saq* 'звук от стукотни' и др.: а также *šaqšaq* 'грохот', 'кастаньеты' (ДТС 140; РСл III, 1831, 1832; РСл IV, 191, 241, 930, 931; Дмитриев СТЯ 65, 73, 79, 98 и т. д.). Также см.: ЮКЛ I, 70; САГ 381, 384. Ср. шор. *sāq* 'ступка' (РСл IV, 241) и саг., тел. *sōq* 'ступка' (Там же, с. 518) (не связано ли последнее с общетюрк. *soq-* 'бить'? Или здесь представлена стяженная форма, о чем, возможно, свидетельствует долгота в корне?).

Критику реконструкции основы в виде *ša-* 'бить' (А. А. Зайончковским) см. в БМ 142.

*šav

Чаг. *šav-* 'сделаться известным' ⇔ др.-уйг., тур. *šav* 'слава' (РСл III, 1934), несомненно, одно из переносных значений основного — "шум", "крик", "гомон" и т. д. (см.: в отд. слов. статье *šay-* 'шуметь' ⇔ *šay* 'шум').

*šar

Значения тюрк. *šar-/šar-* можно подразделить на несколько подгрупп, причем каждая из них обнаруживает свои именные корреляты; приведем эти подгруппы:

1

ĉar-/šar- 'скоро ехать', 'скакать', 'бегать', 'бежать иноходью' ⇔ тоб., кирг. (=казах.) شاب 'скорый', 'скоро', 'быстро', 'скачка' (БСл I, 659); чаг., аз. چاپ 'галоп', 'скач' (Там же, 451—452); ср. кирг. ĉар, казах. šar — подражательное слово, означающее проворное, ловкое движение (в ĉар et-, šar beg- и т. д.).

2

ĉar-/šar- 'нападать', 'совершать/делать набег, нашествие', 'разграбить' ⇔ ĉар 'нападение', "такое же бедствие для кочевников, как и баранта" (см.: Валиханов Ч. Ч. Извлечения из جامع التواريخ — Соч., Алма-Ата, 1961, т. 1, с. 164); ср. перс. ĉар 'грабеж', которое, по мнению Э. Р. Тенишева, «безусловно, тюркского происхождения» (Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — В сб.: ИРЛТЯ, с. 289—292).

3

Кроме всего этого, ĉar-/šar- 'бить', 'ударять', 'рубить', 'сечь', 'косить (сено)', 'колоть' и т. д. ср. с иранским заимствованием (?) šar 'сабля, меч', в кирг. и тур. 'прямой меч' (РСл IV, 981). В последнем источнике заимствованный характер слова не оговаривается, хотя в Юдахин 901 это слово отмечается пометой «иранск.». Ср. корень ĉar/šar в ĉarla-/šarla- 'бить', 'шлепать', 'влепить пощечину' (Курышжанов 217, 222); казах. šarta- и ног., ккал., у Абу-Хайяна — ĉar-/šar- в тех же значениях (Там же).

О глаголе, его формах и значениях см.: Малов П 376; БСл I, 451—452; РСл IV, 196, 981; АФТ 088; Аширалиев 41 и мн. др.

*ĉat

Межтюрк. ĉat- 'соединиться', 'задеть', 'зацепиться', 'столкнуться', 'наткнуться (борт о борт и разбиться)', 'пристать', 'иметь стычку, сражение', 'соединяться', 'дойти до чего', 'хмурить' (в قاش چاتمق 'нахмурить брови'); 'складывать', 'прикреплять концом друг к другу', 'ставить в козлы ружья' и др.

⇔ ĉat/šat — звукоподражательное слово "тук-тук";

'разветвление реки', 'рукав реки', 'угол, образуемый от-
ростками дерева', 'промежуток между двумя пересекаю-
щимися линиями', 'отросток, ветвь', 'шель'; 'пах'; 'мига-
ние глазами'; тюрк. چات چات 'столкновение двух
предметов', 'толчок'; چات پات 'большой шум', 'сту-
котня', 'спайка тазовых костей', 'место пересечения двух
дорог, улиц', 'развилка', 'развиллина', 'место соединения
ног', 'пространство между двумя реками перед их слия-
нием', 'земля, ограниченная двумя соединяющимися ре-
ками' (РСл III, 1892—1894; РСл IV, 194—195, 968; БСл I,
453—454; Юдахин 851; а также см.: Дмитриев СТЯ 75, 77;
САГ 416 и мн. др.); сюда же относится казах. диал. сат
'глубокий овраг, рассекающий (высокую) гору'²³.

Как мы видим, значения данной лексики довольно
разнообразны, что дает нам возможность обозначить не-
которые соответственные глагольно-именные корреляты:
I) 'столкнуться', 'наткнуться', 'иметь стычку' ⇔ звуко-
подражание стуку; 'столкновение', 'толчок', 'стукотня',
'шум'; II) 'соединяться', 'складывать/прикреплять кон-
цом друг к другу' ⇔ 'разветвление, рукав реки', 'проме-
жуток между двумя пересекающимися линиями', 'спайка
тазовых костей' и т. п.; III) 'хмурить/нахмурить (брови)',
'соединяться' ⇔ 'мигание глазами' и т. д.

*çoq

Алт. çoq- 'собирать, складывать в кучу', др.-уйг. çoq-
'туго связывать', шор. çoq- 'класть в кучу (товар, вещи)',
возможно, сюда же относится тур. uoğtak 'густеть', 'сгу-
шаться', 'застывать', 'становиться плотным'

⇔ тур., крым., саг. çok 'много', 'сильно', 'очень, ульт-
ра', 'слишком много', 'долго'; а также (как в ЮКЛ I, 70),
кирг. çoq/казах. çoq 'кисть', 'кисточка'; др.-уйг. çoq 'свер-
ток', 'узелок' (ТРС 196, 929; РСл III, 2004; РСл IV, 1023).

Глагол çoq- мы имеем в этнонимах типа çoqa (подрод
uwaq) (букв. "сборище")²⁴ < çoq- + -a.

²³ Сарыбаев Ш. Ш. Семей облысы Маканшы ауданында тұра-
тын қазақтардың тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер тура-
лы. — Қазақ тіл білімі мәселелері. Тіл мен әдебиет институтының
еңбектері. Алматы, 1959, 1-т., 43-б.

²⁴ Қоншин Н. Я. Заметка о происхождении родов Средней кир-
гизской орды. — В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области
на 1900 г. Семипалатинск, 1900, вып. IV, с. 125.

Рассмотренный нами синкретичный корень несомненно гомогенен $j\ddot{y}$ - 'собирать' $\rightleftharpoons j\ddot{y}$ 'полный' (см. в отд. слов. статье).

* $\dot{\zeta}uq$

Шор. $\dot{\zeta}uq$ - 'шуметь' $\rightleftharpoons \dot{\zeta}uq$ 'шум' (РСл IV, 1096) входит в синкретичный комплекс * $\dot{\zeta}ay$ /* $\dot{\zeta}uv$ в тех же значениях (см. в отд. слов. статье).

* $\dot{\zeta}i\ddot{s}$

Во многих древних и современных тюркских языках имеется глагольно-именная основа $\dot{\zeta}i\ddot{s}$ -/ $\dot{\zeta}i\ddot{s}$ -/ $\dot{\zeta}i\ddot{s}$ -/ sis -/ $ti\ddot{s}$ - 'пухнуть', 'опухать', 'вспухнуть', 'надуться', 'распухать', 'нарывать', 'толстеть', 'делаться толстым', 'вздymаться, подниматься'

$\rightleftharpoons \dot{\zeta}i\ddot{s}$ / $\dot{\zeta}i\ddot{s}$ / $\dot{\zeta}i\ddot{s}$ 'опухоль', 'веред', 'опухший', 'нарыв', 'чирей', 'предмет с острым концом, вертел', 'вздутие', 'отек, нарост', 'шишка', 'волдырь' и т. д. (ДТС 506, 524; БСл I, 680—681; РСл IV, 1060, 1082, 1083, 1094; ЮКЛ I, 76; САГ 373; Наджип I, 124; Юлдашев ПС 235; ЩФ 198).

Возводя русск. *шиш*, *шишак* к тюрк. *шиш* 'опухоль', 'вертел', Н. К. Дмитриев отмечал, что в тюркских языках «именная основа *шиш* 'опухоль' употребляется в качестве глагольной *шиш-мек* 'пухнуть', 'опухать'»²⁵.

* $\dot{\zeta}ay$ / $\dot{\zeta}oy$

Др.-т. $\dot{\zeta}ay$ -/ $\dot{\zeta}oy$ -/ $\dot{\zeta}oy$ - 'завязывать, связывать (узлом)', $\dot{\zeta}ek$ - 'тянуть', 'затягивать', 'завязывать' (ДТС 136, 143, 147, 152); тар., вост.-тюрк. $\dot{\zeta}ig$ - 'сделать узел', 'завязывать узлом' (РСл III, 2113).

$\rightleftharpoons$ др.-т. $\dot{\zeta}oy$ 'сверток', 'тюк' (ДТС 151); крым., чаг. $\dot{\zeta}äk$ 'узел', 'связь' (РСл III, 1944); казах. $\dot{\zeta}ij$ в $\dot{\zeta}ij$ $qilir$ $bajlav$ 'завязывать крепким узлом'.

Ср. совпадения дериватов типа шор. $\dot{\zeta}ijä$ - 'затянуть узел' $\rightleftharpoons$ кир. (= казах.) $\dot{\zeta}ijä$ в $\dot{\zeta}ijä$ $bajladı$ 'он связал это крепко без узла' (РСл IV, 1069), подтверждающие синкретичный характер корня. Видимо, есть основания предположить также глагольный корень $\dot{\zeta}ij$ - в казах. $\dot{\zeta}ij$ -e- lep - $üv$ 'крепко завязаться', 'затянуться (об узле)', 'осложниться (о каком-либо деле)'.

²⁵ Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 552.

Межтюрк. iǰ- 'идти по ветру, плыть вниз по течению'
 ⇔ iǰ 'подветренная сторона, направление вниз по реке'
 (ЭСТЯ I, 651—652; ЮКЛ I, 70; ЩФ 194); о глаголе см.:
 Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. —
 В кн.: ИРЛТЯ, с. 277 и др.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» пред-
 полагается наличие лексикализующего момента в моди-
 фикациях iǰ- и aǰ-, основным значением которых являет-
 ся "течь", "литься".

Глагол *اييرمك* и его исходная форма *اييمك* ij-
 'дубить кожи' (БСл I, 216); казах. ij- 'гнуть, сгибать';
 'смять', 'подчинить'; 'размякнуть (о вымени)'; *перен.*
 'раздобриться, смягчиться'; об этом глаголе из дериватов
 см.: ЭСТЯ I, 336

⇔ кирг., ккалп., казах. ij/туркм. ej/тув. et 'дубление',
 'выделка (кожи)', 'выделка шкуры'; сюда же следует от-
 нести значения 'просоленное кислое молоко, употребляе-
 мое для обработки кожи', 'накопляющиеся на выделы-
 ваемой коже частицы разведенного кислого молока', 'за-
 кваска для дубления кожи', которые «примыкают друг к
 другу на основе комплексной семантической связи, обо-
 значая разные стороны процесса выделки шкуры (ко-
 жи)» (ЭСТЯ I, 236). Здесь же следует отметить казах. ij
 во фразеологизмах: ij boldi 'успокоился', 'стал смирным',
 'смялся, сломался, оробел'; ij qiladi 'искромсать, изру-
 бить', 'смять', *перен.* 'смять человека', 'обессилить'; iji
 žetti 'назрело/дошло/достигло нужной/необходимой ста-
 дии'; iji žimsaq 'слабо/мягкохарактерный, мягкий, доб-
 рый, несуровый (вид человека)'; iji žimsardı 'гнев спал',
 'успокоился'; iji qandı 'дойти до желаемого результата,
 этапа', 'исполниться'; 'совсем смягчиться', 'облегчиться'
 (о деле и т. п.); iji qattı 'суровый', 'прямолинейный',
 'жесткий (о характере человека)'; iji tüstü 'измяться',
 'износиться', 'обветшать' и т. д. (Кенесбаев Ф 233, 234,
 240, 241 и др.). Ср. также ig в др.-т. iglä- 'топтать', 'на-
 ступать' (ДТС 205), jik в др.-т. jiklä- 'мять, топтать', ij в
 казах. ijle- 'мять, месить (тесто, кожу)'.

1. *iĉ

Общетюрк. *iĉ/iġ* 'внутренняя часть', 'внутренность (чего-нибудь)', 'нутро', 'подкладка' (Исхаков Опыт 13—14; *Он же*. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 96; ЭСТЯ I, 388—391 и т. д.)

⇔ глагол *iĉ-* 'быть/находиться внутри', 'быть подкладкой', выделяемый из дериватов в ЭСТЯ I, 392—395, 757.

2. *iĉ

К числу примеров пережиточных явлений, иллюстрирующих доисторическую диффузность имен и глаголов, И. А. Батманов относил *iĉ-* 'пить, принимать внутрь' ⇔ *iĉ* 'внутренность', 'середина, нутро'²⁶. Н. К. Дмитриев также отмечал *iĉ как неформившееся морфологически слово — «существительное-глагол» (в последних значениях)²⁷. О том же см.: ЮКЛ I, 75.

²⁶ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936, с. 15 (№ 2).

²⁷ Дмитриев Н. К. Наречия места в турецком языке. — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 27.

Глава 3

Проявления грамматического синкретизма в тюркских языках

Прежде чем перейти к подробному анализу явлений, квалифицированных учеными как тюркский «грамматический синкретизм», отметим, что сходные, на первый взгляд, факты глагольно-именной омонимии наблюдаются и в иноструктурных языках. Например, как отмечают специалисты, в конце среднеанглийского периода произошло изменение структуры глаголов, существительных и прилагательных — редукция конечных гласных и оголение основ, — что привело к формальному совпадению основ слов разных частей речи. «Эта новая структура слова... сыграла решающую роль в возникновении нового способа словообразования — конверсии»¹. Впервые на словообразовательную сущность перехода одной части речи в другую (на примере английского языка) указали В. Н. Ярцева и А. И. Смирницкий². Конверсия и связанные с ней вопросы обращали на себя внимание многих лингвистов³.

¹ Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. М., 1976, с. 111.

² Ярцева В. Н. О внутренних законах развития языка. — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1952, вып. 3, с. 194; Она же. К вопросу об историческом развитии системы языка. — В кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952, с. 76; Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956, с. 71—102; Он же. Древнеанглийский язык. М., 1955, с. 167.

³ Антышев А. Н. Категориальная омонимия основ и корреляция глаголов и существительных в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972; Костенко С. М. Конверсия как способ образования глаголов от имен существительных в английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965, с. 11; Уфимце-

Важно заметить, что несмотря на некоторое сходство факта омонимичности глаголов и имен в тюркских (resp. алтайских) и индоевропейских языках, глагольно-именная омонимия в них имеет и принципиальные различия. Если в английском языке, например, корни такого типа — продукт последних веков, то в тюркских языках синкретичные корни восходят к общетюркскому состоянию языков. Развитие сходного явления в некоторых индоевропейских языках свидетельствует о теоретической возможности и практической необходимости такого метода словообразования, его целесообразности.

В английском языке обнаруживается тенденция к «произносительной» лексикализации, дифференциации омонимичных глаголов и имен посредством изменения места ударения, транскрипции (разного прочтения одного и того же слова) и т. п., причем тенденция к антиомонимизации глагольных и именных форм в произносительной практике порой морфолого-формально определяется, закрепляясь в орфографии.

Просодические явления в смыслоразличительном значении (или качестве) в английском [import ('impɔ:t) 'импорт' и (im'pɔ:t) 'импортировать'] и русском (ру́ки ~ руки́, узнаю ~ узнаю́) языках отмечал Ю. С. Маслов⁴. Словообразование в тюркских языках также может осуществляться фонетическим способом, например путем изменения в слове места ударения⁵.

ва А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, с. 120—158; Она же. Лексическая номинация: (первичная нейтральная). — В кн.: ЯН, с. 81—85 и мн. др.

⁴ Маслов Ю. С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? — В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 291.

⁵ Севортян Э. В. Вопросы грамматики в советской тюркологии. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 311; Подробнее см.: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л., 1980, с. 104; Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка: Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1959, с. 34—39; Абдуллаев Ш. М. Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1964; Исаев М. К. Некоторые вопросы фонетической структуры слова в тюркских языках. — В кн.: Русское и зарубежное языкознание. Алма-Ата, 1970, вып. 3, с. 143—148; Аралбаев Ж., Джунисбеков А. Об ударении в казахском языке. — Изв. АН КазССР. Сер. общественная, 1968, № 6, с. 145; Джунисбеков А. Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980, с. 56—62; а также ср.: Дуйшеев Ж. Смыслоразличение с помощью интонации. — В кн.: Вторые

При самом поверхностном знакомстве с русским словарем в нем также обнаруживаются некоторые примеры, которые вследствие их малочисленности пока трудно организовать в некую систему, но, несмотря на это, в них обнаруживаются факты, аналогичные тюркской глагольно-именной корреляции корней и основ:

1. Полное совпадение глагольной и именной основ: цель- ↔ цель; вой- ↔ вой; лай- ↔ лай; плачь- ↔ плачь; строй- ↔ строй; сыпь- ↔ сыпь и т. п. Ср. печь- ↔ печь (отметим, что глагол не в форме 2 л. ед. ч., как и в предыдущих примерах, а в инфинитиве совпадает с именной основой).

2. Наличие омонимичных глаголов и имен, различающихся местом ударения: гвозди́- ↔ гво́зди; насы́пь- ↔ на́сыпь; осы́пь- ↔ осы́ль; отруби́- ↔ отруби и т. п.

Приведем также примеры из русского языка, напоминающие нам неомонимичные глагольно-именные пары в тюркских языках: 1) ударь- ↔ удар; вздорь- ↔ вздор; видь- ↔ вид; весь- ↔ вес и др.; 2) надрежь- ↔ надрез; отрежь- ↔ отрез; взрежь- ↔ взрез и др.; 3) дай- ↔ дар; бей- ↔ бой (часов и т. п.); вьючь- ↔ вьюк и др.

Какова природа конечных согласных в этих примерах? Можно ли их идентифицировать с закономерными соответствиями и чередованиями гласных и согласных в тюркских языках? Ср. вышеприведенное *вьючь- ↔ вьюк*, являющееся тюркизмом: тюркизм *вьюк*, древнерусск. *юкъ 'ноша'* < тюрк. *jük 'поклажа'*⁶. В этом случае глагольная и именная формы представляют собой корень с закономерно чередующимися конечными согласными. Подобные примеры обнаруживаются и в словаре В. И. Даля, ср. *бе'чь-* 'подвигаться ускоренным шагом, учащенной перестановкой ног', 'быстро переноситься с одного места на другое', 'удаляться', 'приближаться', 'ухо-

---

научные чтения, посвященные памяти академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева: Тез. докл. Фрунзе, 1983, с. 30—31; *Токтоналиев К.* Об изучении интонационной структуры киргизских говоров. — Там же, с. 37—38 и т. д.

⁶ *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. М.; Л., 1935, т. 1, с. 530; *Огюенко И. И.* Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915, с. 33 и др. Подробнее об этом см.: *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 112.

дять', 'отлучаться и скрываться самовольно' $\rightleftharpoons$ бе'гъ 'бе-
ганье, бежанье и бегство'/бе'жь 'бег, движенье бежью,
бегом'⁷ и т. п.

Глагольно-именная нерасчлененность аффиксов — синкретизм дериватов

Одним из проявлений синкретизма на уровне моно-
силлабов является так называемый грамматический син-
кретизм — синкретизм вторичных, производных образо-
ваний, их аффиксов. Аффиксы, как известно, восходят к
самостоятельным словам. Это старое положение языко-
знания прошлого века, вновь извлеченное из забвения в
20-х гг. Г. Шарафом, принято большинством тюрколо-
гов⁸. Аффиксы флективного периода являются просто
«изношенными или истертыми элементами агглютинатив-
ного периода и самостоятельными словами синтетическо-
го периода», — писал в свое время Н. Я. Марр⁹. Глаголь-
но-именная нерасчлененность аффиксов может быть
следствием нескольких процессов; она может: 1) свиде-
тельствовать о таком же качестве полнозначного пра-сло-
ва; 2) быть образована под влиянием диффузности кор-
ня, к которому присоединяется аффикс, или 3) быть об-
разована по древней (и некогда продуктивной) словооб-
разовательной модели «имя — глагол»; 4) являться ре-
зультатом случайного совпадения разных аффиксов.

Вопросами происхождения словообразовательных
формантов в тюркских языках занимались многие ученые
(В. Томсен, В. Банг, Ж. Дени, В. В. Радлов, К. Грёнбек,
К. Г. Залеман, Г. И. Рамстедт, М. Рясянен, В. Богородиц-

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978, т. 1, с. 150—151.

⁸ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке: (материалы к стандартной схеме морфологии киргизского языка). Фрунзе, 1936, с. 12—13, 19; Севортян Э. В. Вопросы грамматики в советской тюркологии. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 312; Баскаков Н. А. Каракалпакский язык: Фонетика и морфология. Ч. I. Части речи и словообразование. М., 1952, с. 162; Он же. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 90; Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, § 17—24, 39; Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 52—56, 60, 191—195, 197—198, 280, 359; Егоров В. Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, с. 44 и мн. др.

⁹ Марр Н. Я. По этапам развития яфетической теории. М.; Л., 1926, с. 61.

кий, В. Л. Котвич, Н. К. Дмитриев, А. Зайончковский, Н. А. Баскаков, Б. М. Юнусалиев, А. И. Исаков и мн. др.). Случаи схождения дериватов исследовал Э. В. Севортян, выделивший около двадцати глагольно-именных аффиксов, среди которых можно отметить $-i \rightleftharpoons -\ddot{i}$, $-q \rightleftharpoons -\check{q}$, $-š \rightleftharpoons -\check{š}$, $-n \rightleftharpoons -\check{n}$, $-la \rightleftharpoons -\check{la}$, $-ag \rightleftharpoons -\check{ag}$, $-qa \rightleftharpoons -\check{qa}$, $-aj \rightleftharpoons -\check{aj}$ и т. д. (САГ 374—397, 511—512). Эволюцию аффиксов исходя из исследований вышеназванных авторов можно представить в виде трех последовательных этапов: 1) самостоятельные слова, 2) аффиксы общие для глаголов и имен, 3) а) глагольные, б) именные и в) глагольно-именные аффиксы. На основании этого можно сделать вывод, что грамматический синкретизм, в частности грамматическая неопределенность аффиксов, является позднейшей трансформацией диффузности тюркского корня, следствием неполной грамматикализации полифункциональности первых слов.

В древнейший период развития языка «полной и окончательной дифференциации ни корней или основ, ни самих суффиксов на этой стадии развития языков еще не существовало. В зависимости от назначения корни и суффиксы могли нести как именное, так и глагольное значение; впрочем, постепенно такие явления становились все более редкими и во вновь нарождавшихся суффиксах проявлялась бóльшая тенденция к разграничению. То же самое происходило и на последующих стадиях словообразования», — пишет В. Л. Котвич (Котвич 66). Недифференцированных грамматически суффиксов, как вообще морфологических показателей, как считает ученый, ранее было значительно меньше. На первом месте по своей архаичности (в данном случае — наличию синкретичных аффиксов) среди всех алтайских языков стоят тунгусо-маньчжурские языки (Там же, с. 67).

Вышесказанное подтверждают совпадения некоторых глагольных и именных аффиксов, ср. тюрк. суффикс $-š$ -взаимных глаголов и отыменный именной суффикс $-š$, которые А. Зайончковский¹⁰ отождествлял (см. также об этом: Котвич 57); монг. афф. $-га/-ге$ (и ряд других), образующий как отыменные глаголы, так и глаголы от других глаголов (Котвич 74—76) и т. д.

¹⁰ *Zajaczkowski A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku Zachodnio-karaïmskim. Kraków, 1932, s. 169.*

Рассматривая «чисто глагольные формы» (по схеме А. Н. Самойловича) на *-di*, *-sa* и некоторые другие, И. А. Батманов приходит к выводу о том, что они исторически восходят к глагольно-именным конструкциям: «Отсюда вытекает следствие, что говорить об абсолютном значении форм на *di* и на *sa* можно только с известной оговоркой и учитывая, что представления, выражаемые этими формами, восходят к некоторым многогранным (одновременно глагольным и именным) представлениям, из которых выделились нынешние дифференцированные, почти чисто глагольные, представления, вносящие содержание в рассматриваемые формы»¹¹. Ученый также отмечает образования на *-qaп* и *-ag*, которые «сочетают в себе признаки имен (склоняются, сочетаются с аффиксом *-liq*, с притяжательными аффиксами) и глаголов (сочетаясь с отрицательными основами на *-ba* и выражая различные категории времени), оказываясь промежуточной группой, не утратившей глагольной функции, и продолжающей обладать еще и именной функцией. Значение этих форм меняется исключительно в зависимости от места в предложении... Из сравнения функций этих двух форм (на *qaп* и *ag*) явствует, что в различных позициях мы имеем не разные части речи, а лишь одно значение многозначимой формы, и сама форма представляет собой категорию промежуточную между именем и глаголом, отражая пережитки аморфной стадии, когда значение слова уточнялось его местом в предложении... В смысловой многогранности форм на *-qaп* и *-ag* — не отсталость, а гибкость, портативность, диалектичность»¹².

Синкретичные морфологические показатели, по мнению Э. В. Севортыяна, восходят к переходному периоду в истории формирования тюркских частей речи и собственно системы словообразования, когда, с одной стороны, только начинал вступать в силу механизм агглютинации, а с другой, еще продолжала сохранять свое качество грамматическая диффузность корневых морфем. Далее строй тюркских языков эволюционировал в трех направлениях, представленных соответственно именными, гла-

---

¹¹ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке: (материалы к стандартной схеме морфологии киргизского языка), с. 22—23.

¹² Там же, с. 3—4, 16, 23—24, 28 и мн. др.

гольными и глагольно-именными формами; причем последнее реликтовое направление не было изжито полностью в тюркских языках в историческое время (САГ 374). Именно грамматический синкретизм имени и глагола позволяет достаточно убедительно интерпретировать «парадоксальные» моменты в тюркском словообразовании, когда один и тот же показатель образует от одного и того же корня то глагол, то имя вследствие того, что конкретные аффиксы используются в полярных значениях в зависимости от частеречной принадлежности корневой морфемы. Так, «в частности, легко разъясняется широко известное в огузских языках образование подражательных глаголов на *-да-* и подражательных имен на *-ты-* от вторичных подражательных основ на *-ыр* или *-ыл* (типа *вызылда-* 'жужжать', 'свистеть' и *вызылты* 'жужжание', 'свист' — от вторичной подражательной основы *выз-ыл*). Все подобные и аналогичные производные формы глагола и имени действия произошли от синкретичных форм с глагольно-именным значением: от глагольного значения такой подражательной основы (или корня) образовалось имя действия на *-ты*, от именного же значения образовался глагол на *-да-*. Грамматический синкретизм подражательной основы на *-ыл-* ~ *-ыл* или *-ыр-* ~ *-ыр* является главной причиной того, что эти формы не сохранились в тюркских языках в самостоятельном употреблении и слились с аффиксами *-да-* и *-ты*, образовав форму глаголообразования на *-ылда-* ~ *-ырда-* и именную форму на *-ылты*, *-ыртты*, *-ылды*, *-ырды...*» (САГ 420).

По мнению А. А. Юлдашева, в тюркских языках существуют «модели, специально предназначенные для организованного перехода слов определенного семантического разряда из одной части речи в другую», так, в башкирском языке можно привести примеры переосмысления глагольных форм на *-(i/e)š-*, в результате чего были созданы новые имена типа *атыш* 'перестрелка' (от *атыш-* 'перестреливаться') и т. п. Причем, что особенно интересно, по подобию таких слов и ныне создаются слова типа башк. *һөйләш* 'говор, диалект' (от *һөйләш-* 'разговаривать, говорить'). По этому же образцу созданы также башк. *қабалан* 'спешный, торопливый' (от *қабалан-* 'спешить, торопиться') и т. п.; *бойоқ* 'печальный' (от *бойоқ-* 'быть печальным, грустным') и т. п. (Юлдашев ПС 257—

258). Большинство синкретичных слов своими корнями несомненно уходит в глубокую древность. Таковы башк. *әсе-* 'киснуть' ⇔ *әсе* 'кислый', *талқы-* 'мять на мялке' ⇔ *талқы* 'мялка' и т. д. «...Историческое развитие лексики тюркских языков давно привело к возникновению сходных слов. Прецедент возымел влияние на развитие целых групп других слов с двоякой категориальной принадлежностью. Об этом убедительно говорит нарастающее расхождение тюркских языков по составу сходных полифункциональных слов, в числе которых значительное место занимают явно поздние образования типа башк. *қызык* 'заинтересоваться, интересный', *тутық* 'ржавчина, ржаветь'» (Юлдашев ПС 260—261 и т. д.).

Тем не менее в производных ди- и трисиллабических глагольно-именных образованиях трудно усматривать синкретизм в собственном смысле этого слова. В связи с этим Н. З. Гаджиева приводит один убедительный пример: «Объединение слов *йабық-* 'худеть' и *йабық* 'худой' неправомерно уже и потому, что внешне одинаковые аффиксы имеют разное происхождение. В глаголе *йабық-* 'худеть' аффикс *-қ-* восходит к древнему аффиксу многократного действия, тогда как в слове *йабық* 'худой, исхудавший' аффикс *-қ* является аффиксом древнего причастия. Генетически эти два аффикса не связаны»¹³.

Учитывая подобные случаи, необходимо заметить, что вопрос о природе глагольно-именных дериватов пока может только ставиться. Решение и трактовка этого аспекта проблемы тюркского синкретизма могут быть осуществлены только после того, как будут четко установлены причины подобного явления в односложных корнях, являющихся исходными кирпичиками полисиллабических словоформ и прообразами словообразующих показателей. Тем не менее поиск оморфных слов путем зондирования лексических материалов памятников, уникальных лексикографических трудов и вообще всех современных тюркских языков имеет неопределимое значение для развития и совершенствования теории грамматики тюркских языков.

---

¹³ Гаджиева Н. З. О морфологической реконструкции тюркских языков. — В сб.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980, с. 157.

Приведем примеры совпавших глагольных и именных форм дериватов:

1. Глагольно-именные дериваты в словарях В. В. Радлова и Л. З. Будагова: казах. *žalip* 'пламя' ср. с *jalip* 'сверкать (о молнии)' ⇔ *jalip* 'молния, пламя' (РСл III, 166—167); казах. *köñül* 'желание, внимание, настроение' ср. с *köñül* 'думать, размышлять' ⇔ *köñül* 'дух, сердце, мысль' (РСл II, 1236—1238), а также с *kongul* 'прийти в умиление, печалиться' (БСл II, 166); казах. *žalañaš* 'голый' ср. с *jalañaš* يالانكاچمق 'раздевать' ⇔ *jalañaš* 'голый, нагой' (РСл III, 158); казах. *ženil* 'легкий' ср. с *jinil* 'сделаться легким' ⇔ *jinil* 'легкий' (РСл III, 512); казах. *kisen* 'железные путы, кандалы, оковы' ср. с *kižän* 'держат в путах' ⇔ *kižän* 'путы для лошадей (состоят из ремня, которым связывают две передние ноги лошади с одной задней ногой)' (РСл II, 1394—1395) и мн. др.

Для этимологии последнего слова можно привести древнетюркское *kišä* 'опутывать ноги лошади', 'связывать' (Малов II 394) и телеутское *kül* 'связывать руки и ноги' (РСл II, 1466) (чередование *l/š*?) и др.

2. Глагольно-именные дериваты в средне- и древнетюркских языках (или выявляемые в процессе сравнения с ними современных форм): казах. *žala* 'ложное обвинение' ср. с др.-т. *jala* 'подозревать' ⇔ *jala* 'подозрение' (ДТС 227); казах. *qisqa* 'короткий' ср. со ср.-т. *qisqa* 'укоротиться' ⇔ *qisqa* 'короткий' (Мукаддимат ал-адаб) (Наджип II, 181; Наджип I, 123); казах. *qartaj* 'стареть, стариться' ср. со ср.-т. *qartaj* 'стареть' ⇔ *qartaj* 'старый' (Наджип I, 123; САГ 396—397) и мн. др.

3. Глагольно-именные дериваты, наличествующие только в одном языке или восстанавливаемые путем сопоставления разных современных тюркских языков: казах. *oñip* 'дрова, топливо' ⇔ хак. *odip* 'растопливать (печь), разводить (огонь, костер), зажигать, сжигать' (⇔ *odip* 'дрова') (САГ 405); казах. *žibi* 'размякнуть' (ср. побуд. форму *žibit* 'замочить, увлажнить') ⇔ чув. *järe* 'мокрый, влажный' (Рясянен 115; Левитская 170);

казах. *qajga* 'точить' ⇔ чув. хэ^а*jга* 'точило' (Левитская 154) (в последних двух случаях, возможно, апокопа) и т. д.

Вышеизложенные материалы позволяют квалифици-

ровать синкретизм не только как реликтовое явление, все еще бытующее в «скрытых» и явных формах, но и как результат фонетических и грамматических преобразований (наращений) в структуре слов. Грамматический синкретизм имен и глаголов, если вообще правомерно положение об его реальности, несомненно, произведен от глагольно-именной нерасчлененности изолированных слогов — корневых морфем. Окончательно вопрос о двояком или диффузном характере дериватов может быть решен в результате тщательного анализа происхождения аффиксов в подобных примерах. Исследование природы аналогичных явлений в двусложных и многосложных словах заслуживает особого рассмотрения и не входит в нашу задачу.

Несколько иначе обстоит дело на уровне корней, хотя зачастую и тюркский моносиллаб может представлять собой разложимую основу (Clouston TMS 137; Vámbéry Предисловие VI). И хотя большинство тюркологов приняло положение Ж. Дени о том, что «турецкий (resp. тюркский. — Е. К.) корень генетически был односложным»¹⁴, мы имеем немало фактов, когда конечные согласные генетически близких или гетерогенных корней выполняют определенные лексикализирующие, смыслоразличительные функции, что несколько напоминает нам аффиксальные элементы.

Лексикализирующая функция конечных согласных тюркского односложного корня

Одной из наиболее важных в тюркской грамматике является проблема структуры корня¹⁵. Первая работа («Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen») в области структуры тюркских языков, в частности строения слова, была написана В. В. Радловым¹⁶. В советский период и особенно в последние годы эта проблема неоднократно затрагивалась в трудах мно-

¹⁴ Dery J. Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie). Paris, 1955, p. 93; см. также: Рамstedт 141; Котвич 36—46.

¹⁵ Кононов А. Н., Иванов С. Н. О теоретическом изучении грамматики тюркских языков. — В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976, с. 30.

¹⁶ Radloff W. W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen. — Записки Императорской АН, 1906, т. 7.

гих тюркологов, хотя общепринятое решение вопросов, касающихся строения слова/слога, до сих пор пока еще не найдено.

В тюркологии приняты две взаимонесключающие теории структуры корня: теория о первичной закрытосложности тюркского моносиллаба (сторонники ее — В. В. Радлов, Г. Вамбери, Н. А. Баскаков) и о реальности и древности открытосложных корней (сторонники ее — Дж. Клосон, А. Н. Кононов, Э. В. Севортян, А. М. Щербак)¹⁷.

Проблема строения слова, объединяющая в себе ряд узловых вопросов и тесно связанная с проблемой частей речи, выдвигается на первый план, когда мы имеем дело со «скрытыми синкретизмами» — неомонимическими глагольно-именными парами типа *toj-* 'насыщаться' ⇔ *toq* 'сытый', 'сытный'; *žoj-* 'сводить на нет', 'уничтожать' ⇔ *žoq* 'нет', 'неимеющийся'; *kög-* 'видеть, смотреть' ⇔ *köz* 'глаз', 'орган зрения'; *žaq-* 'мазать, натирать' ⇔ *žav* 'масло, мазь' и т. п.; или сравниваем глагольно-именные корни: *bek-* 'укреплять' ⇔ *bek* 'крепкий' и *berk-* ⇔ *berk* в тех же значениях; либо рассматриваем так называемые «распространенные» или «удлиненные» основы (как, например, в монг.; ср.: Рамстедт, 113; Котвич, 35—46; ИСГТЯ I, 265—266) в тюркских языках, зачастую являющиеся рефлексамы былого синкретизма. Ср. 17-й пункт «Заключения» в САГ 550: «Одним из результатов грамматического синкретизма корней-основ, а на первых порах и словообразующих аффиксов, явилось образование так называемых «распространенных» глагольных и именных корней-основ».

Вопрос о структуре тюркского корня, как мы об этом уже писали выше, до сих пор нуждается в теоретической разработке. Недостаточно четко определены критерии разграничения односложных производных слов от односложных неделимых образований. Не всегда варьирова-

¹⁷ См.: БМ 141—186; Котвич 14—16; Баскаков КЯ 10—106; Баскаков Н 44—45; Батманов ЯЕП 42; Clauson ED; ЭСТЯ I—II; Кононов ГЯТРП 76—79; ЩФ 107—110; а также см.: Исаков А. И. Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1964; Хасенова А. К. Етістіктің лексика-грамматикалық сипаты. Алматы, 1971, 31—32, 40, 69—70, 72—73-б.; Томанов М. Қазақ тіліндегі байырғы түбірлердің құрамы туралы. — Қазақ ССР ҒА Хабарлары. Тіл-әдебиет сер., 1979, 9—16-б.

ние конечных согласных в корне сигнализирует о том, что мы имеем дело с аффиксальными элементами. Так, например, отмечая этимологию Г. И. Рамстедта и В. Бан-

га о происхождении *ja > $\begin{cases} \nearrow ja-\gamma \\ \rightarrow ja-q \\ \searrow ja-n \end{cases}$, в соответствующих

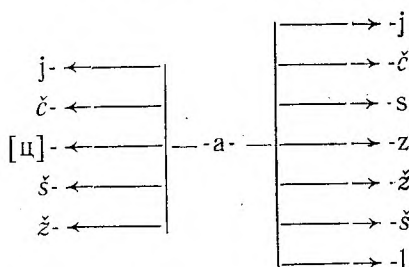
глагольных и именных функциях означающего 'приближаться' $\rightleftharpoons$ 'сторона', от *ja + конечные согласные указанных производных как аффиксы, Э. В. Севортян предлагает и другой вариант происхождения всех трех форм от праформы, оканчивающейся на заднеязычный носовой согласный — jaŋ: jaŋ > $\begin{cases} \nearrow ja\gamma \\ \rightarrow jaq \\ \searrow jan \end{cases}$, причем последний

вариант в теоретическом плане более приемлем (САГ 382—383)¹⁸. К сожалению, подобный метод не универсален, так, jaj 'молния'/jaq- 'зажигать'/jan- 'гореть'/žal- 'пламенеть' $\rightleftharpoons$ žal 'пламя' и т. п. не поддаются такому членению. Тем не менее и отсечение конечных согласных как аффиксальных морфем навряд ли может быть правомерным. Необходимо по мере возможности устанавливать конкретные семантико-функциональные последствия присоединения тех или иных звуков к предполагаемому корню, что может помочь выявить некоторые общие закономерности в употреблении этих так называемых аффиксальных морфем или, наоборот, обнаружить случайный характер подобных изменений. Чаще всего обычно обращают внимание на соответствия конечных согласных в корне, хотя на самом деле в тюркских слогах могут варьироваться все его компоненты. Трудность здесь заключается лишь в правильном расположении всех фонетических вариантов слова, в установлении поэтапной последовательности развития форм. Можно привести пример тюркского моносиллаба, в котором одинаково активно изменчивы и конечные и анлаутные согласные. Так, на основании фоно-морфо-семантического анализа ряда основ в тюркских (и шире — алтайских) языках, означающих "гром", "молния", "дождь", "непогода", "зарница", "атмосферные осадки", "снег" и т. п., А. Т. Кайдаров ре-

¹⁸ См. о *ŋ > $\begin{cases} \rightarrow m \\ \nearrow n \\ \searrow \gamma/g (> v/j) \\ \rightarrow j/\tilde{j}/jn/nj \end{cases}$ в Рясянен 169—175.

конструировал корень структуры СГС (согласный — гласный — согласный) с соответствием $\check{c} \sim [ц] \sim \check{s} \sim j \sim \check{z}$ в анлауте и $\check{z} \sim z \sim \check{s} \sim s \sim l \sim \check{c} \sim j$ в конечных согласных (КТЭС 216—218), который для удобства восприятия мы представляем в нижеследующем виде:

Модификации тюркского корня, означающего "дождь", "молния", "гром", "зарница"

Тем не менее случаи внутренней флексии согласных ($j \sim z \sim d/t \sim r$; $g \sim z$; $l \sim \check{s}$) и гласных ($a \sim u \sim \bar{i}$; $a \sim u \sim o$; $o \sim u \sim \bar{u} \sim i$; $\bar{i} \sim u \sim o$; $a \sim \bar{a} \sim e \sim \bar{i}$; $o \sim \bar{o} \sim \bar{u} \sim u$; $e \sim \bar{i} \sim \bar{u} \sim \bar{o}$; $\bar{i} \sim \bar{i}$ и т. д.) зачастую имеют определенные словообразовательные последствия. Ср. глагол а:č- 'быть голодным', 'голодать' и коррелятивное имя а:š 'голодный' в памятнике XIV в. (ФЗ 270). По мнению А. Н. Кононова, в многочисленных корнях структуры СГС «конечным согласным выступает формант, выполнявший в свое время определенную грамматическую функцию, но позднее ее утративший и в силу этого вошедший в состав нового корня-основы»; так, например, глаголы jaq- 'зажигать', jal- 'воспламеняться', 'обжигать', ja + r + u- 'светиться', 'сиять' восходят к корню *ja-; глаголы kel- 'приходить', kit- ~ ket- 'уходить', kez- 'гулять', keč- 'переходить', qač- 'убегать', kir- 'входить' имеют общий корень *ke- ~ *ki-, *qa- и т. д.¹⁹ О фонетических закономерностях, используемых для «дифференциации значения корневой морфемы (ср. например: jad- ~ jaθ- 'распространять, разносить', jaj- 'рассеивать', jas- 'распускать', jaz- 'развязывать, распутывать', jag- 'разрубать' и пр., при фонетических соответствиях $d/t \sim \theta \sim$

¹⁹ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, с. 77.

z/s ~ j ~ r)» см.: БМ 143; Баскаков Вв. 163—164 и др. Сходную картину мы имеем и в других алтайских языках (ср. явление внутренней флексии в монгольских языках (Бертагаев 87—99)).

Большое количество глагольно-именных корней, древнедиалектные корреспонденции которых конкретизируют обобщенное значение праформы, восстановлено в ЭСТЯ. Так, в ходе реконструкции этимонов тюркских гомотипных лексем в ЭСТЯ I — *eŋek* (284—285), *omog* (453), *omrav* (453—454), *omuz* (454—455), *oŋur* (461—462), *oŋurtqa* (463—464), *öge* (502—503), *ömüldürük* (530), *öŋ* I—II (532—535), *öŋeč* (536), *öŋmen* (537), *öŋür* (538—539), *örge* (540) и др. — выявляются отдельные гомотипные корневые морфемы, конечные этапы лексикализационной эволюции исходной формы. Несмотря на некоторые перекрестные значения (вполне закономерные в данном случае), можно все же говорить о семантической дифференциации параллелей, восходящих к единой праформе: 1) *eŋ* 'лицо', 'щеки' и 2) *öŋ* I 'передняя часть/сторона чего-либо' (⇔ *ونكرك*) 'продвигаться вперед' в Рав. С. 83) (ЭСТЯ I, 285, 533). Семантическая обособленность или метонимическая связь *eŋ* и *öŋ* II менее отчетливо, но все же прослеживается. Ср. основные значения этого слова, по мнению Э. В. Севортяна, развивавшиеся в следующей последовательности: 'цвет лица' → 'розовый цвет', 'цвет (вообще)'. Омоморфный глагол *öŋ*-II вполне соответствует именным значениям 'терять цвет', 'сходить (о цвете)'. Интересно отметить также, что глагольный компонент *öŋ-I, видимо, вполне соотносителен с *eŋ*, глагольное употребление которого пока еще не доказано, но отнюдь не исключается.

Приведем еще один пример. Э. В. Севортян утверждает, что гомотипны следующие формы и значения: глагольная омоформа *om- 'выступать вперед', 'выдаваться', 'быть округлым' (о костях) и совр. тур. *om* 'выступающая, выпуклая, округлая часть чего-либо, особенно костей', старо-тур. *om* 'головка или конец кости' (ЭСТЯ I, 453—455), а также корни *oŋ- 'откалывать (ся)', 'отламывать (ся)', 'отбивать (ся)' (по-видимому, о кости) и *om 'кость' (Там же, 462). В случае правомерности данного сближения, в частности значений "откалываться" и "выдаваться вперед" (о кости), мы имеем интересный при-

мер лексико-семантической градации *oŋ ~ (>) *om. Можно было бы сравнить глагольные значения *oŋ- с синкретичным комплексом *aj ~ *az ~ *až ~ *aš ~ *ag в глагольно-именных значениях 'делить (ся)', 'разделять (ся)' ⇔ 'нечто отделенное' и т. п.²⁰ (ср. казах. idirat-, ažiŋat-, aša, aŋal, ajiŋ- и другие производные от этого корня), который, однако, вероятнее всего, гетерогенен *oŋ ~ *om, несмотря на возможность чередования a ~ o в корневых гласных, ср. варианты *aŋ ~ *oj/... 'мысль', 'сознание' ⇔ 'вспоминать', 'задумываться' (ЭСТЯ I, 153—154; 428) и т. п. Также, возможно, представляют собой осколочные продукты лексикализации вышерассмотренной праформы тюрк. ij 'сустав' (ЭСТЯ I, 503), om < *oŋ 'кадык' (Там же, с. 537) и т. д.

И. А. Батманов вслед за западно-европейскими тюркологами прошлого столетия объединял тюрк. al- 'брат' ~ at- 'стрелять', kel- 'приходить' ~ ket- 'уходить', усматривая в них внутреннюю флексацію, семантически конкретизирующую общее значение исходных форм этих пар²¹. По этому поводу Г. Ф. Бабушкин писал: «В тюркологии высказывалось мнение о том, что в глаголах типа *kel-* 'приходи' и *ket-* 'уйди' вскрываются компоненты *л*, *т*. Если вообще это имело место, то слияние их с корнями произошло в весьма отдаленный период, задолго до оформления языка енисейских памятников» (БАБ 135). В глаголах *ket-* 'уходить' и *kel-* 'приходить', *at-* 'стрелять', *бросать* и *al-* 'брат' и т. п. С. Н. Иванов усматривает «остатки какого-то древнего грамматического противопоставления тюркских глаголов по признаку движения от чего-либо к чему-либо» и кроме этого «направленность действия вовне в глаголе *et-* и сосредоточенность его в субъекте в глаголе *ol-/bol-*, ср. также аффиксы залогов *-т* и *-ыл-*» и т. д.²² Анализируя лексикализационную функцию фонетического соответствия l ~ t «как формы древнего словообразования глагола по конечному согласному», Н. А. Баскаков писал: «Возмож-

²⁰ См.: ЭСТЯ I, 462; Мусаев А. М. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — ALTAICA PIAC. XIX. Helsinki, 1977, p. 197—204.

²¹ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936, с. 11.

²² Иванов С. Н. Родословное древо тюрков Абу-л-гази хана. Ташкент, 1959, с. 199.

но, что древний способ словообразования, заключающийся в варьировании конечного коренного, был когда-то весьма продуктивным, и основы с варьирующимся конечным коренным согласным обозначали одно и то же общее значение, конкретизируемое таким способом...» (БМ 144, 176). Таким образом, вышеизложенные факты о *-l-* и *-t-* вариантах можно представить следующим образом:

<p>L — <i>центростремительность</i> <i>sal-</i> 'класть' <i>kel-</i> 'приходить' <i>al-</i> 'брать, взять'</p>	<p>T — <i>центробежность</i> <i>sat-</i> 'продавать' <i>ket-</i> 'уходить' <i>at-</i> 'бросить, выстрелить'</p>
--	---

Кроме того, известны случаи, когда о былом синкретизме корня-основы свидетельствуют такие неомонимические глагольно-именные формы, которые соотносятся друг с другом согласно закономерным для тюркских языков соответствиям. Приведем пример с одним сочетанием финальных согласных — *-j-* для глагольных основ и *-q/-k* для именных:

Глагольные основы с исходом на -j-

v	zoj-	'свести на нет, уничтожить'
	toj-	'насытиться'
v v	sosaj-	'торчать, быть острым'
	üñigöj-	'зиять, быть впалым (о глазах)'
	badığaj-	'резко выделяться, выпучиться', 'казаться большими (о глазах)'
v	süñügöj-	'вваливаться, впадать'

Именные основы с исходом на -q/-k

v	zoq	'нет, отсутствующий'
	toq	'сытный, сытый'
v v	sosaq	'остроконечный', 'стог'
	üñügök	в üñügök köz 'человек с впалыми глазами'
	badığaq	'пучеглазый, большеглазый'
v	süñügök	'впалый'

и другие.

На первый взгляд, в данном случае в корневых и производных формах мы имеем сходные словообразующие элементы *-j-* и *-q/-k*. Если это действительно так, то насколько оправдано членение моносиллабических структур на корни типа *žo-* + показатели *-j-* или *-q* и т. п.? Имеет ли смысл выделять *badığa-* или *žalpa-* только на том основании, что последующие закономерно чередующиеся согласные используются в словообразовательном (или словоразличительном) значении. В тюркских языках есть образования типа *köz* 'глаз' и *kög-* 'видеть', вос-

ходящие к единой нерасчлененной г ~ z-форме и никак не членимые на kö- + словообразующие форманты. Возможно, мы имеем подобные ситуации и в соотношении žoj- ⇔ žoq и т. д.

Можно привести немало глагольно-именных соответствий на основе типических фонетических закономерностей, ср. неомонимическое соотношение -j- ⇔ -z/-r: тур. uj- 'сообразоваться', 'согласоваться', 'подходить', 'соответствовать', 'быть к лицу' ⇔ uz 'подходящий', 'подобающий', 'приличествующий' (САГ 433), ср. также теоретически восстановленный Н. К. Дмитриевым корень oj 'согласование', 'соответствие'²³; тур. ييمق 'портиться' ⇔ ييز 'порча' (БСЛ II, 388, 390) и т. п. Тем не менее не всегда соотношение j ~ z разделяет глагольные и именные основы, хотя в большинстве случаев лексикализирующий фактор налицо. Ср. тюрк. çaz 'весна' и çaj 'лето', которые И. А. Батманов относил к числу явлений «изменения основы для семантического членения ее»²⁴; у Махмуда Кашгари встречаются формы voj 'народ', 'племя' и vod ~ bod 'рост', 'стан' (ЭСТЯ II, 177); в тюрк. языках обнаруживаются следы соответствия t/d ~ s/z > j — söz 'слово' и sōj в sōjlō-/sōjle- 'говорить', 'рассказывать', ср. совр. алт. sös 'слово' и sōstō- 'сговорить', 'сосватать' (Баскаков Вв. 164); в некоторых языках эти варианты отчасти семантически раздваиваются, ср. аз. sōjlāmāk 'говорить' и sōzlāšmāk 'спорить', 'браниться'²⁵.

Как видим, в большинстве случаев известные фонетические корреляции конечных согласных семантически дробят или уточняют (конкретизируют) общее значение корня, отделяя в некоторых случаях глагольные и именные корреляты этимологически единых форм друг от друга.

Это же следует отнести и к соответствиям г/z, l/š. Создатели терминов ротацизм и ламбдаизм, как свидетельствуют сами названия звуковых закономерностей, придерживались гипотезы о первичности *г и *l по отношению к z и š. Последние, по мнению Г. И. Рамстедта, возникли из пратюркских мягких *г' и *l', в то время как

²³ Дмитриев Н. К. Глаголы мышления (verba sentiendi), с. 577.

²⁴ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке, с. 10—11.

²⁵ Дмитриев Н. К. Глаголы речи (verba dicendi) в языках тюркской группы. — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 573.

пратюркские твердые *г и *l не изменились, сохранившись в тюркских языках. Ученый, как известно, даже устанавливал время перехода *г' > z и *l' > š — между 400—600 г. н. э. Еще раньше В. В. Радлов и З. Гомбоц не менее обоснованно предлагали обратную последовательность развития. По-разному интерпретировали данное фонетическое явление Ю. Немец, О. Прицак, Н. Н. Поппе, Н. И. Ашмарин, Э. Н. Сетяля, Т. Текин, Р. Г. Ахметьянов, А. Бишев и мн. др.²⁶

Н. К. Дмитриев писал, что «соответствия л//ш, р//з и р//д//з//з//й являются тремя принципиальными фонетическими закономерностями для языков тюркской группы. Дальнейшее исследование проявления их на материале... тюркских языков, с учетом историзма, может оказаться решающим фактором в построении исторической грамматики тюркских языков. Переходя к анализу конкретного материала, мы должны сказать, что сфера Р и сфера З не абсолютно разграничены, а как бы налегают одна на другую:... сфера Р может вторгаться в сферу З, т. е. те тюркские языки, для которых типична в известных фонетических позициях именно фонема Р, в известных случаях допускают применение фонемы З»²⁷.

Появлению г/z-соответствия, по мнению Т. Ковальского, способствовало слабое произношение тюрк. г (ср. рус. раскатистое г), ср. сильное г в г-языках (монгольском и чувашском) и слабое г в z-языках. «Кажется поэтому, что закон чередования г/z, установленный уже давно, должен быть связан с общей неустойчивостью обычного тюркского г, которое, теряя силу, постепенно в определенных фонетических условиях (в закрытом слове и не перед гласными), в ряде тюркских диалектов в произношении вовсе элидировалось»²⁸.

В 1955 г. в статье, посвященной ротацизму в тюркских языках, Н. К. Дмитриев после разбора г/z-форм в сфере грамматических категорий добавлял, что «кроме того, в

²⁶ Егоров В. Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, с. 19—21; Дмитриев Н. К. Соответствие Р//З. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 322—325; Он же. Соответствие Л//Ш. — Там же, с. 320—321; Он же. Соответствие Р//Д//Т//З//з//Й. — Там же, с. 326—328; ЩФ,

с. 84—85 и т. д.

²⁷ Дмитриев Н. К. Соответствие Р//З, с. 322—323.

²⁸ Дмитриев Н. К. О произношении общетюркского R. — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 11.

тюркских языках отмечается своеобразное чередование Р и З, разграничивающее сходные основы по частям речи. При этом Р характеризует глагольные основы, а З — именные»²⁹. Ученый определял это явление как «дифференциацию глагольных и именных основ за счет фонетического чередования»³⁰ и приводил примеры типа kög-/gög- 'видеть' ⇔ köz/göz/küz/küd (күз) 'глаз'; semir-/simer-/himer- 'жиреть' ⇔ semiz/simez/himed (himeз) 'жирный'; qudur- 'беситься' ⇔ quduz/qudüz/qotoz 'бешеный'. Ср. др.-т. qutur- 'выходить из нормы', 'не знать границ', 'быть сверх всяких границ'; 'беситься, быть одержимым', 'становиться безумным', 'возбуждаться'; 'буйно расти (о растениях)' ⇔ qutuz 'бешеный', 'бешеная собака', а также qutur в qutur ögsüz qil- 'сводить с ума, доводить до безумия, делать умалишенным' (Малов П 416; ДТС 474—475) и т. п. в других языках (см., например: ЩФ 87; Бишкев А. Соответствие -р//з в алтайских языках. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алмата, 1965, с. 195 и др.).

Дифференцирующая роль -г/-z-окончаний в различных глагольных и именных основах отмечалась Н. А. Баскаковым в монгольском языке: «В монгольских языках глагольным основам на -s- в ряде случаев соответствуют именные основы на -г, например: *sonos-* 'слушать' и *sonog* 'чуткий', *egüs-* 'начаться, возникать' и *egüg* 'гнездо', *ünüs-* 'нюхать' и *ünüg* 'запах', *bajas-* 'радоваться' и *bajar* 'радость, торжество' и т. п.» (Рамстедт 239: прим. № 148).

Однако, несмотря на кажущуюся очевидность подобных сближений, еще рано подводить итоги. На основе анализа подобных случаев в тюркских языках можно установить, что, во-первых, далеко не всегда данное соответствие разделяет пралексему на разные части речи и, во-вторых, видимо, не существовало строгой корреляции глагольных и именных форм соответственно г/з, о чем свидетельствуют вышеприведенные монгольские ротатические пары. Можно привести не меньшее количество примеров, когда те же звукосоответствия используются для семантической дифференциации имени и глагола, не меняя частеречной принадлежности этих лексем:

²⁹ Он же. Соответствие Р//З. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 325.

³⁰ Он же. Глаголы речи (*verba dicendi*) в языках тюркской группы. — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 573.

тюрк. bog 'мел', 'серый цвет' и boz 'серый', 'беловатый', 'отливающий белым' (т. е. цветом мела); 'серый цвет', 'мгла в воздухе'; 'сумерки', 'заря' и др. (ЭСТЯ II, 171—173, 192—193); tūs 'вид' и tūr 'вид, образ' (Баскаков Вв. 156) (ср. в казах. tūr 'вид', 'форма' и tūs 'цвет', 'масть'); bas- 'идти', 'шагать', 'ступать'; 'давить', 'надавливать' и баг- 'идти', 'отправляться' (Там же) и т. д. Общетюрк. sagı 'желтый' ср. со сводкой форм в работе Рамстедт, 196: тюрк. saz 'бледный' > тат. saza- 'стареть', 'сесть', балк., казах. sazag- 'бледнеть', монг. siga 'желтый', балк., казах. sazan (> рус. *сазан*) 'карп' < букв. 'бледная рыба'. Ср. также примеры, в которых -г и -z формы полностью тождественны по семантике, типа чув. rǎg, общетюрк. buz/muz/boz 'лед' (Рясянен 78; ЭСТЯ II, 238; *Дмитриев Н. К.* Соответствие р//з. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 323 и т. д.); тюрк. qoz/koz/quz ~ qog/kog/gog 'горящий уголь' (*Дмитриев Н. К.* Соответствие р//з..., с. 325).

Кроме этого, наше сомнение в реальности г/z дифференциации на части речи подкрепляется отсутствием подсбных примеров (или крайне малым числом их) в параллельном соответствии l/š (/ž). Ср. современные алтайские глаголы, в которых Н. А. Баскаков усматривал пережиток древнехуннского ламбдаизма: biš- 'созревать', 'поспевать', 'свариться', 'изжариться', 'стать готовым'; bi-žig- 'печь', 'варить', 'жарить', 'готовить пищу' и bol- 'быть', 'стать' (ср. монг. bol- 'свариться', 'изжариться', 'созреть', 'сделаться', 'стать', 'быть', маньчж. bola- 'жарить'); biš- 'мешать', 'взбалтывать', 'болтать' и bulga- 'мешать', 'смешивать', 'взбалтывать' (Баскаков Вв. 156) и т. д.

Таким образом, вопрос о лексикализирующей роли рота-низма, в частности о его функции разделения основ на глагольные и именные, еще ждет своего решения. Несомненно, что во всех случаях (или в подавляющем большинстве их) эта фонетическая закономерность действительно семантически конкретизирует комплексное значение праформы, закрепляя его разные стороны за -г- и -z вариантами, иногда разделяя таким способом глагольные и именные основы (друг от друга). Тем не менее пока нет достаточных оснований возводить последний момент в ранг закономерности. Точно так же зачастую используются в тюркском словообразовании в лексикализирующей функции и многие другие звукосоответствия или чередования гласных и согласных. Ср. j ~ z ~ d/t ~ г в САГ

432: köj- 'быть пригорелым', 'гореть', 'жечься'; старотур. kög- 'распалиться (об огне)'; аз., туркм. и др. köz 'уголь (горящий)', 'угли', 'жар', узб., кирг. кйг 'мелкие угли (вместе с золой)' и т. д.³¹

По поводу популярных kög- ⇔ köz, генетическое единство которых принято большинством тюркологов (Рамстедт 132, 239; Исхаков Опыт 9—10; Баскаков Вв. 156; ЩФ 87; Бишиев А. Соответствие -р/-з в алтайских языках. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алмата, 1965, с. 195 и др.), следует заметить, что их членение на составные компоненты (ИРЛТЯ, 300—301 и др.) все же пока трудно признать бесспорным. Такая этимология будет оставаться гипотезой до тех пор, пока не будет четко установлена природа формантов -г- и -z в рассматриваемых основах. Распространенная теория о том, что в köz и подобных "парных" образованиях мы имеем аффикс грамматического числа, двойственности (см. об этом: ЩФ 87; ЭСТЯ I, 82, 253), аргументированно опровергнута в Clauson TMS 142—143.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что в большинстве рассмотренных фонетических корреспонденций трудно усматривать какие-либо грамматические функции даже в тех случаях, когда разные фонетические варианты одного и того же слова закрепляются за разными частями речи. Основанием для подобного утверждения служит нерегулярность подобных фонетических или морфологических процессов, что в свою очередь подтверждает выдвинутую А. Т. Кайдаровым теорию о «скрытых синкретизмах».

Чередование гласных и варьирование первого компонента [согласного] тюркского моносиллаба как средство семантической дифференциации исходного значения

В тюркских языках чередования широких и узких, гласных переднего и заднего рядов³² иногда имеют се-

³¹ Подробнее о соответствии $d > (з) d > \begin{cases} \rightarrow r \\ \leftarrow z \\ \leftarrow t \\ \rightarrow j \end{cases} > j$ см.: Дмитриев Н. К. Соответствие Р//Д//Т//З//з//И..., с. 327—328.

³² Севортян Э. В. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 45—46 и др.

мантические (и даже в некоторых случаях грамматические) последствия, хотя в большинстве случаев при противопоставлении гласных по палатализации/депалатализации, лабиализации/делабиализации, нижнему и верхнему подъему, по двум или даже трем признакам — слабо разграничивается значение корневой морфемы (БМ 178—180). Тем не менее науке известны случаи, когда явно ощущается и лексикализующее значение (функция) таких процессов. Более того, случаи использования фонетических чередований для семантико-грамматической дифференциации можно отметить во многих языках. Например, принадлежность гласного к заднему или переднему ряду (в отвлечении от других характеристик) в корнях немецких слов типа *Bruder* ~ *Brüder*, *Mutter* ~ *Mütter*, *Tochter* ~ *Töchter* является показателем единственного или множественного числа³³.

Обратимся к тюркским языкам. В глаголах *süz-* 'просачиваться', 'проходить (о жидкости)', 'давать небольшую течь' и *süz-* 'цедить, процеживать, фильтровать' «чередование губного и негубного... является формой дифференциации весьма важной в истории глагола категории переходности-непереходности» (САГ 435). Иногда противопоставление широкого/узкого гласного выражает соответственно усиленность/ослабленность процесса (см.: ЭСТЯ I, 80; САГ 433 и др.).

Дифференцируются близкие значения слова (на разные лексемы) при помощи внутренней флексии также в тюрк. *jäg-* 'рассекать', 'раскалывать', 'расщеплять' и *jīg-* (> *jīg-t-*) 'раздирать', 'разрывать', 'рвать', 'прорезать', 'прорубить' (САГ 434); тат. *аї* 'горький-' и *аї* 'кислый'³⁴; в отдельных случаях формы с передним/задним составом гласных (гutturального/палатального рядов) отграничивают в тюрко-монгольских языках "женские" значения от "мужских" (ЭСТЯ I, 221, 223). Сходные факты обнаруживаются при противопоставлении по нижнему и верхнему подъему при совпадении палатальности/непалатальности и лабиальности/нелабиальности, ср. термины родства *böle* и *büle*, которые можно представить «как результаты семантической и затем фонетической

³³ Маслов Ю. С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? — В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 290—291.

³⁴ Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977, с. 16.

дифференциации генетически единой основы» (ЭСТЯ I, 218). Можно привести множество аналогичных примеров. Небная и ненебная формы *бич-* ~ *быч-* соответственно закрепляют значения: 'резать', 'кроить' и 'пилить', 'рубить' (ЭСТЯ II, 159). «Параллелизм $\theta \sim \gamma$ в корневом гласном послужил базой для семантической дифференциации в отдельных тюркских языках» (ЭСТЯ I, 402), так же, как и многие другие противопоставления. Так, «*үк-* (<*үг-*)... и *өг-*, вероятно, модификации *оґ-/уґ-*... и возможно, что за формами *үк-* (<**үг-*) и *оґ-/уґ-/өг-* закрепились разные семантические линии глагола: за *оґ-/уґ-* — главным образом (но не только) значение 'тереть', за *үк-* (<**үг-*) ~ *өг-* — преимущественно (но не только) — 'молотъ'» (ЭСТЯ I, 620). Ср. гомогенный глагол *оу-* ~ *ow-* ~ *ov-* и его переднерядную древнедиалектную параллель *öj-* ~ *öv-* ~ *ög-* (ЭСТЯ I, 515; а также см.: Там же, 401—403). Еще один пример: «Основной формой глагола 'таять' является *ери-* ~ *ере-*, основной формой глагола 'гнить' — *ири-*» (ЭСТЯ I, 290). Фонетические варианты от одного слова иногда приобретают со временем определенные лексико-различительные черты, так, например, «слова, связанные с понятием «верх», образованы в якутском языке от варианта *өр*, а слова, связанные с понятием «высокий», — от варианта *ур* одного и того же корня»³⁵.

Известны случаи формальной дифференциации таким путем глаголов и имен или глагольно-именных (гомогенных) форм между собой. Так, в формах *иґ-* 'понимать' и *öк* 'ум, понимание' и т. п. некоторые тюркологи усматривают дифференциацию глагола и имени при помощи внутренней флексии по подъему языка (чередования широких и узких гласных) (САГ 434—435). Гласные в противопоставлении по палатализации/депалатализации при совпадении подъема и лабиальности/нелабиальности (*и* ~ *й*) представлены в коррелятивной глагольно-именной паре *but* 'идол', 'истукан', 'кумир' ⇔ *büt-* 'верить', 'молиться', 'воздавать почести, служить кому-либо', где первый компонент (имя) является старейшим иранизмом в тюркских языках, а второй (глагол *бүт-*) — «чисто тюркским, неизвестным в иранских источниках... Глагол

³⁵ Исхаков Ф. Г. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ, с. 231.

бүт-, лүт- образовался в раннюю эпоху согласно древней словообразовательной модели односложных омоформных основ „имя — глагол“» (ЭСТЯ II, 280).

Внутреннюю флексаию усматривал в тюркских qil- 'делать' и qol 'рука' И. А. Батманов³⁶.

Тюрк. aq- 'течь' ⇔ aq 'течение' и iq- 'идти по ветру', 'плыть по течению' ⇔ iq 'подветренная/заветренная сторона', 'направление вниз по реке, по ее течению' можно интерпретировать как формальные фонетические модификации с широким и узким негубным гласными в лексикализирующем значении или как результат частичного сращения (ЭСТЯ I, 118—119, 651—652). Необходимо заметить, что в тюркских языках наблюдаются и явления, по своей природе обратные лексикализации — разъединению единой формы — всевозможные сращения гетерогенных лексем в результате семантической и фонетической близости. Например, известна частичная контаминация тюрк. im/im 'знак' и ip 'голос', 'звук' (ЭСТЯ I, 356, 626, 633); объединены тюрк. soq- 'бить' и siq- 'сжимать' в средне-тюрк. soq- 'набивать, бить', 'давить, жать, выжимать' (ФЗ 366); интересный пример смешения *oŋ и *öp см. в ЭСТЯ I, 458—459, 532 и т. д. Если при лексикализационных процессах мы имеем фонетические корреляты одного и того же слова, то в вышеприведенных случаях, наоборот, разные слова как бы стягиваются, объединяются в одной лексеме. Тем не менее во многих случаях бывает трудно утверждать, с чем мы имеем дело — с лексикализацией или контаминацией. Так, несмотря на то, что «небная модификация ... исторически была использована для формального ограничения бөг 'запруда' ~ бөг- 'запруживать' от боғ 'узел' ~ боғ- 'связывать'» (ЭСТЯ II, 209—210), в данном примере вполне вероятно и другая этимология: появление вышеотмеченных небных/небных форм — результат контаминации по закону соответствия небных модификаций, т. е. частичной омонимии, и сходства семантики, так как отсутствие боу в указанных значениях в памятниках говорит о том, что лексикализационный процесс по признаку небности совершился в глубокой древности, возможно, в дописьменном состоянии тюркских языков. Именно поэтому «для признания гомо-

³⁶ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке: (материалы к стандартной схеме морфологии киргизского языка), с. 10—11.

генности *бөг-* ~ *боғ-* 'запруживать' и *боғ-* 'связывать' необходимы историко-семасиологические (а не только логические) данные, которых обнаружить в имеющихся лингвистических фактах не удается» (ЭСТЯ II, 210).

Как видим, чередование гласных в корне, так же, как и всевозможные соответствия согласных и другие фонетические изменения, часто приводит к дифференциации семантики комплексного пра-слова. Тем не менее установить какие-либо четкие морфологические последствия таких явлений пока трудно, так как по любому, казалось бы, очевидному для нас факту использования фонетических преобразований в семантически конкретизирующей функции можно подобрать не меньшее количество таких же явлений без морфонологических сдвигов. Таким образом, в глагольно-именных парах типа тюрк. *žit-* 'исчезать' ⇔ *žit* 'падеж скота', 'мор', 'гибель и смертность' правомерно усматривать не «грамматический синкретизм», а неомонимический лексико-грамматический синкретизм.

Лексикализирующая функция варьирования с нулем или другими звуками первого компонента (согласного) тюркского моносиллаба как один из способов корнеобразования наиболее детально представлена в БМ 175—176. Там же приводятся примеры неустойчивости, т. е. редукции и исчезновения, начального *j* и его субститутов *pj*, *dj/tj*, *dž/č*, *ž/š*, *šs*, *z*; неустойчивости начального *b* ~ *p*; ослабления и редукции начального *q*-, *k*-; редукции начального *t* > ∅; ослабления *t* > *s*; утраты начального *s*-; неустойчивости согласных *s* ~ *č* в анлауге корневых морфем; утраты начального *č* ~ *š* и т. д. Нами отмечен только один факт (возможно, случайный) разделения основы имени и глагола в результате анлаутного чередования, зарегистрированные Ф. Байрамовым: *toj-* (буква **Ъ**) 'насыщаться' ⇔ *toj* (буква **ت**) 'пир'³⁷.

Примечательно, что феномен использования фонетических вариантов для семантической (и даже лексической) дифференциации как метод словообразования наглядно представлен в заимствованиях, подвергшихся таким изменениям на чисто тюркской почве. Приведем примеры:

³⁷ Байрамов Ф. Аналитическое глаголообразование в языке эпоса «Книга моего деда Коркуда». — В кн.: Проблемы лингвистического анализа. М., 1966, с. 94.

перс., тадж. hävä 'атмосфера, воздух', 'ветер', 'климат'
→ казах. äva 'воздух, атмосфера' и äve 'небо';

перс. gonah → казах. künä 'грех' и kinä 'вина, проступок, укор';

араб. kaede → казах. käde 'обычай, традиция' и қауїда 'правило';

араб. hal → казах. äl 'сила, мощь' и hal 'положение, состояние здоровья';

араб. älm → казах. ilim 'учение' и үілім 'наука';

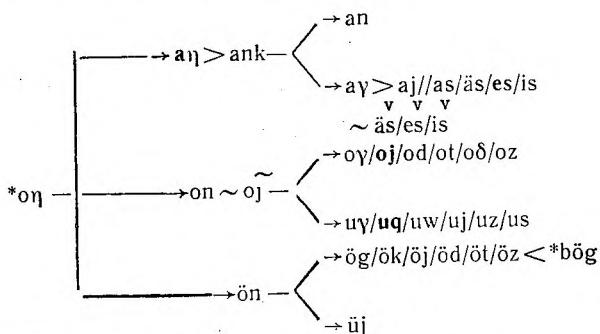
араб. häräkät → казах. äreket 'действие, старание, деятельность' и hareket 'ремесло, профессия, труд';

араб. sa'ät → казах. sayat 'час, часы' и sät 'момент'³⁸;

араб. ta'am → казах. däm 'вкус' (и 'пища' в däm že-) и тауам 'пища' (иногда — 'вкусная пища')³⁹ и т. п.

Конечно не всегда фонетические корреляты закрепляют за собой разные стороны гомогенных значений (ср.: Насыров 338), хотя во многих случаях фонетическая и семантическая эволюции взаимозависимы. См., например, схему развития комплекса 'мысль' ⇔ 'мыслить': табл. 3, где выделенные формы синкретичны и широко распространены в тюркских языках. Подробнее о них и их вариантах см. в соответствующих словарных статьях *aŋ, *es, *oj, *uq.

Таблица 3. Фонетико-семантическая эволюция комплекса 'мысль' ⇔ 'мыслить'

³⁸ Рустемов Л. З. Арабско-иранские заимствования в казахском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963, с. 10—11.

³⁹ Талжанов С. О. Аударма және казак әдебиетінің мәселелері. Алматы, 1975, 65-б.

Количественные признаки гласных и глагольно-именная омонимия

В науке до сих пор не решен вопрос о природе долгих гласных в тюркских (и праиюркских, если условно принять, что в последних они наличествуют) языках (см., например: Рясянен 59—61; ИСГТЯ I, 160—164; 175—181, 194—195; Баскаков Вв. 128; ЩФ 47—59, 122—138; Батманов ИФТЯ 13; БАБ 57—62 и мн. др.). Не вдаваясь в историю происхождения долгот в тюркских языках, требующую специального исследования, ограничимся указанием на некоторые моменты, имеющие отношение к рассматриваемому нами вопросу.

При этимологических реконструкциях праформы или синкретичного архетипа необходимо учитывать количественные признаки исследуемых корней, так как долгота гласного может быть продуктом происшедшего стяжения, эмфазы, редукции, выпадения согласного или других структурных изменений (ср.: Рясянен 46, 58—59, 182—183, 184—185 и т. д.). Вопрос об образовании долгих гласных за счет собственных ресурсов языка достаточно полно разработан в тюркологической науке (Дмитриев СТЯ 8, 209—213, 228—229; ИСГТЯ I, 14, 51—52, 198—202, 289—291 и мн. др.).

Приведем примеры синкретичных односложных основ, восходящих к дисиллабическим структурам:

*tīl

Каз., шор., кирг. tīl- 'быть тронутым, быть захваченным хищной птицей' ⇔ чаг. tīl 'собственно «доставшееся», 'участок земли, пожалованный в пожизненное пользование' (РСл III, 1380). Долгий гласный здесь — результат стяжения из tij- 'касаться, трогать' + аффт. -il- ~ -il.

*qo:ɣ

Шор., саг., койб., качин., леб. qo:ɣ- 'бледнеть', 'сделать бурым' ⇔ qo:ɣ 'бледный', 'кауры́й' (РСл II, 550). Моносиллаб восходит к qubaɣ- 'бледнеть' или qoŋiɣ в сходных глагольных и именных значениях.

*bīs

Як. bīs 'загородка, перегородка, занавес, промежуток щель, граница, межа' (? < *bīhīs < *bīčīš) и bīs- 'ре-

зять', 'перерезать, отрезать, преграждать, перерезать (дорогу)' (гетерогенные омонимы?) (Калужиньски II 76) и т. п.

Долгота гласного может со временем исчезнуть, как например в тюрк. bek- 'укрепляться', 'упрочиваться', 'крепнуть' ⇔ bek 'очень крепкий' < berik- ⇔ berik в тех же глагольно-именных значениях (САГ 53, 366; ЭСТЯ II, 116—120). И все же в результате анализа разных лексических пластов, текстов памятников и др. можно установить переходные формы с долгим корневым гласным, свидетельствующим о происшедшем стяжении.

Так, в подавляющем большинстве источников слово a:t 'имя', 'название' отмечено с долгим гласным (ИСГТЯ I, 19, 160, 182—191; Рясянен 61, 128, 129; ЭСТЯ I, 198—199 и др.) или со звонким согласным (ср. aI 'имя' в АФТ 066), иллюстрирующим, возможно, связь между древней долготой и озвончением последующих согласных: ad 'имя' < *a:t (ЩФ 54). С другой стороны, еще М. Рясянен отмечал переход aI- 'говорить' < *ajt- (Рясянен 178), где долгота гласного является закономерной компенсацией выпавшего j (см., например: ИСГТЯ I, 289—292). Ср. также: як. ät- < äjt-, тур. диал. et- < ejt- в тех же значениях (ЭСТЯ I, 111). Учитывая вышеизложенное, а также древние значения "называть", "именовать", "нарекать" глагола ajt- (Там же, с. 112), можно сопоставить глагол ajt- > a:t- > at- с a:t > ad > at 'имя', 'название'. Отсутствие в памятниках древнейшей формы имен aI может свидетельствовать о том, что разделенное единого слова на глагольный и именной варианты (фонетические > лексические) произошло задолго до появления письменности и уже достаточно лексикализовалось.

Одной из причин возникновения долготы В. В. Радлов считал необходимость различать одинаково звучащую основу⁴⁰. Иногда долготы (или фиксация гласного в древнетюркском) обозначались для того, чтобы избежать омонимов (БАБ 57—62; ИФТЯ 13). Такого же мнения придерживается и Ф. Абдуллаев⁴¹. В некоторых случаях, как это установил Н. К. Дмитриев, долгота в туркмен-

⁴⁰ Radloff W. W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St-Pb., 1908, S. 8—9.

⁴¹ Абдуллаев Ф. Ўзбек тили ва адабиёти масалалари. Тошкент, 1959, № 3, с. 29—33.

ском и якутском языках разделяет этимологически неделимую основу на соответствующие именные и глагольные формы, хотя, быть может, здесь мы имеем дело с иноязычным влиянием на фонетическую систему этих языков. Из приведенных ученым примеров отметим генетически единые корреляты: туркм. a:rt 'спина, зад' $\rightleftharpoons$ art- 'навьючивать'; to:z 'пыль' $\rightleftharpoons$ toz- 'изнашиваться', 'ветшать'; як. ba:g 'присутствующий' $\rightleftharpoons$ ba:g- 'имеется', 'есть' и т. п. (ИСГТЯ I, 182, 192—195). Чередование долгого/краткого гласных в таких случаях, по мнению Н. К. Дмитриева, имеет фонематическое значение.

Э. В. Севортян отмечает тенденцию разрушения долготы «для ряда случаев, где эта долгота не играет фонематической роли» (ИСГТЯ I, 51). Стяженные формы с долгими и параллельные формы с краткими гласными используются в гагаузском языке для семантической дифференциации (ИСГТЯ I, 205—206). «Эта система в гагаузском языке проводится строго и составляет одну из его особенностей» (Дмитриев СТЯ 202—250).

Ср. в казах. языке параллельные формы us (в usta- 'держать' < uvusta-) и uvus 'горсть' (и uvusta- 'брать горстями', этимологически тождественное usta-). Об us /uı̋ < uvus/uvuı̋ см.: Исхаков Опыт 20—21. О глагольно-именном характере uvus/uvuı̋ сигнализируют як. ытыс- 'набирать в пригоршню и ладонь' $\rightleftharpoons$ ытыс 'пригоршня' (САГ 408). Татарское uı̋ta 'пучок стеблей злаков, захваченный рукой при жатве серпом' (Татарско-русский словарь. М., 1966, с. 596—597) позволяет выделить глагольный корень uı̋- 'захватывать горстью, ладонью', коррелятивный uı̋ 'ладонь', 'горсть' (ЭСТЯ I, 410, 759).

Вышеизложенные факты использования всевозможных фонетических соответствий и чередований, а также стяжений, редуций и т. п., в смыслоразличительном и даже лексикализующем значении позволяют сделать некоторые выводы. Тюркологи, затрагивавшие в своих работах вопрос о синкретичных словах в тюркских языках, обычно больше внимания уделяли обнаружению так называемых омонимичных глагольно-именных пар, т. е. таких корней и основ, которые кроме выражения соответствующих значений имени и глагола полностью совпадали по своему звуковому оформлению. Тем не менее, как мы убедились, во многих случаях компоненты синкретич-

ной пары могут и не быть между собой в строго омонимичных отношениях. В процессе развития языка генетически единые слова закрепляются в разных тюркских языках в той или иной, обусловленной фонетическими законами данного языка, вариативной форме или в производных словах и формально перестают быть омонимами, переходя в разряд так называемых «скрытых синкретизмов», хотя исторически и этимологически являются тождественными. Подобные лексические варианты бытуют как в составе разных тюркских языков, так и внутри одного языка. Так, в глагольно-именную пару мы включаем омонимы ккалп., казах. *жақ* 'смазывать', 'намазывать' ⇔ ккалп. диал. *јау* 'масло' (Насырсы 349) и неомонимичные казах. *жау* 'жир', 'масло' (сохранившееся в казах. *közdün жауап алуандай, жауқазін, жаузімір, жаузарғақ* и других). Точно также в один ряд с казах., ккалп., ног. *буу* 'завязывать', 'связывать' мы ставим ккалп., казах., ног. *бау* 'повязка', 'шнурок', 'кушак' и *бај* в подобном же значении, восстановленное нами из *бајла*- 'вязать', 'связывать', 'привязывать' (ср. казах., ккалп., ног. *баула*- 'связывать в снопы', 'привязывать'). Зачастую те или иные звуковые соответствия в тюркских языках постепенно приобретают определенные словообразовательные функции, дифференцируя значение слова соответственно его фонетическим вариантам. Например, в казахском языке отличаются друг от друга по месту образования слова *тік*- 'втыкать', 'вонзать' и *тік* 'отвесный', 'прямой', объединяемые нами в неомонимичную синкретичную пару. Вероятно, также следует сблизить общетюрк. *küj*- 'обжигать', 'жечь', 'гореть' и *kün* 'солнце' [ср.: тат. диал. *көн* 'солнце' (Ахатов 58) ~ чаг. *قوی* 'солнце' (БСл II, 98) ⇔ др.-т. *köp*- 'гореть' ДТС 314; см. также: Рясянен 178—179; Рамстедт 136; ног. диал. *кэуйас* 'солнце', *кэыйас* 'место, освещенное солнцем' (Баскаков Н. 252, 253); тат. *коши* (Ахатов 58) и др.] и подобные генетически единые корреляты.

Термин «скрытый синкретизм» ввел в науку А. Т. Кайдаров. Ученый отмечает, что вопрос о «скрытых синкретизмах» является одним из наиболее сложных и интересных аспектов проблемы синкретизма тюркских языков вообще. Выявление их сопряжено с определенными трудностями и «требует от ученых глубокого «зонди-

рования» языковых данных и специального этимологического анализа»⁴². Весьма правомерно в этом плане сближение уйг. *žüt-* 'исчезать', 'пропадать', 'теряться', кар. *jit-* 'пропадать, гибнуть', казах. *žit-* из парного слова *ölim-žitim* 'бедствие и смертность' и казах. *žit* 'массовый падеж скота', 'бедствие', 'смертность' (Там же). Глагол *žit-* ~ *jit-* отмечается В. В. Радловым (РСл IV, 161) и в некоторых памятниках (Ибатов 110). А. М. Щербак реконструирует праформы данных слов в виде **šim-* 'исчезать, теряться' и *šum 'падеж скота от бескормицы', 'мор' (ЩФ 197).

Проблема о «скрытых синкретизмах», несмотря на длительную историю вопроса о тюркском синкретизме вообще, еще только ставится в тюркологии.

Синкретичные основы, сформировавшиеся по словообразовательной модели «имя — глагол»

Особенно убедительно демонстрируют словообразовательную модель «имя — глагол» примеры заимствований, когда новое слово, переосмысляясь, переходит из одной части речи в другую, сохраняя неизменной свою форму. Так, И. А. Баскаков отмечал, что в якутском языке заимствованные из русского глагольные формы воспринимаются как имена, что весьма показательно: *мэ-һэй* 'помеха' < мешай, *бодьуус* 'возня, хлопоты' < возись, *кодьуус* 'годность, пригодность, польза' < годись и т. д. (Баскаков Вв. 196). В тюркских языках зачастую заимствования из арабского или персидского языков начинают употребляться в качестве части речи, отсутствующей в языке-источнике. Например, «арабский глагол пятой породы *тәмәша*, означающий "идти, двигаться, быть вровень с чем-либо; следовать чему-либо; прогуливаться, гулять", перейдя в персидский, таджикский, узбекский языки в форме *тамаша*, приобрел значение существительного "прогулка, рассматривание, развлечение, гуляние, зрелище, представление, спектакль". А в казахском языке *тамаша* употребляется как в роли прилагательного "удивительный, чудесный, интересный", так и в роли существительного "развлечение, зрели-

⁴² *Кайдаров А. Т.* О критериях определения синкретических основ в тюркских языках. — Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1977, № 3, с. 56—57.

ше»⁴³. В ЭСТЯ (I, 36—37) приводятся следующие примеры: персизм aš 'каша', 'еда' (< среднеперс.) ⇔ aš- 'есть', 'давать есть' в памятниках юго-западных языков; ср. اص as- (= اصمق) 'приготавливать пищу' (БСл I, 793); араб. عياش aj(j)aš 'гуляка', 'весельчак' ⇔ тур. диал. ajaš- 'радоваться', 'веселиться'; староузб. (чаг.) agbar- 'давать мудрые советы' ⇔ ارباب arbāb 'господа', 'главы', 'государственные советники'; ср.-т. aγaz- 'начинать' (Боровков 37) ⇔ перс. āγaz 'начало'; тюрк. delmür- ~ telmer- ~ telmir- и т. д. 'тосковать, грустить, скучать' ⇔ перс. dilpur 'опечаленный', 'огорченный'; ср.-т. raγa- (в «Сказании о пророках» Рабгузи XIV в.) 'разрывать на части' ⇔ перс. rāγä 'кусок', 'часть', 'разорванный'; тюрк. azat- 'освобождать' ⇔ перс. azat 'свободный'; ср.-т. ašiq- 'жаждать встречи, свидания с кем-либо' (у Махмуда Кашгари) ⇔ араб. ašīq ~ ašiq 'влюбленный', 'любовник' и т. д. Точно также араб. قبل 'идти к югу' ср. с тюрк. qībla/qībīla 'сторона, к которой мусульмане обращаются лицом во время молитвы', 'южная сторона', 'сторона Мекки' (в эту же сторону обращаются во время сна, кладут покойника в могилу и т. д.), которое «происходит от арабского глагола кабила 'идти к югу'»⁴⁴.

Подобные факты можно обнаружить и в односложных примерах:

büt- ⇔ but

Глагол büt-/püt- 'верить', 'веровать', 'молиться', 'воздавать почести' (ДТС 133, 134; БСл I, 804 и мн. др.) образован на тюркской почве по древней словообразовательной модели «имя — глагол» по аналогии с but/put/büt 'идол, истукан', 'божество' (ДТС 129; Малов II 375; Боровков 112; РСл IV, 1896 и т. д.), являющимся иранизмом в тюркских языках (Гаффаров 94; Doerfer II Num. 716), восходящим к санскритскому (САГ 413; ЭСТЯ II, 280).

⁴³ Рустемов Л. З. Арабско-иранские заимствования в казахском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963, с. 12.

⁴⁴ Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. — В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978, с. 79.

*buǰ (?)

Имеют ли отношение к buw/buǰ 'пар' بو، بوی 'запах', 'благоние'; метаф. 'надежда', 'желание', 'любовь', 'дружба' и بوی 'испускать благоние', отмеченные Л. З. Будаговым словом «персидское» (БСл I, 271, 294)? Ср. bu (бу) < перс. بو 'запах' (Эрэб вэ фарс 78). В ЭСТЯ (II, 229—230) в словарной статье к buǰ/... 'пар' значения 'запах', 'благоние' не отмечаются. Это дает нам некоторые основания регистрировать эту глагольно-именную пару отдельно от buw/buǰ.

*jaz

Несмотря на наличие арабского источника древнетюркской формы jas/jaz 'печаль, вред', 'раскаяние', С. Е. Малов сопоставляет (под вопросом) данную именную форму с др.-т. глаголом jaz- 'погрешать, ошибаться' (Малов II 386; Айдаров 359); ср. ср.-т. jaz- (= казах. žaz-) 'ошибаться', 'заблуждаться', 'допускать ошибку, погрешность' (Курмышжанов 121).

Однако все же вопрос о связи тюрк. jaz-/žaz-/jaš- 'ошибаться', 'дать промах', 'почти сделать', '(по)грешить' (РСл III, 214, 226; РСл IV, 51, ДТС 250; ФЗ 303) (ср. чув. час- 'ошибаться, допустить промах, промахнуться', як. сыыс- 'промахнуться', тат. яз- 'сбиться с пути', кирг. жаз- 'ошибаться', алт. йас- 'промахнуться, ошибиться, заблуждаться', тоф. ħásas- 'промазать, промахнуться' (Рассадин 194 и др.)) с арабизмом в тюркских языках jas (< араб. ياس) 'вред', 'печаль', 'траур' (РСл III, 212) следует считать открытым. В казах. žazda- 'почти (с)делать' (РСл IV, 53—54) мы можем предположить как именную, так и глагольный корень žaz + афф. отыменный глаголообразующий или афф. учащательности (или интенсивности) в зависимости от частеречной принадлежности основы-корня, хотя для казахского языка можно предположить реальность именной омоформы. В БМ 175 тюрк. jaz- 'ошибаться' и аз- 'заблуждаться' считаются гомогенными.

*jaǰ

В тюрк. языках известен персизм jaǰ/žajǰ < перс. یار в значениях 'помощь', 'помощник', 'друг', 'това-

рищ', 'любовник', 'любовница', 'возлюбленная' (РСл III, 101—102; РСл IV, 25—26, 73; Эрэб вэ фарс 267 и др.). Подробнее об этом слове в казах. см.: Кеңесбаев Ф 36, 178, 189, 242 и т. д.

Глагольный коррелят jaġ- 'помогать', 'защищать', отмеченный в языке среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. (Боровков 142) наряду с общеизвестным jaġi 'помощь' (Там же, 144), позволяет предположить, что глагольная омоформа образовалась на чисто тюркской почве по модели «имя — глагол» (последняя форма jaġi может трактоваться нами как "распространение": jaġi < jaġ- + -i).

*jĕr

Чув. jĕr- 'плакать' ⇔ jĕr 'плач', 'причитание', по мнению В. Г. Егорова, связано с перс. gerje كریه 'плач', 'рыдание', 'проливание слез' (Егоров 79, 80; см. также: ЭСТЯ I, 80, где эта версия не опровергается).

Если связь чувашских форм с персидским источником правомерна, то следует в данном примере видеть результат до-развития заимствованной лексемы по древней словообразовательной модели односложных корней-слов «имя — глагол».

*žoš/žuš (?)

Тур. глагол جوشمك 'кипеть', по мнению Л. З. Будагова, гомогенен персизму جوش (u) 'кипение', 'волнение' (БСл I, 445). Глагол žoš/žuš- (осм. جوشمق, ср. перс. جوشیدن) 'возбуждаться', 'быть возбужденным' отмечается и в РСл (IV, 100, 173). Турецкое соштак 'волноваться', 'приходить в возбуждение', 'воодушевляться, вдохновляться', 'входить в азарт'; 'становиться яростным', 'усиливаться', 'выходить из берегов (о реке)' (TRC 160) ср. с турецким персизмом сиш 'волнение, возбуждение, экстаз, вспышка (гнева и т. п.)' (Там же).

Предварительные наблюдения дают возможность предположить, что глагол žoš-/žuš- был образован на тюркской почве по модели «имя — глагол» уже после освоения тюркскими языками персизма сиш, о чем, возможно, свидетельствует тот факт, что нами не были отмечены формы с j- при наличии форм с ž-.

*kem

О переосмыслении персидского kem 'малый' в глагол kem- 'уменьшаться' см. в САГ 423. Следует заметить, что этот глагол в казахском языке представлен в форме kemі- с узким гласным (так же, как и в РСл II, 1208), природа которого не совсем ясна. Ср. کم 'малый, незначительный' и كامينمك 'уменьшать' (АФТ 060), алт. چيم 'порок, недостаток' (БСл I, 508), монг. гэм, тув., алт., кирг., казах., ккалп., туркм. kem, уйг. kām, узб. kam 'недостаток, порок, изъян' (Сыдыков 132, 198 и др.), Возможно, что краткий гласный является глаголообразующим формантом.

*laj

Тар. laj- 'сделаться мутным', 'потерять глянец' ⇔ laj 'глина, грязь, ил', 'мутный (о воде)', 'без глянца' (РСл III, 726—727). Данные «Опыта» В. В. Радлова подтверждают морфологическую реконструкцию глагола *loj- из узб. lojqa 'мут', 'илистый' (⇔ lojqa- 'мутиться') (САГ 412—413, 423). В казах. laj > ilaj (так же, как и las > ilas 'грязь') (Мусабаев СКЯ 54).

Таким образом, по аналогии с персизмом laj (لای) 'отстой', 'осадок', 'тина', 'грязь', 'ил' (Гаффаров 710) выработался коррелятивный оморфный тюркский глагол.

*toz

Общетюрк. toz-/tos- 'подниматься (о пыли, запахе и т. д.)', 'распыляться', 'обратиться в пыль, в мелкие щепки', 'рассеяться', 'расходиться', 'разрываться', 'износиться'; 'разбежаться в разные стороны', 'раздробиться на мелкие партии (племя)'; 'быть разобщенным'; 'обветшать (о платье)', 'прийти в ветхость', 'ветшать'

⇔ toz/doz/tos 'пыль', 'прах', 'пылинка', 'почва песчаная, мягкая, без камней'; 'порошок', 'всякого рода порошки', 'порошок, завернутый в бумагу (вроде пилюли)'; 'береста'; 'обмотка, кожух лука (оружия)'; также в казах. toz-toz bolıp ketti 'рассеялось, как пыль', toz-toz 'о рваном, старом, изношенном предмете' (ономатопеэтическое)⁴⁵ и т. п. (ДТС 578—579; Наджип I, 86, 122,

⁴⁵ Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 375.

123; ФЗ 391; Курышжанов 107; Ибатов 208; РСл III, 1207—1208, 1212—1213; БСл I, 393—394, 398 и мн. др.); сводку форм для значения "береста" см.: Дмитриева. Названия растений 155. Сюда же относится селькуп. (остяко-самоедское) tö, кетское и тымское (диалекты) twe 'береста', соответствующее тюрк. toz 'береста'⁴⁶.

Об этом синкретичном корне см.: ЮКЛ I, 71; Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке. — В сб.: ИСГТЯ I, с. 183; САГ 371, 441; Мусаев ЛТЯ 168; ЩФ 197; Кайдаров А. Т. О критериях определения синкретических основ в тюркских языках. — Изв. АН КазССР. Сер. филолог., 1977, № 3, с. 52 и т. д.

Говоря о переаимствовании тюркского toz 'береста' из персидского обратно в тюркский, К. М. Мусаев отмечает, что «здесь мы сталкиваемся с одним из случаев возвращения тюркского слова в тюркский язык подобно бурмангу. Слово toz вошло из тюркских языков также в арабский и монгольский языки» (Мусаев ЛТЯ 168).

Вышеизложенные примеры показывают, что в некоторых случаях бывает трудно отличить заимствование от переаимствования. Точно так же семасиологическая (и фонетическая?) связь глагольно-именной пары араб. قابض > тур. (осм.) kabz 'захватывание', 'получение', kabız 'берущий, задерживающий' ⇔ тел., чулым. qabiš-/саг., койб. qabīs- 'хватать друг у друга' (РСл II, 452, 453, 459) с тюркским корнем qar- 'хватать' (⇔ qar) позволяет нам видеть в араб. قابض древний тюркизм.

Показательны сходные факты этимологизации некоторых заимствований на тюркской (и алтайской) почве. Так, отмечая известные этимологии, представляющие межтюрк. бажак как персизм, Э. В. Севортян предлагает и другое направление для поисков этимологического решения этого слова: глагольно-именное соответствие як. bāzai- 'еле передвигать ноги' (ССТМЯ I, 64)/bāж'ai- 'еле передвигать, с перевалкой, свои согнутые в коленях ноги, широко их расставляя' (П I 335) ⇔ bāzai 'ступающий, расставив ноги' (ССТМЯ 64)/bāж'ai 'вступающий, расширив ноги, с перевалом тела' (П I, 333) дает возможность вычленить глагольно-именную основу баж/ба:ж ⇔ баж-/ба:ж- (ЭСТЯ II, 26).

⁴⁶ Тенишев Э. Р. О тюркизмах в селькупском языке. — In: ALTAICA. FIAC. XIX. Helsinki, 1977, p. 237.

Лишний раз подтверждают историческую реальность словообразовательной модели «имя — глагол» такие факты, когда глагольная омоформа сформировалась позже именной или наоборот (ср. ЭСТЯ II, 278; ЭСТЯ I, 464 и др.).

* * *

Таким образом, понятие «грамматический синкретизм» вполне приложимо к моносиллабам в том смысле, что порой разные фонетические варианты слова бытуют в тюркских языках в таких полярных частях речи, как имя и глагол. Говорить же о морфологической функции начального, среднего или конечного компонентов тюркского изолированного слога только на том основании, что некоторые фонетические закономерности в отдельных случаях соответствуют семантической дифференциации, пока не представляется возможным.

В тюркских языках наличествуют тысячи глагольно-именных дериватов, обнаружение которых не составляет большого труда. Вопрос о том, имеем ли мы в омонимичных (или не омонимичных) глагольно-именных двусложных или многосложных основах последствия грамматической нерасчлененности корня — тема отдельного исследования, которое должно строиться на тщательном анализе происхождения как корня-основы, так и каждого наращенного к нему аффикса.

Случаи возникновения глагольно-именных пар в исторически обозримое время напоминают конверсию в индоевропейских языках. Однако отождествлять эти сходные процессы не следует. В тюркских языках синкретизм вырабатывается по древней дописьменной словообразовательной модели «имя — глагол», тогда как в языках индоевропейских конверсия возникла (и закрепилась как словообразовательный акт) в результате оголения основ. Как мы видим, причины, породившие, казалось бы, сходные явления, совершенно различны и не связаны друг с другом.

Синкретичные моносиллабы, выявленные в процессе сравнительного анализа

Глагольно-именные корреляты, один из которых зафиксирован только в одном или нескольких источниках

Прежде, чем приступить к рассмотрению синкретичных корней, выявленных в результате зондирования современных и древних языков, необходимо отметить, что большую роль в изучении глагольно-именного омоморфизма играют уникальные лексикографические труды, в которых зачастую фиксируются редкие и неупотребительные формы — глоссы, не обнаруживающие прямых параллелей в известных (или доступных нам) источниках. Так, словарь Л. З. Будагова наряду с общетюрк. *tüŝ* 'сон' регистрирует и глагольный вариант — чаг. *توشمك* 'спать'; среди известных форм чаг., тат. *تيلامك*, *تلامك*, *تلامك* отмечается также глагол *دلمك* 'желать, хотеть, просить, искать, требовать, умолять', в тат. также 'молиться', откуда вычленяются глагольно-именная пара **til-* 'говорить, просить, умолять' и др. ⇔ *til 'язык' и все формы на *tile-* как «распространения» этого первично синкретичного моносиллаба (БСл I, 371, 372, 395, 421 и др.). «Опыт» В. В. Радлова наряду с чаг. 'стареть', 'ветшать' дает именные *qīg* 'старый', *keg* 'старый', 'старик', что позволяет кроме известных синкретичных *qaḡi-* ⇔ *qaḡi* и *qaḡt-* ⇔ *qaḡt* предположить синкретизм исходной основы *qaḡ (РСл II, 132, 167—168, 184, 1083, 1095 и др.). С морфологической реконструкцией глагола *köz-* 'видеть', 'смотреть' (из *közip-* 'показываться') можно сравнить также регистрируемые В. В. Радловым *kös-* 'показывать' ⇔ *kös* 'глаз', 'взгляд' (РСл II, 1291, 1293), а также *köstür-* 'показываться' (Там же, с. 1298) и т. п.

Нами использовались также авторские этимологии в БСл, одной из особенностей которого, по мнению А. Н. Кононова, является то, что в нем «многие слова сопровождаются разъяснением их этимологического состава (в подавляющем большинстве случаев весьма удачным)» (БСл I, с. IV) — переиздание 1960 г. Конечно, не все этимологии, приводимые в этих словарях, должны приниматься нами безоговорочно. Немало в них и народно-этимологических истолкований. Например, тоб. کیرداش kir-daš 'постоялец', 'соучастник в чем', 'сожитель', башк. کیرداشلق 'соучастие', по Л. З. Будагову, происходят «от корня глагола کیرمک» (БСл II, 174), имеется в виду общетюрк. kir- 'войти', 'входить', 'проникнуть' и т. д. (Там же, с. 174—175). Если принять версию автора «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий», казалось бы, мы имеем глагольно-именную пару *kir- ⇔ *kir, так как в kirdaš компонент kir является именем. Однако kirdaš — композит из kir < перс. k'a:r/kār کار 'занятие', 'работа', 'вещь', 'польза, прибыль, выгода', 'успех' (Эрэб вэ фарс 273; РСл II, 1053, 1535; Дмитриев СТЯ 209 и др.) + аффикс -daš, образующий существительные со значением лица по определенному признаку, общему с другим лицом, например общность положения в пространстве, во времени, в социальной среде, признак соучастия, содружества (или товарищества) (САИ 164). Ср. этот аффикс в тюрк. qa-daš 'член одной семьи (qa)', 'близкий родственник', jol-daš 'сопутник' (позже: 'сопутник' > 'спутник' > 'друг, приятель'), jig-daš 'соотечественник' (букв. 'земляк'), qaryn-daš 'брат или сестра' и т. д. (Ramstedt SKE 257) (интересно отметить самостоятельную лексему daš 'близкий', 'друг' в памятнике XIV века: ФЗ 290).

В РСл II, 232, БСл II, 61 отдельно от персизма کلاش kalaš 'хитрый человек', 'пройдоха', 'мазурик', 'плут, мошенник' регистрируется чаг. kalaš کلاش 'оставленный без средств к жизни', 'беспомощный', 'сирота'. По мнению Л. З. Будагова, последнее слово восходит к тюрк. قال اچ، قالاج، 'оставайся голодным', а чем трудно согласиться, несмотря на то, что этимология этого слова не совсем ясна (а также несмотря на рекон-

струкцию синкретичности корня в случае принятия предположения Л. З. Будагова). По-видимому, этимологическое решение этой формы следует искать в иных направлениях. Ср., возможно, гомогенные формы (Эрэб во фарс 117; Баранов 231, 694; ТРС 312, 502; РСл II, 1114, 1675 и мн. др.), хотя не исключена возможность чисто тюркского происхождения рассматриваемого слова. В этом плане вполне возможна этимология qalaš < глагол qal- 'оставаться' + отглагольный имяобразующий аффикс -(a)š (но не aš 'голодный'). Подобные двум вышеприведенным версиям этимологии встречаются изредка и в современных изданиях. Так, например, в КТКЭС 155 тюркское ošağ 'очаг' возводится к ot 'огонь' + žaq- 'разжигать', «что морфологически невозможно» (ЭСТЯ I, 425) и т. п.

Важная роль в изучении глагольно-именной омонимии принадлежит также сопоставительному анализу различных лексических пластов и языковых ареалов. Так, часто только диалектная лексика, включающая в себя кроме абсолютных синонимов к соответствующим нормативным словам многочисленные уникальные слова исконно тюркского происхождения, позволяет реконструировать синкретизм той или иной основы. Например, среди известных форм بویا (ه) بویا، بویاغ، بویا Л. З. Будагов регистрирует и форму بوی 'краска', 'цвет' (БСл I, 295), которая находит параллель только в говорах Кашгара и Яркента — بوی bou 'краска' (Raquette 30). Односложный глагол в интересующем нас значении также отмечается только в уйг. диал. boj- 'красить' (Jagring 57). Учитывая эти данные, можно предположить существование синкретичной пары bod- ⇌ bod, если мнение Дж. Клосона о том, что bo:d является первоначальной формой bou соответствует действительности (Clauson ED 267). Точно также только в казах. диал. қиј 'колодец', 'вязкая, клейкая глина, грязь', метаф. 'умеющий хорошо говорить, много знающий человек', представлен именной коррелят к общетюрк. қиј- 'лить, наливать', 'заливать', 'выливать', 'поливать' (КТДС 211; КТКЭС 132 и т. д.).

Особенностью тюркского (и шире — алтайского) синкретизма является то, что процесс обнаружения омо-

морфных пар зачастую требует тщательного морфологического анализа различных основ слов и аффиксов, образующих те или иные грамматические формы, в результате чего из дериватов вычлняются уже неупотребительные, но этимологически, исторически вполне самостоятельные корни глаголов или имен, некогда использовавшиеся в таком «чистом» виде, как знаменательные лексемы. Причем немало случаев, когда материала древних памятников и современных языков оказывается недостаточно для успешной реконструкции глагольно-именной основы, и в таких случаях только диалектные данные могут подтвердить пока еще гипотетическое предположение. Приведем примеры. Тюркская глагольно-именная пара $o\ddot{u}g$ 'вор' $\rightleftharpoons$ $o\ddot{u}g-$ 'красть', на базе которой образовалась еще одна пара $o\ddot{u}g\ddot{i}$ 'вор' $\rightleftharpoons$ $o\ddot{u}g\ddot{i}-$ (вост.-тюрк. $اوغر\ddot{m}ق/اغرمق$) 'красть', по всей вероятности, восходит к «теоретически допускаемым корням $*o\ddot{u}$ $\rightleftharpoons$ $*o\ddot{u}$, вычлняемым из тур. диал. $o\ddot{g}arlamag \sim o\ddot{v}arlamag$ 'красть', 'воровать', караг. $\ddot{o}go$, койб. $\ddot{o}gog$, кыз. $\ddot{o}\ddot{y}\ddot{o}g$ » (ЭСТЯ I, 413—414). В современном татарском языке зафиксирована лексема $u\ddot{s}$ 'ладонь', 'горсть' и т. д., соответствующая $u\ddot{s}$ 'горсть' в старейших памятниках (Малов П 437). «Фонетическую закономерность татарской формы трудно, однако, приписать столь ранней поре тюркских языков, каковым является время создания старотюркских текстов, где выступает форма УЧ..., — пишет по этому поводу Э. В. Севортян. — Она кажется тем более необычной, что в некоторых татарских диалектах зафиксированы производные типа УЧМА 'пучок стеблей злаков, захваченный рукой при жатве серпом', УЧЫМ то же... Из приведенных производных вычлняется глагольный корень УЧ- 'захватывать горстью/ладонью', который образует вместе с татарскими и др.-т. $u\ddot{c}$ 'горсть', 'ладонь' глагольно-именную омонимическую пару» (ЭСТЯ I, 410). Точно так же казах. диал. $u\ddot{s}ra$ 'самая высшая точка горы', 'вершина', 'пик', 'скала' (КТДС 357; Аманжолов 437) и ккалп. $u\ddot{s}a$ 'вершина горы' (КкРС 684) позволяют установить историческую реальность глагольной омоформы $*u\ddot{s}$ -/ $u\ddot{s}$ -, образующей эти слова, наряду с общеизвестной в тюркских языках именной основой $*u\ddot{s}$. Диалектная лексика турецкого языка позволяет установить производящую основу $*\ddot{o}k$ 'ка-

шель' ⇔ *ök 'кашлять'; именную омоформу *üg/*ük (из турецкого диалектного ük 'груда одеял') наряду с тюркскими глаголами üg-/ük-/üj- 'собирать в кучу, навалить'; «в диалектах турецкого языка отмечена глагольная омоформа к имени *өг* ~ *өк*, образовавшаяся на турецкой почве, — глагол *өктөк* 'жаждать встречи', 'стремиться к чему-либо', 'ожидать'; отмечен именной корень *il* 'петля' наряду с общетюрк. глаголом *il-* 'вешать'; глагольный корень *eg- 'пилить', сопоставляемый с соответствующим именем; глагольный корень *el- из *elmek* 'рука', 'положение кисти, согнутой к запястью', 'горсть' к распространенному в древних и некоторых современных тюркских языках *el* 'рука', 'кисть', 'палец'. Материалы диалектов турецкого и казахского языков позволяют также выявить кроме имени *es* 'память', 'ум' и глагол *es- и мн. др. (ЭСТЯ I, 261, 306, 328, 345, 504, 620, 638).

В некоторых случаях лишь отдельный диалект тюркского языка консервирует в себе оморфную пару, как, например, кыз. *şurt-* 'жить', 'обитать' ⇔ *şurt* 'жизнь', 'обитание' (САГ 369) или ср. чув. диал. *йрхи* 'ленивый', *йркен-* 'ленился' и *йрёк* 'вялый', 'медлительный', позволяющие восстановить глагольно-именной корень *üg, соответствующий обще- и межтюркскому *eg (ЭСТЯ I, 377). Однако не всегда удается оба компонента синкретичной пары обнаружить в структуре одного языка, например казах. диал. *аң* 'сознание', 'разум' (КТДС 27—28), сохранившееся в производных от этого корня *аңда-/аңла-, аңсар* (КТЭС 39, 40), имеет соответствующий глагол только в тур., туркм., крым.-тат. языках.

Значительную часть диалектной лексики тюркских языков фиксируют словари Л. З. Будагова и В. В. Радлова. Так, дериваты тар., тоб. *jütäl* ~ тар. *jötäl* (чаг. *يوتال*) 'кашель', тар., *jötäl-* (чаг. *يوتالمك*) 'кашлять', тар. *jütälä-* ~ *jötülä-* 'кашлять', с одной стороны, и тел., алт. *jötkür* ~ тел. *jötkür* 'кашель', алт., тел., кум. *jötkür-* (чаг. *يوتكورمك*) ~ тел. *jötkür-* 'кашлять'; *يوتكور* 'кашель' и 'кашлять' (БСл II, 370; РСл III, 612, 452), с другой стороны, позволяют выделить *jöt- 'кашлять' и *jöt 'кашель' звукоподражательного происхождения (ЭСТЯ I, 557). Производные *egägäs-* 'ссориться, состязаться' (РСл I, 756), казах. диал. *efegis-/egeges-* ⇔ *eregis/ereges* 'спор', 'препирательство', 'тяжба'

(Аманжолов 374; а также см. ҚТС 1978, 390—391 и мн. др.); каз. *аир шаалшмек* 'ссориться, браниться, упрекать'; кирг. (= казах.) *аир калсбек* 'не слушать никаких внушений, а нести свое' (БСл I, 189) и гомогенные с ними: *аир мак* 'забава, утешение', кирг. (= казах.) 'пустое занятие для препровождения времени'; гл. *аир шамек* (БСл I, 191); ср. казах. диал. *egis-* 'спорить', 'препираться' (ҚТДС 100) и др. Все эти дериваты в результате морфологического анализа подтверждают историческую реальность синкретичного корня-основы *eg (ЭСТЯ I, 293—294).

В процессе работы по выявлению синкретичных корней-основ нужно учитывать также лексику пословиц и поговорок, фразеологизмы и парные образования, регистрирующие в отдельных случаях архаичные формы и значения. Реконструкция древнего комплексного характера семантики праформы порой осуществляется в результате морфолого-синтаксического анализа природы компонентов словосочетаний, всевозможных композитов, удвоенных основ и т. п. Ср. казах. *tup-* 'отстаиваться', 'отстояться', 'стать чистым (о воде и др.)' (ҚТС 1961, 374), 'садиться (о жидкостях)' (РСл III, 1439); глагол в казах. *ел іші тұнған тарих — букв. 'в народе — отложившаяся (отстоявшаяся веками) история'* ⇔ *tup* 'отстоявшийся', 'чистая вода' в казах. пословице *тұнықтан тұн жақсы* 'отстоявшаяся/отстоенная вода лучше прозрачной (чистой на вид)'; общетюрк. *qaç/qaş-* 'убегать, бежать', обнаруживающее свою именную омоформу в казах. *qaş-qaş*, уйг. *qaç-qaç*, аз. *gaçhagaç* 'повальное бегство', 'бегство'; межтюрк. *tüt-* 'дымиться' и его именной коррелят *tüt* 'дым' в казах. *ört tütü örgö örlör* 'дым пожара стремится вверх'.

*az

Сюг. аз- 'уменьшаться', 'быть в малом количестве' (Малов СЮ 12)

⇔ во многих тюрк. языках аз 'малое количество', 'малочисленный, мало, немного'. Подробнее см.: ЮКЛ I, 72; ЭСТЯ I, 93—94, 755; Мусаев К. М. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — ALTAICA. Helsinki, 1977, p. 200.

*aj

В ЭСТЯ I, 102 форма *ai* 'верное понятие', 'правило', 'изъяснение', по РСл I, 3, сравнивается с *ایمق* 'питать уважение, пристрастие' (АФТ 051), тур. диал. аутак 'стеречь', 'наблюдать', лам. *aj-* 'делать здоровым', 'исцелять' (VGAS I, 66) и др. Данные, подтверждающие выделение *aj-* и *aj*, обнаруживаются в результате анализа ряда производных, а также в Benzing LG 140, Ramstedt SKE 182, позволяющих более точно представить семантику глагольного коррелята.

*aj

«Исторически наряду с *a:ï ~ ай* в тюркских языках — возможно, только в огузских — существовал также глагольный омоним **a:ï-*, о котором можно заключить по тур. диал. *au au-* 'всходить (о луне)'..., *au audıǵı*, *au ауази* 'очень светлая лунная ночь'» (ЭСТЯ I, 99). Возможно, чув. «распространенное» имя *yıax* при общетюрк. *ай* 'луна' (САГ 443) также подтверждает реальность глагольной омоформы.

Об *айла-* 'кружиться' от *ай* 'луна' см.: ЭСТЯ I, 110; а также: Дмитриев Н. К. Глаголы действия (*verba operandi*). — В кн.: Дмитриев СТЯ, с. 586, где *айла-* 'кружиться', 'вращаться' (подобно тому, как Луна вращается вокруг Земли). А. Махмутов рисунок древнетюркской буквы или написание слова *aj—D* — связывает с изображением луны¹.

В 1850 г. М. А. Оболенский обратил внимание на краткий половецкий словарь, обнаруженный им в одной старинной русской рукописи — «Макарьевских Великих Четых-Миней» XVI в., о чем он сообщал в письме к М. П. Погодину². В «Толковании языка половецкого» и

¹ Махмутов А. Как возник древнетюркский алфавит. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 141—147; Махмутов А. Түркі халықтарының көне алфавиті суреттен дамыған. — В сб.: Мусабаев Г., Махмутов А., Айдаров Г. Эпиграфика Казахстана. Алма-Ата, 1971, вып. 1, с. 95. О таком методе этимологии см.: Сулейменов О. О. Грамматика буквы: (к истории древнетюркского алфавита). — Изв. АН КазССР. Сер. филолог., 1978, № 2, с. 43—44.

² Оболенский М. А. Послание патриарха Фотия в древнем славянском переводе: Половецкие слова. — Москвитянин, 1850, ч. II, № 5, отд. III, с. 7—8.

в статье «Се татарский язык» по рукописи XV—XVI вв.³ слово «месяц» представлено в форме *ан* (*аанъ* и *аань*). В своих комментариях к этим формам акад. Ф. Е. Корш считал, что *ан* является опиской, искаженным переписчиком словом *ай*. Так, к примеру, он писал, что *аанъ* из *ай* «могло получиться лишь при двух условиях: 1) если *аа* есть диттографическая описка или выражает особую долготу звука *а*, и 2) если *нъ* произошло путем смешения буквы *И* с буквой *Н*, к которой, естественно, был потом прибавлен *ъ*»⁴. Однако, тоф. *ај* 'месяц, луна' (Рассадин 152), как считает Э. В. Севортян, дает основание отнести к вышеприведенному *ан* менее недоверчиво (ЭСТЯ I, 99). Возможно, они консервируют в себе форму.

*ajt- ⇔ *ajt (в составе ajt-ujt žoq)

По мнению Махмуда Кашгари, основное значение *ایتماق* ajitmaq не 'говорить', а 'спрашивать' — производная форма от *ایماق* ajmaq 'говорить' (Наджип I, 393). Видимо, в эпоху Махмуда Кашгари (или, точнее, им самим) в ajt-ощущалось побудительное значение, возможно, потому, что в языке бытовала первичная форма aj-. В современном ajt-, как известно, «содержание понудительного залога давно уже „выветрилось“»⁵. Именной коррелят к древнейшему глагольному значению сохранился, по всей вероятности, в казах. ajt-ujt/ajt-üjt (ср. Кеңесбаев Ф 21). По мнению А. Нурмагамбетова, в ajt-üjt žoq bas saldı как ajt, так и üjt, употребленные в именном значении "айту-сұрау" ("айту-сұрау жоқ"), едины с глаголом ajt- (2 л., ед. ч., повел. накл.): первый компонент сравнивается с ajt- 'говорить, называть, сказать', второй — с чув. üjt- 'спрашивать'⁶. Однако, если это соответствует действительности, мы могли бы выделить глагольно-именную пару ajt- ⇔ ajt, уточнив

³ *Симони П.* Памятники старинной русской лексикографии по русским летописям XIII—XVIII столетий. СПб., 1908, вып. 3, с. 1—11.

⁴ Там же, с. 14.

⁵ *Дмитриев Н. К.* Глаголы речи... — В кн.: *Дмитриев СТЯ*, с. 570—571; *Гаджиева Н. З., Коклянова А. А.* Глаголы речи в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ, с. 341 и др.

⁶ *Нурмагамбетов Э.* Кейбір сөздердің тарихынан. — Кит.: Сөз өнері. Алматы, 1978, 72—73 б.

при этом, что *'спрашивать' > 'сказать' и, возможно, обе формы здесь употреблены в первом значении. Üjt в ajt-üjt žoq не имеет никакого отношения к üjt- < olaj et- (ср. büjt- < bilaj et-, süjt- < solaj et- и т. п.), являясь фонетическим вариантом ajt, как правильно считает А. Нурмагамбетов. Можно также добавить, что в подражательных словах редупликация с частичной варнацией звучания слов является одним из способов словообразования, ср. baž-buž, žalt-žult, tarq-turq, ajqış-ujqış, ajyaj-ujaj и т. п.

Ср. также ajt- 'говорить, называть' ⇔ a:t (> ad) 'имя'.

*aq

После исчерпывающей сводки форм aq-/aγ-/iq-/iy-'течь', 'протекать', 'вытекать'; 'литься', 'быть унесенным водой' ⇔ aq/iγ/iq 'течение', 'направление вниз по течению', 'жидкость, влажное, слезы' Э. В. Севортян отмечает: вследствие того, что основы с узким гласным iq- ⇔ iγ и с широким aγ- ⇔ aq образованы по дописьменной словообразовательной модели «имя — глагол», все четыре корня следует рассматривать как древнейшие (ЭСТЯ I, 118—119, 755). Причем именной омоним aq отмечается только в РСл I, 95, Рав. С. 118 и в некоторых диалектах. Однако именной коррелят aq в значении 'точный', 'быстротекущий', 'текущий', 'барханный' вошел в состав некоторых географических названий: *ақ құм* 'барханные пески', *ақ су* 'реки, питающиеся водой от таяния горных снегов', *ақдала* 'барханно-грядовой песчаный массив', т. е. 'степь с движущимися песками'⁷ и др.

Ср. также маньчжурское aγa- 'лить (о дожде)' ⇔ aγa 'дождь' (Котвич 68), гомогенное, возможно, другому тюркскому слову — jaw-/jaγ- 'идти (о дожде, снеге)' (?).

По мнению К. М. Мусаева, соотношение aq 'жидкость' и aq- 'течь' возникло сравнительно недавно⁸.

⁷ Кононов А. Н. О семантике слов «кара» и «ак» в тюркской географической терминологии. — ИАН ТаджССР. Отделение общественных наук, 1954, вып. 5, с. 83—85; *Он же*. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — В кн.: Тюркологический сборник. 1975. М., 1978, с. 170—171.

⁸ Мусаев К. М. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — ALTAICA. PIAC. XIX. Helsinki, 1977, p. 199.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН, 382: алт. *āk(Λ) - 'течь' ~ и.-е. *akuā 'вода, река' ~ с.-х. 'ku- 'вода, литься'.

*art

Тюрк. art- 'увеличивать', 'прибавлять' ⇔ только в сюг. art 'излишек' (Малов СЮ 17); также см.: ЭСТЯ I, 181—182. По мнению автора ЭСТЯ, М. Рясянен неправомерно объединял данную пару с тюрк. art- 'навьючивать' ⇔ art 'спина'. Для глагола ср.: آرت art- 'прибавить, увеличить' (АФТ 066); آرت 'оставаться в излишке' (БСл I, 792); как общее кирг. и енисейск. art- 'быть в излишке', 'множиться' (Батманов ЯЕП 52, БАБ 209—210); artmaq 'увеличиваться', 'прибавляться', 'возрастать' (Наджип I, 173—176 и мн. др.).

Учитывая древнейшее значение "увеличиваться" и формы ort-, ärt- (ЭСТЯ I, 181), можно предположить здесь связь с ög- 'подниматься', öge- 'умножаться, возрастать в числе/количестве' (ЭСТЯ I, 542—543) (последняя форма образована от именной омоформы *ög 'подъем'), так же, как и в общетюрк. arqan/казах. диал. ögken (Аманжолов 437), ölkän (АФТ 067) 'веревка' и др.

О производном характере art- ⇔ art см.: ЭСТЯ I, 182.

*av

Ср.-т., кар. к., тур. диал. и кирг. (из дериватов) av-/aw-/ay-/о:- 'гнать, изгонять', 'устраивать засаду', 'окружать, охотиться'

⇔ во многих тюрк. языках av/aw/ay/aŋ/ab/ow/oŋ/o:/uŋ/uv/u: 'охота (на зверей, дичь)', 'ловля', 'охота за зверями с помощью тенет', 'охота с сетями на птиц', 'рыбная ловля', 'дичь', 'предмет охоты', 'добыча', 'улов', 'погоня' (ЭСТЯ I, 62—64, 65—66, 152—153; КТКЭС 45; см. также: Clauson ED 3, 75, 166 и др.).

*aš

В САГ 366 Э. В. Севортян приводит в числе глагольно-именных основ и кирг. ач- 'открывать', 'отпирать', 'раскрывать', 'обнаруживаться' ⇔ ач 'светлый' (о цвете). Ср. казах. күн ашқ 'день ясный' — перен. от 'открытый'; ашаң žüzdü 'со светлым лицом', 'с бледноватым, худощавым лицом'; а также др.-т. ас- 'рассеять, развеять, разогнать (тучи)', 'обелить' < 'открывать, отворять'

(ДТС 3). В ЭСТЯ I, 210 отмечается, что «корень *ач-* можно сравнить с финно-угор., зыр.: *az* 'отверстие', 'щель', 'расщелина', 'дыра', 'углубление', 'яма'/вогуль. *äs* 'дыра', 'углубление', 'яма' (Collinder 73)».

По мнению Г. Г. Мусабаева, казах. *žalaŋaš* 'голый' состоит из *žalaŋ* 'голый' + *aš*- 'открой'⁹, хотя компонент *aš* в *žalaŋaš* (если правомерна структурность *žalaŋ* и *aš* как основ, что маловероятно) употреблен в именном значении.

*aš

Сближая тюрк *аш/ашы* 'прививка', 'цветочная пыльца' и *аш* в *ашла-* 'прививать (о растениях)', 'прибавлять', 'перемешивать' с глаголом *аш-* 'оплодотворять' (о животных), Э. В. Севортян вычленяет глагольно-именные омонимы *аш-* ⇔ *аш* (ЭСТЯ I, 216).

*ba/*baŋ/*baw/*baj/*boŋ/*buv

В САГ 408, сравнивая др.-т. *ba-* 'привязывать' (Малов П 367) с як. *быа* 'веревка', 'лента', 'шнур', Э. В. Севортян восстанавливал глагольно-именные омонимы *ба-* ⇔ *ба*. Однако выяснилось, что як. *быа* закономерно восходит к *бағ, ср. *қыа* < *қағ 'трут'; *сыа* < *йағ 'жир'; *тыа* < *тағ 'лес', 'тайга' и др. (ЭСТЯ II, 14).

Г. И. Рамstedт с тюрк. *ba-* 'связывать' сопоставлял кор. ра 'веревка' (Ramstedt SKE 179).

Критику реконструкции *ba-* 'связывать' см. в БМ 142. Там же выявляется ошибочность предположения А. А. Зайончковского о том, что *ba-* 'связывать' > *bag* 'есть, имеется' (как аорист от корня *ba* + *г* 'связывающий, существующий') и *baŋmaq* 'башмак' (букв. 'вместе завязывание'). Подробнее об этом см. в словарной статье к синкретичному корню *bağ.

Основные формы слова можно условно разбить на *baŋ ~ *baw*, *baj, *boŋ и *buv:

I. *baŋ-* 'связывать', 'прельщать', 'очаровывать' ⇔ *baŋ* 'веревка', 'повязка' (РСл IV, 1127, 1132, 1446, 1447; ДТС 77 и др.) ~ *baw* в близких значениях (РСл IV, 1126, 1431, 1566 и др.).

⁹ Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алмата, 1962, с. 199.

II. Як. *ba:j-* 'вязать', 'связывать' ⇔ *ba:j* 'связь' (РСл IV, 1421); см. также: Калужиньски II, 71.

III. *Boy-* 'связать накрест (руки и ноги)' (РСл IV, 1265, 1647—1648) ⇔ *boy* 'дорожная сума', 'упакованные для перевозки вещи, узел (с вещами)' (ДТС 109) (ср. гомогенные формы в других алтайских языках в Калужиньски II, 79) и др.

IV. *Buv-* 'связывать, завязывать, связать вместе' (РСл IV, 1799) ⇔ алг., тел. *buv* 'связка', 'веревка' (РСл IV, 1360 и др.).

Тем не менее более правомерным следует считать объединение всех форм в одну группу гомогенных корней: *baʷ/baʷ/baj-/boy-/buv-/... ⇔ baʷ/baʷ/baw(-v)/baj/boy/buv/...* (ср. ЭСТЯ II, 13—17; см. также КТКЭС 58—60, 61—62).

Долгота в *baʷ* (ср. туркм. *bāʷ*) 'завязка', по мнению Н. А. Баскакова, является результатом гаплогогической элизии слогов *baʷ < bāʷ < *baʷuʷ* (Котвич 15—16). Теоретически это вполне возможно, хотя, может быть, в данном случае следует учитывать роль иноязычного субстрата в формировании фонетического строя туркменского языка (Дмитриев СТЯ 13).

В ЭСТЯ II, 165—167 *boy-/buw-/...* 'вязать', 'связывать', 'завязывать' ⇔ *boy/roy/ruʷ* 'узел (с вещами, с чем-либо)' и др. регистрируются отдельно от *baʷ-/baw-/baj-* ⇔ *baʷ/baw/baj*, хотя гомогенность этих форм отмечается. См. также: САГ 335.

*baʷ

Сюг., лоб., чув., як., тур. дмал., Рав. С. 156; Rossi 334; Ettublet. 149 *baj-/paʷ-/ruʷ-* "становиться богатым", "(раз)богачеть"

⇔ общетюрк. *baj/paʷ/paʷ* "богатый", "богач", "богатство" (САГ 366; ЩФ 129; АФТ 080; ЭСТЯ II, 27—29, 36 и др.). Тюрк. *baji-/baʷi-* "богачеть" (РСл IV, 1140; ДТС 79 и т. д.) в САГ 366 объясняется как "распространение", в ЭСТЯ II, 29 — отыменный глагол с афф. *-ы- ~ -а-*. Глагол с афф. *-сипи-* со значением оценки имеет в РСл IV, 1125 именную омоним: тел. *paʷiʷi-* "считать себя богатым" ⇔ ипор. *paʷiʷi* "богатый".

Тюрк. bat- 'погружаться, нырять, окуна́ться', 'заходить (о солнце)' (АФТ 080; ДТС 89; Курышжанов 93 и др.); * 'опускаться и исчезать' > 'погружаться', 'тонуть', 'заходить (о солнце)' (Clauson ED 298, 301) имеет именную омоформу в казах. диал. бат 'осадок (от воды)', 'накипь (от воды) на стенках самовара' (КТДС 57) и bat в глаголе batla- 'погружать (в воду)' (ЭСТЯ II, 79). Анализ производных от bat- в значении "болото" см.: Исхаков Опыт 61—62; КТКЭС 57.

bez- ⇔ bez (в составе bez bol)

Общетюрк. bez- 'иметь/питать/испытывать/получать отращение' и др. ⇔ bez 'неприятный' в туркм. bez bol 'почувствовать неприязнь'.

Об этой паре, не требующей комментариев, в ЭСТЯ II, 104 сказано: «Без ~ без- представляют собой односложные омоформные основы, возможно, корни» (об этом см. также САГ 408).

*bek/*berk/*bet

I. *rāk-/bek-/rök- 'укреплять', 'запирать', 'упрочиваться', 'крепнуть' ⇔ *rāk/bäk/bek 'крепкий, прочный', 'укрепление', 'сильный', 'очень', 'сильно, много, скоро' (РСл IV, 1215—1216, 1299, 1574; ЩФ 195; САГ 366 и др.).

II. bāgk-/berk- 'становиться крепким', 'крепнуть, усиливаться', 'укрепляться' ⇔ bāgk/berk 'сильный', 'крепкий', 'могущественный', 'крепко', 'сила' (ФЗ 278—279; Наджии I, 85 и др.). О стяжении тюрк. rek < berk см.: САГ 366; Севортян Э. В. Выпадение согласных в южных тюркских языках. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 290 и др.

III. В ЭСТЯ II, 119—120 кроме синкретичных bek- ⇔ bek и berk- ⇒ berk из данных чув., тат. диал. и др. выделяется глагол пит- и оморфное имя пит < *бет, однородное с bek. Значения "оберегать", "поджидать", отмеченные там же для bek-, возможно, возникли в результате частичной контаминации с baq- 'смотреть', 'наблюдать', 'стеречь', 'ожидать' и т. д.

II. Як. *ba:j-* 'вязать', 'связывать' ⇔ *ba:j* 'связь' (РСл IV, 1421); см. также: Калужиньски II, 71.

III. *Boy-* 'связать накрест (руки и ноги)' (РСл IV, 1265, 1647—1648) ⇔ *boy* 'дорожная сума', 'упакованные для перевозки вещи, узел (с вещами)' (ДТС 109) (ср. гомогенные формы в других алтайских языках в Калужиньски II, 79) и др.

IV. *Buv-* 'связывать, завязывать, связать вместе' (РСл IV, 1799) ⇔ алт., тел. *buv* 'связка', 'веревка' (РСл IV, 1360 и др.).

Тем не менее более правомерным следует считать объединение всех форм в одну группу гомогенных корней: *baγ-/baq-/baj-/boy-/buv-/...* ⇔ *baγ/baq/baw(-v)/baj/boy/buv/...* (ср. ЭСТЯ II, 13—17; см. также КТКЭС 58—60, 61—62).

Долгота в *baγ* (ср. туркм. *bāγ*) 'завязка', по мнению Н. А. Баскакова, является результатом гаплогогической элизии слогов *baγ < bāγ < *baγ-uγ* (Котвич 15—16). Теоретически это вполне возможно, хотя, может быть, в данном случае следует учитывать роль иноязычного субстрата в формировании фонетического строя туркменского языка (Дмитриев СТЯ 13).

В ЭСТЯ II, 165—167 *boy-/buw-/...* 'вязать', 'связывать', 'завязывать' ⇔ *boy/roγ/riγ* 'узел (с вещами, с чем-либо)' и др. регистрируются отдельно от *baγ-/baw-/baj-* ⇔ *baγ/baw/baj*, хотя гомогенность этих форм отмечается. См. также: САИ 335.

**ba:j*

Сюг., лоб., чув., як., тур. диал., Рав. С. 156; Rossi 334; Ettuhfet. 149 *baj-/raj-/rij-* 'становиться богатым', '(раз)богатеть'

⇔ общетюрк. *baj/raj/rāj* 'богатый', 'богач', 'богатство' (САГ 366; ЩФ 129; АФТ 080; ЭСТЯ II, 27—29, 36 и др.). Тюрк. *ba:j-/ba:ju-* 'богатеть' (РСл IV, 1140; ДТС 79 и т. д.) в САГ 366 объясняется как "распространение", в ЭСТЯ II, 29 — отыменный глагол с афф. *-ы- ~ -а-*. Глагол с афф. *-сын-* со значением оценки имеет в РСл IV, 1125 именной омоним: тел. *paizyn-* 'считать себя богатым' ⇔ шор. *paizyn* 'богатый'.

Тюрк. bat- 'погружаться, нырять, окунаться', 'заходить (о солнце)' (АФТ 080; ДТС 89; Курышжанов 93 и др.); * 'опускаться и исчезать' > 'погружаться', 'тонуть', 'заходить (о солнце)' (Clauson ED 298, 301) имеет именную омоформу в казах. диал. бат 'осадок (от воды)', 'накипь (от воды) на стенках самовара' (КТДС 57) и bat в глаголе batla- 'погружать (в воду)' (ЭСТЯ II, 79). Анализ производных от bat- в значении "болото" см.: Исхаков Опыт 61—62; КТКЭС 57.

bez- ⇔ bez (в составе bez bol)

Общетюрк. bez- 'иметь/питать/испытывать/получать отращение' и др. ⇔ bez 'неприятный' в туркм. bez bol 'почувствовать неприязнь'.

Об этой паре, не требующей комментариев, в ЭСТЯ II, 104 сказано: «Без ~ без- представляют собой односложные омоформные основы, возможно, корнии» (об этом см. также САГ 408).

*bek/*berk/*bet

I. *rāk-/bek-/rök- 'укреплять', 'запирать', 'упрочиться', 'крепнуть' ⇔ *rāk/bäk/bek 'крепкий, прочный', 'укрепление', 'сильный', 'очень', 'сильно, много, скоро' (РСл IV, 1215—1216, 1299, 1574; ЩФ 195; САГ 366 и др.).

II. bāgk-/berk- 'становиться крепким', 'крепнуть, усиливаться', 'укрепляться' ⇔ bāgk/berk 'сильный', 'крепкий', 'могущественный', 'крепко', 'сила' (ФЗ 278—279; Наджиш I, 85 и др.). О стяжении тюрк. pek < berk см.: САГ 366; Севортян Э. В. Выпадение согласных в южных тюркских языках. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 290 и др.

III. В ЭСТЯ II, 119—120 кроме синкретичных bek- ⇔ bek и berk- ⇒ berk из данных чув., тат. диал. и др. выделяется глагол пит- и оморфное имя пит < *бет, однородное с bek. Значения "оберегать", "поджидать", отмеченные там же для bek-, возможно, возникли в результате частичной контаминации с баq- 'смотреть', 'наблюдать', 'стеречь', 'ожидать' и т. д.

*bes

Гагауз. bes 'откорм', 'откармливание', بس bis 'воспитание' у Абу-Хайяна (Abu-Hayyan 18) в сравнении с чаг. بسوق besmek 'воспитывать', 'кормить', 'питать' (БСл I, 258), вост.-тюрк. بېسىق 'питать' (Zenker I, 235), а также bes- ⇔ bes из besle-, beslü, besi, bestle- и др. позволяют говорить о коррелятивной паре или синкретичной основе *bes (ЭСТЯ II, 120—121; САГ 409).

*boγ

К тюрк. boγ-/buγ-/biw-/biw-/... 'душить' в ЭСТЯ II, 164—165 приводится именной компонент глагольно-именной пары: بوغ، بوق boγ 'удушье' (Zenker I, 221, 223; Рав. С. 171).

Л. З. Будагов тур. بوغمق (u), каз., кирг. بومق 'буомык', алт. пумаць 'стягиваться, задыхаться', 'топиться', 'душить, давить', 'запрудить' (БСл I, 284) связывал со словом بوو ~ بوغ ~ بو 'пар, испарение' (БСл I, 272), хотя подобная связь нуждается в доказательстве.

*boj

Только у Е. Росси отмечается глагольная омоформа voj- 'иметь высокий рост' к voj 'рост' во многих тюркских языках (ЭСТЯ II, 176; САГ 366). Ср. тюрк. بوی (o), алт. буй 'рост', 'корпус, стан', 'протяжение, длина, высота' (БСл I, 294); др.-т. bod 'тело, туловище', 'стан, фигура'; 'рост' (ДТС 106—107); bod 'тело, стан', 'рост' (ДТС 108)¹⁰; ros 'тело', 'главная часть', 'сам' (РСл IV, 1287); rot 'тело', 'человек' (РСл IV, 1282—1283); хак. позы 'сам' и алт. бойы 'сам' (Аширалиев 35), вероятно, посессивные формы от роз ~ voj. Сюда же следует, по всей вероятности, отнести и бук (чаг. بق) 'корпус, стан' (РСл IV, 1802) и т. д. И. А. Батманов относил тюрк. bod/монг. бодис 'тело' к тюрко-монгольским (общим) параллелям (Батманов ИФТЯ 16).

¹⁰ Если vojна- 'быть заносчивым, важничать' (ДТС 110) гомогенно bod ~ bod (от переносного значения или метафоризации прямого), то мы и в др.-т. имеем распространенную в современных тюркских языках форму с -j—voj.

Учитывая тот факт, что во многих источниках наблюдается омонимия слов, обозначающих понятия "шея" и "рост" (ср. *boi* 'тело', 'стан, рост, высокий рост', 'фигура взрослого'; 'главная часть', 'величина, глубина', 'один, одинокий' и *boi* 'шея' (РСл IV, 1639—1641 и мн. др.)), и семасиологическую совместимость этих понятий, можно предположить их гомогенность.

Так же тюрк. *бойун/мойын/...* 'шея', по-видимому, образовано от *бой*, о чем свидетельствуют чув. *май/мый*, як. *моой* (мōй) 'шея' (Исхаков Опыт 42). Предположение Ф. Г. Исхакова о том, что *boiun* происходит от *boi* 'рост' (ср.: КТКЭС 145—146), поддерживается в ЭСТЯ II, 181. Возможно, в др.-т. *вод топциг* 'бусы-амулет, пропитанные мускусом' (ДТС 108) *вод* употреблено в значении "шейный", "предназначенный для шеи" (< "шея").

М. Рясянен объединял вместе как гомогенные чаг. *boj* 'шея'; ср.-т. *boj-tal* 'лошадь или овца с белым пятном на шее'; як. *тој, тōј, тојун*; чув. *тәј, тiј, тiј'*, *тиј*; уйг., ср.-т., чаг., тур., аз., туркм., кумык., балк., карач., кар. Л. и Т. *boiun*; кирг., казах. *тојун*; тат., башк. *тијәп*; казах., алт., тел., леб., шор., саг., койб., качин., кюэр. *тојн*; койб. *то'еп* < ? **-η-*; ср. тунг. *теηеп* 'шея, горло'; ольч. *тоηгоп*; гольд. *тоηго*. Ср. далее финно-угор., морд. *роηго*; удм. *piј* 'грудь'; самоед. *тиηат* 'грудь' (Рясянен 76, 178—179). При чем тюрк. *boiun* 'шея' < *boп (Рясянен 49, 175). В ОСЛАЯ 292—293 см. сводку тунгусо-маньчжурских форм для наименования шеи с праформой *моқон.

П.-мо. *тōгiн* 'плечо', монг. *мөр(өн)*, бурят. *мүр*, калм. *тōгп*; эвенк. *мiрэ* (< *муiрэ < *мōiрэ), сол. *мiри* ~ *мiрэ*, эвен. *мiр*, нег., ороч. *мiйэ* (< *мiрэ) 'плечо', уд. *мiј* 'шея', орок. *муiрэ* 'плечо', маньчж. *мэйфэн* 'шея', а также кирг. *мүр* ~ *мүрө* ~ *мүрү*, уйг. *мүрэ* (ОСЛАЯ 91), тар. *тiгä* (РСл IV, 2222 и др.) следует сопоставить с тюрк. *boiun/тојун/...* 'шея', 'ключица' и т. д. (РСл IV, 2119, 2123, 2183; БСл I, 296 и др.), а также с уйг. *бог* 'рост', лоб. *тиг* 'шея' (ЭСТЯ II, 176, 180).

Значение "голова" наряду с общераспространенным "мозг" дает возможность привлечь для сравнения сле-

дующий ряд форм: уйг. *māñi*, *mīñi* 'мозг', ср.-т. *māñi*; вост.-тюрк. *mīñä*; чаг. *mājın*; тар. *mājä*; чаг., вост.-тюрк. *mijä*; узб. *mija*; тур. *bejn*, *bejin*; туркм. *bejni*; балк. *mijis*; караг. *muju*; кар. Т., казах. *mij*; казах., тат., саг., койб. *mī*; кирг. тув. *mē*; алт., тел., кум., шор., караг. *mä*; леб. *rä*; качин. *rē*; саг., койб., качин., шор., кюэр. *mīs*; чув. *mimē*, *mipē*, *mimə*, *mimē*, *vimē* 'мозг', як. *māji*, *māji* 'голова, мозг'. Ср. урал. *rāñ (фин. *rää*, венг. *fő*, *fej* и т. д.) 'голова', семантически ср. маньчж. *feki* 'мозг', монг. *(h)eki* 'голова' (Рясянен 173—174). А также см.: Исхаков Опыт 24; ДТС 340, 341, 342 и др.

Итак, можно говорить о древней семантике корня *boŋ/*boz/*boj/*bot/*bod/*bor/... 'верхняя часть туловища, тела /шея/голова/плечо', 'рост (т. е. высота, верхний предел тела /туловища/фигуры)' и т. п.

Ср. с тюрк. *bojin* 'шея' — *biŋin*/*boŋin*/*miŋin* (лоб.) 'нос', 'выступ на местности', 'передняя часть', 'то, что впереди', 'пространство впереди', 'выступающий вперед в пространство', по традиции обычно связываемое с *biŋ* 'нюхать', 'пахнуть', 'дымить', 'благоухать', хотя «из этого значения трудно прямо вывести значение органа обоняния» (ЭСТЯ II, 270; см. также: Рамstedt 91). Общим значением у *biŋin* является 'нечто выдающееся, выступающее, торчащее'. Ср. глагольно-именное соответствие этого деривата: тат. *بورونماق* *biŋinmaq* 'нюхать' (БСл I, 278) ⇔ общетюрк. *biŋin* 'нос', замеченное в САГ 405 (среди основ неясного происхождения).

О гомогенности *öz* 'сам' и *voj* 'рост' см.: Котвич 172, 359 (прим. Н. А. Баскакова № 38). О суффиксах, происшедших из монгольско-тунгусского существительного *беуе* 'человек, тело, сам' см.: Котвич 171.

Тот факт, что глагольный коррелят к рассматриваемому нами синкретичному корню *voj* отмечен лишь в одном источнике, делает немаловажными попытки этимологической реконструкции глагольной омоформы. Г. И. Рамstedt в своих «Исследованиях по корейской этимологии» из нижеследующего ряда производных вычленяет глагол *mej-*: *meida*, *mēda* (:meje:mēn) 'нести (груз) на плече' (ср. *čida-* 'грузить на', *sitta-* 'нести на спине', *pida-* 'нести на голове'); фактитивный глагол *meida-* 'грузить на шею', 'запрягать, впрягать', *meida-* 'надевать хомут на быка (вола), запрягать'; маньчж.

*mei- в meigen 'плечо', 'сторона, бок', meifen (<mei-fun) 'шея', meixege- 'нести на плече, нести ответственность за что-либо', тунг. mīge 'плечо', mirele- 'нести на плече', mīge-ptun 'наплечное украшение (на одежде)', 'ярмо', нег., ороц. mije; нанай. mīgi 'плечо', meigin, meigen — имена на -gi, -gin от глагола *mei-; сюда же автор относит монг. mögün 'плечо' < *mei-gin (?); тюрк. mi-p- 'сесть верхом на спину лошади', як. mīn- (mīn-, mīn-, mīn-), тур. bin- (Ramstedt SKE 144—145).

Семасиологически, учитывая архетип *bo:n' (ЭСТЯ II, 181), можно привлечь для сравнения тюрк. bīn-/bīn-/mīn-/mīn-/mīn-, древнейшим значением которого было 'подняться, поднимать, поднять (вверх)', позже трансформировавшееся в 'сесть на что-либо (обязательно — поднявшись вверх)', ср., например: mīn- 'подниматься, ехать верхом', mīp- 'подниматься', 'восходить', 'взлетать', mīn- 'подняться, сесть', mīngiz- 'поднимать, помогать подняться' и др. (РСл IV, 2140, 2152—2153, 2168, 2221).

По мнению Г. Вамбери, вој по сравнению с jok имеет более абстрактное значение. В состав гомогенных форм Г. Вамбери включал уйг., чаг., як. baj, чув. ројан 'принц, богач, возвышенный', уйг. bot, чаг. вој, як. bājā, чув. рü 'длина, рост, форма', уйг. bej, чаг. bi, як. bi 'князь, старший брат', уйг. bajat, чаг. bijat 'Бог Великий', уйг. batuk, чаг. böjük, як. bijik 'большой, могучий' и т. д. (Vámbéry 193—194; Vámbéry. Предисловие XIV), с чем трудно полностью согласиться.

*boj

Тюрк. boja- 'красить' ⇔ boja 'краска' (Курышжанов 99; САГ 399) дает возможность предположить наличие вој- ⇔ вој, что подтверждается некоторыми данными. Так, среди известных форм بویاغ، بویا، بویا (ه) Л. З. Будагов отмечает и بوی 'краска', 'цвет' (БСл I, 295), а в уйгурских диалектах сохраняется глагольная омоформа بوی boj- 'красить' (Raquette 30; Jarring 57); о глагольно-именных омонимах, выявляемых сравнительным путем, см.: ЭСТЯ II, 178—179.

*bol

С тюрк. *bol-/ol-* 'быть', 'становиться', происходит, совпадающим с монг. *bol-/bolah* 'становиться, происходить', 'быть, существовать, наличествовать', Э. В. Севортян сравнивает *bol* 'положение' из «Сокровенного сказания» (ЭСТЯ II, 188), что дает (пока предположительно) возможность выделить глагольно-именную тюрко-монгольскую пару.

Ср. монг. *bol/bolbal/bolbol* (возможно, редупликационного происхождения) 'если можно', 'если возможно' (Lessing 114, 116), а также алтайский корень (тюрко-тунгусо-маньчжурский) *bol в отд. словарн. статье.

*böк

Тюрк. *bök-/rök-/pek-/bük-/büj-/bīq-/bīk-* 'наедаться', 'насыщаться' и т. д. ⇔ тув. *rök* 'насытившийся', 'сытый' (ЭСТЯ II, 211).

*böl

Синкретизм корня предполагается глагольно-именным характером др.-т. *bölük-* 'разделяться на группы (о животных)'

⇔ *bölük* 'часть, доля', 'глава, отдел, раздел (книги)', 'группа, стадо' (ДТС 117, 118) и т. п. К именованным компонентам к тюрк. *böl-/bül-* '(раз)делить' следует отнести тур. диал. *bel* 'водораздел' и *böl* из уйг. диал. *böle-* '(раз)делить', 'распределять' (Jarring 59), а также из алт. *bölü-* '(раз)делить', 'отделять', 'выделять' и др. (ЭСТЯ II, 214—215). Именной коррелят *bül* обнаруживается также в казахской поговорке *ül bolmasañ, bül bol*¹¹.

Ср. як. *böläj-* 'скупиваться' (о рыбе), 'столпиться', 'скапливаться', 'толпиться (о людях)', 'свертываться, сгущаться (например, о крови)' ⇔ *böläj* 'скупивание (скота, рыбы)', 'скопление (людей)', 'густота, гуща', 'кروавый сгусток' и другие дериваты (Калужиньски II, 78).

Ср. также у Иллича-Свитыча ССН 341: урал. *pälä

¹¹ *Қайдаров Э. Т.* Қазақ тілі этимологиясынан этюдтер. — Сөз өнері, 1978, 70 б. (там же см. об *үл*). Казах. *ül bolmasa küл bolsun* 'будь, что будет' (Кеңесбаев Ф 427), вероятно, более позднего происхождения [в результате того, что значение *bül* забылось (?)].

'сторона, половина' ~ драв. *rāl 'часть, доля' ~ и.-е. *rol- или *rəl- 'сторона, половина'.

*böп

В РСл IV, 1697 отмечаются бөн- 'стареть', 'слабеть' ⇔ бөн 'глупец, невежда, идиот', 'глупый, ограниченный'. Известны «распространенные» формы böпä-/böпä- 'впасть в детство' (РСл IV, 1697, 1813; ТРС 134) < böп 'глупый, слабоумный', 'наивный', 'простодушный' (ТРС 131) + -а. Л. З. Будагов ставил рядом бон (ö) (ö) 'глупец, невежа' и гл. بونامق 'впасть в детство', 'завираться от старости' (БСл I, 293; см. также: САГ 307, где тур. böпä- сравнивается с böп).

П. М. Мелноранский بونامق 'ослабевать', 'впасть в детство (от старости)' сравнивает с مون 'порок', 'недостаток' (АФТ 061), а مون тип 'недостаток, порок', в свою очередь, сопоставляет с казах. тiп (АФТ 0113). Возможно, сюда же следует привлечь муң 'болезненность', 'хилость' (РСл IV, 2179); 'глупый, недоразвитый', 'спокойный', 'тихий' (ФЗ 351). Ср. др.-т. тип- 'заблуждаться', 'становиться слабоумным', 'впадать в детство', 'выживать из ума'; 'нести вздор' и тип/тiп 'порок', 'недостаток', 'изъян' (ДТС 347, 348, 352).

*buz

С тюрк. buz/bus/рӑг/тиз/... 'лед' необходимо связать ср.-т. вид- 'застывать', 'замерзать' (ДТС 12), старотур. буу- 'замерзать от холода', бiутак, биутак, бијтак, бијтек в том же значении + 'зябнуть' (ЭСТЯ II, 239; Исхаков Опыт 54, 57); сюда же, видимо, следует отнести як. гл. бiös- 'замерзать' (ЩФ 57) (если последний образован не в результате стяжения из бiгiös- 'сьеживаться').

Ср. гомогенные буј- ⇔ буј в близких глагольно-именных значениях, выделяемые морфологическим путем.

buz- ⇔ buz (в üz buz)

Общетюрк. buz-/boz-/... 'расстраивать', 'разрушать', 'портить' ⇔ др.-т. buz 'порча, разрушение' (Малов П 375); buz в парн. üz-buz 'разрушение', 'порча', 'препоны', 'преграды', boz в bozlap- 'портиться', 'разрушаться' (Ettühfet. 441; ЮКЛ I 71, САГ 366—367). В парн. üz buz 'ненависть' (ДТС 130, 629) мы, по всей вероятности, име-

ем непервое значение. بوز biz- 'грабить' в АФТ 083, видимо, *перен.* от biz- 'разрушать'.

*bun

Н. К. Дмитриев объединял вместе как гомогенные «гагауз. *bun-* 'быть недовольным' = тур. (лит.) *bun-* = тур. (диал.) *bunl* 'душный', 'знойный'» (Дмитриев СТЯ, 229). Ср. тур. *bun* 'кризис', 'затруднительное положение' и *bunтак* 'становиться еще более жадным (ненасытным)' (ТРС 134, 135), *бун* 'тесный, стесненный, душный' (РСл IV, 1813), *буң-муң* 'граница, теснота', 'тесный', 'душный', 'стеснение, одышка' (РСл IV, 1809 и др.).

Однако более вероятно в данном случае связь всех этих форм с *бун-* 'задушиться', 'быть задушенным', 'задохнуться' (РСл IV, 1813) (с последующей утратой долготы) < *boyn-/bowyn-/...* в тех же значениях, хотя, если брать синхронный, одновременный срез лексики без учета эволюции, формально можно регистрировать эти слова как глагольно-именные омонимы.

Ср., возможно, гомогенные *тиң-* 'печалиться' ⇔ *тиң* 'печаль'.

bug- ⇔ *bug* (в *bug-bug*)

Общeturk. *bug-* 'крутить', 'поворачивать', 'кружить(ся)' и др.

⇔ *bug* в як. *bug-bug* 'клубом', 'клубами (о дыме)' (П I, 564); а также «свидетельством в пользу *бур могло быть предположение о тюркском происхождении русск. *бур*» (ЭСТЯ II, 265; там же на с. 265—266 см. выделение именного коррелята морфологическим путем). О *bug-* и некоторых его дериватах см.: Калужиньски II, 77, 80. Интересна структура слов типа казах. *bug-* 'сворачивать', 'поворачивать' и *buga-* (< *bug* + -a?) 'крутить', 'закручивать'.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 345 (на уровне праформ): алт. **bug-* 'вертеть, сверлить' (эвенк. *bugu* 'водооборот', тур. *bug-* 'вертеть, морщить', *bugu* 'сверло') ~ урал. **riga-* 'сверлить' (фин. *riga* 'сверло', венг. *füg-* 'сверлить') ~ и.-е. **bheg-* 'сверлить' ~ с.-х. **bg-* 'сверлить, дыра'.

Можно также др.-т. *bug-* 'пахнуть', 'благоухать', 'испаряться' (ДТС 125) сравнить с алт., тел. *rig* 'пепел,

поднятый огнем вверх и повисший в юрте в виде паутины' (РСл IV, 1364) и именем риг в саг., койб. *purla-* 'извиваться, размотаться, подниматься (о пыли)', тел. *rig-lap* 'подниматься (о золе)' (РСл IV, 1369). Ср. со всем этим як. *biguo* 'дым, пар, чад', тув. *bigula-* 'вздвигаться, клубиться (о дыме, пыли)' (Калужиньски I, 80 и др.), а также: казах. *bigqa-* 'кружиться, закруживаться, клубиться (о пыли, снеге и т. п.)', *bigqul* 'клубы (пыли, дыма)', *bigqulda-* 'подниматься, клубиться (о пыли)', 'кипеть, выкипать', *bigqiga-* 'клубиться, подниматься (о пыли)' и другие, несомненно, гомогенные общетюрк. *big-* 'крутить', 'поворачивать' и т. д.

*bus

Тюрк. *bus-/pus-* 'дымить', 'быть пасмурным, быть сумрачным, грустным, печальным', 'беспокоиться, тревожиться'

⇒ *bus/pus/päs...* 'туман', 'мгла', 'пасмурная погода', 'пар', 'испарения', 'мрачный', 'печальный', 'огорченный' и др. (ЭСТЯ II, 277—278). Сюда же относится *بش* *biš-* 'быть печальным, огорченным' (АФТ 081) (в ЭСТЯ последняя форма не отмечается). Глагольная омоформа встречается только в тур. диал.; РСл IV, 1385; Zenker I, 219; Gabain II, 332, именная — более распространена.

*büt

Др.-т. *büt-* 'кончаться, заканчиваться, завершаться, исполняться', 'совершаться, осуществляться', 'зарастать, заживать, проходить (о ране, болезни)', 'истощаться, иссякать (о силе)', 'теряться (о голосе)', 'сипнуть', *перен.* 'одеваться, сбрасывать лохмотья'; 'созревать, поспевать, вырастать, уродиться', 'рождаться', 'появляться на свет'; 'быть установленным, подтверждаться' (ДТС 133—134); кирг. *büt-* 'кончать, заканчивать', 'кончаться, заканчиваться', 'вырастать, произрастать', 'зарождаться (в чреве), родиться', 'возникать, создаваться', 'заживать, закрываться, забиваться (например, об ушах, в которых скопилась грязь; о перевале, забитом снегом)'; як. *büt-* 'заканчивать', казах. *büt-* 'кончать', 'заживать (о ране)', 'произрастать, происходить', 'забиться' и т. д.

⇒ кирг. *büt* 'целый', 'целиком', 'сполна, полностью'; узб. *бут* 'целый, полный, комплексный' (Узбекско-рус-

ский словарь. М., 1959, с. 92) и др. Об этом см.: ЮКЛ I, 74; САГ 367; ЭСТЯ II, 303 (там же — о происхождении из дериватов). К глаголу *büt-* 'приходить к концу', 'кончаться' обычно возводят *bütüp* 'целый', 'весь' (АФТ LXXXIV; Ряснен 58 и мн. др.). О дериватах и корне см. также: Калужински II, 79, 80.

*bij

Каз. *بييمك*, кирг. (= казах.) *بييلمек* 'плясать' (БСл I, 305) позволяют выделить глагольно-именные омонимы *bij-* (из каз.) и *bij* (из казах.).

Ср. *bī-* 'плясать' (АФТ 083), 'танцевать' (РСл IV, 1737), *bāi-* 'танцевать, плясать' у М. Хаутсма (см. о *bej-* 'танцевать, плясать' в Курьшжанов 94), аз. *бит-* 'вращаться вокруг своей оси с быстротой, при которой получается впечатление неподвижности', 'плавно кружиться на месте' ⇔ кирг., ккалп., казах. *bij* 'танец', 'пляска' и то же из дериватов в ЭСТЯ II, 131—132.

*yer

Э. В. Севортыян считает возможным объединить вместе чув. *fēr-* 'писать скрипучим пером', 'драть' ⇔ *fēr* подражание скрипу (САГ 373).

*ep

Др.-т. *ep-* 'спускаться, сходить', 'спускаться, падать (о снеге)' ⇔ *ep/in* 'низ, спуск', 'низкий, низменный' (ДТС 173, 209); архетип А. М. Шербака *āp 'сходить, спускаться' ⇔ 'низ, низкий' (ЩФ 194) и др. (ЭСТЯ I, 353—354) позволяют говорить о синкретичном слове *ep-* 'спускаться' ⇔ *ep* 'спуск'.

*er

О др.-т. *er-* 'раскалывать' ⇔ *er* 'бурав' см. в словарной статье к *jağ-* 'раскалывать, расщеплять' ⇔ *jağ* 'яр', 'обрыв', 'расщелина'.

*jaz

Тюрк. *jaz-/žaz-* 'развернуть', 'расстилать' (РСл IV, 51; БСл II, 329); *jas-* 'сделать плоским, сравнять' (РСл III, 213) имеет именные корреляты — тур., чаг. *ياز*

'поле', 'пространная равнина', 'степь' (БСл II, 327); jaz 'открытая равнина', 'вольный народ' (РСл III, 226); jas 'широкий' (ФЗ 308) наряду с общеизвестным (отглагольным?) jazī/žazī 'кошма под седлом у одногорбого верблюда' (РСл IV, 52); 'ровное место' (АФТ 0115); 'поле, степь' (БСл II, 329); 'ровный, равнина, степь' (РСл III, 229; *Валиханов Ч. Ч. Извлечения из جامع التواريخ*. — Соч. Алма-Ата, 1961, т. 1, с. 162; ДТС 251 и т. д.).

О глаголе jaj-/jaĵ-/jaz-/jaḏ-/jas-/jat-/jad- в гомогенных значениях см.: ДТС 222, 223, 226, 227, 245, 247, 250.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 325: алт. *žada- 'распростертый, расстилаться' (монг. žadagai 'распростертый', др.-т. jaḏ- 'расстилаться') ~ драв. *catt- 'плоский'.

См. также словарь. статью к гомогенному jaj- ⇔ jaj.

*jaz

В «Опыте» В. В. Радлова наряду с общеизвестным jazī 'письмо', 'письменность', 'почерк', производимым от глагола jaz- + афф. -ī (РСл III, 230), регистрируется слово jaz ياز (тур.) 'письмо' (Там же, с. 226), являющееся именным коррелятом к общетюрк. jaz-/žaz- 'писать, рисовать' (РСл III, 226; РСл IV, 51; ДТС 250 и т. д.). Эта форма подтверждается также данными из лексики среднеазиатского тевсиря: jaz 'писание' и jaz- 'писать' (Боровков 133).

Ср. совпадения вторичных форм: jazīš- 'писать друг другу, иметь переписку' ⇔ jazīš 'письмо' (РСл III, 235).

žaj- ⇔ žaj (в žaj pamaz) (?)

Тюрк. jaj-/žaj- 'расстилать', 'развернуть', 'раскладывать', 'разложить' и т. д. (РСл IV, 3, 65; РСл III, 5—6; ДТС 222—250 (с вариантами) и др.), возможно, имеет именную коррелят žaj в žaj pamaz 'подстилка, на которой молятся' (РСл IV, 2, где В. В. Радлов сравнивает слово žaj с омонимичным глаголом žaj- 'расстилать', 'развернуть', тем самым как бы предполагая их гомогенность).

*jaq/*žaq

Общетюрк. jaq/žaq 'сторона, край', 'бок', 'внешняя

ский словарь. М., 1959, с. 92) и др. Об этом см.: ЮКЛ I, 74; САГ 367; ЭСТЯ II, 303 (там же — о происхождении из дериватов). К глаголу *büt-* 'приходить к концу', 'кончаться' обычно возводят *bütün* 'целый', 'весь' (АФТ LXXXIV; Ряснен 58 и мн. др.). О дериватах и корне см. также: Калужиньски II, 79, 80.

*bij

Каз. *بييمك*, кирг. (= казах.) *بييلمك* 'плясать' (БСл I, 305) позволяют выделить глагольно-именные омонимы *bij-* (из каз.) и *bij* (из казах.).

Ср. *bī-* 'плясать' (АФТ 083), 'танцевать' (РСл IV, 1737), *bāi-* 'танцевать, плясать' у М. Хаутсма (см. о *bej-* 'танцевать, плясать' в Курышжанов 94), аз. *бит-* 'вращаться вокруг своей оси с быстротой, при которой получается впечатление неподвижности', 'плавно кружиться на месте' ⇔ кирг., ккалп., казах. *bij* 'танец', 'пляска' и то же из дериватов в ЭСТЯ II, 131—132.

*γer

Э. В. Севортян считает возможным объединить вместе чув. *ғер-* 'писать скрипучим пером', 'драть' ⇔ *ғер* подражание скрипу (САГ 373).

*ep

Др.-т. *ep-* 'спускаться, сходить', 'спускаться, падать (о снеге)' ⇔ *ep/in* 'низ, спуск', 'низкий, низменный' (ДТС 173, 209); архетип А. М. Щербака *āp 'сходить, спускаться' ⇔ 'низ, низкий' (ЩФ 194) и др. (ЭСТЯ I, 353—354) позволяют говорить о синкретичном слове *ep-* 'спускаться' ⇔ *ep* 'спуск'.

*er

О др.-т. *er-* 'раскалывать' ⇔ *er* 'бурав' см. в словарной статье к *jağ-* 'раскалывать, расщеплять' ⇔ *jağ* 'яр', 'обрыв', 'расщелина'.

*jaz

Тюрк. *jaz-/žaz-* 'развернуть', 'расстлать' (РСл IV, 51; БСл II, 329); *jas-* 'сделать плоским, сравнять' (РСл III, 213) имеет именные корреляты — тур., чаг. *ياز*

'поле', 'пространная равнина', 'степь' (БСл II, 327); jaz 'открытая равнина', 'вольный народ' (РСл III, 226); jas 'широкий' (ФЗ 308) наряду с общеизвестным (отглагольным?) jazī/žazī 'кошма под седлом у одногорбого верблюда' (РСл IV, 52); 'ровное место' (АФТ 0115); 'поле, степь' (БСл II, 329); 'ровный, равнина, степь' (РСл III, 229; Валиханов Ч. Ч. Извлечения из جامع التواريخ.— Соч. Алма-Ата, 1961, т. 1, с. 162; ДТС 251 и т. д.).

О глаголе jaj-/jaĭ-/jaz-/jaġ-/jas-/jat-/jad- в гомогенных значениях см.: ДТС 222, 223, 226, 227, 245, 247, 250.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 325: алт. *žada- 'распростертый, расстилаться' (монг. žadagai 'распростертый', др.-т. jaġ- 'расстилаться') ~ драв. *catt- 'плоский'.

См. также словарь. статью к гомогенному jaj- ⇔ jaj.

*jaz

В «Опыте» В. В. Радлова наряду с общеизвестным jazī 'письмо', 'письменность', 'почерк', производимым от глагола jaz- + афф. -ī (РСл III, 230), регистрируется слово jaz ياز (тур.) 'письмо' (Там же, с. 226), являющееся именным коррелятом к общетюрк. jaz-/žaz- 'писать, рисовать' (РСл III, 226; РСл IV, 51; ДТС 250 и т. д.). Эта форма подтверждается также данными из лексики среднеазиатского тевсира: jaz 'писание' и jaz- 'писать' (Боровков 133).

Ср. совпадения вторичных форм: jazīš- 'писать друг другу, иметь переписку' ⇔ jazīš 'письмо' (РСл III, 235).

žaj- ⇔ žaj (в žaj pamaz) (?)

Тюрк. jaj-/žaj- 'расстлать', 'развернуть', 'раскладывать', 'разложить' и т. д. (РСл IV, 3, 65; РСл III, 5—6; ДТС 222—250 (с вариантами) и др.), возможно, имеет именную коррелят žaj в žaj pamaz 'подстилка, на которой молятся' (РСл IV, 2, где В. В. Радлов сравнивает слово žaj с омонимичным глаголом žaj- 'расстлать', 'развернуть', тем самым как бы предполагая их гомогенность).

*jaq/*žaq

Общетюрк. jaq/žaq 'сторона, край', 'бок', 'внешняя

сторона', 'берег' (ДТС 237; РСл III, 21—22; РСл IV, 10; БСл I, 333—334, 427; Баскаков Н 244 и т. д.)

⇔ др.-т. jaq- 'приближаться, подходить'/jaγ- 'приближаться' (ДТС 224, 237). У С. Е. Малова jaq- 'приближаться' и jaγ- 'приставать' (Малов П, 383, 384); у М. Т. Хаутсма jaq- 'вести, подвести до чего-либо', 'доводить' (Курьшжанов 121); др.-уйг. jaq- 'приблизиться', 'приниматься' и тюрк. jaq-/žaq- 'подходить, нравиться, быть приятным', 'быть угодным, годиться', 'быть прилепленным, прилипнуть' (РСл III, 22—23; РСл IV, 10—11 и др.).

Э. В. Севортян, отмечая мнения Г. И. Рамстедта и В. Банга о *ja > ja $\begin{matrix} \nearrow q \\ \leftarrow \gamma \\ \searrow n \end{matrix}$, предлагает также более приемле-

мый в теоретическом плане вариант *jaγ > $\begin{matrix} \nearrow ja\gamma \sim jaq, \\ \searrow jan \end{matrix}$
так же, как и в огуз. baydaš/кирг. mandaš < maŋdaš (САГ 380—383).

Глагольный корень jaq-, зарегистрированный в чистом виде только в памятниках, «сохранился» в составе производных типа тюрк. žaγa 'берег', 'воротник', 'граница'¹² (заимствованного в этой форме монгольским языком), jaqin/žaqin 'близкий' (КТКЭС 79—80; Исхаков Ф. Г. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ, с. 206—209 и мн. др.).

А. М. Щербак в «Списке общетюркских односложных слов» приводит архетип *θak- 'приближаться', 'подходить, нравиться' (ЩФ 196).

Глагольно-именные соответствия типа гагауз. jaqin- 'приближаться', 'подкрадываться' ⇔ jaqin 'близкий' восходят к синкретичному корню *jaq (САГ 382).

См. также синкретичный корень jan- ⇔ jan.

*jǎx

Чув. jǎx- 'оплодотворяться' ⇔ jǎx 'род', 'племя', 'семья' (САГ 369).

¹² Кайдаров А. Т. Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики. — В сб.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970, ч. 2, с. 59.

Др.-т. *jal-* 'вспыхивать', 'воспламеняться', 'гореть', 'обжигать', 'прижигать', 'припекать', *jal-* в *парн.* *örtän-jal-* 'гореть', 'пылать' (ДТС 227, 390); *хак.* *jal-* 'пламенеть', ср. еще кор. *tal-* 'быть горячим, пылать', которое Г. И. Рамстедт ставил в один гомогенный ряд с тюрк. *jal-yn* 'пламя' (Рамстедт 156—157)

⇔ чув. *jal*, тур. *jal* 'блеск, свет, блестящий', кирг. *парн.* *žal-žal* 'красотка' (ЮКЛ I, 73); *jal* 'пламя' (РСл III, 153) (в саянском наречии).

Ср. совпадения дериватов: *jalqī-* 'светиться, блестеть, сиять' ⇔ *jalqī* 'светящийся, светлый' (РСл III, 172); *jalīn-* 'сверкать (о молнии)' ⇔ *jalīn* 'пламя, молния' (РСл III, 166, 167); чув. *ялтара-* 'блестеть, блистать, светиться' ⇔ *ялтара* 'светлый, яркий' (САГ 389) и т. д., подкрепляющие правомерность выделения синкретичного корня-основы этих образований. Причем имя (именной компонент глагольно-именного корня) встречается в основном в современных, а глагол — древних языках.

Этот же корень употребляется в мимеографическом значении в форме *jult/jilt/jalt/jelt/...*, где наличие узкого или широкого гласного в слого семантически дифференцирует эти формы.

ﻝﺝ *jal-* 'глодать, лизать' (АФТ 0116), по всей вероятности, составляет глагольно-именную пару с тур. *yal* 'пища для собак (из муки и отрубей)' (ТРС 906). Тюрк. *jala-/jalya-/jalva-* 'лизать' восходят не к *jalar + a*, как считал В. Банг, но к аз. *yal* 'жидкая пища', 'месиво (для собак)' + афф. *-ya/-a-* (САГ 209, 238—239 (№ 36)). О тюрк. *jala-* 'лизать' см.: РСл IV, 36; БСл II, 338; АФТ 0118 и др.

В своем «Опыте» В. В. Радлов дает этимологию казахского композита *žaltauviz* 'хватаящий ртом, обжора, скряга', 'чиновник, который берет много взяток', 'мифическое существо (соответствующее Елмегену алтайцев)', составляя его из *žalma + aviz*, что вполне возможно; однако, сравнивая его с глаголом *žalma-* 'хватать ртом, проглотить, все до тла сожрать' (РСл IV, 44), можно выделить глагольно-именную основу *žalma-* ⇔ *žalma*,

так как в *žalmavuz* первый компонент употреблен в именном значении.

В КТКЭС 79 *žala-* < *til* 'язык'.

žar ⇔ *žar* (в *žar bol-/qil-*)

Общетюрк. *jar-/žar-* 'закрывать', 'покрывать', 'крыть', 'затворять' ⇔ кирг. *žar* в *žaaŷi žar boldi* 'он умолк, замолчал'; *žaaŷin* (или *oozun*) *žar qil-* 'заставить замолчать', 'заткнуть кому-либо рот' (Юдахин 231).

*jağ

В «Хосрау и Ширин» Кутба отмечается глагол *یرماق jağmaq* 'выносить судебное решение' (Наджип I, 132), ср. его с *jağ-* 'обсудить', 'критиковать', 'судить', 'принимать за' (РСл III, 103), с одной стороны, и с тюрк. *jağ/žag* 'известие', 'приказание', 'обнародование', 'объявление', 'извещение' (РСл III, 100; РСл IV, 25) и *jağ* в *jağlıy* 'повеление', 'предписание' (Боровков 145 и мн. др.). Однако приведенных данных недостаточно, чтобы говорить о реальности глагольно-именной основы. Вполне возможно, что в вышеотмеченных омонимах мы имеем разные слова.

*jaš

Др.-т. *jaš-* 'скрываться' (ДТС 246); сюг. *jas-* 'скрываться', 'прятаться' (Малов СЮ 37); туркм. *jaš-* 'заходить, скрыться (о солнце)' ⇔ чаг. *jaš* 'тихий, тайный' (РСл III, 243).

Ср. тюрк. производные *jašın-/jašın-/jažın-* 'скрываться, прятаться, быть спрятым, быть в безопасности'; *jašig-/jašig-/jažig-/žasir-* 'прятать, скрывать, утаивать', 'скрываться под различными предлогами'; *jašil-* 'быть скрытым'; (тур.) *jašmaq* 'вуаль, которой женщины покрывают голову и грудь' и *jašmaq-la-* 'закрывать, завесить, переодеть'; *žašit* 'шпион'; *jazit/jažut/jažit* 'скрытность, тайность, тайна' (РСл III, 235, 243, 246, 248, 249, 252, 255—256, 257, 258; РСл IV, 49, 54); а также совпадения дериватов типа казах. *žasirin-* 'прятаться' ⇔ *žasirin* 'тайком, тайно' (РСл IV, 49 и др.).

*jat/*žat

В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова после тур., тат. *ياتمق jatmaq*,

يتمق (иногда ياطمق, кирг. جاتمق) 'лежать', 'ложиться', 'ложиться спать'; 'находиться, жить' отмечается, что корень يات в уйгурском означает и 'лежание', что в тат. передается наращенной формой ياتو, в алт. يادو (БСл II, 321). В САГ 369 приводится глагольно-именная основа yat- 'лежать, ложиться' ⇔ yat 'положение, состояние'¹³.

Известны совпадения дериватов типа кирг. žatīq- 'иметь пристрастие, склонность', 'лечь' ⇔ žatīq 'наклонный, склонный' (САГ 378); (со ссылкой на османский) jatiš- 'ложиться, успокоиться' ⇔ jatiš 'состояние лежания' (РСл III, 201), которые исключают случайность глагольно-именного соответствия их корней.

*žel

А. М. Щербак в списке своих архетипов (на уровне праязыка) объединял в одной лексеме *θāl следующие значения: 1) 'ветер' и 2) 'бежать рысью', 'мчаться' (ЩФ 196). Видимо, такого же мнения придерживался Л. З. Будагов, который после тюрк. (аз.) ييل jel, каз. jel, казах. žel, чаг. ييل, ايل 'ветер', 'дуновение', 'воздух', 'ветер желудочный, ревматизм' и т. д. среди производных от этого корня помещает يلمك jelmek, казах. جيلمك 'бежать рысью', в тур. — 'бежать туда и сюда' (БСл II, 361); так же, как и некоторые другие ученые, ср., например, у В. Ф. Вещиловой: тур. uelmek (< uel 'ветер') 'бежать быстро как ветер', 'нестись'¹⁴.

Тем не менее следует заметить, что данных для сближения глагола jäl-/jel-/jil- 'быстро ехать', 'мчаться', 'ехать рысью', 'спешить', 'бежать' (Малов II, 387; ДТС 254, 261; ФЗ 310; Айдаров 359; РСл IV, 77, 144; РСл III, 346—347 и т. д.) с именем jäl/jel/jil 'ветер', 'ветры в желудке, газы', 'воздух', 'поветрие' (Малов II, 387, 388; ДТС 254, 261; ФЗ 310; РСл IV, 77, 145; РСл III, 345—346; сводки форм этого слова по всем тюркским языкам см.: Исхаков Опыт 52, 53; Аширалиев 38 и т. д.) — пока недостаточно.

¹³ Seyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha, nakleden Dehri Dilçin. Istanbul, 1946, XXIII.

¹⁴ Вещилова В. Ф. Глаголы движения в турецком языке. — В кн.: ИСГТЯ IV, с. 102.

Не связан ли с *jäl-/žel-* 'быстро бежать', 'рысить', 'мчаться' первый компонент кирг., казах. *jäl-таја/žel-таја* 'очень быстрый и большой одногорбый верблюд', 'порода верблюдов' (РСл III, 358; РСл IV, 81, где нет никаких помет о том, что это слово является заимствованием). Также ср. казах. *želajaq* 'быстроходный (о лошади, а также о людях, которые быстро ходят)' < *žel* 'ветер' + *ajaq* 'нога'¹⁵ = "(легкие) как ветер, ноги". Может быть, тюрк. *jälpi-/jelbä-/jälbi-* 'произвести ветер', 'развевать', 'веять' (РСл III, 356—358) следует разбить на компоненты *jel* + *-pi/-bi/-bä*, а не на подражательное *jelp/želp* + *-i/-ä-*, как в САГ 215, 234, 236, 237, хотя настаивать на этом вследствие скудости сведений мы пока не можем.

Тем не менее, видимо, этот корень все же был синкретичным, о чем свидетельствует, например, *jel* 'ветер', 'дух' и *jäl-* 'испускать ветры' в лексике среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. (Боровков 150).

*jeŋ

Тур. *уепнек* 'победить, взять верх, побить' ⇔ *уеп* 'победа' (ТРС 922); с др.-т. *jañ-* 'побеждать', 'прогонять' (Малов II, 384); *jeŋ-* 'побеждать' (ДТС 256, 646); алт., тел., чулым., тар., ком., чаг., казах., каз. *jeŋ-/žeŋ-/žiŋ-* 'победить, одолеть, переспорить, взять верх' (РСл III, 322; РСл IV, 69, 138) и особенно с кар., осм. (тур.) *jän-* 'победить, выиграть' (РСл III, 329) можно сблизить, как фонетический вариант, качин. *jaп* 'победа' (РСл III, 79).

Вышеизложенные факты позволяют нам интерпретировать алт. *jeŋde-* (БСл II, 368), *jäŋdä-* (РСл III, 325), кум. *дъенъде-* (Баскаков Кум. 212) 'победить, одолеть'; бараб. *jiŋä-* 'побеждать' (РСл III, 512) и т. п. как отыменные образования, а не производные с учащательно-интенсифицирующим значением.

*joŋ

Тур. *joŋ-* 'густеть, стать плотным' ⇔ тур. *joŋ* 'густой, плотный, толстый' (ЮКЛ I, 70; САГ 418; ТРС 929). Ср. тур. именную форму *juŋ* 'толстый в диаметре', 'полный' (РСл III, 540) и отглагольные производные *joŋaп/juŋaп/joŋp/...* 'толстый' в тюркских языках.

¹⁵ Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 198.

*jort

Глагольно-именная пара jort- 'идти рысью', 'идти неровным ходом', 'бегать'

⇔ jort 'рысь', 'рысью' в азербайджанском языке (САГ 369) подтверждается чаг. jortawul/jortaγul 'конный отряд, посылаемый для угона скота и вообще для добычи, для грабежа', 'разведчики' (РСл III, 427), состоящим из jort в именном значении + awul/aγul 'стан, лагерь, стоянка, гарнизон', 'аул' (даже из нескольких кибиток) (ЭСТЯ I, 65, 66).

О глагольном компоненте jort-/jurt-/jört-/jürt- 'идти скорым шагом', 'ехать скоро', 'идти рысью', 'ехать рысью', 'бежать рысью', 'заставлять ходить, бегать', 'шататься, празднично шататься' см.: РСл III, 427, 549, 607; РСл IV, 97, 113, 168 и др.

См. в отдельн. слов. статье о синкретичном корне jog- ⇔ jog.

*jöp

В памятнике Yusuf ve Zeliha: yöñ- 'направляться' ⇔ yöp 'направление' (тур., аз.) (САГ 369; ЭСТЯ I, 36). В «Опыте» В. В. Радлова и некоторых современных тюркских языках отмечаются именные омоформы (РСл IV, 101—102, 183 и др.). Возможно, следует привлечь сюда же ног. диал. жобн- 'отправиться ехать', 'выступить', йобн- 'гнать', 'отправиться дальше после перерыва', 'выступить' (Баскаков Н 243, 246).

*žim

В РСл IV, 175 регистрируются глагольно-именные омонимы: кирг. (= казах.) žim- 'закрыть, сжать (рот, глаза)', 'сжать пальцы, держать крепко'

⇔ žim 'единогласный, дружный'; (чаг. — со ссылкой на чагатайско-турецкий словарь Шейха Сулеймана) 'لخت، 'البالب، 'وفور، 'كامل، 'تام، 'بتون، 'همه، 'جملة' (тур. kamul 'коллективный', tam 'полный, 'целый, полностью, целиком', бүтүн 'целый, целое', lebaler 'доверху, полным-полно', сүмле 'все, всё, весь, целый', himye 'диета, воздержание, умеренность, режим питания' (ТРС 138, 161, 408, 504, 587, 824 и т. д.).

Общетюрк. žim-/jīm-/jöm-/žim-/žöm- 'сжимать', 'закрывать', 'жмурить', 'смыкать' (ДТС 279; РСл III, 462,

500, 574; РСл IV, 107, 175 и др.) составляет глагольно-именную пару также с казах. *žim, выделяемым в результате морфологического анализа из žimīj-, žimīg-, где -īg- и ij- — глаголообразующие аффиксы (САГ 410—411). Ср. также: казах. žom I 'сжимающее, прессующее приспособление типа тисков' и žom II 'остатки после выжимки свеклы' (КТС 1979, 159—160); казах. диал. žop 'то, чем прессуют рыбу в бочках' (КТДС 125).

См. гомогенное žim- ⇔ žim.

*jūš

Каз. jūš 'мокрый, сырой, мокрота, сырость' ⇔ кур. jūš- 'течь (о мокроте)' (РСл III, 567), по всей вероятности, является продуктом стяжения, о чем, быть может, сигнализирует нам долгота корневого гласного.

*žut

Каз. žöt- 'глотать' ⇔ žöt 'жадно глотающий' (РСл IV, 106); также форма jut يون 'глоток', 'кусочек, глотаемый за один раз' (БСл II, 370) при общетюрк. jut-/žut-/... 'глотать'. О глаголе и его дериватах см.: Калужиньски III, 44.

Ср. глагольно-именное соответствие: чаг. jutqun- 'aveler la salive'; 'to go through the throat motions of swallowing'; 'to swallow one's spittle' ('глотать слюну', 'двигаться по направлению глотательных движений горла', 'сглатывать свою слюну') ⇔ jutqun 'проглатывание', 'водоворот', 'проглоченный', 'обманутый, обыгранный' (РСл III, 563); ср. крым.-тат. юткѳун- 'глотать слюну' ⇔ يوتقون 'глоток' (БСл II, 370).

*jük

Др.-т. jüd-/jüδ-/jüs-/ jüt- 'нагружать', 'навьючивать', 'нести заботы', 'терпеть, сносить', 'накладывать на себя' (ДТС 285, 287; Боровков 165); др.-уйг. jük- 'складывать вьюком', 'грузить, выючить', 'собирать, грузить' (ЮКЛ I, 41, 67); يوكمك 'вьючить, седлать' (БСл II, 380); чаг. jük- 'вьючить' (РСл III, 588); як. sük- 'наваливать себе на спину', 'нести на спине', 'таскать на спине'

⇔ общетюрк. jük/žük 'груз, вьюк, ноша', 'кладь' и т. д. (ДТС 285; Малов II 390; Боровков 166; БСл II, 379; РСл IV, 109, 180; исчерпывающую сводку см.: Аши-

ралиев 37. О тюркизме *вьюк* см.: Шипова 112; Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. — В сб.: Дмитриев СТЯ 532 и др.).

Начальный *j-* в слове *исконный*, а формы типа аз. диал. *ük* 'груз, тяжесть' — вторичные¹⁶.

Г. И. Рамstedт считал, что «тюрк. *jük* 'груз' < *jü-* 'нагружать', *jü-d-*, *jü-k-* (то же), монг. *žüge-*, калм. *zö-* 'нагружать, транспортировать', тунг. ... *d'üwü-*, *d'ügü-* 'ехать, перевозить сюда', кор. *či-* 'взваливать', *čim*, *čik* 'груз'» (Рамstedт 128). Критику подобной реконструкции (СГ) *jü-* 'грузить' см. в БМ 142.

Интересна этимология тюркского *jüz* 'сто', которое, по мнению Г. И. Рамstedта, гомогенно *jük: «Тунг. *па таži*, *папад'и* 'сто', но также и 'мешок, полный мешок, содержимое полного мешка', т. е. мера (< *папа-* 'нагружать, навьючивать на оленя') несомненно связывается с др.-кор. *папат* 'мешок, карман'. Подобно этому, тюрк. *jüz* 'сто' должно быть производным от глагола *jü-* 'нагружать, навьючивать' (монг. *žüe-*, *žüge-* — то же) (ср. со способом словообразования *тага-з*, *чуту-з* и т. д.)» (Рамstedт 67).

Учитывая аргументы Н. А. Баскакова (БМ 142), семасиологическую близость и фонетическую возможность, можно (если вышеизложенная этимология подтвердится) поставить рядом с тюрк. *jüd-/jüδ-/jüs-* 'вьючить' и форму *jüz* 'сто'.

**jij-* ⇔ *jiz*

Несмотря на неомонимность, следует ставить в гомогенный ряд формы типа «тур. *ييمق* *йиймак* 'портиться, протухнуть', 'гнить' (отсюда *ييز*)» (БСл II, 390); тур. *jij-* 'портиться, тухнуть, гнить' (РСл III, 465).

⇔ тур. *ييز* *йиз* = тат. *ايس* чাগ. *ييد* 'порча, гниение' (БСл II, 388).

Чулым. *jž-* 'гнить, дурно пахнуть' (РСл III, 502); алт., леб., тел., др.-т. *jit* 'запах' (Там же, 493); алт., тел., леб. *jidi-* 'пахнуть, иметь запах', 'иметь дурной запах, гнить' (Там же, 495) и многие другие данные свидетельствуют о комплексности семантики «запах — пахнуть — сильно

¹⁶ Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова. — В сб.: ИСГТЯ I, с. 267.

пахнуть — пропахнуть — испортиться, издавать запах — протухнуть, гнить». Условно принимая во внимание лексическую развитость данного комплекса, мы фиксируем отдельно синкретичные гомогенные корни, означающие 'порча' ⇔ 'портиться' и 'запах' ⇔ 'пахнуть' (см. *ij).

*jīy

Глагольно-именная основа *ييفمق* jīymaq 'приготовить' ⇔ *بيغ* 'приготовленный, готовый' со ссылкой на чагатайский язык фиксируется в БСл II, 389. Ср. чаг. jīy 'приготовленный, готовый' (РСл III, 504).

*žīm

Казах. žīm- 'замолчать, молчать', 'притаиться', 'затихнуть'

⇔ žīm 'тишина, тишь, безмолвие', 'молчанки (народная игра)', а также žīm в žīm basīluv 'сразу/быстро/скоро замолчать, затихнуть'; žīm boluv 'замолчать, затихнуть'; žīm qīluv 'заставить замолчать', *перен.* 'заткнуть рот'; žīm-žīgt 'ни звука, тишь, безмолвие'; žim-žim 'народная игра (в молчанки)' (ҚТС 1979, 223, 305—307; Кеңесбаев Ф 222); ср. у В. В. Радлова žim/žim 'тихо, спокойно', 'боязливый, низкий, малый', 'тихий (не говоря ни слова)' (РСл IV, 134, 138). Основа *žīm, несомненно, гомогенна *žim (см. в отдельной словарной статье) и отличается от последней употреблением в мимеографической функции, отчасти закрепленной внутренней флексацией (формы с -ī- и с -u-). Ср. употребление корня с глаголообразующими аффиксами при раздражательных основах: žimqīg-/žimīg- 'прятать, воровать', 'подвернуть рукава или подол под испод' (РСл IV, 135; ҚТС 1979, 307, 309).

jit- ⇔ jit (в jit joq/joq jit)

Др.-т. jit- 'исчезать, теряться', 'погибать', в *парн.* jit-joad- 'исчезать, теряться' и öl-jit- 'губить' (ДТС 215; Малов II 388); ср.-т. *ييتماک* jitmāk 'погибать, исчезать' (Наджип I, 132; Ибатов 110); jit- 'теряться' (Боровков 154), казах. žit- 'пропасть, исчезнуть, умереть' (ҚТС 1979, 344); тур. uйтmek 'пропадать, исчезать', 'быть упущенным, быть потерянным', 'расточаться', 'растрачиваться', 'быть растраченным' (ТРС 928); ком., др.-уйг.,

чаг., тур. *jit-* 'потеряться, исчезнуть, погибнуть' (РСл III, 524); чув. *śet-* 'губить'; каз. *žit-* 'пропадать' (РСл IV, 161); этот же корень *žit-* в казах. *парн. ölim-žitim* 'бедствие и смертность' и т. д.

⇒ др.-т. *jit* в *парн. jit joq* 'полное отсутствие'; *joq jit* 'отсутствие, исчезновение, потеря'; *it = jit* (ДТС 215, 272—273); эти данные позволяют *ييتلا تمالك* (*jitiätmäk*) 'терять', 'погубить', *ييتلانماك* (*jitlänmäk*) 'затеряться', 'погибать' в «Хосрау и Ширин» Кутба (Наджип I, 132) представить как отыменные образования с афф. *-la-*, а не отглагольные с учащательно-интенсифицирующим значением.

А. Т. Кайдаров считает возможным поставить рядом уйг. *žüt-* 'исчезать', 'пропадать', 'теряться', кар. *jit-* 'пропадать', 'гибнуть', казах. *žit-* в *ölim-žitim* и казах. *žit* 'массовый падеж скота', 'бедствие', 'смертность'¹⁷, что семасиологически и фонетически вполне оправдано, ср. варианты *žüt/žit* в РСл IV, 171, 186. О глагольном корне *žit-/žid-/žüt-* (метатетическое) *üst-* в *ölüm-žitim* и др. см. подробнее в КТКЭС 98.

Правомерно замечание А. Т. Кайдарова о том, что не следует это слово сближать с семасиологически подходящим уйг., узб., аз. *žuda-*, *žudo-* 'теряться', 'пропадать', восходящим к иранскому источнику (Там же).

Среди примеров, иллюстрирующих выпадение начального *j-*, М. Рясянен приводил вост.-тюрк. *üt-* 'погибнуть, потеряться' < *jit-* (Рясянен 165). В Наджип I, 391—392 объединяются как гомогенные значения и формы тюркских омонимов *it-* 'толкать' и *it-* 'теряться, пропадать', восходящие, по мнению автора, к единому комплексному пра-глаголу. Ср. в совр. каз. *ijter-* 'толкать', *ijtin-* 'рваться вперед' и *žüt-* 'исчезать' — формы разнятся как фонетически, так и семантически.

Возможно, тур. *jav* 'потеря' и гагауз. *javu* 'потерянный' (РСл III, 289, 293) гомогенны рассматриваемому нами корню. А. М. Щербак реконструирует архетипы **θim-* 'исчезать', 'теряться' и **θum* 'падеж скота от бескормицы', 'мор' (ЩФ 197).

¹⁷ Кайдаров А. Т. О критериях определения синкретических основ в тюркских языках. — Изв. АН КазССР. Сер. филолог., 1977, № 3, с. 56.

*käv

В «Списке общетюркских односложных слов» А. М. Щербак приводит синкретичный корень *käv 'жевать' ⇔ 'жвачка' (ШФ 194). Ср. казах. küjse- 'жевать жвачку' от küjüs 'жвачка' + -e-; чаг. kävšä- 'жевать жвачку', kävšäk 'жвачное животное' (РСл II, 1058).

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 329 (на уровне праязыков): алт. *kävΛ- или *kebΛ- 'жевать' (эвенк. käwä 'челюсть', монг. kebi- 'пережевывать', туркм. gäviš- 'жевать жвачку') ~ и.-е. *gēu (H) - 'жевать'.

*kel

В болгарских письменных памятниках — эпитафиях XII—XIV вв. — зарегистрировано كيال kél 'жена'. По мнению Ф. С. Хакимзянова, именно эта корневая морфема лежит в основе известного тюркского термина kelin 'невеста', 'невестка' (ДТС 296). «Судя по сохранившимся значениям в современных языках, волжско-болгарскую форму kél можно было бы перевести как 'сноха, невеста', однако модель построения текстов надгробных надписей противоречит этому»¹⁸. Ученый считает, что по сравнению, например, с известным тюркским термином qatup, «kél, видимо, является наиболее древним обозначением "жены", потому что он еще сохраняет форму глагола kel- 'приходить', откуда образовался сам термин. Общетюркский глагол kel- в чувашском языке имеет и значение 'выходить замуж', что показывает его тесную связь с именем существительным kél. Татарское слово келә-, которое употребляется в сергачском говоре западного диалекта в составе идиомы кыз келәту 'послать сватов, сватать девушку', на первый взгляд, происходит из того же корня. Однако это лишь омонимы, и глагольная форма келә- имеет ряд параллелей со значением "желать, хотеть" и т. д. во многих языках урало-алтайской группы»¹⁹.

Широко распространены совпадения типа kälis-/kelis-/kiliš-/... 'подходить' ⇔ kälis-/kelis-/kiliš 'подходящее', 'прибытие', 'прихождение' (РСл II, 1118—1119, 1372;

¹⁸ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978, с. 50, 79.

¹⁹ Там же, с. 80.

Малов П 392, 393 и т. д.). Ср.: каз. *kiläš* 'сговоренная девица, сосватанная девица, невеста' (РСл II, 1412); бараб., тюм., тоб., каз. *käläš* (из *käl* [kelin] + -äš) 'невеста', 'любовница', 'молодая жена', 'замужняя женщина', 'жена' (РСл II, 1114 и т. д.). Сводку форм глагола см.: Аширалиев 39; а также: Мұсабаев Ф. Қазақ тілі мен грамматикасы тарихынан. I бөлім. Алматы, 1969, 27—28-б.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 329, 330: алт. *käl(^)- 'приходить' (тур. *gel-*, аз. *gäl-*, туркм. *gel-*, тув. *kel-*) ~ урал. **kälä-* 'переходить вброд, идти' (морд., мокш. *kälä-* 'переходить вброд', венг. *kel-* 'отправляться') ~ картв. **kl-* 'бродить'; а также другой корень: алт. *käli 'сестра мужа, жена сына, муж сестры' (эвенк. *käli* 'своаяк', аз. *gälin* 'сноха') ~ урал. *kälü 'сестра мужа, муж сестры' ~ драв. **kal-* 'жена дяди, сестра матери' ~ и.-е. *ǵ₂l(ō)* и 'сестра мужа' ~ картв. **kal-* 'женщина' ~ с.-х. *kl 'жена сына, невеста'.

В этой связи (учитывая алтайский и даже ностратический характер корня) ср. *kel-* 'иди сюда' и *ket-* 'иди туда' в кечуа (господствующий язык в империи инков Америки)²⁰.

*keŋ

После тур., чаг. كينك *geŋ*, осм. شڪك، شڪيك، простонародного كين или کن 'широкий, обширный, пространный' в словаре Л. З. Будагова регистрируется осм. كيكمك *keŋtek* 'быть или сделаться широким, расступаться, дать место' (БСл II, 179), что позволяет нам говорить о синкретичном корне *keŋ. Глагольная омоформа фиксируется также в ср.- т. *geŋ-* 'gozszergyc' *sie' ⇔ keŋ* 'szeroki', 'obszerny', 'przestronny' (САГ 367). В др.-т. *keŋ* 'широкий, обширный', 'обильный', *перен.* 'щедрый' (ДТС 298); *keŋi-/keŋü-* 'распространяться, расширяться' (ДТС 299). В РСл II, 1067, 1342 глагол *keŋ-* не отмечается.

По мнению К. М. Мусаева, подобные синкретичные основы возникли сравнительно недавно в результате ис-

²⁰ Вопросы тюркского языкознания. Казань, 1976, с. 136.

чезновения словообразовательных аффиксов, обнажения основ или ряда других фонетических причин ²¹.

*kes

Общетюрк. kes-/käs-/kas- (чув.) /kis-/kiç- 'резать', др.-т. kes-/keš- 'резать, делить', 'отрезать, преграждать', 'прерывать, прекращать', 'грызть' (ДТС 302, 303; исчерпывающую сводку форм см.: Исхаков Ф. Г. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — В сб.: ИСГТЯ I, с. 78 и др.)

⇔ др.-т. kes 'кусок, часть' (ДТС 302); тув. 'прорезь' (БАБ 74); возможно, сюда же относится венг. kes 'нож', ср. венг. bicška 'ножик' (Хадрович-Гальди 397; Гальди 366).

Рассматривая афф. -а/-э, -ы/-и, -у/-ү, В. М. Насилов ставит кэсэ- 'резать' в один ряд с бэсэ- 'украшать, рисовать', боша- 'быть свободным', 'становиться пустым', йаша- 'жить', ота- 'лечить', байу- 'богатеть' и т. п. (Насилов ЯТП), хотя в науке последние примеры установлены как отыменные образования [см., например, ЭСТЯ II, 29, 106, 205; РСл IV, 48, 86 (см. этимологию), ЩФ 62; ЭСТЯ I, 482 и др.]. Объединены тюрк. käs 'кусок' и монг. кесе- 'обрезать, разделять', тюрк. käs- то же в Рамстедт 178.

Ср. также тур., чаг. käsiš- 'условиться, заключить договор (торговый)' ⇔ käsiš 'определение цены, тариф' (РСл II, 1164).

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 328: алт. *k'e/s^ - 'резать' (монг. keseg 'кусок', туркм. kes- 'резать, рубить') ~ урал. *kec^ \ 'нож' ~ и.-е. *kes- 'резать' ~ картв. *kc- 'отрезать'.

*käs

Тур. käs- 'свернуться, сгуститься (о крови, молоке и т. п.)' (РСл II, 1157)

⇔ тур. käs (= перс. كَشَك) 'свернувшееся молоко, сухой сыр' (РСл II, 1181). Возможно, эта лексема гомогенна тюрк. қис-/kos-/kös- 'блевать, выплевывать', 'выцвести (об окраске, цвете)', 'чернеть (о пятнах от хенны, о железе)' (РСл II, 623, 684, 1013).

²¹ Мусаев К. М. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — ALTAICA. PIAC. XIX. Helsinki, 1977, p. 199.

*keč

Др.-т. keč- 'опаздывать, задерживаться' (ДТС 291); كىچمك 'быть, становиться поздно' (БСл II, 174); keč- 'быть медлительным, ленивым, инертным, вялым', 'медлить' (Курышжанов 144)

⇒ др.-т. keč 'долго, поздно' (ДТС 290); чаг., тат. كىچ, كىچ kīč, алт. keč, кирг. (= казах.) keč 'вечер'; тат. и тур., аз. geč 'поздно, поздний' (БСл II, 173—174); кирг., узб., аз. и др. keč, уйг. káč 'ночь, вечер, вечернее время', 'поздно, поздний' и др.

*köz

«Опыт» В. В. Радлова регистрирует очень важную (и редкую) форму — глагол kös- 'показывать' со ссылкой на койбалский (РСл II, 1293), подтверждаемый следующими данными: качин. köstür- 'показывать' (РСл II, 1298); тур. گۆسترمك göstermek [испорченное из неупотребляемой (= неупотребительной. — Е. К.) формы كوزدرمك (приписка в БСл. — Е. К.)] 'показать' (БСл II, 155); گۆستر göstär- 'показать' (АФТ 0111), образованными от глагольной основы kös-/köz- + афф. побудительности -tür-; др.-т. közün-/közin- 'казаться', 'показываться', 'виднеться' (ДТС 321, 646; Houtsma 99; Малов II 396); як. közün- 'показываться' (Рясянен 196) — от глагола köz- + афф. возвратного залога -ün/-in-, ср. kögün- 'показываться, быть в поле зрения', 'показаться, казаться' — возвр. от kög- 'видеть' и др. (ДТС 319; Малов II 396); ср. közin- 'быть близким (о родстве)' (Курышжанов 147). Возможно, глагольный корень мы имеем и в древнетюркском közgül 'зеркало' (ДТС 321); чаг., каз. كوز گۆ küzgül, тур., аз. güzgül, алт. küskü 'зеркало' (БСл II, 154); ср. др.-т. ketgül 'уход, исчезновение' < ket- 'уходить, исчезать'; külgül 'смех' < kül- 'смеяться'; bergül 'дар' < ber- 'даровать, давать' (ДТС 95, 303, 304, 325); körgül 'повиновение' < kög- 'повиноваться' (Кондратьев 18 и мн. др.). Подробней об отглагольном имяобразующем аффиксе -gül/-gü (со всеми вариантами) см.: Наджип I, 108—118. Среди множества очевидных или явных отглагольных образований Э. Н. Наджип выделяет отдельно две формы, уже поте-

рившие свои временные значения — ädǵü 'добрый, хороший' и küzǵü 'зеркало', образованные этим показателем (Там же, с. 110). Знаменательно в этом плане, что, несмотря на наличие, казалось бы, соответствующего имени ed/ät/äd/... в тюркских языках, Э. В. Севортьян возводит упомянутое выше слово ädǵü к глагольному корню (ЭСТЯ I, 240, 246). Близок был к этому, по-видимому, А. Махмутов, хотя природа основы (глагольная или именная) в слове küzǵi 'зеркало' им не определяется (после отглагольных аналогий šar-qī, süz-gi, также не оговоренных) (КТКЭС 108).

Др.-т. köz-üd-, уйг. közät-, тур. gözät- 'рассматривать', тат. küzät- 'смотреть' обычно трактуются по аналогии с qutad- 'становиться счастливым' (< qut 'счастье'), jēgäd- 'улучшаться, быть превосходящим' (< jēg 'лучше, пре-, через') как отыменные образования (Рамстедт 175).

См. гомогенные синкретичные корни *kög, *küj в отдельных словарных статьях.

*köl

В перечне праформ А. М. Щербак регистрирует корень *köl 'упряжное животное' ⇔ 'запрягать' (ЩФ 195). В РСл II, 1268; БСл II, 413; ДТС 314; Clauson ED 715; köl- 'запрягать', 'впрягать', которое мы имеем в современных тюрк. kölük 'упряжное животное/животные', 'гужевой (транспорт)',

*kör

Алт., тел., леб., чулым., кирг. (= казах.), шор. kör- 'пухнуть, пениться', 'киснуть' (РСл II, 1310), каз. күр- 'распухать, увеличиваться в объеме' (РСл II, 1514); 'кобимак' 'пениться', побуд. كوبرمك 'вспенить, вспучить', в тат. كويمك, алт. kör- 'пучиться, надуваться, раздуваться, пухнуть' (БСл II, 142); несомненно сюда же следует включить ком., крым., др.-уйг., тур., гагауз., кар. Л. Т. қор- 'поднимать, встать' и другие значения; قوب/قوب 'подняться, встать, подниматься, вставать' (АФТ 0103, 0107); қор- 'подниматься, вставать' (Курышжанов 165); каз., тоб., тар. қыр- 'вставать, подниматься'. Нужно отметить семантический сдвиг в фор-

мах с -и/-о- по сравнению с формами -ü-/ö-, объединенными комплексной связью

⇒ аз. көр 'пена' (РСл II, 1310; БСл II, 141); казах. күр 'разбухший, набухший' в күртөй бол-, күр бол- 'разбухать' (КТС 1959, 329) и др.

А. М. Щербак в списке односложных слов отмечает глагольно-именной корень *көр 'пухлость, вздутость' ⇒ 'пухнуть, вздуться', 'пениться' (ЩФ 195) и глагольную основу *қор- 'подниматься, вставать', 'набухать, разрываться' (ЩФ 194). См. также: Рамстедт 183.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 343: алт. *к'өрә- или *көрә 'пена, пениться' ~ и.-е. *кеур-/киер- 'кипеть, испаряться, пар'.

*күј

Др.-т. күзät- 'беречь, охранять', тур. gözät-; казах. күзет- С. Е. Малов сравнивает с выделяемым им глаголом күј- в күјү күзätü (парн.) 'охраняя' (дееприч.) (Малов II 397). В приписках к сочинению Абу-Хайяна отмечается глагол гёу- 'наблюдать, обозревать, ожидать, поджидать', который (соответствие j ~ z ~ d/t ~ r) в САГ 432 сравнивается с göz 'глаз', 'глаза'. Среди примеров, иллюстрирующих переход t/d ~ s/z > j, Н. А. Баскаков отмечал күј- 'ждать, поджидать' в современном алтайском языке и его более древнюю форму в других тюркских языках — күт- 'ждать', которая в алтайском языке получила значение 'пасти, ухаживать за скотом' (Баскаков Вв. 163—164). В др.-т. были известны формы күд-/күд-/күс-/күт- 'беречь, стеречь, присматривать, ждать, ожидать' (ДТС 324, 329, 330; Малов II 397); где приводятся также чув. кёт-, як. кätä-, тел. kädä- в тех же значениях. Др.-т. күт в күтči: қој күтčiсі 'чабан' (ДТС 330), күг в күгči күзätči парн. 'хранители' (ДТС 324), возможно, представляют именные корреляты вышеупомянутого глагола.

О неправомерности реконструкции кү- (СГ) 'охранять' см.: БМ 142.

*қа

В ЩФ 194 зарегистрировано синкретичное слово-архетип *кә 'сундук', 'ящик для посуды', 'чехол' ⇒ 'складывать вместе, класть по порядку'. О *қа- ⇒ *қа см.:

ДТС 399; Индекс ФАН 339, 341; МК III ФАН 266; Clau-son ED 578 и т. д.

Синкретичную пару qa- 'собирать, складывать в ящик, сосуд' $\rightleftharpoons$ qa 'сосуд, ящик, футляр' Б. М. Юнусалиев считает «единственным примером, когда корень имел характер первичного омонима», и замечает, что «из этого одного примера рискованно делать какие-либо серьезные выводы» (ЮКЛ I, 67). Говоря о первичном омониме, автор имел в виду «совпадение имени и глагола в корне» (Там же, 66), реконструируя таким образом праформу СГ структуры. Тем не менее в списке первичных омонимов, данном в этой книге, автор отмечает лишь некоторые его дериваты.

Критику восстановления корня qa- (СГ) 'заключать в оболочку, закрывать' см. в БМ 142.

Ср. гомогенный синкретичный корень qar- $\rightleftharpoons$ qar.

*qad

Др.-т. qad-/qad-/kadh- 'замерзать, погибать в бурю, пургу', 'погибать от метели, бурана' $\rightleftharpoons$ qad/qad/kadh 'буран, вьюга, метель, пурга', 'снежная буря', 'буран, гибельный для человека' (ДТС 404; Индекс ФАН 342; МК III ФАН 161—168; *Kāṣṣagāṣī* D. 247 и др.). Ср. як. хай- 'засыпать снегом' (П III, 3231); хак. именное хас в хас кун 'ненастье', кирг. qajiq- 'замерзнуть' и др. Сюда же относится: тур. قاي qaj 'сильный ветер, буря, шквал' (БСл II 30).

*qaz

Общетюрк. qaz-/qas-/gaz- 'рыть', 'копать', 'выкапывать', 'окапывать' (ДТС 439; РСл II, 347, 361—362; Малов СЮ 48; сводку форм см.: Аширалиев 63 и др.).

Именной компонент отмечен только в гагауз. qaz 'мотыга, которой окапывают землю' (САГ 369). Возможно, «распространенные» формы типа каз., др.-т. qazī- 'копать' (ДТС 439; РСл II, 373—374) и т. п. являются отыменными по происхождению. Можно привлечь для сравнения также тюрк. qada-/qaza- 'втыкать, всунуть, поставить, вставлять, колоть' (РСл II, 306—307, 363), отметив лексико-различительную роль форм с -d- и -z- (в qaz- 'копать'). Ш. Ш. Сарыбаев, этимологизируя данное слово, реконструирует в КТКЭС 112 именную основу qad 'гвоздь'.

*qaj

Тел., алт., саг., койб., ком., тур., аз. и др. qaj- 'скользить, отскочить (о пуле), ускользать, незаметно пройти', 'скользнуть' (РСл II, 3—4); тур. قايماق qajmaq 'скользить, ползать' (БСл II, 34).

⇔ тур. qaj 'снег, смешанный с дождем', 'скользкое место' (РСл II 3); в чагатайском — 'дождь, падающий со снегом' (БСл II, 30).

Ср. в сюг. qaj- 'плыть' и qaj в qajla- 'барахтаться', 'двигаться', 'стараться что-либо сделать' (Малов СЮ 49); а также qaq 'лужа от дождя или снега' (ДТС 422; БСл II, 18; РСл II, 57) и др.

См. гомогенное qaj- 'обратиться назад' ⇔ qaj 'задняя часть'.

*qaj

Алт., тел. qaj- 'обратиться назад' (РСл II, 3—4); чув. *кай*- 'уходить, идти обратно', уйг. qaj- 'возвращаться' (Малов СЮ 49); др.-т. qaj- 'поворачиваться, оборачиваться', 'обращать внимание', 'обращаться к чему-либо, склоняться' (ДТС 406).

⇔ чув. *кай* 'зад, задняя часть, задний, западный' (Егоров 84—85), др.-уйг. qaj 'обратно, в обратную сторону' (ЮКЛ I, 73).

Об этой глагольно-именной паре писали А. Н. Кононов²², Б. М. Юнусалнев (ЮКЛ I, 73), Э. Р. Тенишев и др. тюркологи. Так, анализируя глагол *кайт*-, Э. Р. Тенишев отмечал, что «корень этого глагола *кай*- несет на себе функцию одновременно имени и глагола. На это указывает, например, чувашский язык, где *кай* как имя имеет значение 'задняя сторона', 'запад'..., а как глагол — 'идти обратно', 'уходить'... В современном алтайском языке и его телеутском диалекте *кай*- означает 'обратиться назад'...»²³.

Связь *кай*- 'оборачиваться' (~ фин. *kajahtaa, kaikua*) с *кйй*- 'сгибать' (предложенная Ю. Неметом), по мнению М. Рясненена, скорее случайна (Ряснен 55). О мертвом глаголе *qaj*- и его производных см.: ЮКЛ I, 13.

²² Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. — В кн.: Тюркологический сборник. 1974. М., 1978, с. 82—83.

²³ Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — В сб.: ИРЛТЯ, с. 239.

*qaq

Qaq- 'сердиться, гневаться' (ФЗ 334); тур. قاقمق 'бранить, сердиться' (БСл II, 19); ср. др.-т., тур., чаг. и другие «распространения» qaqi-/qaci-/... 'злиться, сердиться, порицать, ругать, выругать' (ДТС 422; РСл II, 60, 62, 73) ⇔ др.-т. qiqi в парн. ugi qiqi 'спор, галдеж' и qaqi в qaqila- 'громко кричать' (ДТС 422, 445, 614); ср. онома топэт. qaq 'рычание' (Малов СЮ 50); тел. qij 'крик', 'громкая речь' (РСл II, 687), а также: (?) тур. qiq 'глупый, хитрый, лукавый' (РСл II, 706); قاق qaq 'дурак, факт' (БСл II, 18)²⁴.

Тюрк. qaqi- ⇔ qaqi/qiqi также предполагает синкретизм исходной формы *qaq/*qiq.

Др.-т. глагол qiqig- 'кричать' (ДТС 445), онома топэт. qiqig-таq 'кричать громко, кричать' (Дмитриев СТЯ 72) ср. с именем qiqig в qiqig-da-t-таq (там же, 73).

В. И. Асланов древнеазербайджанские qati 'крепкий' и qaqi- 'злиться' возводил к единому корню *qa и развитие значений представлял таким путем: 'крепкий' + 'становиться крепким' → 'становиться крепким' и 'становиться крепким' → 'злиться'²⁵.

*qaq

В РСл II, 59 qaq- 'сушить' ⇔ общетюрк. qaq 'сушенный, твердый, сухой, лишенный растительности, суша' (ДТС 421; БСл II, 18; РСл II, 56—57, 1533) и т. д. Ср. сюг. qaqig 'сухая, засохшая сверху земля солончака', 'сухая земляная корка (на солончаке)', которое, по мнению С. Е. Малова, составлено из qaq + jег; в алт. qaq jег означает 'оголенное место, земля без травы' (Малов СЮ 50). А также ср. тур. qiq 'сухой, высушенный' (РСл II, 706); тар. kig 'сухой прессованный кал для топки' (РСл II, 856); казах. qij 'кизяк из высохшего овечьего помета (топливо в степи)' (КРС 1954, 458) и др.; см. также: РСл II, 687, 707, 855 и т. д. Ср. имя qaq в qaqila-

²⁴ О соответствии -а/-і- в корне см.: БСл II, 19: «قاقمق 'брань, гнев' (слово это произносится также قيقم кыкымъ)»; а также см.: ЭСТЯ I, 118—119, 651 и др.

²⁵ Асланов В. И. О приемах анализа лексико-семантического развития арабских и персидских заимствований в азербайджанском языке. — Ип: ALTAICA. PIAC. XIX. Helsinki, 1977, p. 31—32.

'разрезать мясо на мелкие куски для соления и сушки';
'сушить разрезанное на мелкие куски засоленное мясо'
(Курышжанов 155) и казах. *qaqta-* в том же значении.

qaq- ⇔ *qaq* (в *qaq jol*)

Общeturк. *qaq-* 'стучать, ударять, бить', 'бить, колотить, всколотить', 'чеканить, насечь золотом или серебром', 'выбивать (пыль)' и т. д. (ДТС 422; БСл II, 19; РСл II, 59, 78 и др.) ⇔ *qaq* в *قاق يول* 'битая, торная дорога' (БСл II, 19).

*qaq

قارمق *qaqmaq* 'щупать, осязать, захватывать, цепляться' = тур. (тюрк.) *قارومق* *qaqumaq* 'щупать (например, овец, чтобы узнать жирны ли)' (БСл II, 11, 12); тур. *qaqi-* 'трогать руками скотину, чтобы убедиться, жирна ли она' (РСл II, 188); ср. *qaq-* 'смешивать, примешивать, мешать, перемешивать', 'войти, вмешиваться' (ДТС 422; ЩФ 194; Ибатов 131; РСл II, 132; БСл II, 10); а также тур. *qaqi-* 'мешаться', тел. *qaqi-* 'загребать' (РСл II, 168, 170) и другие «распространения» ⇔ *qaq* 'верхняя часть руки' (ДТС 422; РСл II, 132) и *qaqi* 'локтевая часть руки, локоть, аршин, длина руки, рука' (ДТС 426; РСл II, 167, 183, 187; БСл II, 13) и др.

О глаголе и имени *qaq в тюркских языках см.: САГ 352—353, 460. Сводку значений *qaq/**qaqi* 'рука' ~ 'крюк' ~ 'отрасль, сук, ветвь' в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках см.: Колесникова В. Д. Названия частей тела в алтайских языках. — В сб.: ОСЛАЯ, с. 95—97; Она же. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках. — Там же, 317, 318.

Из дериватов: *qaqta-/qaqba-* (во многих тюркских языках) 'зацепить, захватить, хватать', 'таскать, утащить', 'ощупать, шарить' (РСл II, 213, 216) ⇔ др.-т. *qaqta* 'грабеж' (ДТС 428); также *qaqta* в тур. *qaqta-qaqiš* 'путаница, суматоха, смятение, кавардак, плутня' (РСл II, 216); тюрк. *قارش* 'смешение, смятение' ⇔ *قارشمق* 'мешаться, смешиваться, вмешиваться, смущаться (об уме)' (БСл II, 9) и т. д.

*qar

Тур. قارمق qar- 'стареть, ветшать' (РСл II, 132); ср.-т. قارماق 'состариться'²⁶ ⇔ qar., койб., качин. keq/kīq 'старый, старик' (РСл II, 1350).

Известны глагольно-именные соответствия производных образований. Например, qarī-/karī-/kerī- 'стареть, стариться, состариться', 'делаться тупым' (РСл II, 168, 184, 1095) ⇔ qarī-/karī-/kāqī-/kerī 'старый, древний' (РСл II, 167—168, 184, 1095); эту же глагольно-именную основу и о ней см.: (ДТС 426; Малов II 412; АФТ 0104, 0105; Наджип I, 122, 124; Ибатов 132; БСл II, 12—13, 413; Рамстедт 97; САГ 401; Баскаков КЯ II, 178, 205; ҚТҚЭС 122 и др.).

Сравнивая данные Ettuhfet. с данными современных тюркских языков, Э. Н. Наджип отмечал, что «основа современного татарского, казахского глагола қартай- в АЗ (вышеупомянутый источник.—Е. К.) означает "старый". Она же и основа глагола» (Наджип I, 123; см. также: Наджип Г II, 168).

Глагольно-именную гомогенную пару *qart- ⇔ *qart см. отдельно. Все эти и другие синкретичные дериваты подтверждают синкретичный характер корня *qar.

*qat

Др.-т. qat- 'твердеть, становиться твердым', 'густеть (о жидкости)' (Малов II 412; ДТС 432); в тюркских языках qat- то же + 'высыхать', 'замерзать', 'загубеть', 'сседаться', 'свернуться' и т. д. (РСл II, 278; БСл II, 5 и т. д.); сюда же следует отнести қат- 'быть сильным, усиливаться' (ФЗ 339), развитое, по всей вероятности, из "крепчать"

⇔ как самостоятельная морфема зафиксировано только саянское qat 'крепкий, сильный ветер' (РСл II, 277); ср. также дериваты, образованные отыменными аффиксами -lī и -līq (САГ 411) и др.

Может быть, др.-т. и ср.-т. kat/kād/keδ/keδ/kej/keq 'сильный, крепкий', 'очень', 'крепко, основательно' и т. д. (ДТС 289, 292, 293, 294, 303, 305; Ибатов 111) —

²⁶ Валиханов Ч. Ч. Извлечения из جامع التواريخ. — Соч. Алма-Ата, 1961, т. 1, с. 167.

неомонимический коррелят к qat- 'быть сильным, усили- ваться' и т. п.

Выделение синкретичного корня *qat подтверждается производной глагольно-именной основой qatī- 'твердеть, застывать, загрубеть' ⇔ qatī 'твердый, жесткий, креп- кий' (БСл II, 5; САГ 375).

О монгольских и тунгусских параллелях см.: Рам- стедт 126.

qaš- ⇔ qaš (в qaš-qaš, gač-ha-gač, alırqaš)

Общeturk. qaš-/qaš-/... 'убегать, бежать', 'избегать', 'удаляться', 'уходить', 'скрыться', 'теряться'; 'сторонить- ся' (ДТС 400; РСл II, 332—333, 348, 389; сводку форм см.: Аширалнев 41 и др.)

⇔ qaš в казах. kešegi qaš-qašta 'в (прошедшие) дни повального бегства', уйг. qaš-qaš 'повальное бегство'; ср. аз. gačhagač 'повальное бегство', 'беготня' < gač + союз ha 'и' + gač (удвоение основ, соединенных сою- зом)²⁷.

Компонент qaš в казах. alırqaš 'резвый' (ср. alırqaš at 'резвый конь') точнее было бы отождествить не с гла- гольной основой qaš- 'бежать'²⁸, а с именным коррелят- ом qaš к этому глаголу.

*qoz

Кирг. (= казах.) قوزمق 'возгораться'; اوت قوزدی 'огонь разгорелся' (БСл II, 79); совр. казах. qoz- 'возбуждаться, раздражаться', 'увлекаться, прояв- лять интерес', 'возобновляться' (КРС 1954, 445)

⇔ qoz/qos/qog 'горячий уголь, уголья', 'жар', 'горя- щий уголь, уголья' (БСл II, 79; РСл II, 628, 621, 548) во многих тюркских языках.

О соответствии г/z в именных членах см.: Дмитри- ев Н. К. Соответствие Р//З. — В сб.: ИСГТЯ I, с. 325; о köz в близких значениях см. отдельно в *küj.

*qoj

Общeturk. qoj- (и все варианты) 'оставлять, поста- вить, положить, выставить' и т. д. (РСл II, 498—499,

²⁷ Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках. — В кн.: ИСГТЯ II, с. 323.

²⁸ Современный казахский язык: Фонетика и морфология, с. 199.

501—503, 605—606, 889; Ибатов 135; ФЗ 344 и мн. др.) ⇔ qoj 'остаток' (ФЗ 344).

Именной коррелят к глаголу qoj- 'оставить' представлен в казахском композите kögdevoj < kög-de-qoj 'показной', 'внутренне пустой' (о человеке). Об этом композите см. подробнее в словарной статье к *kög.

*qol

Др.-т. qol- 'просить, добиваться, вымаливать', 'желать' (ДТС 454; Малов II 413); ср.-т. qol- 'prosič' (Zabytek 76); qol- 'просить' (Боровков 212; Наджип I, 69, 131; Ибатов 136); так же в чаг. и кар. + 'просить прощения, просить вообще, испрашивать, желать', 'свататься, желать сочетаться браком' (Мусаев ЛТЯ 308—309, РСл II, 584, 585; БСл II, 92)

⇔ др.-т. qol 'рука', 'ответвление', 'рукав' (ДТС 453, 454); так же + метафорические значения в памятниках и современных тюркских языках (Боровков 212; Ибатов 136; РСл II, 578—583, 967, 1541; БСл II, 61, 86—87); сводки форм см.: Исхаков Опыт 35—36; *Он же*. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — В сб.: ИСГТЯ I, с. 87—88; ср. монг. корень gol/старомонг. qool 'стержень', 'сердцевина, ось, позвоночник, ствол, река, русло' (Бертагаев 18, 171).

Желто-уйгурские (сюг.) kol 'рука' ⇔ k'ol- 'просить', различающиеся между собой отсутствием/наличием аспирации, возможно, представляют собой результат позднейшей лексикализации. Ср. примеры подобного разграничения, обнаруженные С. Е. Маловым, Э. Р. Тенишевым²⁹.

Др.-т. (енисейск.) qol- 'просить' сравнивали с совр. тюрк. qol 'рука' также авторы БАБ 226.

К случаям внутренней флексии, явлениям «изменения основы для семантического членения ее» И. А. Батманов относил и пары типа кирг. qol 'рука' и qil- 'делать'³⁰.

²⁹ Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 163; Тенишев Э. Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу. — В сб.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963, ч. III, с. 124—126; *Он же*. Саларский язык. М., 1963, с. 15 и др.

³⁰ Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе, 1936, с. 10—11.

О глаголе *qol-* (самостоятельно и в составе производных) см.: Рамstedт 90; КТКЭС 130.

Тюрк. *qolt-* 'вести, руководить', по мнению Г. И. Рамstedта, восходит к *qol* 'рука' (как и в *elt-*, по Рамstedту, < *el*) (Рамstedт 175), хотя в данной форме можно было бы предположить афф. побуд. *-t-* (ср. уйг. *qolt-* 'водить' в РСл II, 595; а также см. синкретичный корень *el-* ⇔ *el*).

О других значениях имени *qol* ('оружие', 'армия', 'войско', 'отряд' и т. д.) см.: Сыздықова Р. Ф. Абай шығармаларының тілі. Алматы, 1968, 142 б; Мұсабаев Ф. Қазақ тілі мен грамматикасы тарихынан. 1-бөлім. Алматы, 1969, 13 б. и мн. др.

Этот синкретичный корень мы имеем в казах. *қолаң* в *қоңсы-қолаңшы*, так же, как и кирг. *колу-коңшу*, *қоңшу-колон* 'общее название всех тех, кто находился в непосредственной экономической зависимости от богача' (Юдахин 398, 404).

Следует отметить, что глагольное значение "просить" не может быть первым, и оно должно было развиваться, по-видимому, из переходного (этапного) значения «вытягивать/протягивать руку». Интересно в этом плане упомянуть индейское (майя) *к'улл-* 'поднять вверх руку', сравниваемое А. Г. Каримуллиным с тюрк. *кол/кул* 'рука' ³¹.

*qom/*qum

Др.-т. *qum-* 'волноваться (о воде)' (ДТС 465); др.-уйг. *qomī-* 'быть в движении', 'возбуждаться', 'быть озабоченным, интересоваться' (РСл II, 668); ср. также *قىمىق* *qim-* 'сдвигать что-либо с места' (АФТ 0108) и глагол *qim-* 'взбалтывать, перемешивать', *قىمىق* 'двигать, шевелить, трясти, болтать', который Г. И. Рамstedт, Г. Вамбери и П. М. Мелиоранский усматривали в тюрк. *qimiz/qumuz* 'кумыс' (Рамstedт 131; Vámbéry 92 и Vámbéry PC; АФТ LXXIX)

⇔ др.-т. *qum* 'волны, волнение' (ДТС 465); *قوم* *qum* (АФТ 0107); алт. *qom*, чув. *хум*, тур. *qum* 'волна, волнение, прибой на море' (БСл II, 92; РСл II, 667,

³¹ Каримуллин А. Г. О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими. — В кн.: Вопросы тюркского языкознания. Казань, 1976, с. 135.

1043—1044; Исхаков Опыт 53 и т. д.). Ср. староказах. *қом* в произведении Доспамбета жырау (конец XV — начало XVI в.):

*Қоғалы көлдер, қом сулар
қоныстар қонған өкінбес...*

(Алдаспан 67),

а также казах. *қом шағыл* 'пески (волнами, буграми)', *қом сулар* 'белгілі бір шағын территорияда әр жерге жеке-жеке үйелеп қалған көлшіктер'.

*qig

Тюрк. *qig-/qog-/...* 'поставить, устроить, приготовить, расположить', 'укрепить, подвесить, навесить', 'развесить (сети)', 'сторожить, расставить сторожевые посты' (РСл II, 675, 919; БСл II, 77); то же + 'возводить, раскинуть, строить' (Ибатов 137) и мн. др. Ср., по всей видимости, гомогенные значения *qig-/qog-* 'ограждать, охранять, защищать, оберегать вещь или землю', 'сделать заповедным, недоступным для других' (БСл II, 77); ног. диал. *къур-* 'огораживать' (Баскаков Н 253) и т. д.

⇒ чаг. *قور* 'стена, строение', 'защита', отыменное *قورلوق* 'место, обнесенное стеною, забором, плетнем: сад, хлев, выгон' и др.; алт. 'мост' [по мнению Л. З. Будагова, это слово заимствовано из монгольского, что маловероятно (БСл II, 73)]; сюда же, возможно, следует включить др.-т. *qig* 'плотина' (ДТС 445).

Гомогенность значений "строить, возводить" и "защищать" (закрепленных в основном за -и- и -о-вариантами в тюркских языках) подтверждается тем, что эти значения объединены в именном корреляте — чаг. *قور* 'стена, строение', 'защита'.

В САГ 376 в результате морфологического членения казахского *қоғса-* 'окружать, загораживать', крым-тат. *къорчала-* 'защищать', узб. *қурбоши* (букв. 'начальник охраны') 'начальник полицейского участка (в ханское время)', 'начальник туземной полиции (в царское время)' выделяется именным корень *қоғ*.

Ср. также тюрк. глагольно-именные основы: *қоғиқ-* 'наложить запрет' ⇒ *қоғиқ* 'запретное место' (БСл II, 52); *қоғі-* 'охранять, сделать заповедным' ⇒ *қоғі* 'парк' (БСл II, 77—78) и др.

О близости семантики (случайной?) персизма *کورخن* 'кладбище' и тюрк. *курган* и, естественно, их корней *көр* 'могила' и *қур* ('строить' ⇔ 'постройка') см. в БСл II, 147—148.

По И. А. Батманову, *қіг-* 'ломать' ~ *қиг-* 'строить'³².

*qoq

Др.-т. *qoq* 'убыток, ущерб, вред' (ДТС 457); тув. *хор* 'дурной, недоброкачественный', як. *хор* 'неспорый, убыточный', 'быстро, легко расходуемый', ойрот. *qoq* 'неспорый', совр. бурят., калм. *хор* 'быстро расходуемый, спорый, невыгодный', тоф. *hog* 'невыгодный, спорый' (Рассадин 190; Черемисов 588; САГ 373)

⇔ як. *хор-* 'тратить, причинять расход, расходовать' (САГ 373; Рассадина 190; РСл II, 549—550).

Ср. также шор., саг., койб. (отыменные) *qoqa-* 'умереть, потерпеть убыток, убавляться', тел. *qogo-* 'уменьшиться, убавиться, умереть' (РСл II, 551, 553) и совр. хак. *хора-* 'терпеть убыток', кирг. *коро-* 'расходоуаться зря, напрасно' и т. д.

*qij

Общетюрк. *qij-/qut-/qud-/qus-/...* 'лить', 'наливать', 'выливать' и др. (ДТС 463, 464; РСл II, 673, 888, 1013; Ибатов 138; Ряснян 78)

⇔ казах. диал. *qij* 'колодец', 'вязкая, клейкая глина, грязь' (КТДС 211); ср. тел., алт., леб., саг., койб., качин. *qij* (*kui*) 'пещера, русло реки, берег, край' (РСл II, 887—888). А. И. Исаков отмечал гомогенность казах. диал. *qij* в *töbesine qij qazuv* и др.-т., монг. *qud/quđi/qujı/qij* 'колодец' (КТҚЭС 132). Также казах. диал. *qij* 'глубокое место, яма, вымоина', *метаф.* 'хорошо говорящий, много знающий человек', по справедливому мнению Ш. Ш. Сарыбаева, связано с казах. диал. *qij* 'колодец', и оба слова едины с общетюрк. *qij-* 'лить, наливаться' (Там же).

В производных типа *quduу/qujuу/quđuу/quju* 'колодец' уже проявляется *j/d/δ* чередование (ДТС 463—464; Наджип I, 77, 88; АФТ 0108); исчерпывающие сводки форм см.: Сыдыков 119; Исаков Ф. Г. Характеристика

³² Батманов И. А. Части речи в киргизском языке, с. 10—11.

отдельных гласных современных тюркских языков. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 98 и т. д.).

Использование форм *quj* и *quduq* в казахской художественной литературе стилистически обусловлено³³.

Слово *قىيى* 'берег, край' (в *teniz quji* 'морской берег, побережье'), отмеченное в тюркско-арабском словаре XIII в. и сравниваемое с тюрк. *quj/quji/quoju/quju/qujuq* 'колодец' (Курышжанов 166), по всей вероятности, гетерогенно последнему ряду и должно транскрибироваться как *qij* (см. синкр. корень *qij), а не *quj.

Казах. *qanqujli* 'кровожадный' (ср. *qan-işeg* 'кровопийца'), по мнению Г. Г. Мусабаяева, происходит от *qan* 'кровь' + *qujulı* (*құйылы*) 'имеющий колодцы' (но не от *quj-* в значении "вливать")³⁴, хотя трудно связать "имеющий колодцы" + "кровь" и "кровожадный". Скорее, здесь представлен или результат синкопы *quj- + -i + -li* > *quj + -li* или в *qujli* мы имеем именной коррелят к общетюрк. *quj-* 'лить'. В последнем случае *qanqujli* означало бы (букв.) "проливающий кровь".

*qur

Як. *qug-*, чув. *xǎg-* 'сохнуть, высухать' ⇔ чув. *xǎg* и *qur* 'сухой', 'пустой' во многих языках (ДТС 467; Боровков 217; Ряснен 77, 78; САГ 412); ср. гл. *قورمق* 'сохнуть, засохнуть' в БСл II, 78 и др.

Синкретизм корня подтверждают дисиллабы типа *qugi-/qugu-* 'сохнуть' ⇔ *qugi/qugu* 'сухой' в тюркских языках (БСл II, 78; Дмитриев Н. К. Глаголы речи (*verba dicendi*) в языках тюркской группы. — Дмитриев СТЯ 572 и др.). О глагольно-именном архетипе *kür 'сухой' ⇔ 'сохнуть, высухать' см.: в ШФ 194. О глаголе *qug-* 'быть сухим' и производных от него см.: Рамстедт 138.

*quv

Общетюрк. *quv-/qow-/qoq-/qaw-/...* 'преследовать, гоняться за кем', 'идти по следам, следовать', 'доносить, сплетничать', 'преследовать клеветой', 'прослеживать' ⇔ *qoq/qor* 'сплетня, клевета' (архаическое слово),

³³ Сыздықова Р. Сөзді орнымен қолдана білсек. — Сөз өнері, 1978, 83-б.

³⁴ Современный казахский язык: Фонетика и морфология, с. 199.

'клевета', 'ябеда' (РСл II, 463, 515, 650, 663—664, 883, 884, 1040).

Др.-т. qovla- 'клеветать, возводить наветы' (ДТС 462) в сравнении с qov- 'гнать, прогонять, преследовать' (Там же, 461); quvla-/qavla- 'преследовать, гнать' в сравнении с quv- 'преследовать, ловить' (Малов II 413, 416); уйг. kov-la 'преследовать' в сравнении с общетюрк.

kov- ~ kav- ~ koу- ~ kũ- ~ köу- ~ kuу- ~ käu- ~ kō- ~ хи- ~ хэв- и др. в том же значении (Рясянен 112) могут иметь в основе корневой именной коррелят или (что нам кажется, более вероятным) являются учащательно-интенсифицирующими отглагольными образованиями.

Формы типа qo:-/qu:- являются стяжениями из qoу-/qov-/kuğ- (Дмитриев СТЯ 212; РСл II, 499; Дмитриев Н. К. Долгие гласные в гагаузском языке. — В сб.: ИСГТЯ I, 205 и т. д.).

*qiz'

Общетюрк. qiz-/... 'быть горячим, раскаленным, накаливаться, раскаливаться, краснеть, пламенеть, багроветь', *перен.* 'разъяряться, сердиться, возбуждаться, горячиться' и т. д. (ДТС 450; РСл II, 803, 819—820, 876 и мн. др.)

⇒ чаг. kiz قيز 'жара', огонь' (РСл II, 875); тюрк. qiz 'жаркий, теплый' (Vámbéгу. Предисловие, VII); ср. др.-уйг. qiz 'скупой, жадный' (ДТС 450, 647) и qiz 'горячий' (ЮКЛ I, 72); возможно, отыменными являются тел. qizī- 'гореть, усердствовать', кар. Т. qizī- 'быть горячим' (РСл II, 823); также как и кирг. qiz-ī- (см. ЮКЛ I, 72), узб. қизи- и др. в тех же значениях, в то время как др.-т., тел. qiza 'горн (кузнечный)' (ДТС 450; РСл II, 820) представляет собой отглагольный дериват.

Глагол қыз-, имеющий в казахском языке значения «нагреваться, температурить» и *перен.* «горячиться», имеет и именной омоним қыз, встречающийся главным образом в структуре производных основ. На основании анализа таких основ, как қызар- (қыз+-ар-) 'краснеть, алеть', қызғылт (қыз+ғылт) и қызамық (қыз++амық) 'красноватый', қызыл (қыз+-ыл) 'красный' можно выделить (так же, как А. фон Габен и другие уче-

ные) исторически реальную в кыпчакских языках основу *қыз* в значении «горячий» (САИ 192, 310 и др.).

Некоторые монгольские и калмыкские параллели см.: Рамстедт 133.

Среди слабо дифференцированных форм в современном каракалпакском языке Н. А. Баскаков отмечал и *кбызыкъ* 'интересный, интересно' ⇔ *кбызыкъ-* 'интересоваться' (Баскаков КЯ 205). Ср. существительные: туркм. *гызык* 'увлечение, интерес', в узб., кроме того, 'забава', 'шут, клоун' и соответствующие глаголы — туркм. *гызык-* и т. д. (САГ 378).

qīp

Шор., саг., чулым., тур. *قىنىق* qīp- 'желать, влюбляться, загораться, зажигаться, возбуждаться'

⇔ саг. qīp 'прилежный, любитель чего-либо', 'тот, который любит чем-либо заниматься' (РСл II, 725). Производными от этого синкретичного корня являются кирг. qīpīq- 'приохотиться, войти во вкус, повадиться' ⇔ qīpīq 'привычка, повадка' (ЮКЛ I, 67—68) и др. В САГ 404 в результате сопоставления кирг. qīpīq- с *kipiŝ-* 'охотно приниматься за дело' (М. *Kāšgarī*, Dizin, 316) выделяется именной корень qīp.

*qīs

Общетюрк. qīs-/... 'давить, жать, стеснять, теснить' и др. (РСл II, 801—803, 872; БСл II, 56; сводку форм см.: Аширалиев 42)

⇔ уйг. qīs 'редкий, малый' (РСл II, 799—800); тоб. *قىستامق*, алт. *قىستا* 'побуждать, принуждать, притеснять, ущемить, засунуть, заткнуть' (БСл II, 56), так же, как и кирг., казах., узб., уйг. и др. qīsta- 'принуждать (просьбой)' (ЮКЛ I, 72), могут быть интерпретированы как отыменные образования. Там же приводимое аз. *قىستامق* в тех же значениях, может быть, дает возможность интерпретировать афф. -на- как древний вариант -да-, -ла-, а не как отглагольный показатель. Так, в САГ 336—338 приводится всего пять примеров, когда афф. -на- употреблен в учащательном значении, образуя глаголы от глаголов. Тюркологии известны случаи, когда этот аффикс представлялся как фонетический вариант -ла- (А. Г. Гуломов) или объяснялся как отыменный

глаголообразующий аффикс *-на-* (САГ 336). Ср. БСл I, 193, где употребляются параллельно формы: *ايسنامك / ايسلامك* 'нюхать', 'обонять' < *ايس* 'запах'.

Ср. также КТКЭС 137, где *қыстау* в казах. *қыын-қыстау* возводится к глаголу *қыс-*, что морфологически затруднительно.

Синкретизм корня подтверждается таким же качеством дериватов типа *qısqa* 'короткий' $\rightleftharpoons$ *qısqa-* 'укорачиваться' (Наджип Г I, 181; Наджип I, 123).

*qit

Глагольную основу *qit-*, по семантике близкую (и, несомненно, гомогенную) с общетюрк. *qis-* 'давить, теснить, стеснять' (см. отдельно синкр. корень *qis) и наличествующую в казах. *qitiimig* 'жесткий, трудный, скупой, суровый', отмечает А. М. Ибатов в «Хусрау уа Шірін»: *йаратғанға шүкүр қыл асру қытма 'жаратқанға шүкір қыл, тым қысылма'* (Ибатов 145)

$\rightleftharpoons$ тур., босн. *qit* 'недостаточный, скудный, малочисленный, редкий, нехватаяющий, дефицитный' (РСл II, 786; ТРС 546).

*таң

Др.-т. *таң-/таң-* 'шагать, ступать (ногой)', 'идти, странствовать'; чаг., уйг. *таң-* 'ходить, двигаться с места, бежать', 'отправиться, идти вперед'

$\rightleftharpoons$ др.-т. *таң* 'шаг, хождение, странствие' (ДТС 337); алт., тел., леб., шор., чаг., тоб. 'бег, скорый бег, галоп', 'наступающий, идущий', 'скок' (ДТС 336—337; РСл IV, 2006; БСл II, 198; АФТ 061) и т. д.

Синкретизм корня-основы *таң отмечали Э. Р. Тенишев, С. Исаев³⁵ и др.

Образования типа *مانامق* 'идти, ехать ночью' (АФТ 061) могут быть отыменными. Именной корень *таң* мы имеем в казах. *таң-таң бас-* 'ходить важно, ходить приосанившись' и т. п.

*теп

В «Опыте» В. В. Радлова личное местоимение I л.,

³⁵ Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ, с. 287; КТКЭС, 143-б.: ман.

ед. ч. мен 'я'³⁶ имеет свой глагольный коррелят мен- (=mensi-) со ссылкой на кирг. (= казах.) 'присваивать себе, считать своим', 'выказывать свое могущество', 'грубить' (РСл IV, 2085, 2088). Известные словари, однако, не регистрируют подобную глагольную форму.

С. Е. Малов сближал местоимения biz 'мы' (коллектив, общество) и män (мен, min) 'я' (индивидуальный принцип), усмотрев в них общий корень и элементы -z, -п (Малов II 52).

*mün

В ЮКЛ I, 69 отмечаются глагольно-именные омонимы: др.-уйг. mün- 'допустить недостаток, допустить глупость' ⇔ mün 'недостаток, порок, глупость', ср. кирг., казах. mün/min 'недостаток, дефект'.

Ср. гомогенные (?) синкретичные корни *bun, *böп, *тиң.

*oj

В списке праформ в ЩФ 195 отмечается синкретичный корень: *oj 'игра' ⇔ 'играть, резвиться'. Ср. возможные дериваты: др.-т. oïта 'игрок (в азартные игры)', oïпа- 'играть', oïуу 'игрок', oïап 'игра, бодрое состояние' (Малов II 404). Причем в форме oïап, сравнимой с кирг. oïup, по всей вероятности, представлена контаминация двух гетерогенных омонимов, происшедшая вследствие частичной семасиологической близости: I именной коррелят oïап к oïап- 'проснуться, очнуться, прийти в себя' <oj 'мысль' ⇔ oj- 'мыслить'; II oïап/oïup 'игра' <oj 'игра' ⇔ oj- 'играть'.

*oj

Сюг. oj- 'помещать, водворять, укладывать, поселить' ⇔ oj 'населенное место' является, несомненно, развитием oj- 'долбить' ⇔ oj 'ложбина, выемка', как в ЭСТЯ I, 425—426. Однако, учитывая, что семантическое наполнение данной глагольно-именной пары несколько отличается от центральных значений праформы, мы условно зарегистрировали эти сарыг-югурские омонимы отдельно.

³⁶ Сводки форм и их анализ см.: *Исхаков Ф. Г.* Местоимения. — В кн.: ИСГТЯ II, с. 208—212, 214—235; *Аширалиев* 47, 73; *Кондратьев* 23; ср.: РСл IV, 2085; ДТС 340, 344; *Ибатов* 149, 153 и т. д.

*oj

Общeturk. oj 'мысль, дума' (БСл I, 162 и мн. др.) имеет соответствующий глагольный омоним $\rightleftharpoons$ oj- 'глубоко вдумываться' (РСл I, 970). Материалы ЭСТЯ I, 428—432 позволяют восстановить следующий ряд форм: *oj/*uj/*ot/*on/*oŋ (oŋ?) 'мысль', 'ум', 'сознание' $\rightleftharpoons$ *oj-/*oŋ-/*od-/*ot-/*ob-/*oz-/*uj-/*uz- 'бодрствовать', 'думать, быть в сознании'. Также см.: БМ, 150 и др.

Архетипом этих форм, видимо, является корень *oŋ, выделяемый из хак. oŋar-, кыз. oŋar-, тув. oŋar- (ср. кирг. oŋor-) 'понимать, разуметь, приводить в сознание' и oŋdan- 'очнуться, проснуться, пробудиться, опомниться' (Баскаков Туба 140).

Значения 'прилаживай, согласуй' (см. синкретичный корень *uj) и 'размышляй, думай' в тюрк. oj- ~ uj- Н. К. Дмитриев считал гомогенными, предлагая следующую последовательность развития: 'прилаживай, согласуй' > 'размышляй' > 'думай' (Дмитриев СТЯ 578). Однако, возможно, что в данном конкретном случае мы имеем дело с частичным сращением вследствие формальной омонимичности и семантической близости.

*oq

Общeturk. oq/... 'стрела, пуля' и др. $\rightleftharpoons$ лоб. oq- 'стрелять' (ЭСТЯ I, 437—438).

«Как показывает лобнорское oq- 'стрелять', oq ~ oq- представляет собой лексико-морфологический синкретичный корень, принадлежащий древнейшим эпохам. Чувашское название для 'стрелы' уха образовано от глагольного члена указанной пары» (Там же, 438).

Дж. Клозон считает вполне возможным, что написание ok/uk/ko/ku, напоминающее в древнетюркском окончание стрелы, могло быть ребусом для ok 'стрела' (Clauson TMS 80). Если происхождение этого слова связывать с изображением-рисунком древней литеры (вернее, изображение-рисунок > литера), то предположение о том, что этот символ мог означать и действие "лететь", "стрелять", кажется нам естественным. Ср. этимологические статьи Г. Мусабаева, Г. Айдарова, А. Махмутова, в которых также формы букв сближаются с тамгами, изображениями лука, стрелы, а также кри-

тнику подобного метода в работе О. О. Сулейменова³⁷. См. ҚТҚЭС 139—140, где приводится интересный пример связи значения с рисунком буквы-слова.

*оq

Уйг. оq- 'звать, называть' (РСл I, 993); ср.-т. оq- 'читать' (ФЗ 354) ⇔ уйг. оq 'крик', 'голос', 'слово' (РСл I, 991). Производные см. в ЭСТЯ I, 440. О синкретизме производных дисиллабов см.: Там же, 439—441; САГ 376 и др. Др.-т. оqī- 'звать, приглашать' и оqīcī 'глашатай' (Малов II 404), вероятно, также свидетельствуют о глагольно-именном характере *оqī.

*оη

Именной коррелят к тюрк. *оη-/öη- 'бледнеть (о людях), увядать (о растениях)', 'выцветать' (ЭСТЯ I, 460—461) приводится только в РСл I, 1025: тел. оη 'вялый'. Ср. небную параллель öη- ⇔ öη.

*ор

Тюрк. ор- 'пожирать, сожрать', 'глотать', 'втягивать', 'оседать (о почве), оползать, обваливаться (о почве)' имеет именной омоним в кирг. ор 'вдыхание', 'втягивание вдыханием в себя', ор tart- 'вдохнуть, втянуть в себя' (Юдахин 575; а также: ЭСТЯ I, 464, 403—404, 408). Ср. синкретичный архетип *ör 'втягивание в рот' ⇔ 'брать в рот, глотать' (ЩФ 195). О глаголе см.: Рамстедт 137, 138, 149, 183 и др.

Ср. также казах. ор- в *орра* 'топкий, вязкий (о болоте)', 'сугроб' и ор 'вязкое, рыхлое место' (ҚТС 1961, 178), которые можно условно выделить, учитывая определенную семантическую самостоятельность, выработавшуюся в результате длительного развития общего комплексного значения. Сюда же, несомненно, относятся як. *уоп-* 'забирать в рот твердую пищу' и *уоп* 'количество пищи, которое можно захватить разом, в один прием' (САГ 372).

³⁷ Мусабаяев Г., Айдаров Г. Сырдарьинская надпись.— В сб.: Мусабаяев Г., Махмутов А., Айдаров Г. Эпиграфика Казахстана. Алма-Ата, 1971, с. 29; А. Махмутов. Түркі халықтарының кене алфавиті суреттен дамыған.— Там же, с. 95; Сулейменов О. О. Грамматика буквы.— Изв. АН КазССР. Сер. филолог., 1978, № 2, с. 43—44.

*og

О тюрк. og- 'рыть, копать' ⇔ og 'ров, яма' см.: ЮКЛ I, 73; САГ 413; ЩФ 195; ЭСТЯ I, 466—467 (там же см. о связи значений "рыть ров/яму" и "возводить вал"). Причем глагол отмечен только в хак., чув. и тел. (РСл I, 1047).

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 336: алт. *ig или *og 'яма, отверстие' (монг. ig 'яма, отверстие', туркм. og 'канавка, яма') ~ драв. *ig- 'пронзать, дырявить' ~ картв. *qwg- 'дырявить, прогрызать' ~ с.-х. *h(w)g- 'дырявить отверстие' (араб. hgg 'прорывать, протыкать', hugg 'дыра', др.-евр. hūg, hōg 'дыра, яма').

*ög

Тюрк. öw-/öw-/öj-/ög-/oγ-/... 'хвалить, восхвалять, воздавать хвалу' известны во многих языках (ЭСТЯ I, 494—495). Именные корреляты встречаются только в сюг. *йуғ/йуг* 'хвала, прославление, слава' (Малов СЮ 43). О правомерности сближения этих глагольных и именных форм как родственных см.: ЭСТЯ I, 495. См. также БМ 149 о гомогенности значений "думать, размышлять" и "хвалить, превозносить".

*öz

Др.-т., тур. диал. öz, як. üös, чув. *вар*, караг. oi 'река, ручей, проток, пролив, пересыхающее русло между двумя горами' и т. д.

⇔ аз. диал. *üzmäk* 'течь, протекать'; также в производных: тур. диал. *öz-mek/öz-bek* 'ручей', *öz-e-nti* 'промоина', *öz-e* 'теплый источник', *öz-i* 'горный проход', 'долина между двумя горами' и т. д. Подробнее об этом см.: ЭСТЯ I, 510—512, 554.

*öz

Общетюрк. *öz/ös/oz/...* 'сам', 'свой', 'собственный' и т. д. ⇔ др.-уйг. *ös-* 'быть собственным' (*Vämbégy* 27).

Глагольная омоформа подтверждается в процессе анализа ряда (отглагольных) дериватов (ЭСТЯ I, 507, 510); *اورک* *ögk* 'корень, основа' в «Хосрау и Ширин» (Наджип I, 303). См. также: Рамстедт 189, 196; Ряснен 50, 83; Doerfer II, 146, № 595 и др.

*ök

Др.-т. ög/ök 'мать' (ДТС 378, 382) ⇔ тур. диал. öktek 'жаждать встречи, стремиться к чему-либо, ожидать' (ЭСТЯ I, 504, а также 521, где тур. диал. öge, быть может, укрепляет синкретизм корня-основы *ög).

*ölč

Глагольно-именная основа ölč- 'мерить, отмерять' ⇔ ölč 'измерение' (ФЗ 359); подробную сводку форм по источникам см.: ЭСТЯ I, 529; САГ 397 и др.

*öp

Тюрк. öp- 'расти, произрастать', 'подниматься' во многих языках ⇔ тув. ип, алт. öп 'ствол, стебель, ствол ружья, русло реки' (ЭСТЯ I, 530—532; Исхаков Опыт 50 и др.). Возможно, сюда же следует отнести казах. öп в öп/өпе бої 'во весь рост', 'во всем своем облике', *перен.* 'всегда'.

Образования типа öпä- 'взмывать', 'устремляться вверх' (ДТС 385) могут быть отыменными.

В БАБ 232 др.-т. (енисейск.), тув., кирг. öп- 'достичь возраста' сравнивается с шор. ööp 'возраст'.

*ör

Глагол ör- 'целовать' известен в целом ряде тюркских языков (ЭСТЯ I, 539). Имя же ör 'поцелуй' отмечено лишь в БСл I, 109; РСл I, 1308; Zenker I, 111; Pav. С. 40.

*ört

Если учесть, что üt-, по KW 271 и Vámbéry CSpr. 217 'палить, жечь', скорее относится к üjt-/üt- 'палить, опаливать', чем к ört- 'гореть, загораться' (как в ЭСТЯ I, 550), то можно констатировать, что глагольный коррелят к широко распространенному в тюркских языках имени ört 'пожар, огонь' в чистом виде (как самостоятельная морфема) отмечен лишь в اورتماق (Боровков Бад. 99).

С казах. örte- 'зажигать, воспламенять' ср. тур. диал. örde (< *ört- + -e) (ЭСТЯ I, 550). В ЮКЛ I, 74 отмечается др.-уйг. глагол ört- 'опалить, сжечь'.

*öt

Др.-т. öt 'совет, назидание, учение, наставление' (ДТС 391; Малов П 407) имеет соответствующий глагольный коррелят öd- 'советовать, наставлять, поучать', причем, по мнению Э. В. Севортяна, «öt не имеет отношения к глаголу *ө-* или к производному *өгүт*, а связан с глаголом *өт-* (~ *өтун-* и т. д.) 'говорить' и т. п. и образует вместе с ним оморфную глагольно-именную пару» (ЭСТЯ I, 501).

Г. Вамбери (Vámbéry 44, 45), а за ним и В. Банг, Г. Рамстедт объединяли как гомогенные *öt и *ög и др., что соответствует известным чередованиям звуков в тюркских словах. Значения öt 'голос' и 'совет', объединяемые в ЭСТЯ I, 556, скорее, гетерогенны или представляют собой далеко разошедшиеся значения, восходящие к комплексной семантике праслова.

См. отдельно синкр. корень öt- ⇔ öt.

*öt

Общетюрк. öt- 'проходить, миновать, переправляться' ⇔ اوت 'переход, переправа', 'путь' (Vámbéry ÚSpr. 216); üt 'дыра, проход' (Gabain 349). Подробнее см.: ЭСТЯ I, 554—555.

*öt

О тюрк. öt-/... 'петь', 'издавать звуки, звучать', 'повествовать, говорить' в древних и современных языках и его именном корреляте öt/öd 'совет, назидание', *перен.* 'текст (закона)', 'голос' в основном в древних тюркских языках см.: ЭСТЯ I, 556. Ср. имя öt в образованиях типа اوتلمك (ö) = اوتئك (ö) 'петь', щебетать (о птицах)', 'издавать звук, звон' (БСл I, 111).

Ср. синкретичный корень *öt ('советовать' ⇔ 'совет').

*öč

В словаре М. Хаутсма отмечается глагольный коррелят اوج 'биться об заклад, держать пари' (Houtsma 55) к общетюрк. öč/оč/öš/... 'мечь, мщение, вражда, пари, заклад, награда', 'падкий до чего-либо, любитель' (ЭСТЯ I, 558—559. Там же см. о глаголе öč-, выявленном в результате анализа дериватов, ср. на с. 759 "мстить" как основное значение).

*p̄ō

О синкретичном корне *p̄ō 'ограда, запруда', 'пробка, затычка' ⇔ 'загораживать, запруживать, затыкать' см.: ЩФ 196.

*pök

О синкретичном архетипе *pök 'сытый, насытившийся' ⇔ 'насыщаться' см. в ЩФ 196.

*pit

О *пит-* ⇔ *пит*, однородных с *бек-* 'укреплять' ⇔ *бек* 'крепкий' см. в словар. статье к синкр. корню *bek.

*saj

Тур., аз., чаг., крым. *سایماق / صایمق* 'считать', 'рас- считать', *метаф.* 'почитать, уважать' (РСл IV, 220—221; БСл I, 618, 694); *سای* *saj-* 'считать' (АФТ 095)

⇔ чаг. *صای / سایی* 'число' (РСл IV, 219; БСл I, 694); сюда же следует отнести казах. и др. *saj* в *saj-la-* 'выбирать, избирать'.

Как дублеты *сан* Н. К. Дмитриев отмечает *сай* 'счет, число' (в азербайджанских грамматиках термином *сай* называется имя числительное) ⇔ *сай-мак* 'считать, полагать' (Дмитриев СТЯ 578). Долгота в туркм. *сәй-* 'счи- тать' по сравнению с другими омонимами с кратким, воз- можно, как предполагал Н. К. Дмитриев, имеет фонема- тическое значение (ИСГТЯ I, 183).

Многочисленны совпадения дериватов в формах име- ни и глагола, ср. тур. *sajış-* 'свести счета, считать' ⇔ *sajış* 'счет, считание' (РСл IV, 293) и мн. др.

См. гомогенные синкр. корни *san, *saq.

saj- ⇔ *saj* (в *saj-süjök*, *saj jarïq*)

По мнению А. Т. Кайдарова, тюрк. *sonuk/simiq/su- nuq/sönäk/süñäk/sümük/sojav/sojoo* [soëo]/sojoɣo/sö- jek/sajaq/sujaq/saj 'кость', 'клык', 'бивень' < *saj-/soj-/ süj-* 'колоть', 'вонзить', 'втыкать'. Казах., кирг. *saj* в *saj- süjök*, *saj-sook* также гомогенно вышперечисленным формам (ҚТҚЭС 167—168). Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о наличии в тюркских языках син- кретичного корня *saj. О некоторых других дериватах от

saj-/soj-/süj-/sij- sojav, süjmen, sojil, sojdijuw и др. см.: КТКЭС 175—176. Ср. др.-т. saj- 'прокалывать', 'пронзать' и saj в saj jagiq 'панцирь (вооружение)' (ДТС 481); алт., тел., лезб., шор., саг., койб., качин., чулым., тар., кирг. saj- = sapč- 'вонзить', 'пронзить', 'проколоть' (РСл IV, 221).

Эволюция интервокального согласного в формах со значением "кость", по мнению М. Рясненна, проходила в следующем направлении: *η > *g > w(v) и *η > *γ, *g > j с праформой *söñäk (Ряснен 171). Назовем дальнейшие две ступени звукового развития: 1) выпадение j ~ g ~ γ ~ w ~ η: süäk ~ süök, 2) удлинение гласного: sök и др. (Там же. Здесь же дается большой ряд форм этого слова в современных и древних тюркских языках).

Ср. глагольно-именные дериваты типа кирг. *sajış 'бой на копьях' ⇔ алт., тел., кирг. *sajış- 'колоть друг друга' (РСл IV, 293) и др.

*saq

Приводя примеры коренных основ, являющихся и глаголами и существительными, Г. Вамбери еще в 1877 г. отмечал, что «sak значит по уйг. 'число' и 'считать'» (Vámbergy. Предисловие XV).

Ср. др.-т. saq- 'думать, считать, принимать за что-либо', saq 'ум, сообразительность, сметливость' (ДТС 480). Sayliq 'что-либо сосчитанное' — отыменного характера (ДТС 481).

*saq

Тюрк. saq- 'ожидать, стеречь, хранить' (РСл IV, 241), ср. также возвр. формы типа saqin- 'беречься, остерегаться, удерживаться' (Боровков 259; Курышжанов 183) и отыменные (?) saqi-/saqi- 'ожидать, караулить, охранять, беречь, ждать' (РСл IV, 247, 265)

⇔ др.-т. saq 'внимательный, чуткий, настороженный' (ДТС 485); saq во многих тюркских языках 'чуткий, чуткость', 'осторожный, осторожность', 'внимательный, разумный', 'бережливый, ожидающий, ожидание', 'чувство чести' (в казах. *сағамды сандарды* 'он оскорбил меня') (РСл IV, 239—240; БСл I, 688); также saq в

saqla- 'беречь, хранить, стеречь' (Боровков 259, 260; Курьшжанов 183) и др.

О синкретичном корне *saq 'осторожный, чуткий' ⇔ 'охранять, беречь' см. также: ЩФ 196.

*san

В большинстве памятников и некоторых тюркских языках san- означает «считать, считаться, причисляться, пересчитываться, думать, раздумывать, обдумывать, полагать, мыслить, размышлять, предполагать, воображать» (Малов П 419; ДТС 483; Ибатов 181; Боровков 262; Наджип I, 87; РСл IV, 296; БСл I, 692—693; ТРС 751 и т. д.)

⇔ общетюрк. san 'счет, число, количество, большое число, множество, сто тысяч, исчисление', 'честь, почет, достоинство' (Малов П 419; ДТС 483; Боровков 261; Ибатов 181; РСл IV, 296; БСл I, 692—693; Вербицкий 290; сводку форм имени см.: Аширалиев 46; а также: Дмитриев СТЯ 215; ИСГТЯ I, 207, 266; ЮКЛ I, 52, 67); ср. венг. szam 'число' (Хадрович-Гальди 822) и др.

Об этой синкретичной основе, выделяемой из дериватов см.: САГ 440; казах. sanaq 'статистика, перепись', так же, как и ср.-т. sanaу 'число' (Brockelmann, pag. 64), — производное от глагола san- 'считать' (САИ 202). Тюрк., кор. san, чув. sum, венг. szam и др. "счет, количество, подсчет" Г. И. Рамstedт возводил к китайскому источнику (Рамstedт 178). О сев.-кор. sān- 'считать', сопоставляемом с туркм. sān 'число' см.: Рясянен 63.

Рус. сан Н. К. Дмитриев возводил к тюрк. слову сан, предлагая такую последовательность развития семантики этого слова: число → счет → почет → достоинство → известность → слава. Это слово «заимствовано, по-видимому... у татар в эпоху Золотой Орды и успело дать на русской почве ряд производных: сановник, осанка, осанистый, приосаниться, сановитый» (Дмитриев СТЯ 542, 578).

San- ⇔ san обычно возводят к глаголу sa- в том же значении (ЮКЛ I, 53; САГ 389), отмеченному в некоторых источниках (ДТС 478, 483; РСл IV 215—216 и др.). Критику этого положения см.: БМ 142.

*sas

Sas-/šaš- в др.-т., казах., тур., кирг., каз. 'быть в недоумении', 'не знать, что делать', 'быть испуганным', 'спешить, слишком спешить, стараться', 'смущаться, торопиться', 'оцепенеть, быть удивленным', 'дать промах, промахнуться', 'сходить с ума, лишиться здравого рассудка', 'суетиться', 'поражаться', 'путать, заблуждаться' (ДТС 520—521; РСл IV, 394, 973—974; ТРС 805); ср. также др.-т. *šiz-* 'шарахаться, бросаться (в испуге)' (ДТС 151) (по всей вероятности, гетерогенное) и т. д.

⇒ sas/saš/šaš в др.-т., саг., койб. и др. 'боязливый, трусливый, пугливый', 'дикий, необузданный (о лошадях)' (ДТС 490, 520; РСл IV, 394, 974 и др.).

*saw

О глаголе *saу-/saw-/sav-/suw-/...* 'выздоровливать', 'избавить, исцелить', 'укрепить здоровье', 'вылечить', 'привести в трезвое состояние, в чувство' (РСл IV, 426; БСл I, 686—687, 693 и др.)

⇒ общетюрк. *saу/saw/sav/suw/...* 'здоровый', 'нетронутый', 'трезвый', 'живой, благополучный, хороший' и т. д. (ДТС 480; Ибатов 178; РСл IV, 217, 259—260, 424; БСл I, 686—687); о фонетических вариантах *saу/soу/sav/soo/suu/suу* и др. см.: Дмитриев СТЯ 212; ИСГТЯ I, 199, 204, 266; КТКЭС 164—165 и т. д.

*sav

В РСл IV, 233 приводится глагольно-именная основа *صاوماق/صاومق sav* 'отталкивать, удалять' ⇒ *ساو sav* 'отделенный', 'одинокий', 'удаленный'.

Ср. совр. тур. *savmak* 'гнать, прогонять, отгонять, увольнять, избавляться, отделяться, освобождаться' (ТРС 755) и др.

*suj- ⇒ čoj

Чув. *суј-* 'врать, лгать', 'говорить' ⇒ как. *чой* 'лжец, ложь'. Н. З. Гаджиева и А. А. Коклянова убедительно показывают, что эти слова (и их производные) гомогенны; они являются фонетическими вариантами одной основы (ИРЛТЯ 423). Ср. алт. *يوى* 'лжец', в конд.

يويلا *jojla-* 'лгать' (БСл II, 387).

suq-/soq- ⇔ suq (в suq eṅrāk, soq barmaq)

Межтюрк. suq-/soq- 'всовывать', 'совать', 'впихивать' ⇔ др.-т. suq в suq eṅrāk (~ eṅrāk) 'указательный палец', soq в soq barmaq 'то же' (Houtsma 61; Курышжанов 191); также *метаф.* казах., кирг. suq 'жадный, падкий на все', др.-т. soq 'завистливый', 'жадный' (ДТС 508, 514; Малов II 422, 423; ЮКЛ I, 70; САГ 413, 415, 423—424). О синкретичном корне *suq см. ЩФ 196.

*suḷ

Як. сул- 'оголяться' ⇔ сул 'оголенный (лишенный растительности)' (САГ 370).

*sus

О sus 'спокойный' и 'успокаивать' см.: Vámbéry. Предисловие XV.

Ср. тур., крым sus- 'молчать' ⇔ тур., аз. sus 'тишина, безмолвие, молчание', 'молчаливый' (БСл I, 646; РСл IV, 781); ср. тур. susmak 'молчать, хранить молчание, не подавать голоса' (ТРС 796) и кирг. sus 'молчаливый, хмурый, замкнутый' (ЮКЛ I, 72) и др.

*sus

Тел., алт., шор. sus- 'черпать' ⇔ тел., алт. sus 'ковш' (РСл IV, 780, 781). По всей вероятности гомогенно тюрк. süz- 'цедить'.

*suv

Э. В. Севортян считает возможным выделить чувашский синкретичный корень *шёв-/шү-* 'мокнуть' ⇔ шыв/*шү* 'вода, река', 'сок', ср. *шёв* 'вода' > *шёвел-* 'становиться жидким, водянистым' (САГ 373).

Ср. также *sū-* 'охлаждаться, делаться холодным' ⇔ *sū* 'вода' (РСл IV, 747, 766, 743), если значения "становиться холодным" и "быть мокрым" (или "вода", "мокрый" и "холод") сопоставимы. Ср. казах. *suvī-* 'становиться холодным, охлаждаться, остывать' с туркм. *sova-* в том же значении. Анализируя подобные формы, образованные афф. -a/-i-, Э. В. Севортян приходит к выводу о том, что теоретически можно предположить именной корень *soḡ/*sov в составе этих глаголов

(САГ 441). Ср. в «Сирадж ал-Кулуб»: *سوق* *соуқ* и *سوق* *соқ* 'холод' (Наджип I, 69), где *соқ* может быть или стяжением из первой формы (что более вероятно) или параллельной корневой морфемой (фонетическим вариантом) *suw* 'вода'/*soq* 'холод'; а также бараб. *su:q* 'сделаться мокрым' ≠ тел., казах., каз. *su:q* 'холодный, холод' (РСл, 751), вероятно, случайно совпавшие друг с другом и восходящие к *suwıq.

Тюрк. *sujuq* 'жидкий' и *suwıq* 'холодный', как нам кажется, восходят к единой форме *suǰ ~ suw* с первичным значением "нечто мокрое, намоченное", отчасти сохранившимся в развившихся из него значениях вышеуказанных слов. Ср. др.-т. *suwıq* 'жидкий' (ДТС 516), подтверждающее наше предположение. См. сводку форм у М. Рясянена: *soyuk ~ sovuk ~ sauk ~ savuk ~ sauyk ~ savuk ~ souk ~ soux ~ sōx ~ sōjūx ~ sūk ~ sūū ~ suvux ~ suvək ~ səwək ~ sōk ~ sivə ~ soǰi ~ soǰo* в значении "холодно" (по материалам памятников и современных языков (Рясянен 102). См. также выборку форм для слова "вода" по древним и современным тюркским языкам: *sub/suw/suv/su:/suǰ/sug/suj/sūǰ/u:/şuv/şiv/şu/şəv* и т. д. (Рясянен 69, 79, 112, 168; Рамстедт 42; Аширалиев 68; ИСГТЯ I, 100—101 и др.).

Следует иметь в виду гомогенный ряд А. Т. Қайдарова для обозначения понятий "сырость"/"сырой", "влага"/"влажный", "мокрота"/"мокрый", "неспелый", "зеленый", "роса": *шық ~ шік ~ чық ~ чік ~ чіг ~ шый ~ шій ~ чый ~ чій ~ зық ~ зік ~ зых ~ зақ ~ зэк ~ зах ~ зай ~ зэй ~ сыз ~ сіз ~ саз ~ сөз ~ сүй ~ сүй ~ жый ~ жій ~ жу ~ жү ~ жып ~ жіп* и др. в казахском языке. Эти корни (или этот корень) представлены в производных типа *ши > шикі* 'неспелый, сырой' (өсімдік, нан, ет т. б.); *жіб > жібіту, жіпсіп терлеу* (мұнда да беттің, дененің дымқылдануы); *сүй > сұйық* и др.³⁸

Дж. Клосон в своих «Тюрко-монгольских исследованиях» доказывает, что слово "вода" в древнетюркском языке произносилось *suw*, но не *sub* (Clauson TMS 77).

Можно также добавить, что Дмитриев (СТЯ 215)

³⁸ Қайдаров Ә. Т. Қазақ тілі этимологиясынан этюдтер. — Сөз өнері, 1978, 68-б.

сближает гагауз. su:- 'охлаждаться' = so'u- < soġu- = туркм. θawī-; гагауз. su 'вода' = тур. su = туркм. θuu = тат., казах. suu = башк. һü. ^

*sür

Алт. süg- 'делать борозды, чертить, строгать, пахать, вырезать на чем-то', тур., тат. *سورمك، سورمك* sügmek 'гнать, изгонять', 'тянуть, разостлать, волочить', 'тереть, пахать', чаг. *سورمك* sügmek 'тереть, стирать, мазать, чистить' (БСл I, 642—643); а также süg- 'тереть', 'гнать' (АФТ 097; Ибатов 191 и др.)

⇒ башк., тоб. *سور* 'плуг', каз. 'паволочка'; алт. *سور* süg 'образ, привидение', а также имя süg в *سورلو* 'вещь, на которой что-нибудь вырезано, изображено' (см. анализ в САГ 413—414) (< süg + -lä- + -v ?) 'следы от ходьбы многих' и др. (БСл I, 642—644).

Приводимую там же форму *سورتو* 'трение' можно интерпретировать в двух направлениях: 1) как отглагольное производное — sürt- + имяобразующий гласный аффикс -ü ~ -u ~ -i ~ -i; 2) как отыменный дериват — süg + отыменный именной афф. -ti ~ -ti ~ -tü ~ -tu (~ -li ~ -li ~ -lu ~ -lü), имеющий кроме известного атрибутивного значения и субстанциональное (САИ 54).

С другой стороны, «распространенные» формы типа sügü- 'тянуть, тащить, волочить' также предполагают наличие имени *sür (САГ 441). Ср. также слово süg в значениях "гнать, ссылать" и "ссылка, изгнание" (Курышжанов 193).

*sürç

Тур. süğç- 'спотыкаться, оступиться', 'сделать неверный, ложный шаг', 'ошибаться' ⇒ süğç 'спотыкание', *метаф.* 'заблуждение, ошибка, забывчивость' см.: РСл IV, 828; ТРС 798; САГ 371.

*süül

Як. суул- 'быть в периоде течки' ⇒ суул 'течка' (САГ 370).

*süz

Аз. *чыз*- 'чертить', 'проводить черту, линию', 'набросать', 'царапать' ⇔ *чыз* 'линия, борозда' (САГ 373); а также этот же корень из дериватов (Там же, 417). Перечень фонетических вариантов глагола — *čij-/šij-/šij-/sij-/siž-/čiz-/süz-* — см.: КТКЭС 222—224; РСл IV, 208 и т. д. Ср. др.-т. *čuv* 'расписка' (ДТС 157).

*sīs/siz

Кум. *sīs* 'щель, скважина, сито' (в РСл IV, 660; Баскаков Кум. 249) представляет собой именной коррелят к алт., тел., леб., чулым. *sīs-* 'просачиваться' (Там же, 663; БСл I, 700); о гомогенности тюрк. *süz-* 'фильтровать, цедить, процеживать' см.: САГ 435.

*sik

В памятниках и многих тюркских языках *sik-/sig-* 'совокупляться, совершать соитие', 'совершать coitus'; 'иметь сообщение' ⇔ *sik/sig* 'penis', 'мужской член', 'детородный член мужской' (ДТС 499; АФТ 099; ФЗ 364; Курышжанов 187—188; БСл I, 629; РСл IV, 681 и др.). Сюда же следует отнести *čük* 'мужской член' (РСл III, 2190) и т. д.

Ср. тюрк. *si-/sī-/sij-/sig-/sid-/sīd-/sit-/* (чув.) *šög-* 'мочиться, испускать мочу', 'стремиться к совокуплению (о животных)' (Рясянен 81; ДТС 499, 501; Курышжанов 187; РСл IV, 677, 684) и др.-т. *sik* 'моча' (ДТС 499).

А также дериваты от синкр. *sik, ср. РСл IV, 682 и др.

sil- ⇔ *sil* (в составе *sil at*, *sil kiši*)

Тюрк. *سل sil-* 'тереть, чистить' в филологическом трактате Ибн аль-Муханны (АФТ 096); *sil-* 'вытирать', 'стирать' (Курышжанов 188); *sil-* 'трясти, очищать', 'гладить', 'вытирать, тереть' в «Хусрау уа Шірін» (Ибатов 194); тур., крым., чаг., аз. *sil-* 'стирать', 'обтирать', 'чистить', 'уничтожать', 'вычищать' (РСл IV, 709; БСл I, 657) и др., возможно, составляют глагольный коррелят к др.-т. *sil* в *sil at* 'лошадь, которая ест мало корма'; *sil kiši* 'разборчивый и привередливый в еде человек' (ДТС 499); ср. др.-т. *sül* 'свежесть', 'сочность' (Там же, 517); а также именной корень *sil* в *sili-*: *apī-sili-* парн. 'очищаться, становиться чистым' (ДТС 51, 500); ср. его

именной омоним: ср.-т. *sili* 'чистый' (Курышжанов 188), ком. *sili* 'чистый' (РСл IV, 712). Возможно, правомерно включить в этот ряд также известное тюрк. *sila-* 'мазать', 'тереть', 'гладить' (БСл I, 703; РСл IV, 652).

Ср. отглагольные *silik* 'чистый', 'чистота' (ДТС 52, 500; Малов П 421; АФТ 099 и т. д.), *sülgü* 'полотенце' (БСл I, 649, 657; Ряснен 58); дериваты типа тур. *siliş-* 'натирать друг друга' ⇔ *siliş* 'стирание, вычеркивание' (РСл IV, 715) и т. д.

*taq

Казах., кирг., тур., чаг., тел., алт., каз., качин. *taq-* 'прицеплять, прикреплять, привесить' и др. (БСл I, 333; РСл III, 778—779)

⇔ *تاق* наряду с общеизвестным *taqa/taqa* 'подкова лошадиная' (БСл I, 333; ср. также на с. 334: кирг. (=казах.) *تاق* и чаг. *تاغا*).

Тур. *tak-* 'привесить' (~фин. *takertua, takistaa*) Ю. Немет сближал с *tik-* 'совать' (~фин. *tukkia*) (Ряснен 55).

*tam

Общетюрк. *tam-* 'капать, течь каплями', 'литься' (ДТС 529; Малов П 425; АФТ 092; ФЗ 386; Боровков 283; РСл III, 992 и т. д.)

⇔ *tam* 'капля' (ФЗ 386); чаг. *tam*, чаг. *تم/تيم/طام* (аз.) *دام* 'капля' (РСл III, 992; БСл I, 375, 422 и др.).

Об этом корне см.: ЮКЛ I, 75; САГ 415 (где приводятся данные из Абу-Науван 97; Ettuhfet., Dizin, 250), а также ср. синкретичный архетип А. М. Щербака **tam* 'капля' ⇔ 'капать' (ЩФ 197). Сюда же следует отнести чаг. *tim-tim* 'по каплям' (РСл III, 1408) и, возможно, тур. *çim-* 'быть настолько пропитанным жидкостью, что капать' (РСл III, 2158).

*tan

Тюрк. *tan-* 'отказываться, отречься, отрицать' (ДТС 531; Боровков 284; Ибатов 199; ФЗ 387); в чаг., тат. *تانمق(ت) tanmaq* 'отречься, отрицать, запи- раться (в показаниях)', 'таить, утаивать' (БСл I, 730);

аз. *daп-* 'отрицать, отнекиваться' и т. д. Современные тюркские формы см.: *Гаджиева Н. З., Коклянова А. А.* Глаголы речи в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ, с. 371; а также ср. *dāп-* 'отказываться, отрекаться' (Боровков 117) и др.

⇔ чаг. *تان* 'отрицание, отречение', 'непризнание' (БСл I, 338, 731); ср. тоф., тув. *taη*, хак. *taaη* 'нет, не знаю' (Рассадин 233).

*taη

Тур. *daη-/daп-* 'быть известным', 'удивляться' ⇔ тур., крым., кирг. (= казах.), др.-уйг., тел., саг., ком., тар. *daη/daп/taη* 'удивление, восклицание удивления, сомнения', 'чудо', 'хвала', 'слава' (РСл III, 803, 822, 1616, 1621); др.-т. *taη* 'чудо, удивление' (Айдаров 363).

*tap

Среди примеров коренных слов, которые «могут быть формами и существительных и глаголов», Г. Вамбери в 1877 г. отмечал *tap* 'след' и 'следить' (*Vámbéry. Предисловие XV*), хотя в известных словарях отмечается лишь именная омоформа: чаг. *tap* 'след', 'шрам', каз. *tap* 'клякса, пятно, помарка' (РСл III, 945, 946).

*tar

Тюрк. *تاریق* 'тесный, теснота, стеснение, нужда' (являющееся отглагольным образованием) в сравнении с *تاروقمق*, *تاریقمق*, *دارخمق* 'нуждаться, стесняться, скучать, надоест, тужить, печалиться, разгневаться' (БСл I, 721); так же, как и тув. *taḡax* 'мучение', 'тяжелое, горестное положение'

⇔ *taḡax-* 'известись, измучиться, замаяться, истомиться, выходить из терпения' и аз. *darīšlīg* 'теснота' в САГ 236, 284—285, 308, 379—380, 409 и др. позволяют говорить о синкретизме общетюрк. *tar/dar* 'узкий, тесный, недостаточный' (ДТС 536; Малов II 426; РСл III, 835, 1625; БСл I, 721 и т. д.).

В чистом виде реконструированный выше глагол отмечается только в др.-уйг. *tar-* 'на одном месте стеснить, собрать' (РСл III, 836).

*tel

Др.-т. tel- 'приучать, припускать сосуна к матери (о животных)' (ДТС 550); сюда же, видимо, относится в *перен.* значении шор. täl- 'воспринимать вдохновение (о шаманстве)' (РСл III, 1081); ср. казах. teli- 'приучать, припускать сосуна к чужой матери (матке)' ⇔ кирг., казах. tel 'молодое животное, которое отнято от матери и сосет у другой самки'; 'выросший на свободе' (РСл III, 1081); 'молодое животное, сосущее и свою и чужую мать' (КТС 1961, 349); 'сосущий двух маток (о ягнятах)' (Сыдыков, 214); ср. монг. тэлээ в том же значении (Там же; Базылхан КМС 304).

Ср. в ностратическом масштабе алт. *t'äl или *t'äl 'молодое животное — подсосок, сосущее, кроме матери, у другой самки' (монг. tel, кирг. tel, як. täl) ~ драв. *tal- 'молодые животные'; '(пускать) молодые побеги' (тамил. talig- 'пускать побеги', 'побеги', ката tayl 'молочняк скота', телугу taligu 'молодой побег') ~ и.-е. *teH- 'молодое животное, растение' ~ с.-х. *tl- 'родить молодое животное' (араб. tall 'детеныш овцы, козы, газели и т. п.', др.-евр. tāleh 'ягненок', галла dal 'родить', чад.: муби 'dāl 'класть яйца') (Иллич-Свитыч ССН 316).

*ter

Общeturk. ter 'пот, испарина' ⇔ кыпч. tär- 'потеть' (Houtsma 66; Abu-Nayyan 102).

tev- (в ar-tev-) ⇔ tev (в tev kür)

Др.-т. глагол tev- в ar-tev- *парн.* 'обманывать' (ДТС 50) ⇔ др.-т. tev 'коварство', 'хитрость', 'обман'; также tev в tev kür *парн.* 'обман', 'ложь', 'коварство' (ДТС 557); ср. это же имя в tävla-kür-la- *парн.* 'прельщать', 'обманывать' (Малов II 429) и täb в täblig 'подстрекательство' (Там же, 428).

*teš

Общeturk. teš-/tes-/tel-/... 'продырявить, протыкать, пробить, сверлить' (ДТС 550, 555; Боровков 296; Иба-тов 219; БСл I, 416, 564; РСл III, 1105; также см.: ИСГТЯ I, 321 и др.)

⇒ только в БСл I, 416: чаг., тат. تيشك, تيشيك, تيشوك наряду с общеизвестным 'проколотый', 'дыра', 'щель', 'скважина', 'отверстие', 'нора'.

Ср. в ностратическом масштабе: алт. *tel- 'раскалывать, дырявить' (монг. delberkei 'трещина, расколотый', аз. deş- 'дырявить, прокалывать', туркм. deş- — то же; ср. ВЯ, 1963, № 6, с. 47) ~ и.-е. *del (H)- 'обтесывать, расщеплять' ~ каргв. *tal- 'тесать, строгать' ~ с.-х. *tl- 'тесать, протыкать' (Иллич-Свитыч ССН 321).

*toy

Др.-т. toy- 'подниматься, вздыматься (о пыли)', 'подниматься (на гору и т. п.)' ⇒ toy 'пыль' (ДТС 570; РСЛ III, 1158). Ср. гомогенное *toz.

*toq

Совпадения глагольных и именных форм дериватов типа тур., тат. (ت، د) تو قماق toqmaq 'поколотить, притузить' ⇒ طوقمق = طومتق 'кий', 'колотушка'; 'битва, стычка, сражение' ⇒ توغوش (= صوغوش) طوغوش، طوقشمق، чаг. توقاشمق 'столкнуться, иметь стычку, бороться' (БСл I, 751) и т. п. предполагают синкретизм исходной основы. О «распространенных» формах глагола, также, возможно, восходящих к грамматической (или даже лексической) нерасчлененности, см.: САГ 442 и др.

Ср. др.-т. toq в редупликационном toq toq 'звукотражение стуку' (ДТС 576), фиксирующее, быть может, именной омоним к вышеотмеченному глаголу toq-.

*ton

В طونمق 'имеющий одежду' П. М. Мелиоранский усматривал афф. مق — древнедиалектную разновидность لق (АФТ 013, 057). Э. В. Севортян на основании анализа tonap 'одетый', töndürmek 'вывернуть одежду', tonmik 'одетый' (Battal., 74) выделяет глагольный корень ton-, коррелятивный с общетюрк. ton 'одежда, шуба' (САГ 415). Об общетюрк. ton 'платье, одежда, кафтан, шуба', 'шерсть, шкура', 'масть лошади', 'штаны',

'сапог, обувь', 'женская летняя шуба, крытая бархатом, сукном или бухарской материей с опушкой из выдры' — ДТС 574; РСл III, 1176; БСл I, 753; см. также сводки форм в Аширалиев 37; ҚТҚЭС 187, 228—229; Құрышжанов Ә. Қ. Қазақ тіліндегі тон сөзінің мағыналары. — Изв. АН КазССР. Сер. фил. и искусств., вып. I, 1960 и др.; сюда же относится ton в toна- 'одевать', 'снять, раздеть донага', 'огрابتь на дороге' в тех же источниках.

Важно отметить, что в БСл I, 753 наряду с *تونامق* 'снять, ободрать, раздеться донага, содрать шкуру, облупить' приводятся также тат. *تونمق, طونمق* 'раздеться, быть нагим', которые можно интерпретировать как глагольные моносиллабы к общетюрк. ton.

*top

Др.-т. top- 'складывать (слоями)' (Малов П 432) ⇔ top в др.-т. topла- 'складывать в кучу, сгружать' (Там же); topла- 'собирать' (ДТС 575); казах., тур., крым., караим. Л., кирг. top 'куча, множество, толпа, все в сборе' (РСл III, 1219); см. также об этом корне в ЮКЛ I, 75.

tun- ⇔ tun (в посл. tunuqtan tun žaqsi)

Казах. tun- 'отстаиваться', 'отстояться', 'стать чистым' (о воде и др.) (КТС 1961, 374); 'садиться (о жидкостях)' (РСл III, 1439); ср. глагол в казах. *ел іші тұнғач тарих* букв. 'в народе — отложившаяся (отстоявшаяся) (веками) история'

⇔ tun 'отстоявшийся', 'чистая вода'; ср. казах. посл. *тұнықтан тұн жақсы* 'отстоявшаяся (отстоянная) вода лучше прозрачной' (чистой на вид?).

*tuor

Як. *туор*- 'голодать' ⇔ *туор* 'голод, голодный' (САГ 372).

tut- ⇔ tut (в tut-ha-tut)

Аз. *tuthatut* 'облава', образованное путем удвоения основ, соединенных между собой союзом ha "и"³⁹, так же, как и, возможно, «удлиненные» формы типа *تونامق* 'держат', 'поймать', 'схватить', 'хранить', 'огородить'

³⁹ Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках. — В кн.: ИСГТЯ II, с. 323.

(БСл I, 742), позволяют говорить об исторической реальности именной омоформы, соответствующей общетюрк. глаголу *tut-* 'держать', 'брать', 'хватать', 'ловить', 'захватывать', 'задержать', 'поймать' и др. (ДТС 591; РСл III, 1475—1479; БСл I, 385, 742 и мн. др.).

Возможно, *tut* 'залог', 'заклад' (Курышжанов 206) представляет собой именной коррелят к глаголу *tut-* 'удерживать', 'держать', 'хватать'.

*tün

Ср.-т. *tün-* 'омрачаться' и глагольный корень *tün-* в *andin tünüb kälür ärdük* 'оттуда (из похода) возвращаясь ночью' (Боровков 318); тур. *tünmek* 'наступать (о вечере), вечереть, темнеть, смеркаться' (ТРС 875)

⇔ общетюрк. *tün/dün* 'ночь, вечер' (ДТС 597; Боровков 318; РСл III, 1548, 1803; ТРС 875 и мн. др.; а также: ЮКЛ I, 69; САГ 372; ЩФ 129 и пр.). Ср. также казахский глагол *töp-* 'наступать, подойти, подъезжать вплотную' и т. д.

tüt-/tüt- ⇔ *tüt* (в *tüt-tüt*)/*tüt* (в *tüt-mit*)

Во многих современных и древних языках *tüt-/tüt-* означает 'разрывать', 'раздирать', 'разделять на волокна, нити', 'щипать, рвать, трепать', 'теребить, бить, чесать шерсть', 'разорвать на мелкие клочки, куски'; 'растормошить', 'выщипать'; *перен.* 'терзать, причинять страдания', 'спорить, ссориться', 'жить в ссоре' (ДТС 564; ФЗ 381; РСл III, 1391, 1417—1418, 1571, 1770; БСл I, 342, 554; также см.: Рясянен 75 и др.)

⇔ *tüt* в казах. *tüt-tütün ſıyaıuv* 'разбить, разорвать, разодрать'; кирг. *tüt* в *tüt-mitın ſıyardı* 'он разгромил в пух и прах'; 'он камня на камне не оставил' и т. д.

А также ср. у В. Л. Котвича кирг. *tüt* в глагольно-именных значениях "раскалывать" ⇔ "полено" (Котвич 68).

tüt- ⇔ *tüt* (в *ört tütü örgö örlör*)

Др.-т., тур. *tüt-/düt-* 'дымиться дымить, испускать дым', 'куриться', 'наполняться дымом'; 'тянуть дымом', 'покрываться туманом', 'создавать дымовую завесу' (ДТС 601; ТРС 876; РСл III, 1571, 1810; БСл I, 385); сюг. *tut-* 'дымить' (Малов СЮ 126); ср. производные *tütün/*

tötön/tüdüp 'дым' в казах., алт., башк., узб., кир. и др. языках

⇔ казах., кирг. түтө-, крым. tüta-, тюрк. توتامك, توتومك 'дымить', 'дымиться' (РСл III, 1572; БСл I, 385 и др.) можно представить как отыменные образования (ЮКЛ I, 74); имя түт сохранилось в казах. ört түтү örgö örlög 'дым пожара стремится вверх'; возможно, сюда же следует включить туркм. lot 'туман' (Исхаков Опыт 61); ср.-т., староузб. dud دود 'дым' (Ибатов 80; Наливкин 3); ср. персизм دود 'дым' в БСл I, 569.

В ЩФ 198 приводится синкретичный корень *tüt в глагольно-именных значениях "дым" и "дымить".

*tüş

Только в БСл I, 395 отмечается чагатайский глагол توشمك 'спать', позволяющий говорить о былом синкретизме общетюрк. түш/tüs/tül/düş/... 'сон, сновидение' (ДТС 596, 599; Малов II 435, 436; РСл III, 1577, 1587; БСл I, 395; Рясянен 84; ИСГТЯ I, 320, 321 и др.).

*tīq

С переносным значением tīq- 'втыкать', 'всовывать' — 'прятать' (например, в казахском) можно сравнить тел. tīq 'скупой' (РСл III, 1300) и условно (sic!) выделить эту пару из общего гнезда.

*tīŋ

Кирг. tīŋ- 'оправиться, крепнуть, приободриться' ⇔ tīŋ 'бодрый, бойкий, расторопный', 'крепкий, прочный, мощный'; в казах., тел., алт., леб., шор., саг., койб., качин., бараб. tīŋ 'крепкий, сильный' (РСл III, 1308).

*tīm

Тел., ком. tīm 'молчание, молчаливый' ⇔ кирг. (=казах.) tīm- 'утихнуть' (РСл III, 1342).

Ср. тел. tīmī- 'быть тихим, молчаливым' (Там же); алт. (кум.) tīm 'тихо, не шевелясь', tīmī- 'затихать, быть безмолвным, тихим' (Баскаков Кум. 259); а также (?) tīm-tīgīs 'совсем тихо, очень тихо, безмолвие' (КТС 1961, 392); кирг. tīm 'тихий, без шума' (РСл III, 1408) и др.

Этот корень гомогенен тюркскому *tīp, в семантиче-

ский комплекс значений которого входят значения 'молчание' ⇔ 'молчать', а в фонетический комплекс (вариантов) — *tīm*. См. подробнее о других вариантах в **tīn*. В семантике форм с *-m* на конце (означающих "молчание" ⇔ "молчать") и *-n* (в большинстве случаев — "дышать", "отдыхать", "отстаиваться" ⇔ "дыхание", "отдых") отчасти заметно лексикализующее, дифференцирующее значение этих окончаний.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН: картв. **dum-* 'молчать' (груз. *dum-*) ~ с.-х. **d(w)m-* 'молчать, быть спокойным, спать'.

*tīš

Тур. *čiš* 'испражнение' ⇔ тур. *čiš-/čič-* в тел., алт., кум. в значении "испражняться" (РСл III, 2094, 2151); казах. *tīš-* 'испражняться' (Там же, 1338), каз. *tīč-* то же (Там же, 1335) и т. д.

*til

Среди тюркских форм *تيلامك، تلامك، تيلامك*
Л. З. Будагов отмечает тур., аз. *دلماک* 'желать, хотеть, просить, искать, требовать, умолять' в тат. также 'молиться за кого-нибудь' (БСл I, 372); и уже более определенно — *دلماک* 'желать, просить' (Там же, 565); о тюрк. *tilə-/tilä-* в тех же значениях см.: *Гаджиева Н. З., Коклянова А. А.* Глаголы речи в тюркских языках. — В сб.: ИРЛТЯ, с. 379—382; *Юлдашев А. А.* Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках. — Там же, с. 304—305; в САГ 22—23, 210: *tilä* < *til* 'язык' + *-ä-*; Г. И. Рамстедт тюрк. *tilä*, монг. *čila-* 'просить' возводит к кит.-кор. **ti* 'желание' (Рамстедт 128) и т. д.

Глагол *dil-*, отмеченный в БСл, вполне можно соотнести с общетюрк. *til/dil/...* 'язык'. О формах этого слова см.: Исхаков Опыт 44; ИСГТЯ I, 96, 115, 266 и др. Э. В. Севортян усматривает афф. *-l* со значением орудия в *til* 'язык': *til* < *ti-* 'говорить' + *-l* (САГ 193). О семантике и формах тюрк. *de-/te-/di-/ti-* подробнее см.: Дмитриев СТЯ 570—572; Рясянен 80; РСл III, 1008—1011, 1345, 1654, 1751—1752 и др. О неправомоности восстановления *di-/de-* (СГ) 'сказать' см.: БМ 142.

Ср. синкр. корень *til-* 'разрезать' ⇔ *til* 'ломоть, ломтик'.

*til

Общeturk. *til-/dil-* 'разрезать/резать на узкие полосы/полоски/мелкие куски/ломтики', 'разрезать продольно' ⇔ кирг. *til* 'ломтик, ломоть, язычок варгана' (ДТС 559—560; РСл III, 1380, 1766; БСл I, 371, 421; ЮКЛ I, 73 и др.).

Вопрос о том, можно ли привлечь сюда алтайский ряд — тюрк. *tal/dal* 'ветвь, прут', *sala* 'ветвь, прут', как. *salaa* 'палец', п.-мо. *salaya(n)*, *salburi*, монг. *салаа, салбар*, бур. *халаа, халбари* 'ответвление' (Дмитриева. Названия растений, 156), — решить пока не представляется возможным.

См. отдельно *til-* 'просить' ⇔ *til* 'язык'.

*tir

Тел. *tir-* 'трястись, трепетать' ⇔ тур. *tir* 'дрожание' (РСл III, 1364). Ср. казах. оноματοпоэг. *dir* в *dir qayuv* 'дрожать, вздрагивать', *dir etüv* 'вздрагивать, задрожать, вздрогнуть' и др.; алт., тел., леб. *tir* 'дрожание' (РСл III, 1321).

*vǎǎ

Чув. диал. *vǎǎ-* 'поднимать тяжесть', 'работать с силой, напором', 'тащить тяжелую ношу', 'быстро изнашивать одежду' ⇔ *vǎǎ* 'сила' (САГ 367).

*uj- ⇔ uz

Тур. *uj-* 'подходить, соответствовать' ⇔ тур. *uz* 'подходящий, годный' (ТРС 885).

*uq

Именной коррелят к тюрк. *uq-* 'понимать, разуметь, внимать, вникать в сущность, постигать, слушать, слышать' отмечен в РСл I, 1065: др.-уйг. *uq* 'мнение, значение, понимание'. Анализируя семантику производных, восходящих к значениям "понимать" или "дать услышать/слушать", Э. В. Севортян пишет: «Чисто логически связь между 'слушать' и 'понимать' ясна, так как оба они — две стороны одного процесса: 'слушать, чтобы узнать и понять'. Возможно, оба значения следовало бы признать в качестве компонентов единого комплексного значения» (ЭСТЯ I, 584). Учитывая это, нужно как. *ux-*

'слышать' и *ux* 'ухо' включить в перечень значений и форм *uq- ⇌ uq*.

В САГ 434—435 в *uq-* 'понимать' (M. *Kāṣṣgarī*, Dizin, 687; также см.: Battal, 79) и *ōk* 'ум', 'понимание' (Dizin, 453; Battal, 54) усматривается один из сложных случаев внутренней флексии с чередованием гласных по подъему языка, где небность/ненебность дифференцирует глагол и имя, употребляясь в словообразовательной функции. Таким образом объединяются *uq-* 'понимать, разуметь' (ДТС 613) и *ōg* 'разум, мысль' (ДТС 378).

Н. А. Баскаков предполагает генетическую близость известного по памятникам глагола *u-* 'мочь, выносить, выдерживать, быть в состоянии' (ДТС 603) с глаголом *uq-* 'понимать, разуметь', где фонетически более полной формой (и первичной) является вторая форма (БМ 150—151). Дж. Клосон сравнивал *u-* 'быть способным' с открытосложными глаголами из одного гласного, возникшими в результате элизии конечного согласного, типа *e-/i- < eg-* 'быть' (Clauson ED 2, 193). Ср.-т. и-Г. И. Рамстедт ставил рядом с як. *uq-* 'мочь' (Рамстедт 135). Об *u-* 'мочь' < тур. *uq-*/н.-уйг. *uq-* 'понимать' см. также: Котвич 15. Корень *او* 'быть могучим' Ибн аль-Муханна усматривал в *اوغان* 'Могучий (как эпитет Бога)', 'одно из имен Бога': *او* + афф. причастия *غان* (АФТ 051), что соответствует действительности; П. М. Мелиоранский писал, что «корень *او* неизвестен» (Там же), ср. в Clauson ED 2 об *u:ğ̃a:p* как о форме причастия, используемой как существительное-прилагательное в значении "[Бог] всемогущий".

Реконструируя архетип в виде **juŋ*, Н. А. Баскаков предлагает следующую последовательность фонетического и семантического развития: праформа **juŋ* расщепляется на два консонантных варианта:

$$*juŋ \begin{cases} \nearrow uŋ- \sim uŋ- \\ \searrow uq- \sim uq- \end{cases} > uw- > uu- > u-$$

сначала с общей семантикой 'понимать, мочь', а затем и дифференцированными значениями:

$$\begin{matrix} \circ \nearrow & uŋ- \sim uq- & > & uw- & > & uu- & > & u- & \text{'мочь'} \\ \searrow & uq- \sim uq- & & \text{'понимать'}. \end{matrix}$$

(БМ 150—152). Там же отмечается, что корневая морфема *juŋ- (глагол) является вариантом *aŋ 'сознание, мысль, дума' (имя). Синкретизм *aŋ и других форм со значением "понимать" ⇔ "понимание" позволяет нам предположить такое же качество у слов со значением (пока — только глагольным) 'мочь'.

Ср. дериваты типа uqiş 'разум, разумение, пронизательность' ⇔ uqiş- 'понимать' (ДТС 613) и др.

*um

Межтюрк. um- 'надеяться', 'уповать', 'рассчитывать', 'ожидать' (Наджип I, 239; ДТС 611; ЭСТЯ I, 595—596 и др.) имеет свою именную омоформу в Houtsma 54: اوم 'надежда' (САГ 416), выделяемую также из производных (ЮКЛ I, 75; САГ 442; Наджип I, 124 и т. д.): Тюрк. umdı 'надежда' < um- 'надеяться' + -di ~ -ti (Рамстедт 114); ср. древний монг. глагол *mu-, в монгол. засвидетельствованный в виде mō- 'желать, хотеть' = тюрк. *umu- ~ um- 'надеяться' (Там же, 162—163).

ug- ⇔ ug (в ugtoqraq, ugdažiq, vughavur)

Общетюрк. ug- 'бить', 'ударять' обнаруживает свой именной омоним в устойчивом сочетании ug kılışmaq 'биться', 'драться' (ЭСТЯ I, 600; САГ 416); казах. бытовом термине ugtoqraq 'дубина', в ugdažiq 'драчливый', 'задира', 'забияка', 'хват', аз. vughavur 'драка', 'потасовка' (две основы, соединенные союзом ha "и")⁴⁰.

*uĭ

Общетюрк. uĭ-/uĭš- 'летать, парить' (ЭСТЯ I, 612—613; Аширалиев 40 и др.) ⇔ др.-т. *перен.* uĭ 'крыло (воен.)' (Малов II 437). Подробнее о совпадении uĭ 'крыло' ⇔ uĭš- 'окрылиться', т. е. 'лететь', см.: Наджип I, 122, 287.

üz- ⇔ üz (в üz buz)

Общетюрк. üz- 'рвать', 'отрывать', 'разрывать' и др. имеет свой именной омоним, представленный в др.-т. *парн.* üz buz 'разрушение', 'порча', 'препоны', 'преграды' (Малов II 441); *перен.* üz buz 'ненависть' (ДТС 629) и в

⁴⁰ Там же.

üzü- 'разрывать' (Малов СЮ 132) и некоторых других производных (см.: ЭСТЯ I, 622).

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 341: алт. *p'üg'Λ- 'разрывать, растирать' (нанай. *pirtu* 'щепки, крошки', ср.-монг. *hügü-* 'тереть, обтачивать', др.-т. *üz-* 'рвать') ~ и.-е. * (s) *per-* 'рвать (ся)'.

*ük

Общетюрк. *üg-/ük-/üj-* 'собирать/складывать/валить в кучу', 'наваливать, нагромождать' имеет именную омоформу **üg/*ük*, представление о которой дает др.-т. *üklä-/ükli-* 'увеличивать' (ДТС 624), тур. диал. *ük* 'груда одеял', 'постель' (ЭСТЯ I, 620), а также образования типа *اويومك* 'складывать в кучу' (АФТ LXII, где П. М. Мелиоранский квалифицирует их как «распространенные» формы *اوييمك* с «интенсивным» значением). Ср. также ср.-т. *jub* 'куча' (ФЗ 315), которое может быть равно или корневой морфемой, или стяжением из *üjüv/üvüv* < *üj-/üv-*.

ül- ⇔ ül (в *ül bolmasaң büл бол*)

О корневых омоформах *ül 'доля', 'часть' ⇔ **ül-* 'выделять, отделять (часть чего-либо)' из глагольно-именных дериватов см.: ЭСТЯ I, 627—629; там же приводится тур. диал. *ül* 'доля', 'часть'.

Об именном компоненте *ül* в значении 'часть, раздел (целого)' в казахской пословице *ül bolmasaң büл бол*, в производных глаголах в тюркских языках: *üle-/üli-/ülü-* 'разделить на части', 'раздавать, распределять' и др. см.: *Қайдаров Ә. Т. Қазақ тілі этимологиясынан этюдтер. — Сөз өнері, 1978, 70* (там же см. о *bül- ⇔ бүл*).

Ср. чув. *val* 'часть' (Рясянен 85) и др. О некоторых дериватах см. также в ЮКЛ I, 58.

*ür

В тур. диал. *ür* 'вой собаки' и тув. е:г 'лай' (в составе е:г-*gi* 'часто лающий') мы имеем именную коррелят к общетюрк. *ür-* 'лаять, брехать', что подтверждается отыменным происхождением тур. и др. *ürü-* 'лаять' (РСл I, 1833; БСл I, 127. Подробнее об этом см.: ЭСТЯ I, 626—627).

Н. А. Баскаков относил вышеуказанное общетюрк-

ское слово к «корням и основам, хотя и имеющим семантику подражательных слов, но по формальным признакам относящимся к глаголам» (Баскаков КЯ 247). Об этом глаголе см. также: Рясянен 85; САГ 196 и др.

*ügk

Сравнивая др.-уйг. ügk 'испуг, боязнь' (РСл I, 1835) с общетюрк. ügk- 'испугаться, бояться, вздрогнуть, шархануться в сторону', Э. В. Севортян устанавливает глагольно-именную пару, где «именная омоформа үрк образовалась, возможно, позднее глагольной» (ЭСТЯ I, 636).

Формы типа ügkü- 'испугаться' ⇔ ügkü 'страх, боязнь' (РСл I, 1837) позволяют нам говорить о синкретизме основы *ügk как древнем явлении, отраженном в ряде дериватов.

*üt

При сопоставлении глагола üt- 'палить, опаливать' в тюркских памятниках и языках с именем اوت üt 'опаливание волос на голове животного, держа ее на огне' (БСл I, 110), в ЭСТЯ I, 640 выделяется синкретичный корень *üt. Глагол üt- или представляет собой непервую форму из üjt- (в казах. и др. языках) 'опаливать' или вариант *ot 'огонь' ⇔ ot- 'гореть'.

Ср. также öt- 'обжигать' (ФЗ 360). Дериват ütük 'утюг' > русское *утюг* (Дмитриев СТЯ 500, 548).

*üt

Межтюрк. üt 'отверстие, проход, углубление' обнаруживает свой глагольный коррелят в уз. диал. üt- 'входить' (ЭСТЯ I, 639; Там же — то же из дериватов).

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 319; алт. *püt^ 'дыра' (монг. ütügün, ср.-монг. hütgü 'vulva', шор. üt 'дыра') ~ драв. *rott- 'дыра' ~ картв. *put- 'дыра' ~ с.-х. *pwt/pwt 'дыра'.

*čav

Тюрк. چاو، چاؤ 'крик, зов', 'молва, распространившийся слух' (как персизм) (БСл I, 465); čar/čab/čav 'слава, молва, известность' (ДТС 135, 136, 142; РСл III, 1915 и др.) в БСл I, 466 обнаруживает глагольный омо-

ним: чаг. چاومق 'делать шум', 'приобретать славу, репутацию хорошую', 'ознаменоваться', причем в тексте указано: "от چاو".

Ср. гомоген. šaq- 'шуметь' ⇔ šaq 'шум'.

*čäk

Уйг. čäk- 'наносить удары, делать надрез, надсек, знаки', 'играть на инструментах (ударами пальцев)', 'делать зазубрину'; imza čäkmäk/hät čäkmäk 'подписаться, расписаться'; а также тюрк. čäk- 'ударять', 'махать', 'колотить', 'щелкать пальцами', 'выдолбить' (РСл III, 1946—1947) и др.

⇔ уйг. čäk 'знак', 'помета', (>) 'письмо', 'отметина, надпись'; hät-čäk 'письмо и послание'.

*čip

В гагаузском языке отмечаются не только ономато-поэтическое имя čip 'колокольчик', но и глагол čiptek 'звенеть в ушах' (Дмитриев СТЯ 87). Именная омоформа широко представлена в тюркских языках в формах sipk/čip/čap/šap и др. 'звон, звук колокола, колокол' (ДТС 150; РСл III, 1851, 1855, 2116; РСл IV, 192, 942 и др.).

*çit

Тур., чаг., тар. çit 'изгородь, плетень, забор', 'ограда, ограждение' ⇔ тур. çit- 'связать, сплести, соединить', 'сводить вместе, штопать, опутывать зубья гребешка нитками' (чтобы сделать его более частым) (РСл III, 2140, 2142; ТРС 193).

*čar

Др.-т. čar- 'хлестать, стегать'; čar- 'плыть (шлепая по воде)' ⇔ др.-т. čar в составе čar čar *изообр.* 'резкие стрывистые звуки, щелчки, щелканье кнутом', 'чавканье, причмокивание' (ДТС 139); также ср. кирг. čar 'шлеп' (Юдахин 846); тур. šar в šarlamak 'шлепать' (ТРС 804), а также ономатопоэт. туркменское šab 'шлепанье', šir šir — то же (Дмитриев СТЯ 104) и мн. др.

*čök

Др.-т. čök- 'опускаться, становиться на колени', *прям.* и *перен.* 'опускаться, падать'; 'погружаться (в воду)',

перен. 'огорчаться' (ДТС 154); *čök-* 'кланяться' (Малов П 376); ср.-т. *čök-* 'становиться на колени' (Боровков 360); ср. также др.-т. *sök-* 'преклонить колени, опускаться на колени' (ДТС 510); чаг., тур., крым., др.-уйг., кар: Т., алт., тел. *čök-* 'стать на колени, сделать коленопреклонение' (РСл III, 2034); казах. *šök-* 'стать на колени (о верблюдах)' (РСл IV, 1035); каз. *šük-* 'поджимать ноги, присесть' (РСл III, 2190) и т. д.

⇒ *sök* 'колени' (Боровков 275), чаг. *čök* 'коленопреклонение перед ханами' (РСл III, 2035). Сюда же, возможно, следует включить др.-т. *šoq* 'низкий, подлый, презренный' (ДТС 153).

*šur

Чув. *шур-* 'белеть, бледнеть, блекнуть' ⇒ *шур* 'катаракта', 'белый' (САГ 373).

*šurt

Кыз. *šurt-* 'жить, обитать' ⇒ *šurt* 'жизнь, обитание' (САГ 369).

*šiq

Др.-т. *šiq-* 'отсыревать, намочить' (ДТС 150); а также в БСл II, 389, где наряду с *ييق* *jīq* 'сырой' [ср. др.-уйг. *jik* 'недоваренный, сырой' (РСл III, 507); др.-т. *jig* 'сырой' (ДТС 260)] отмечается глагол *ييقماق/يقمق*.

⇒ общетюрк. *šij/čīq/šīq/čīg/čik* *šij* 'сырой, недоваренный, неспелый, незрелый', 'роса, влажный, влажность' (АФТ 089; Курышжанов 218; БСл I, 478—479, 481, 502, 503, 507; РСл III, 2053, 2062, 2105, 2107, 2113; Исхаков Опыт 59—60); сюда же следует отнести др.-т. *čuv* и *čau*, выделяемые из *čuvla-*, *čavlap-* 'недовариваться, свариваться наполовину' (ДТС 136, 157) (ср. др.-т. *čavlap-* 'прославляться, становиться известным' от *čav* 'слава, известность' в ДТС 142).

Корень *či:/čī* 'роса, влажный, сырой, неспелый, недоваренный' (РСл III, 2105; РСл IV, 208; ДТС 145); а также в составе *čilä-* 'мочить, намачивать', *čilāp-* 'намочить, смачиваться, потеть, покрываться потом' (ДТС 146) восходит к более полной форме *čig/čij* (Дмитриев СТЯ 213; ИСГТЯ I, 205) и др.

Формы типа др.-т. $\check{\text{c}}\text{ï}\eta$ 'влажный, пропитанный влагой' (ДТС 150); леб. $\check{\text{c}}\text{ï}\eta$ 'сырой' (РСл III; 2116), возможно, являются наиболее древними.

Вероятно, сюда же следует отнести тюрк. (алт., казах., кирг. и др.) *чий, ший* со значением "сырой тростник" и, по мнению Н. К. Дмитриева, давшее рус. *чий* (Дмитриев СТЯ 551).

*šim

Узб. *чим*- 'щипать' $\rightleftharpoons$ кирг. *чым* 'щипок' (САГ 416), а также казах. *шым* в *шымшы-* и др.

*čit

Чаг. $\check{\text{c}}\text{it}$ - 'делать неприятное лицо', тат. چېتمق, چیتمق 'морщиниться, нахмуриться, морщить, нахмурить (лицо)' $\rightleftharpoons$ чаг. $\check{\text{c}}\text{it}$, тюрк. چیت, چت, چت 'морщины/морщина на лбу лошади' (БСл I, 503—504; РСл III, 2140).

Ср. казах. $\text{qabaq } \check{\text{s}}\text{ituv}$ 'нахмурить, насупить брови', $\check{\text{s}}\text{itın-}$ 'хмуриться' и т. д.

*ij

В Yusuf ve Zeliha XII отмечаются как *ij*- 'пахнуть' $\rightleftharpoons$ *ij* 'запах', так и «распространенный» вариант *iji-* $\rightleftharpoons$ *iji* в тех же значениях (САГ 375). Ср. также чулым. *jī-* 'гнить', 'дурно пахнуть' $\rightleftharpoons$ *jī* 'запах, дурной запах' (РСл III, 501, 502), а также др.-т. *jīd/jīδ/īd* 'запах, аромат' (ДТС 217, 264, 265; Малов II 391, 442); чаг. *jīd* 'запах' (РСл III, 526); алт., леб., тел., др.-т. *jīt* 'запах, дух, дыхание, душа' (РСл III, 493); جیز *jīz* 'запах' (Сирадж ал-Кулуб) (Наджиб I, 69); староузб. اید *id* 'запах' (Наливкин 271); ср.- т. *jī* 'запах, аромат' (ФЗ 311) и т. д.

*ij

Ср.-т. *ij-* 'вить, закручивать, прясть' (ФЗ 294); *ij-* 'прясть' (Ettuhfet., 180) $\rightleftharpoons$ *ij/ik/ig/jig/jik/zik* во многих тюркских языках 'веретено, прялка, пряжка' (ДТС 203, 206, 260; БАБ 216; Курьшжанов 1281; АФТ XXXVI, где после формы يیک добавлено: «вообще чаще ایک *ig*»; ФЗ 294; РСл I, 1353, 1415; РСл III, 509; БСл I, 199; Jarring 157; Ramstedt SKE 203 и т. д.).

По мнению М. Рясненa, *īg* > *jīγ* 'веретено' иллюст-

рирует род «расщепления» гласного (т. е. йот — позднее) (Рясянен 53; о том, что начальное *j*- является протезой, см.: Там же, с. 164). Ср. обратное: *jik* ~ *jig* > *ig* 'веретено' в БМ 149.

Формы с одним долгим гласным являются стяжениями: *i*: 'веретено' < *ij/ik/ig* (Дмитриев СТЯ 213; ИСГТЯ I, 205 и др.).

В. Д. Колесникова пишет, что «в некоторых тюркских языках от глагола со значением "вертеть", "вращать" произведен глагол со значением "прясть"» (ОСЛАЯ 98). В ЭСТЯ I, 229 по поводу связи значений "прясть" и "кружить/вращать" высказывается противоположное суждение: «Первое — предметно-конкретное, второе — обобщенное. Первое исторически предшествует второму».

«М. Рэсэнен видит связь между *и:ш-* ~ *еш-* и *и:қ* 'веретено' (Räsänen VEWT 51a, 170a)» (ЭСТЯ I, 396), что, по-видимому, более соответствует действительности, чем предполагаемая Э. В. Севортьяном этимология *и:ш-* ~ *еш-* < учащательная (или интенсивная) форма на *-ш-* (см. САГ 355, 356) от глагола **иг-* ~ **ег-* 'прясть'. Тем более, что в известных нам словарях переходные формы типа *игиш* ~ *ийиш* не зарегистрированы, а корневой гласный имеет долготу лишь в туркменском (н 1—2-х памятниках). Ср. казах. *ес-* 'сучить, вить; свивать' и т. д.

*ij

Общетюрк. *ei-* (ДТС 174); тел., алт., ком. *äη-*, бараб. *iη-*, др.-уйг. *äk-*, др.-т. *eg-*, тар., чулым., чаг. *äg-*, саг., койб. *ig-* (РСл I, 675, 694, 710, 1425, 1431; Ибатов 249; ДТС 165); казах., тур., кум., кирг., ног., ккалп., тат. и пр. *ij-* (ЭСТЯ I, 330—332; там же приведены все формы) — все с центральными значениями "сгибать, гнуть, нагибать"

⇔ тув. *ij* 'склон', др.-т. *äg* 'край, изгиб' (Малов ПМК 91). Об этом же синкретичном корне, реконструируемом сравнительным путем, см.: ЭСТЯ I, 285—286.

От корня *эг-* (*эј-*, *ий-* и т. д.) 'гнуть', 'сгибать' при помощи глагольно-именного аффикса *-ир-* ~ *-ир* образованы синкретичные слова *эгир-* ~ *эгир* (хак. *игир*) и «распространения» последней *эјри* ~ *эгри* ~ *игри* и т. д. 'кривой, изогнутый, извилистый' и хак. *игир* с тем же значе-

нием (САГ 443). Ср. хакасские глагольно-именные *игір-* (из производного *игіренъне- < игір- + енъ + не) ⇔ игір* 'кривой, изогнутый, извилистый' (САГ 410).

По мнению А. Махмутова, рисунок древнетюркской буквы (j) (которая читается так же, как казах. глагол *іj-* 'гнуть', 'сгибать') произошел от изображения согнутой/изогнутой линии ⁴¹.

*ij

Туркм., уйг. диал., чаг., тат. диал. и др. *ij-* 'есть', 'кушать' (Малов УНС 113; в БСл I, 216 приводится *اییمک*, в Zenker I, 155 — *اییمق* 'есть, кушать, жрать, пожирать') и т. д.

⇔ уйг. диал. *ej* (< *eg*?) 'питание', 'удобрение'; *ej qul-* 'унавоживать, удобрять' (Jagging 40).

Об этом сопоставлении Э. В. Севортян пишет в ЭСТЯ I, 334: «К форме глагола *ий-*, возможно, имеет отношение уйг. диал. *ej* 'питание, пища, удобрение'. Г. Ярринг допускает его происхождение из *eg*, не указывая, однако, что следует понимать под последней формой (см. Jagging 40). Если это верно (приведенная форма пока единична), то было бы правомерно говорить об образовании оморфного именного корня (от глагольного) в новейшее время» (ЭСТЯ I, 334). Не следует все же, как нам думается, и отказываться от того, что эта именная форма могла бы являться реликтом дописьменного (алтайского) состояния языков.

Тюрк. *ij-* ср. с монг. *ide-/идэх* 'есть, кушать, разедать, пожирать, глотать, питаться' и т. д. (Lessing 398; РМС 166, 280, 470; Базылхан КМС 123); *идээ* 'пища, питание' (РМС 469) и др.

Анализируя тюрк., монг. и т.-ма. формы глаголов, обозначающих 'есть', 'кушать', 'пожирать', К. А. Новикова предположительно возводит их к **žigbe-* (ОСЛАЯ, 130). «Возможно, что глагол **žigbe-* 'есть', 'кушать' является урало-алтайским словом; ср. урал. **sewe-* ~

⁴¹ Махмутов А. Түркі халыктарының көне алфавиті суреттен дамыған. — В сб.: Мусабаев Г., Махмутов А., Айдаров Г. Эпиграфика Казахстана. Алма-Ата, 1971, вып. 1, с. 95—96. См. также критику подобного метода этимологии: Сулейменов О. О. Грамматика буквы: (к истории древнетюркского алфавита). — Изв. АН КазССР. Сер. филол., 1978, № 2, с. 43—44.

*sege- 'есть, кушать' (КЭСК 252). В. М. Иллич-Свитыч сближает алт. *žē- и урал. *seγe- 'есть' с и.-е. *seH- 'сытый' и картв. *žey- 'насыщаться' (см.: *Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков.* — В сб.: *Этимология 1965.* М., 1967, с. 340)» (ОСЛАЯ 130); а также: *Дмигриева Л. В.* Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — *ИЭАЯ*, с. 177 (о ностратическом характере корня).

Возможно, «распространенная» форма uiy- 'есть' в Ettuhfet. (Dizin, 287) по сравнению с общетюрк. je-/že- в том же значении (САГ 444) сигнализирует нам о глагольно-именном характере корня.

Древнейшая структура корня этого слова, по мнению Н. А. Баскакова, сохранилась в некоторых формах, так je- 'есть' < jej-, ср. ног., н.-уйг. и др. jejış 'едение' (Баскаков КЯ 104; *Он же.* Структура слога в тюркских языках. — В кн.: *ИСГТЯ I*, 333). Ср. др.-т. jej-sä- 'хотеть есть' (ДТС 253) с дезидеративным аффиксом -sä-.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 338: алт. *žē- 'есть' (монг. žemü- 'быть голодным', аз. je- 'есть', як. siä- то же) ~ урал. *sēγe 'есть' ~ и.-е. *seH- 'сытый, насыщаться' ~ картв. *žey-/žy- 'насыщаться'.

*inç

В Ваттал 33: inç- 'успокаиваться' ⇔ inç 'покой' (САГ 368), хотя это слово встречается в глагольно-именных значениях и в некоторых других памятниках. Ср. اينچ *инж* 'покой, спокойствие' («Хосрау и Ширин»), то же у Махмуда Кашгари, Рабгузи и др.; у Ибн аль-Муханны зарегистрирован глагол *инжмак* 'успокоить' (Наджип I, 455—456).

В данном слове представлена закономерная для тюркских языков элизия начальных согласных: inç < tinç 'покой', 'мир' (Gabaın 311; ЭСТЯ I, 59).

*ig

Др.-т. ig-/eg- 'вздрагивать, пугаться' ⇔ ig 'skonфуженный, пристыженный' (ДТС 176, 211).

Связь глагольного и именного компонентов предполагает историческую реальность значения "испуганный", "боязливый".

Э. В. Севортян считает др.-т. *ig-* в отмеченном выше значении исходной формой *igk-* '(ис)пугаться, вздрогнуть' ⇔ др.-уйг. *igk* 'испуг, боязнь' (РСл I, 1835), як. *igt-* 'дать (себя) вспугнуть', тур. диал. *igsütek* 'бояться' (ЭСЯ I, 636), что вполне возможно.

Общеалтайские синкретичные корни

Необходимость алтаистического диапазона исследования при составлении пратюркских моделей или воссоздании тюркской праязыковой схемы и в данном случае при реконструкции былой комплексности праформ признается многими тюркологами⁴². Труды В. И. Цинциус, К. М. Мусаева, О. П. Суника, В. Д. Колесниковой и др., выполненные в общеалтайском диапазоне, показывают правомерность обращения к материалам тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков при воссоздании картины фоно-морфо-семантического развития алтайских корней. В. И. Цинциус, например, приводит такие случаи, когда реконструкция синкретизма алтайского архетипа возможна лишь при сравнении данных разных групп языковой семьи. Тем не менее этимологическая работа с таким широким охватом языковых фактов чрезвычайно сложна и не входит в нашу задачу. Филиация значений и форм генетически единых слов в различных языках алтайской семьи и установление правильной последовательности их движения — отдельный объект исследования. Так, например, нередко монголизм в тюркских языках может при более глубоком рассмотрении оказаться древним тюркизмом в монгольских языках (Батманов ИФТЯ 10, 15) и т. п. Кроме того, сами глагольно-именные основы в каждой из групп алтайской семьи языков требуют специального рассмотрения. Часто в тунгусо-маньчжурских или монгольских (как, впрочем, и в тюркских) языках синкретизм выявляется в процессе сопоставления языков или диалектов в одной из этих групп. Например, «понятие 'кровь' передается во всех тунгусо-маньчжурских языках многочисленными фоне-

⁴² См. об этом: Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, с. 18 и др.; ср. также: Collinder B. Remarks on Linguistic affinity. — Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden, 1955, Bd. 27, p. 2; Ramstedt SKE; ПОАЯ; ОСЛАЯ; ИЭАЯ; ALTAICA, PIAC. XIX. Helsinki, 1977 и мн. др.

тическими вариантами общего слова с праформой *сэ-к^{сэ}-(-нги)... Корневая основа этого слова сэ- образует в каждом из тунгусо-маньчжурских языков значительное количество производных, но лишь в негидайском и удэйском отмечены слова (в первом — глагол, во втором — существительное), которые совпадают с ней по форме, а именно: нег. сэ- Н, В 'течь (о крови)'; уд. сэ Хор, Ан, Бик 'род (группа кровных родственников, ведущих свое происхождение от общего предка)', 'фамилия', 'порода', 'сорт'»⁴³. Ср. в подтверждение гомогенности глагольного и именного значений *сэ семантику их деривата сэң-ги — в маньж. 'кровь', в ряде языков южной группы и негидальском 'родня', 'родство', 'свойственник', 'свояк', 'сват', 'род матери' и др. (Там же). Иногда соотношение форм слов в языковых группах алтайской семьи сложнее, чем элементарная корреляция глагольных и именных основ, бытующих раздельно в разных группах. Так, в ЭСТЯ II, 96 после подробного анализа т.-ма. параллелей к тюрк. *bebe*/*börö*/... 'дитя', Э. В. Севортыян пишет: «Правомерно говорить о большой древности глагольно-именной омонимической пары *бэ* (*бубэ*, *бэбэ*) 'колыбель/люлька с ребенком' и *бэ-* (*бэбэ-*) 'положить ребенка в люльку' с комплексной связью ее значений...; в которой объединены обозначения явлений, реально вещественно связанные между собой: младенец, колыбель, укачивание младенца, его баюканье. Тюрк. *bebe* также принадлежит к этому кругу, но имеет свою систему значений, центральным среди которых является 'младенец', 'дитя'. Возможно, что источником тюрк. *bebe* является удвоенное междометие типа нанайского или орокского *бэ-бэ* 'баю-бай' с дальнейшим включением этой основы в древнюю словообразовательную модель омоформ имя — глагол... (ср. в эвенкском 'положить ребенка в люльку')...». Сравнивая тунг. *бэ* 'люлька' и *бэ-* 'спать в люльке' (Рясянен 63) с известными тюркскими дисиллабами, мы убеждаемся в том, что синкретичный корень *be тюркского (редупликационного) *bebe*/*börö* и др. 'дитя' сохранился лишь в тунгусо-маньчжурских языках, законсервировавших в себе праформу этого слова.

⁴³ Колесникова В. Д. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: ОСЛАЯ 268—269.

Наглядно показана сложность выявления общеалтайских синкретичных корней в статье К. М. Мусаева, посвященной алтайскому моносиллабу *ag ~ *az, отражающему древнее нерасчлененное состояние r/z ~ r/ž и бытующему в соответствующих глагольных и именных значениях *'разделить', *'отделять', *'очищать' ⇔ *'не-что очищенное, отделенное (от чего-нибудь)'⁴⁴. Несмотря на полноту охвата гомогенных форм в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках в этой статье, видимо, последнее сочетание *ag ~ *az можно дополнить *ad ~ *aj ~ *až ~ *aš (~ *az ~ *ag) и т. д. Ср. казахские производные ĭdirat-, ajĭr-, ažĭrat-, aral, aša и др., в которых сохранились эти корни.

В тюркских языках можно также отметить гомогенные формы с протетическими элементами, возникшими позже. Ф. Г. Исхаков приходит к выводу о том, что в начале тюркских прилагательных jĭraq/žĭraq/jĭraq/jĭroq/ĭraq/ĭraq/iräk/irag/äreġ/ereġ (эрек) 'далекий', 'дальний' в самых древнейших формах j не было. Поэтому рассматриваемое слово морфологически расчленяется им на ĭga-+афф. -q. «Глагол ы^vрā-//ы^vра- встречаем в современных алтайском, тувинском и хакасском языках; ср. алт. ы^vраа- [ы^vрā-]//тув. и хак. ы^vра- [ы^vра-] 'удаляться', 'отдаляться' (в их собственно-возвратном значении)».

В словаре В. В. Радлова отмечено также употребление в «Кутадгу билик», (в значении 'удалиться') глагола jыра- [jы^vра-], от которого, по-видимому, и образовано йырақ [jы^vрақ], один из вариантов рассматриваемого прилагательного»⁴⁵. Возможно, семантическая трансформация комплексного первичного значения этого глагола протекала в направлении 'отделяться' > 'отдаляться' > 'удаляться', что явилось бы подтверждением генетической близости его с рассматриваемым корнем *ag ~ *az ~ *aj и др. (ср. др.-т. аг- 'отделять' в ДТС 50). К. М. Мусаев включает в данный гомогенный ряд также тюркское аг 'честь', 'совесть' (по его мнению, происшед-

⁴⁴ Мусаев К. М. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — В кн.: ALTAICA. PIAC. XIX. Helsinki, 1977, p. 199—203.

⁴⁵ Исхаков Ф. Г. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ 211—212.

шее от *'нечто очищенное, чистое')⁴⁶. Н. К. Дмитриев указывал арабский источник для туркм. аг 'честь' < а. عار, долгота в котором является следствием долгого слога (в просодическом отношении) в оригинале, состоящего из двух кратких согласных и одного краткого гласного⁴⁷. Последнее все же не следует считать неоспоримым фактом, так как переизимствование здесь возможно. В пользу этого говорит большая распространенность этого слова в тюркских языках, ср. казах. ағуш 'чистый, непорочный' — обычный эпитет эпоса и древних памятников⁴⁸, аг 'совесть', 'честь', 'стыд' и т. д.

В своих словарных статьях мы ограничивались рассмотрением лексики тюркских языков за исключением тех случаев, когда исследования ученых позволяли нам расширить масштаб сравнений. В некоторых случаях, особенно когда мы имеем дело с ономастопозитическими элементами, сходство форм в различных языках мира может объясняться звуковой близостью источников для подражания.

Приведем некоторые примеры.

*bag

Синкретизм тюрк. (и общеалтайского) bag- 'быть' ⇔ bag 'сущее, имеющееся налицо' отмечают многие исследователи⁴⁹. Критику положения А. А. Зайончковского о происхождении bag 'есть, имеется', так же, как и бақтақ 'башмак' < букв. 'вместе завязывание'⁵⁰, от основы ба- 'связывать', где bag выступает как аорист от корня ба- + -г 'связывающий, существующий', см. в БМ 142. Аналогичную гипотезу В. Л. Котвича о bag 'есть, существующий, присутствующий, существование, имущество, богатство' < ба- + -г (окончание аориста) и критику этой версии Н. А. Баскаковым см.: Котвич 277—284, 367

⁴⁶ Мусаев К. М. О некоторых особенностях...

⁴⁷ Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке. — В кн.: ИСГТЯ I, 188; арабский источник указан для тур. аг 'стыд', 'стыдливость, смущение, застенчивость' в ТРС 59.

⁴⁸ Валиханов Ч. Ч. Извлечения из جامع التواريخ. — Соч. Алма-Ата, 1961, т. 1, с. 161 (№ 95, 96).

⁴⁹ Суник О. П. О глаголах «быть» и «стать» в алтайских языках. — В кн.: ПОАЯ 387; см. также: Ряснен 146, 147; ЭСТЯ I, 62—63, где глагольный коррелят bag- восстанавливается из дериватов.

⁵⁰ Зайончковский А. А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — ВЯ, 1961, № 2, с. 31.

(№ 67). М. Рясянен приводил *baγ* 'есть, имеется' среди примеров элизии слогов гаплогогического характера в тюркских языках: *baγ* < *baγuγ*. «Последний тип можно объяснить также усилением звучания после исчезновения -г. Так, в туркменском языке форма слова *bāγ* возникла после сокращения гласного» (Рясянен 46). По мнению Н. К. Дмитриева, долгота в туркменском *ba:γ* 'имеется', 'есть' имеет фонематическое значение⁵¹, так же, как и в якутском *baaγ* 'присутствующий' и *baγ* 'имеется', 'есть' долгота «разделяет» одно слово⁵². Кроме того, нужно учитывать влияние на фонетику иноязычного субстрата⁵³. После сравнительного изучения материала разных тюркских языков Н. К. Дмитриев устанавливает, что *baγ* (так же, как и *joq*) первоначально было существительным с семантикой "нахождение налицо" или "наличие чего-либо". На именной характер *baγ* указывают дериваты типа *baγ-līq* 'наличность', 'реальность', *baγ-la-v* 'обследовать', 'проверять', *baγ-i-sī* 'все они' и т. п. В тюркских языках *baγ* употребляется в качестве существительного и прилагательного, причем *baγ* 'наличие' > 'имеющийся в наличии', 'наличный'⁵⁴.

*bol

Общетунгусо-маньчжурское *·bolo* 'осень' ⇔ *bolo-* 'наступить осени', неэтимологизируемое на тунгусо-маньчжурской почве, В. И. Цинциус сравнивает с тюрко-монгольским глаголом *bol(o)- с центральными значениями 'становиться', 'делаться', 'быть' и, кроме этого, 'созревать', 'поспевать', 'уродиться' (о плодах и злаках), причем в тюркских языках связываются единством происхождения общетюркский глагол *bol-* и *bol/mol* 'обильный, богатый', чув. *puł* 'плодородие, урожайность' и т. д. «Таким образом, общеалтайский архетип глагола **боло-*, по-видимому, в качестве ведущего значения с самого начала включал представления о полноте проявления важнейшего периода в сфере растительного мира — плодоношения, созревания плодов, ягод, зерен. В тунгусо-

⁵¹ Дмитриев Н. К. Долгие гласные в туркменском языке. — В кн.: ИСГТЯ I, 182.

⁵² Дмитриев Н. К. Долгие гласные в якутском языке. — В кн.: ИСГТЯ I, 192.

⁵³ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 13.

⁵⁴ Дмитриев Н. К. Категория принадлежности. — В кн.: ИСГТЯ II, 35—36.

маньчжурских языках это значение закрепилося в представлении об осени и образовало небольшое замкнутое гнездо слов... В монгольских и тюркских языках глагольная основа бол(о)- сохранила значение 'созреть' лишь как одно из частных, поскольку она приобрела более общую, отвлеченную в семантическом отношении функцию выражения представления 'быть', 'являться', 'становиться кем-либо, чем-либо', 'приходить в какое-либо состояние'» (ИЭАЯ 13—14 и др.).

Ср. также у Иллича-Свитыча ССН 339: алт. *p'ölä или p'ülä 'слишком много' ~ урал. *pal(j) ^ 'много' ~ драв. *pal 'много' ~ и.-е. *pelu 'много' ~ картв. *рг 'много'; а также в языке индейцев Америки: pol — название второго месяца календаря мая, букв. 'много', 'множество', 'собранный', 'соединенный', 'сбор'⁵⁵.

*em

Реконструируя общеалтайский корень *em(e)- 'сосать (мать)' ⇔ 'мать' (женская половозрелая особь) на основе сравнения большого количества древнетюркских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и других языков и отмечая в связи с предлагаемой этимологией тот факт, что, например, две точки в китайском нероглифе, служащем для обозначения понятия "мать", изображают грудь (сосцы женщины), В. И. Цинциус добавляет: «В свое время мною было высказано предположение, что маньчж. эмэ 'мать' и кор. ом'они о том же значении могут быть не только сопоставлены о п.-мо. епе 'женщина', как это было указано Г. И. Рамstedтом, но также с тюрк. эм- 'сосать', тур. em-zig- 'кормить грудью' и, следовательно, первоначально "женщина", "мать" могло означать "кормящая грудью". Однако это высказывание было скорее интуитивным. Теперь же этимология соответствующих терминов уточнена на

⁵⁵ Арибжанов М. Некоторые лексические параллели в языке древних индейцев мая и тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркского языкознания; Уч. зап. Казанского государственного педагогического института. Казань, 1976, вып. 162, с. 132—133; Каримуллин А. Г. О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими. Там же, с. 135; Евреинов Э. В., Косарев Ю. Г., Устинов В. А. Применение электронных вычислительных машин в исследовании письменности древних майя: Дрезденская рукопись. Новосибирск, 1961, т. 2, с. 343; Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955, с. 69, 191 и т. д.

основании детального сравнительного морфологического анализа». Далее автор останавливается на чув. ама 'мать', 'самка', 'пчелиная матка', диал. ати 'твоя мать', атаџе 'его, ее, их мать' при наличии в чувашском общетюркского глагола еп- 'сосать грудь', нивх. ипги 'женщина' и ипйг 'мать', которые также, по мнению В. И. Цинциус, тяготеют к алтайским терминам с корневой морфемой *эм(э) (ОСЛАЯ 25—27).

Следует отметить, что чув. ама и подобные формы, если принять предположение о связи данной чувашской формы с тюркским глаголом эм-, скорее всего являются отглагольными существительными: еп- + -е (отглагольный именной аффикс). Связь ама с глаголом еп- оправдывается тем, что «форма ама в чувашском языке, по мнению чувашеведов, в древние периоды чувашского языка была в исключительном употреблении в значении 'мать'» (Егоров 25). Для иллюстрации соответствия общетюркского е чувашскому а ср. общетюрк. ег и чув. аг 'мужчина' и многие другие подобные формы.

Интересно сравнить с вышеприведенным чувашским глаголом оморфный тур. глагол *ایمه مک* ämä- 'сосать', отмеченный в словаре Л. З. Будагова наряду с общеизвестными вариантами *ایمک, ایمک, امک* (БСЛ I, 210), а также староузбекский глагол ämä- у В. В. Радлова и В. Банга, связывавшего äptääk и другие производные с корнем *ip ~ *äp 'грудь', выделенным им из ätä- (ЭСТЯ I, 272). Интуитивно объединял «корни ап, ап, еп, еп 'мать', 'грудь женская', 'женский' и включал в один ряд в качестве гомогенных основ емтек, имтек 'сосать', апа, епе 'мать', тете 'грудь'» Г. Вамбери (Vámbéry 16) (ЭСТЯ I, 271).

Монгольское ете- (ГСГ) как соответствующее тюркскому еп- (ГС) не противоречит характеру взаимосвязи этих языков на уровне слогов. Тем более, что монг. эм, эм хун 'женщина' (Базылхан ҚМС 42), эм 'самка' (МРС 612) дают возможность объединить монгольское эм и тюркский глагол эм-, а не монгольское эмэ и тюркское эм(э)-, где последний элемент гипотетичен для тюркской праформы [науке известны случаи, когда корень структуры ГС сохраняется в монгольском: ср. аг, сохранившийся в монгольском в чистом виде и выделяемый в тюркских языках в процессе поморфемного членения

дериватов (Кононов РТ 88 (№ 63); ЭСТЯ I, 174—175 и др.)].

Вполне возможно, что монгольское *эм* было заимствовано из тюркских языков, где в древности наличествовал именной коррелят данного слова при общераспространенном общетюркском глаголе. Так, А. Махмутов, ссылаясь на *Suvagpargabhāsa*, писал, что в «древнетюркских памятниках слово *em* употреблялось также в значении 'женская грудь'»⁵⁶. Последний факт значительно укрепляет реконструкции В. Банга и Г. Вамбери, а также данные тунгусо-маньчжурских и монгольских языков и словарей В. В. Радлова и Л. З. Будагова, из которых также восстанавливается именной корень *in/äm/em*.

Эволюция 'сосать' в 'женщина', 'мать', с одной стороны, и в 'грудь (женская)', 'сосок', с другой, свидетельствует о комплексности первичного значения праформы. Условно комплексную семантику выделяемого нами синкретичного слова/архетипа можно представить в таком виде:

*em 'сосать' $\left\{ \begin{array}{l} \rightarrow \text{'та, которую сосут'} > \text{'самка', 'мать'} \\ \rightarrow \text{'то, что сосут'} > \text{'грудь женская', 'сосок', 'сосцы'}. \end{array} \right.$

Распространенное *emček* 'женская грудь', 'сосок', 'вымя' может быть образовано как от имени, так и от глагола (САИ 186—189).

*er

Сопоставляя общетюрк. *er/är/ag/ig/...* 'муж', 'супруг', 'мужчина', 'герой', 'богатырь', 'воин', 'витязь', 'молодец', 'храбрый', 'храбрец', 'мужественный', 'мужественный человек', 'мужество', 'возмужалость', 'смелый', 'сила', 'энергия', 'твердость' и др. с отглагольным др.-т., кумык. и др. (как гомогенными) *erik/ärik/eriv* (< *erik*) [*<* глагольная основа *er- + -(α) г/к* САИ 200—217], В. И. Цинциус предлагает видеть в глагольной основе известный по древним и некоторым современным тюркским языкам корень *er-/är-* 'быть', 'находиться', 'быть чем-

⁵⁶ Махмутов А. Түркі халықтарының көне алфавиті суреттен дамыған. — В кн.: Мусабаев Г., Махмутов А., Айдаров Г. Эпиграфика Казахстана. Алма-Ата, 1971, с. 96.

нибудь занятым', 'начинать', 'собираться что-либо делать' (ОСЛАЯ 45—49). «Последнее значение... позволяет связать др.-т. глагол ег- 'быть' с тур. ег-, егіs- 'достигать', 'доходить', 'добиваться' 'созревать' (ср.: туркм. *эржеш*- 'дразнить', 'пытаться что-либо сделать', *эржел* 'упорный', 'настойчивый', тат. *иреш*- 'достигать', 'добиваться'), что, в свою очередь, позволяет сопоставить эти глаголы с... п.-мо. егі-, монг. *эрэ*-, бур. *эри*- 'искать', 'домогаться', 'требовать'. Таким образом, термин *эр(э)* 'мужчина', 'муж' тяготеет к глагольно-именному корню *эр(э)*- 'дерзать (ель)', 'созидать (ель)', 'плодотворить (ельный)', 'производить (ель)'» (ОСЛАЯ 45—49).

Ср. казах. ег *жетті* 'возмужал', 'окреп', 'вырос' (КТС 1978, 386), связывающее значение имени ег (в ег *жетіу*) и глагола ег- 'доходить', 'достигать', 'созревать'. Аналогично значение у *äg* в глаголе *ägä*- 'возмужать', 'достигнуть возраста взрослого мужчины' (РСл I, 755).

Л. Покровская, изучавшая термины родства в тюркских языках, определила, что значение ег 'муж' более позднее по отношению к значению 'мужчина', которое имело «ярко выраженный оттенок 'храбрый', 'сильный', 'мужчина', 'герой', 'богатырь'» (ИРЛТЯ 57—58). Формы типа *ایری* 'муж' по сравнению с общепринятой *ایر* 'мужчина', 'храбрый'⁵⁷, вероятно, скорее посессивные, чем отглагольные.

По мнению И. А. Батманова, глаголообразующие аффиксы -at-, -ag-, -a- являются фонетическими вариантами, восходящими к самостоятельному слову ег- 'быть', так же, как и глагол et- 'сделать', 'делать' восходит к ег-/äg- через ступень егt-/ärt- (ср. об этом в Дмитриев СТЯ 586). Причем аффикс -ag-, как доказывает И. А. Батманов, вбирает в себя как глагольные, так и именные признаки, сигнализирующие о синкретичном характере знаменательной (некогда) лексемы *äg/*eg, из которой они развились. Отмеченное выше свойство аффикса -ag- квалифицируется И. А. Батмановым как пережиточное явление древнейшей стадии развития языка (Батманов ЧРК 19—28).

⁵⁷ Ср., например, об этих формах в тексте памятника: *Валиханов Ч. Ч.* Извлечения из *جامع التواريخ*. — Соч. Алма-Ата, 1961, т. 1, с. 142—168.

Г. Вамбери объединял как гомогенные следующие слова: др.-т. ег 'труд', 'мучение', 'мужчина', егik 'сила', 'мощь', 'опора', чаг. ег, егеп 'мужчина', 'опора', 'герой', игik 'сильный', 'большой', 'толстый', 'старый', алт. егik- 'утомляться', егkin 'воля', 'сила' (Vámbéгу 33, 34), с чем трудно полностью согласиться.

*joq

На основании тщательного анализа монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского, тюркских языковых данных и принимая во внимание соответствие тюрк. j-/ общеалт. d-, В. И. Цинциус устанавливает общеалтайскую праформу *deg- > монг. deg (e) ~ т.-ма. *deg-, кор. *тэ-, тюрк. йэг- с исходной семантикой 'верх' ~ 'высь' — 'подниматься вверх' — 'летать' — 'летучий' — 'птица' ~ 'крыло' // 'верх' ~ 'ввысь' — 'верхний' — 'высший' — 'лучший' — 'хороший' (ОСЛАЯ 9; а также: ИЭАЯ 11).

Еще Г. Вамбери выделял из ряда дериватов тюркский архетип joq/'оq/'aq 'высокий', 'возвышенный' (Vámbéгу Предисловие 14).

Глагольную омоформу мы имеем, по всей вероятности, в др.-т. joq- 'ценить', 'возвышать', 'хранить' (ср. также: jök- 'волноваться/воодушевляться', 'быть в чувствах', которое читают и jüg- — Малов II 389) и в дериватах типа joquiš (крым., чаг., осм.) 'всход', 'возвышение', 'склон' (РСл III, 403). Имя joq/juq более распространено в древних и современных тюркских языках: joq 'высокое место', 'верх' (ДТС 273; Ибатов 102), уoq уег 'местность с подъемом' (Dizin 797), yokla-/joqla- 'возвышаться', 'подниматься', 'взбираться' (Малов II 389; САИ 171; РСл III, 405) и т. д.

*ker

Материалы чувашского языка позволяют говорить о глагольно-именном омоформизме общетюрк. кер- 'натянуть', 'растянуть', 'распять', 'пялить' и т. д. (ДТС 300; РСл II, 1084—1085; БСл II, 175 и др.). Так, ученые регистрируют в чувашском языке глагольно-именную основу кар- 'завешивать', 'занавешивать', 'обтягивать', 'развешивать', 'раскрывать', 'растягивать', 'растопыривать', 'расставлять', 'зевать', 'разевать (рот)' ⇔ кар 'крутой', 'натянутый' (САГ 369).

Возможно, именной омоним мы имеем также в казах.

кег-ајил 'подпруга, которую протягивают по седлу и которая прижимает седло к спине лошади' (ср. синоним *tartpa* 'подпруга' от глагола *tart-* 'тянуть', 'натягивать', 'затягивать', 'подтягивать' + афф. -та/-ра).

Видимо, синкретичной являлась не только тюркская праформа, но и алтайская. Так, В. И. Цинциус, этимологизируя монгольское редупликационное слово *гэргэй* 'жена', сближает п.-мо., калм., монгор. *гег*, монг., бур. *гэр*, даг. *гэр'и* < *гэр 'юрта', 'дом', 'жилище', 'домашний очаг', 'семья' и др.-т. *кег-* 'растягивать, натягивать', алт. *кер-*, башк. *кир-*, тат. *киер-*, тур. *гег-*, туркм. *гер-*, тув. *хер-*, чув. *хар-* 'растягивать', 'натягивать', 'распяливать', чув. *чатар кар-* 'разбить палатку'; сюда же относятся как производные от этого корня: др.-т. *кегэгү* 'шатер', 'юрта', *кегин* 'ковер', *кегик* 'растянутый', тат. *кирэг* 'каркас кочевой юрты из деревянных решеток или жердей', туркм. *гереге* (*уст.*) 'вьюк из разобранный кибитки и домашней утвари', 'ковер', 'одеяло' (которое кладут на верблюжье седло), тат. *киергеч*, башк. *киргес*, чув. *каркас* 'пальцы', также 'пяло' (для растягивания и просушки шкур) и т. д. «Имея в виду соответствие монг. *г-*/тюрк. *к-* (~ *г-*), мы можем высказать предположение, что тюрк. *кер-* 'растягивать' < **гэр-*, т. е. что в звуковом отношении оно идентично монг. *гэр* 'юрта' и что, по-видимому, оба эти слова — и тюркский глагол и монгольское существительное — восходят к одному корню **гэр-* с глагольно-именной семантикой 'растягивать' ~ 'ставить юрту' — 'юрта'. В таком случае монг. *гэр-гэй* этимологизируется как 'та, которая ставит юрту'» (ОСЛАЯ 7, 12—13 и др.).

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 327: алт. **k'ägΛ-* или **k'egΛ-* 'привязывать, обматывать' ~ урал. **kägΛ-* 'связывать' ~ и.-е. **кег-* 'связывать' ~ картв. **каг-/кг* 'связывать'.

*küz

Сравнивая т.-ма. **хүрү-* ~ **хүри-* 'дойти до готовности', 'поспеть', 'созреть', эвенк., эвен. *ир-(и)-*, маньчж. *урэ-*, нан. *хүрү-* 'поспеть', 'созреть', 'свариться', монг. **күр(и)-* ~ **күр(ү)-* 'достигать', 'доходить', 'касаться', монг., бур. *хүрэ-* 'достигать', 'доходить', 'доезжать', 'касаться', с одной стороны, и тюрк. *күр'и* 'осень' ~ *күр(е)*

'обильный', тюрк. *küz/küz, чув. kĕg 'осень', кирг. күг 'тучный', др.-т. күз, туркм. gūjz 'осень', gūg(e) 'густой', с другой, В. И. Цициус пишет: «В связи с неожиданным «поворотом» значения в тюркских языках отметим прежде всего то, что, с нашей точки зрения, правомерность сопоставления тюркского 'осень' с тунгусо-маньчжурским 'созреть' в семантическом отношении приобретает дополнительно доказательный характер по аналогии со сходным случаем из тематической группы «времена года» в языках алтайской общности. Мы имеем в виду предложенную нами этимологию общетунгусо-маньчжурского наименования осени боло 'осень', 'осенью', 'наступить осени' при помощи тюрко-монгольского глагола *бол(о) - с ведущим в этих языках значением 'становиться', 'делаться', 'быть'» (ИЭАЯ 12—14).

Итак, если вышеприведенное сближение соответствует действительности, мы имеем глагольно-именную пару, компоненты которой бытуют в разных языках алтайской семьи, что свидетельствует о древности данной формы.

*qar

О староосм. qar-/qara- 'проклинать' см.: Rossi 345, 346. — В кн.: САГ 445; ср. шор., саг., койб. qīg- 'кричать, звать' ⇔ оноματοпозт. ġar 'подражание крику, зову', редупликационное ġarġar 'крикун', 'болтун', 'сплетник' (Дмитриев СТЯ 76); тюрк. qarqa-/qīqqa- 'проклинать, ругать, бранить, клясть' (ДТС 426, 445), «по-видимому, от корня подражательного происхождения» (САГ 243).

Ср. qar:q 'гнев, проклятие' < араб. قهر qarh, как у Н. К. Дмитриева (ИСГТЯ I, 201; РСл II, 132); а также qar 'бесчестная женщина', qarq (< غر) 'женщина, не пользующаяся хорошей репутацией' (РСл II, 1539; БСл II, 8); qar в قار بشه 'ругательное бранное выражение, относящееся к девочкам' (БСл II, 8, 49), последнее, по мнению Л. З. Будагова, произошло из перс. خر بچه 'осленок' (Там же).

Ср. общеиранский и общеиндоевропейский корень *gar-/geg- 'взывать, кричать' (и осет. qœg/ġœg 'крик'), гот. kaga 'скорбь', др.-в.-нем. kaga 'причитание' и др.-сев. кога-, норв. kjœga-, швед. kâga- 'взывать к справедливости', 'жаловаться' (Абаев СЕИ 24—25).

Все эти слова восходят к подражательным формам и могли образоваться в разноструктурных языках независимо друг от друга. Некоторое сходство форм поэтому может быть случайным — в результате близости передаваемых звуков.

*qīl- ⇔ *qīš

В. И. Цинциус на основе анализа тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языков устанавливает лексико-семантическую модель для тунгусо-маньчжурского *тугэ* 'наступить зиме' ⇔ 'зима'; ср. в тюрк. *tūge- ~ *tūke- 'завершаться', 'кончаться', 'иссякать', монг. *tūge- ~ *tūgū- 'распространяться' (как гомогенные) и т. д. Учитывая эту этимологию, ученый по аналогии предполагает возможность наличия в одном из алтайских языков глагольного коррелята для тюрк. qīš 'зима' < '*завершение годовичного цикла в природе'. Фоно-семантически, по мнению В. И. Цинциус, в данном случае вполне подходяща ламбдаическая форма — тюркский глагол *qīl- 'делать', консервирующий в себе значение базового или базисного алтайского глагола *qī- 'делать', 'создавать', 'совершать', ср. т.-ма. *ki- 'делать, совершать', монг. *qī- > *ki- то же (ИЭАЯ, с. 14—17).

Критику реконструкции рассматриваемой нами основы А. А. Зайончковским в форме qī- (СГ) 'делать' см. в кн.: БМ 142. Кроме того, следует заметить, что значение "завершение" мог иметь и корневой коррелят к тюрк. qīl- 'делать', так как система значений аффирированных форм сложилась задолго до появления агглютинации и лишь позднее была закреплена морфологически.

*lap

Казах. lap в lap et- 'вспыхнуть' и в тех же значениях ĩp et-/lav et-, lapılda- 'гореть, пламенеть', lap в туркм. оноματοпозг. lap-ıg lup-ıg 'блеск', 'сияние' (Дмитриев СТЯ 105); lap-ıl-la-maq 'вспыхивать' (Там же, 107) и т. п. ср. с *lap-, к которому возводятся осет. loefınoe 'яркий луч', 'яркий свет', литов. lóre 'свет', латыш. lāra 'факел', др.-прусс. lopis 'пламя', хетт. lap- 'пылать', lap-ra 'яркий' (Абаев СЕИ 16). В данном случае сходство может быть случайным. Близость мимем можно объяснить единым (сходным) источником для подражания.

Плавный l в казах. lap (подражание воспламене-

нию), lav-lav (образное представление об играющем язычке пламени) и т. п. закономерен в словах, выражающих подражание световым явлениям, блеску, воспламенению и т. д.⁵⁸

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 341 (метатетическая связь?): урал. *pa'l'a- 'гореть, мерзнуть' ~ драв. *pa'l- 'сверкать' ~ и.-е. *(s)peI- 'пылать, сверкать'.

* (p) üg

О тюркском синкретичном корне *ug 'зерно', 'семя' ⇔ *ug- 'приносить потомство', 'оплодотворять', 'зачать', 'рожать' из многочисленных производных образований см.: ЭСТЯ I, 603, 604, 605—606. Анализируя данные тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, В. И. Цинциус реконструирует алтайскую праформу *rüge с глагольно-именной семантикой "плод(иться)" ⇔ "дита (производить детенышей)", прилагая к ней соответствующую сводку форм из этих языков (ОСЛАЯ 52—59).

Казах. ügüm (ügüm-butaq), ugum (в посл. uluq ugumya, qiziñ qigimya), uquq, по мнению Ш. Ш. Сарыбаева, го-могенны монг. üg 'потомство', 'род', üg в близких значениях у Абу-Хайяна и др. Однако, учитывая отглагольный характер аффикса -im/-im (что вполне правомерно), ученый считает этимологию ügüm < üg небезупречной, отмечая возможность арабского заимствования (КТКЭС 205—206). С. К. Кенесбаев идет еще дальше, объясняя происхождение ugum и qigim в этой пословице соответственно от названия Византии ugum/ügüm и qigim как подражательное по отношению к ugum (Сөз өнері 1978, 61), хотя ранее автором предлагалась другая этимология: ugum/ügüm означает "потомство", "поколение" в пословице uluq ugumya qiziñ qigimya, которую без ущерба для ее семантики можно представить в виде uluq össö — ugraıya, tuquıya, qiziñ össö — šetke, alısqa 'сын (растет/вырастает) — для продолжения рода, дочь — для (чужой) далекой стороны, чужбины'. Вышеприведенная пословица синонимична uluqdu uya qondur, qiziñdi qıya qondur (Кенесбаев Ф 542—543). Значение "пропасть", "исчезнуть", "погибнуть" в ugumya ketiv, воз-

⁵⁸ Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 377.

можно, более позднее, развившееся вследствие переосмысления первой части пословицы, происшедшего в результате семантического сдвига (забвения реального значения слова Крым): *qizip qigitua* "отдать дочь в другие, чужие, отдаленные земли" развилось в "потерять дочь", которое постепенно приобрело отрицательный оттенок (қарғыс).

О значении и этимологии *qigit* в казахском языке см.: *Сыздыкова Р. Ф.* Абай шығармаларының тілі. Алматы, 1968, 141—142-б.

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 340: алт. **r'ögA-* или **r'ügA-* 'рождать', 'потомство' (эвенк. *higü* 'семья', нанай. *rigi-* 'рождать', монг. *üge* 'ребенок') ~ урал. **regA-* 'родственник' ~ драв. **reg-* 'рождать, получать' ~ и.-е. **reg-* 'рождать, высиживать птенцов' ~ с.-х. **rg-* 'плодоносить, всходить'; 'молодое существо'.

Гипотетичные синкретичные корни

При изучении глагольно-именной корреляции тюркских корней-основ недостаточно ограничиваться исследованием бытующих в тюркских языках как самостоятельные корневые морфемы синкретичных корней или несомненными морфологически установленными парами. Важным аспектом исследования тюркского омоморфизма является выделение гипотетических синкретичных корней или выявление тех или иных возможных направлений их обнаружения, которые в процессе дальнейшей реконструкции могут быть или подтверждены или опровергнуты. Иногда нам приходилось выдвигать несколько версий, из которых может быть принята только одна. В других глагольно-именных основах-корнях несколько реконструкций взаимно дополняют и укрепляют друг друга, по-разному воссоздавая глагольный или именной корреляты исторически единых омонимов.

До сих пор актуально высказывание Г. Вамбери о том, что «этимологическое представление турко-татарских языков, основанное на сравнительном языкознании, ввиду удобопонятности предмета, с одной стороны, не так трудно, как подобное предприятие в области арийских или семитских языков, но, с другой стороны, сопряжено с большими опасностями, так как частое и слиш-

ком большое сходство коренных звуков на весьма скользком пути этимологизации может ввести в такие ошибки, которых при более сложных и не так удобопонятных языках можно легче избежать уже потому, что здесь случаев обманчивой аналогии гораздо менее...» (Vámbégu. Предисловие, с. 1).

Так, Э. Н. Наджип следующим образом трактует несколько омонимов: «В тюркских языках есть три глагола с основой *ит-*, разные по значению. Совпадение только формальное. Эти глаголы имеют следующие значения: 1) 'толкать', 2) 'точить', 'сделать острым' и 3) 'исчезать'. Восходят ли эти значения к одному общему, это вопрос сложный и требует дополнительного исследования. Однако некоторые примеры, встречающиеся в исторических словарях, нас наталкивают на мысль, что значения 'толкать' и 'исчезать' все же восходят к одному: ...*ит-* 'колебать', *итин-* 'рваться вперед'; ... *اٲماك* *итмак*, как и в ряде совр. тюрк. яз., 'толкать'...; нам представляется, что в следующем примере совпадают и значения: *منك يوزدين اٲلن* *mäniñ йуздин итлин* 'исчезай с моих глаз'. Поэтому мы думаем, что значения 'толкать', 'колебать', 'исчезать', по-видимому, являются разными значениями одного и того же многозначного глагола» (Наджип I, 391—392). По мнению ученого, Л. З. Будагов в своем словаре «правильно дает *ит-* в трех словарных статьях: в первых двух *اٲتمك* *итмак* 'идти прочь', 'погонять', 'двигать', 'толкнуть' и *اٲتمك* с вариантом *يتمك* *йитмак* 'пропасть', 'теряться', 'скрыться» (Там же, 392).

Ср. совр. казах. *ijter-* 'толкать', *ijtin-* 'рваться вперед' и *zit-* 'теряться, пропадать' (ҚТС 1979, 344), которые позволяют нам сделать два предположения: 1) *it-* 'толкать' < *ijt-* 'толкать' или 2) *it-* ~ *ij-* [в казах. *ijt-* (в *ijter-*)] 'толкать'; далее в казах. *ij-* (~ *it-*) 'толкать' + афф. побуд. *-t-* = *ijt-*; и, наконец, в дальнейшем развитии, по-видимому, в результате десемантизации побудительности в *ijt-*, возникла необходимость повторногоращения показателя побуд.: *ijt-* 'толкать' + афф. побуд. *-er-/ir-* (< *-ter-/tir-*) = совр. казах. *ijter-*. Однако нельзя исключать и членение казах. *ijter-* < *ij-* + *-ter-*, против чего, кажется, сигнализирует форма *ijtin-*. Мож-

но было бы привести множество подобных примеров. Гипотетичность выявляемого синкретизма может быть следствием не только морфологической, структурной неясности форм, но и скудости лексических данных по известным нам лексикографическим трудам.

В разряд гипотетичных корней мы относили также синкретичные пары, глагольно-именной характер которых устанавливался нами в результате анализа дериватов. Основным принципом выделения глагольно-именных моносиллабов сравнительным, морфолого-этимологическим путем является помодельный анализ, предложенный Э. В. Севортяном, суть которого заключается в рассмотрении значений аффиксов и их реализации в зависимости от лексических разрядов основ, изучении морфолого-семантического состава производного слова и его отношения к исходной основе-корню. Подробней об этом способе изучения словообразовательных явлений по их моделям см.: Севортян ПС 6—10; содержательно представлена реализация этого способа в материалах ЭСТЯ и др.

Приведем несколько примеров.

*at

Тюркское *at* 'лошадь', как известно, соответствующих глагольных параллелей не обнаруживает. Ср. сводки форм в ИСГТЯ I или Clauson ED 33 и др. Однако материалы ЭСТЯ и некоторые другие позволяют наметить несколько направлений возможных поисков глагольного коррелята общетюркского *at*.

С тюрк. *at* обычно сближают монгольское *adaγuγ* (Котвич 41, 72). Причем, кроме того, что монгольское *d* в середине слова обычно соответствует тюрк. *t* в конце слова, *d* в данной позиции и конечное *t* (ЩФ 101) близки по звучанию. Известно, что еще Н. Н. Поппе тюркское *at* возводил к **akt* < **akta* 'мерин'. Однако, по мнению П. М. Мелиоранского, здесь мы имеем древний персизм в тюркских языках. «При этом П. М. Мелиоранский справедливо замечает, что первоначальное значение *axta* — 'выложенный', 'кастрированный', 'оскопленный' и что только впоследствии оно стало заключать в себе и представление о лошади вообще... Вместе с тем не исключены отдельные случаи глагольного восприятия

ахта, ср. у В. В. Радлова: кирг. *актаган ат* 'мерин' (РСЛ I, 116)» (ИРЛТЯ 86—87). Таким образом, можно говорить о реальности глагольно-именных омонимов *ақта-* и *ақта*, что, в свою очередь, дает нам возможность предположить такое же качество их корней, пока только исходя из чисто морфологических соображений, нуждающихся в подтверждении.

Восстанавливая алтайскую праформу рассматриваемого нами слова в виде *agdayūn, К. А. Новикова исходила из того, «что наиболее архаичной из приведенных алтайских форм является эвенкское *агдү*, сохранившее в первом слоге согласный *г*. В тюркских языках этот согласный обнаруживается в тувинской форме слова *ат* 'лошадь' — *аът* < *агт, так как предполагается, что фарингализованный гласный *аъ* в ней получил свое качество от вылавшего *г*... По замечанию С. Е. Малова в языке желтых уйгуров слово *ат* 'лошадь' произносится как *ахт*... Следовательно, тюрк. *ат* < *агда. Мнение некоторых тюркологов о том, что краткий *а* в тюрк. *ат* 'лошадь' всегда был чистым кратким, а тувинская фарингализация — позднее явление, по всей вероятности, ошибочно»... (ОСЛАЯ 108—109).

Тем не менее, по мнению С. Е. Малова, в языке желтых уйгуров не только «слово *ат* 'лошадь' произносится с сильным придыханием, как бы *ахт*», но «все сильные звуки произносятся с явственным придыханием, т. е. с инкурсией (приступом) и рекурсией (отступом)» (Малов СЮ 163). Это значительно ослабляет версию К. А. Новиковой, которая считает, что согласные *k ~ g ~ q* в *аqt(a)* — реликт персидского источника или элемент праформы. С другой стороны, положение А. М. Щербака о том, что «гласный *а* в слове *ат* всегда был чистым кратким» (ИРЛТЯ 83), видимо, вполне реально. Возвращаясь к глагольно-именным омонимам *ақта-* ⇔ *ақта* в тюркских языках (см. выше), отметим, что подобную же картину мы имеем в т.-ма. языках: *хақта/ақта* 'кастрированный олень' ⇔ *хақта-/ақта-* 'кастрировать' (ИЭАЯ 91, 93, 94). Связь значений 'холощенный конь', 'мерин' > 'лошадь (ездовая)' представляется нам вполне возможной. Известно, что наиболее пригодными к верховой езде или езде в упряжке (более послушными, спокойными) являются кастрированные лошади, а не жеребцы. Ср. в

казахском героическом эпосе «Қобланды батыр» (как и во многих других) кастрацию боевого коня Бурыла как необходимый момент в подготовке богатырского коня:

v
zuvandap mojunu össün dep,
v
bir bajtalğa ziberdi,
bestisinde üjröttü.
v
Zibek arqan qulastap,
v
Taralıp mojunu össün dep,
uzun bajlap süjröttü.
v
Altı zasta aqtattı.
v
Özünü ölsöp buvrulduñ
altınnan turman qaqtattı⁵⁹.

С *aqta* ⇔ *aqta* в тюркских языках можно сравнить глагольный корень **at-* 'холостить', этимологически выделяемый Э. В. Севортьяном (ЭСТЯ I, 202—203) и сравниваемый им с алт., казах., кирг. *at* 'легченый жеребец', 'мерин' (РСл I, 441), як. *at* 'легченый жеребец, кастрированный самец' (П I, 195) и др. На основании анализа древних и современных значений данного слова А. М. Щербак установил, что значение 'мерин' в тюрк. *at* предшествует видовому значению 'лошадь' (ИРЛТЯ 83). Таким образом, можно говорить о реальности коррелятивной пары *at-* 'холостить' ⇔ *at* 'мерин', семантически соответствующей *aqta* ⇔ *aqta*.

Существуют несколько иные направления этимологизации *at* 'лошадь'. Так, тур. *atla-* 'бросаться', 'прыгать', 'скакать', 'соскакивать', 'перепрыгивать', по мнению Э. В. Севортьяна, образовано от *at* 'конь' + афф. *-la-* с общим значением "вскакивать на коня" (ЭСТЯ I, 203, 322). С другой стороны, значения 'вскакивать', 'соскакивать' тюркского *atлық-* «позволяют допустить в качестве производящей основы *at* 'конь'. Однако аффиксы типа *-лық-*, *-лын-* и т. д. с медиальным значением не образуют глаголов непосредственно от имен» (Там же, с. 204). Именно потому, что в тюркских языках неизвестен глагол, коррелятивный с именем *at* 'лошадь', Э. В. Севортьян возводит данное слово к омонимическому глаголу *at-* 'бросать, кидать' (Там же). Нельзя ли предположить, что данное слово находится в комплексной связи

⁵⁹ Батырлар жыры. Алматы, 1963, т. 1, 37-6.

с синкретичным корнем *at(/*aj/*az/...) 'шагать', 'идти' ⇔ 'шаг'? Или более оправданно продолжить поиски в направлении обнаружения или восстановления (как в *атлық*-?) глагольного корня в значении "вскакивать на коня"?

Во всяком случае указания на некоторый глагольный корень встречаются в определенных источниках. Так, в *أطمق* 'имеющий лошадь' (ср. *طونمق* 'имеющий одежду') аффикс *مق* сближается П. М. Мелиоранским с отыменным *لغ ~ لق* и объясняется как его диалектная разновидность (АФТ 013, 048). Э. В. Севортян в *topnik* 'одетый', так же, как и в *topap*, усматривает глагольный корень *top-* (САГ 415). Учитывая все это, а также гипотетичность древнедиалектного *-mīq ~ -līq*, следует предположить наличие глагольного корня *at-* в *atlīq*.

Таким образом, следует все же признать значения 'холостить' ⇔ 'мерин' > 'лошадь' (ездовая) древнейшими и основными. Другие значения, если подтвердится их реальность, могли выработаться по словообразовательной модели "имя — глагол" позже.

*baq

Тюрк. *baq-/baγ-/waq-/paq-/...* 'смотреть' (см. полный перечень форм в ЭСТЯ II, 38—40), а также *baγ-* в *baγqa-* 'следить', 'наблюдать', 'замечать', 'быть осторожным', казалось бы, не обнаруживает в тюркских языках соответствующей омоформы в именном значении.

Интересна этимология Е. Д. Турсунова тюркского слова *baqǝi* 'шаман', 'знахарь', 'учитель', 'наставник'. Оспаривая общепринятое мнение о том, что это слово является санскритизмом или китаизмом (см., например: ДТС 82; Малов II 368; Кононов РТ 93), автор находит убедительные аргументы в пользу исконно тюркского происхождения слова. Так, приводятся синонимичные слова/термины с аналогичными значениями «предсказатель», «знахарь», производные от именных основ с корнями *köz*, *kör-*, *baq-* в значении «наблюдать», «смотреть», «видеть»: др.-т. *kögütǝi* 'провидец' (ДТС 319), шор. *kös-mökči*, башк. *шайтан күрәзә*, тат. *күремче*, *күрәзәче*, *күрәзә*, а также тат. *бағуче*, ср. эвенк. *ичэримни* 'шаман' < *ичэ-* 'смотреть' и т. д., с одной стороны, и много-

численные обороты и словосочетания, бытующие в тюркских языках, типа казах. *кесел бағу* 'лечить', 'врачевать', букв. 'смотреть / наблюдать / видеть / присматривать (за) / стеречь болезнь / недуг' и т. п., свидетельствующие о том, что понятия «врачевание», «пророчество» связаны издревле у тюрков с понятиями «видеть / присматривать (за) / наблюдать» (будущее, болезнь) ⁶⁰.

Пока трудно однозначно ответить на вопрос — имя или глагол *baq* в *baqđı*, если предположить его тюркское происхождение. Науке известны случаи образования с афф. -*đı* существительных непосредственно от глагольных основ (САИ 83; ЭСТЯ I, 482), хотя «следует заметить, что специалисты для подобных существительных допускают элизию показателя глагольного имени -*ы/-и*» [САИ 83 (№ 40)]. Возможно, в тур. *bakıcı* 'смотрящий', 'наблюдающий', 'предсказатель', 'гадалка' и *bakılamak* 'инспектировать', 'обследовать', 'ревизовать' (ТРС 91) мы имеем один корень — имя *bakı*. Если это подтвердится, то членение кирг. *baq-ала-*, кирг., казах., ккал., тув. *baq-ыла-* 'наблюдать' (ЭСТЯ I, 40) следует исправить на *baqa-ла-*, *baqы-ла-*. Однако возможность наличия именной омоформы *baq* не следует полностью исключать. Ср. хак. *пахла-* 'наблюдать', 'выглядывать' и *بكل* *bäklä-* 'сторожить', 'беречь' (АФТ 081) (ср. значения казах. *baq-* 'присматривать', 'пасти', 'наблюдать' и 'подкарауливать', 'подстергать', 'поджидать'). В ЭСТЯ I, 119—120 *beglä-* 'оберегать' (ДТС 92) возводится, по-видимому, к *bek* 'крепкий' и т. д., хотя здесь возможна также контаминация с *baq/bäk* вследствие частичной семантической близости (перекрещивающихся значений), ср. тур. диал. *bek* 'ожидание', 'поджидание' ⇔ *bek-* 'поджидать' (ЭСТЯ II, 120).

Кроме *baq-*, по-видимому, исторически реальна (для казахского языка) форма *bıq-*, ср. казах. диал. *bıqraу = miz baqraу, elemev* ⁶¹.

⁶⁰ Тұрсынов Е. Д. Қазақ ауыз әдебиетін жасаушылардың байырғы өкілдері. Алматы, 1976, 46—51-б.

⁶¹ Сарыбаев Ш. Ш. Семей облысы Мақаншы ауданында тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер туралы.— Қазақ тіл білімі мәселелері: Тіл мен әдебиет институтының еңбектері. Алматы, 1959, т. 1, 43-б.

*ġir

Др.-т. ġir 'прут, тонкая ветвь' (ДТС 150) может иметь свой глагольный омоним в др.-т. ġibiq/ġibuiq 'прут, тонкая гибкая ветвь', 'стебель' (Там же, 147, 156), известном также и в современных тюркских языках, которое может быть только отглагольным образованием (САИ 200—216; ДТС 660). Возможно, др.-т. ġör 'кусочек' (ДТС 155) находится в комплексной связи с 'прут', 'ветвь' < *'часть', 'раздел' (?). Интересно отметить, что общетюрк. biġ- 'резать', 'рубить', 'разделять' семасиологически, казалось бы, соответствует др.-т. ġir 'прут', 'ветвь' (как его именному корреляту), что позволяет предположить и формальную связь — метатетическое происхождение последнего слова: ġir < riġ ⇔ riġ-. Однако данная гипотеза страдает умозрительностью и нуждается в дополнительных аргументах.

*el

О глагольном корреляте к тюрк. el 'рука' см. в ЭСТЯ I, 261, 264, где el- выделяется из производных и где «глагольный корень el- нуждается еще в дополнительных подтверждениях» (Там же, 261).

Несомненно, глагол el- мы имеем в ног. eltir- 'заставить принести' (Баскаков Н 242), наращенном афф. побуд. -dir-/tir-.

Также можно привлечь в перечень сопоставляемых форм глагол al-/äi-/il-/il- 'брать', где äi- является небной параллелью к al-, а не образована в результате фонетической эволюции (см. об этом: ЭСТЯ I, 127—128). В свою очередь, тюрк. il/el/äl/al/alā/alī 'кисть руки', 'рука' (Исхаков Опыт 35—36; ИСГТЯ I, 87—88 и др.) сохраняет форму al 'рука' в некоторых производных. Так, в алт., казах., ккалп., кирг. алақан, уйг. алиқан, чув. алтупанё в значении "ладонь" ал, по мнению Ф. Г. Исхакова, является фонетическим вариантом эл 'рука' (Исхаков Опыт 21).

С другой стороны, наличие синкретичной основы el/äi/... подтверждается глагольно-именным характером ее дериватов: الت ält- 'вести' ⇔ имя ält из الت بر ält ber- 'вести' (САГ 366); elt- и elt ber- 'вести', 'водить', 'доводить', 'проводить' (Курышжанов III). Ср. др.-т. elät- 'тащить', 'нести'/elit- 'вести', 'уводить'/elt- 'нести',

'тащить', 'вести', 'вынести', 'тянуть' (ДТС 169, 171; Айдаров 356 и др.). Анализ этимологии Л. З. Будагова, возводившего данный глагол к древнему *ий-* 'идти', 'шестьствовать', см.: Наджип I, 441—442. Ближе всех к реальному положению, как нам кажется, подходил Г. И. Рамстедт: тюрк. *el*, чув. *al* 'рука' > тюрк. *ilt-* (где формант *-t-* = *-la-/-ta-*, по мнению автора, с чем трудно согласиться), *elt-* 'приносить', 'руководить'; ср. тунг. *elge-*

'вести, руководить' (Рамстедт 175), хотя с морфологической точки зрения более правомерно предположить здесь глагольный корень *el-/il-* + афф. побуд. *-t-*. В любом случае отмеченное совпадение *elt-* ↔ *elt* должно восприниматься как образованное от *el* 'рука' ↔ *el-*.

Это подкрепляется образованиями типа *qolt-* 'водить' (РСл II, 595) от глагола или синкретичной основы *qol. Примечателен глагол *el-* 'работать' (тур. диал.), причем «более вероятно видеть в этом глаголе омоним к *el* 'рука'» (ЭСТЯ I, 248).

*jul

Наряду с тур., тат. *يولماق* *jolmaq*, алт. *jul-*, кирг. (= казах.) *جول* *žul-* 'выщипывать', 'выдергивать' (волосы, перья; траву и пр.) в БСл II, 383 регистрируется алт. *يولدا* *julda-* 'очистить кору с дерева', 'скоблить'. Последняя форма может быть как и учащательной отглагольной, так и отыменной формой с афф. *-la-/-ta-*. В пользу того, что общетюрк. *jul-/žul-* 'выдергивать', 'выщипывать', 'ощипывать', 'отнимать', 'захватывать' (ДТС 271, 277; РСл IV, 169 и т. д.) имеет именную омоформу, свидетельствуют «распространения» типа гагауз. *jola-*, тур. *üylü-* при общеизвестных моносиллабических образованиях в тех же значениях (САГ 435, 444) и уйг. *жул* в *жул-жул* потрепанный, ср. казах. (отглагольные) *алма-жулма*, *жулым-жулым* и т. п.

*köt

Г. Вамбери объединял как этимологически единые тюрк. *kat/ket* 'назад, задом' и *katmek/kitmek* 'идти назад' (Vámbergу Предисловие XIII).

Об общетюрк. *ket-/kät-/kit-* 'идти, идти прочь', 'уходить'; 'уйти', 'уехать', 'удалиться' и др. см.: РСл II,

1126—1127, 1374; Аширалиев 39; *Тенишев Э. Р.* Глаголы движения в тюркских языках. — В кн.: ИРЛТЯ, с. 249 и т. д. Ср. *kät/ked/ket* 'зад, конец', 'задняя часть', 'позади' (РСл II, 1125; ДТС 292, 303) и мн. др. при общеизвестном *köt* в том же значении. Следует заметить, что, несмотря на формальное совпадение форм имени и глагола, мы, возможно, имеем здесь дело с исконными омонимами или же, если есть смысл хотя бы чисто теоретически (семасиологически) допускать связь между этими словами, процесс лексикализации, по всей вероятности, завершился в них в отдаленнейшие дописьменные эпохи, закрепив *-e-* и *-ö-*признаки за разными частями речи.

Тем не менее поиски глагольного коррелята должны продолжаться. Можно ли привлечь сюда качин. и уйг. диал. (кашгар.) *köt-* 'наказывать палками', 'наносить побои' (РСл II, 1275; БСл II, 144), которое мы имеем в тур., аз. *kötek* 'палка', 'наказание', 'побои палками', 'палочный удар' (БСл II, 144; ТРС 568 и др.)? Ср. вышеуказанный глагол с общетюрк. *köt/küt/ked/qob* 'зад', 'задняя часть', 'базис', 'основание', 'вниз', 'внизу' (РСл II, 1275, 1480; БСл II, 143; ДТС 319, 392, 303; Боровков 210 и др.) Монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели см.: *Колесникова В. Д.* Названия частей тела человека в алтайских языках. — В кн.: ОСЛАЯ, с. 101—103; *Дмитриев Н. К.* Соответствие Р//Д//Т//З//И. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 328.

Старейшей формой, может быть, следует считать *قوناك qoŋ* 'толстое мясо на бедре (у животного)' (РСл II, 520; БСл II, 86); *qıŋ* 'задний проход' (РСл II, 899).

Ср. совпадения производных типа *qıŋsu-* 'вонять', 'иметь дурной запах' ⇔ *qıŋsu* 'дурной запах', 'вонь' (РСл II, 901); *kädäg-* 'удалить, увести' ⇔ *kedäg* 'в сторону' (РСл II, 1134 и др.), а также у Иллича-Свитыча ССН 322, 325, 333: алт. *gedä 'задняя сторона, затылок' ~ и.-е. **ghed-* 'задняя часть, сассаге'; алт. **k'udu* 'хвост' ~ картв. *kud 'хвост'.

*kür

А. М. Щербак приводит два корня, которые по своей семантике могли бы быть глагольно-именными омонимами: **kür-* 'возбуждаться, подниматься, напрягаться' и

*kūg (или küg) 'храбрый, отважный', 'сильный, крепкий', 'обильный' (ЩФ 195). В тюркских языках известно имя küg 'смелый, отважный', 'храбрый' (ДТС 328; Ибатов 122; ФЗ 330); kög 'храбрый, бодрый, тучный, жирный, богатый' (РСл II, 1329); а также küg в значениях 'жирный, бодрый', 'скорый, быстрый', 'упрямый' (РСл II, 1447 и т. д.). Все эти значения гомогенны и вторичны по отношению к ğüg 'подражание грохоту обвала', туркм. ономатопоэтическому ğur ğur 'гром' (Дмитриев СТЯ 81, 104); казах. ğüg в ğüg et- 'загремять, греметь'; 'громко, резко прозвучать (о грубом голосе)', ğüg-ğüg et- 'хрипеть, грубо звучать (о голосе, дыхании и т. п.)', 'грохотать', а также ğüg в аз. kürültü, тур. (gök) ğürültüsü, кирг. күркүгөө, казах. (kūnnūŋ) kūrükürövü 'гром' (Исхаков Опыт 54—55; САГ 217; Дмитриев СТЯ 65) и мн. др. О тюрк. qug/küg с понятийным значением "сильный", "мощный", "полный", "обильный", "густой", "звучный", восходящим к подражательному слову, см.: САГ 196.

Э. В. Севортян считал, что из чув. kēgmeš- 'возиться', 'бороться' выявляется исторически реальный глагольный корень kūg-, значение которого пока не установлено (САГ 354). Ср. др.-т. kūgmät 'смелый, горячий, задиристый', морфемный состав которого не ясен (ДТС 329) (заимствование?), а также käg- 'быть твердым, прочным, крепким', 'быть мужественным' (ФЗ 322).

Корнем распространенного глагольно-именного деривата kūrös-/küräš-/güres-/kuraš- 'бороться, сражаться' ⇔ kūrös/küräš-/güres-/kuraš 'борьба' (РСл II, 1329—1330, 1453, 1454 и т. д.) является, по мнению Э. В. Севортяна, тюрк. *kūg 'сильный', 'обильный', 'густой', 'громовой' (САГ 380).

*qut

Наряду с чаг., тат. قوت qut 'жизнь, счастье' (БСл II, 69) Л. З. Будагов регистрирует глагол قوتماق кутмакъ (от قوت ?) 'оставаться (долго жить?)' (Там же, 70). Как мы видим, автор предполагал связь глагола и имени, но к окончательному решению ввиду скудости сведений прийти не мог.

В известных нам словарях регистрируется только именная словоформа: qut 'счастье', 'жизненная сила',

'душа' (РСл II, 990—991); тур. *kut* 'доброе предзнаменование', 'счастье' (ГРС 577); др.-т. *qut* I 'душа', 'жизненная сила'; *qut* II 'счастье', 'благо', 'благодать', 'благополучие'; 'удача', 'успех', 'счастливый удел' (ДТС 471—472; Малов II 415; Боровков 219 и др.). Ср. каз. *köt* 'здоровье'; 'нормальное душевное и телесное состояние человека, каким оно должно быть', 'душевное равновесие' (РСл II, 681 и т. д.).

Ср. также как возможный гомогенный глагольный коррелят тюрк. ит- 'выигрывать', 'выиграть', 'победить', 'быть в выигрыше' (?).

*qiz

Среди примеров слов в современном каракалпакском языке, которые «семантически настолько разошлись в своем значении, что единство их в современном языке уже не ощущается, и они рассматриваются как омонимы, хотя генетически, может быть, и являются общими между собою», Н. А. Баскаков приводит ккалп. *kъыз* 'гореть, набирать жар' и *kъыз* 'девушка' (Баскаков КЯ 312).

Приводя этимологии слова *qiz* 'девушка', представляющие данное слово то как китаизм (В. Д. Аракин, В. А. Панов, И. Бичурин), то как армянизм (Pedersen, Kuhns Zeitsch), Н. Карашева это слово сближает с тюрк. *qiz* 'сверкающее, блестящее' (КТКЭС 134). Однако данные сближения не совсем надежны с семасиологической стороны. Необходимо восстановить переходные значения от "нагреваться" ⇌ "горячий", "красный" к "девушка", хотя бы чисто теоретически.

В этом плане интересно ср.-т. *qiz* 'дорогой', 'ценный', 'дороговизна' (АФТ 0105; ФЗ 340). Ср. также *qis* в др.-т. *qisi* 'жена' и *qis* в том же значении (ДТС 310).

Долгота в туркм. *gīz* 'девочка', 'девушка' по сравнению с *giz*- 'нагреваться', 'разгорячаться', по мнению Н. К. Дмитриева, имеет фонематическое значение (ИСГТЯ I, с. 184), ср. як. *qīis* 'девушка' (Там же, 192). О формах слова *qiz/kiz/qis/xēr*/... 'дочь, девица' см.: РСл II, 800—801, 818—819, 875; Дмитриев Н. К. Соответствие Р//З. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 323 и т. д.

И, наконец, ср. *qis/qiz* в тюрк. *qisg* 'яловая (о самках животных)', 'еще не приносящая приплода (сам-

ка)'; qizıraq/qisıraq 'молодая, еще не жеребившаяся кобыла, только что пущенная в косяк', qisırav- 'быть яловой' (АФТ 059; Рясянен 49; КТС 1961, 111 и мн. др.).

См. отдельно: qiz- 'нагреваться' ⇔ qiz 'горячий'.

*min

Тюрк. bin-/min-/mün-/mün-/mün-/... 'подниматься', 'восходить', 'всходить, подниматься в гору', 'взбираться'; (>) 'садиться верхом, садиться' (ДТС 100, 340, 344, 353; Ибатов 157, 158; Рясянен 56, 58, 147—148; Аширалиев 40); сюда же относится др.-т. mön- 'становиться на дыбы, вскидывать зад (о лошади)' (ДТС 346), ср. казах. töñkü- 'вздыматься', 'бросаться', 'шарахаться (о необъезженной лошади)'; *перен.* 'сердиться, заупрямиться' и т. д.

Этот глагол явных именных параллелей в тюркских языках не обнаруживает. Э. В. Севортян включал его в перечень глаголов, в которых заметны следы древнего комплексного обозначения, что дает возможность предположить наличие именного коррелята, характерного для первичной комплексности, в большинстве случаев отраженной в грамматической и даже лексической диффузности корней-основ (САГ 429).

Г. Вамбери устанавливал глагольно-именные параллели: meñtek/mintek 'подниматься' ⇔ tañ/teñ 'вверху, на' (Vámbéry Предисловие XIII). Ср. синкр. корень *voj (см. о возможных именных коррелятах: Там же).

*ot

Др.-т., тур. диал. и др. ota- 'лечить' < ot 'лекарство' (< *'лекарственная трава') + -a- (ЭСТЯ I, 482) в сравнении с отмеченными уже в древнейших текстах otači 'лекарь' (ДТС 373), тур. диал. otacı 'лекарь', аз. диал. otuju 'знаток' (возможно < 'лекарь', 'знающий лечебные травы') (ЭСТЯ I, 482, 483), консервирующими имя ota и т. п. формами, скорее сигнализируют о глагольно-именном характере основы *ot в ota- ⇔ ota, чем в пользу переаимствования из монгольского этого слова в форме ota. Об афф. -či см. ДТС 650 и др. Показательно, что глагольная основа ot- предполагается и в ЭСТЯ I, 483 (правда, только на основании анализа формы otuju).

См. также: САГ 14—15, 30, 210, 225; сводку форм: Исхаков Опыт 51 и др.

*saw

Сравнивая общетюрк. saw-/saу- 'дойть' с sawlıq/saу-lıq 'овцематка', 'дойное животное', 'дойный', А. М. Щербак справедливо замечал, что «дополнительным препятствием для сближения первой части слова *саулік* с глаголом *сау-* является невозможность образования отвлеченных имен существительных на *-лік*, *-лік* от глагольных основ» (ИРЛІТЯ 112). Там же (с. 113) синкретизм рассматриваемой основы подтверждается рядом фактов. Ср. др.-т. saу jaу 'коровье масло', возможно, также консервирующее в себе именной коррелят общетюркского глагола; подробнее о нем и его дериватах см.: ДТС 480; АФТ 094; Ибатов 178; РСл IV, 217, 260, 261; БСл I, 693—694 и др., а также: Дмитриев СТЯ 212; ИСГТЯ I, 200, 204, 266; Рясянен 64 и мн. др.

*tez

В списке общетюркских односложных слов в ШФ 197 приводится синкретичный корень *tās 'быстрый, быстро' ⇔ 'убегать'. Таким образом, сближаются тюрк. tāz-/tez-/tās-/des- (тув.) /tiz-/taг-(чув.) 'бежать, ходить, ступать', 'бегать', 'убегать'; 'удаляться', 'отстраняться' (ДТС 557, 564; Малов П 429; Айдаров 364; Батманов ЯЕП 59, 184; РСл III, 1097, 1103 и т. д.), с одной стороны, и tāz/tez/tās/tiz 'скорый', 'проворный', 'поспешный', 'живой', 'вдруг', 'неожиданно', 'скоро' и т. п. — с другой (РСл III, 1097, 1102; БСл I, 415; Ибатов 217 и мн. др.).

Др.-т. tärk С. Е. Малов считал одним из однородных вариантов tez: tärk 'быстро', алт. tür (БСл I, 807; РСл III, 1068), в новых языках tez, tiz (z//r) (Малов П, 429). Сюда же следует отнести др.-т. tärkin 'быстро', монг. türgen, тунг. türgän, як. türgen и казах. dürkün 'часто', 'го и дело', 'по временам'; тув. dürgen (Малов П, 429; а также см.: ДТС 554—555; Рясянен 57; ҚТҚЭС 70—71).

Учитывая положение о том, что основное значение корня-основы повторяется в дериватах, можно, исходя из др.-т. tezig 'быстрый', 'расторопный' (ДТС 558) и именного коррелята tez — تاز/تیز 'скорый', 'проворный'

(БСл I, 415), восстановить древнее исходное значение глагольного моносиллаба — "двигаться быстро" > "быстро передвигаться" > "быстро идти, ходить" > "бежать", "убегать"/"гнаться".

Ср. у Иллича-Свитыча ССН 316—317: алт. *t'ür 'быстрый, быстро двигаться' (эвенк. turku- 'прыгать', монг. түг 'быстро, сразу', уйг. түгчә то же) ~ урал. *tügкА 'быстрый, быстро двигаться' (эст. tögki- 'бежать рысцей', мар. tögүә- 'прыгать', манс. tüгex 'сразу, быстро') ~ и.-е. *tueg- 'быстрый, быстро двигаться' (др.-инд. tvágatē 'спешить', tugá- 'быстрый', др.-исл. rugja 'бежать, мчаться').

*tuv

В РСл III, 1421 слово tū 'яловый', 'не рождающий' сравнивается с глаголом tū- и тем самым подразумевает гомогенность вышеприведенного имени с общетюрк. tuv-/tuу-/tov-/toq-/toу-/tū- 'родиться', 'родить' (РСл III, 1144, 1145, 1158, 1422, 1430) (о tū-/du:- < *duğ- см.: Дмитриев СТЯ 212 и др.).

Ср. тунг., лам. tug-, tūw- 'выкинуть, не доносить до срока (о коровах)', гомогенное тюрк. toу- и др. 'родить, родиться' (Рясянен 101—102).

Учитывая последние данные, видимо, можно включить в этот ряд в качестве именных коррелятов казах. tuv 'яловая (кобыла, корова)', кар., тув. tuv 'выкидыш, аборт', 'недоносок', 'бесплодный', 'сирота' и производные типа tuvliq 'бездетный', 'неплодородность' (ср. РСл III, 1516 и мн. др.).

*tir

Совпадения дериватов типа туркм. dīri- 'быть живым' ⇔ dīgi 'живой'; др.-уйг., тар., кар. T., чаг. tirik 'имеющий жизнь', 'одушевленный', 'живой' ⇔ саг. tirik- 'оживить' (РСл III, 1368) и т. п., а также "распространенные" формы др.-т. tōgi- 'создавать, творить', tōgü- 'происходить', 'возникать', 'рождаться', 'появляться', 'рожать' (ДТС 581, 582); др.-уйг., тур., шор., саг., койб., качин., ком., кар. T. tōgä- 'родиться', 'жеребиться', 'ягниться' (РСл II!, 1251) наряду с др.-т. tir- 'проживать', 'жить' (ДТС 561), — все это позволяет нам предположить былой синкретизм моносиллаба *tir.

*tiz

Формы, означающие "колени", можно подразделить на две группы — «распространенные» или «удлиненные» образования и моносиллабические:

1) аз., тур. *diz*, кумык., узб., уйг. *tiz*, ног. *tiz*, тат. *tez*, хак. *tis*, туркм. *diz*;

2) алт., кирг., казах. *tize*, ккалп. *dize*, узб. *tizza*, уйг. *tizzä*, а также тув. *tiskek* — все со значением "колени".

«Слова *tiz*//... и *tize*//... несомненно, — варианты одного и того же слова... Тув. *tiskek* также является одним из вариантов этого же слова. Оно разложимо на корень *tis-* (< *tiz-*) и суффикс *-kek*» (Исхаков Опыт 17—18).

Вариант *tize* и тув. *tiskek* (ср. *eskek* 'весло' < *es-* 'гresti' + *-kek* ЭСТЯ I, 316) могут быть интерпретированы как отглагольные образования, хотя для утверждения этой версии данных все еще недостаточно.

*up

Как известно, общетюрк. *up* 'мука' своих глагольных коррелятов не обнаруживает. Древнейшее его значение "размельченный", "крошка", "порошок" восстанавливается из казах. *up-ta-* 'крошить', 'превратить в порошок', *up-ta-q* 'порошок', 'крошка'. Г. Вамбери считал это слово стяженной формой: *up* ~ *um* 'мука' < *ovum, *ogum (Vámbery Предисловие VI; Vámbery 46). Долгий гласный отмечен лишь в туркм. и узб. диал. (в обоих языках это, возможно, является результатом иноязычного влияния), что осложняет возможность стяжения, несмотря на то, что в туркм. имеется еще форма *uwip* 'мука'.

Л. З. Будагов сближал общетюрк. *oу-/ow-* непосредственно с *up* 'мука', хотя модификация *up-* до сих пор не обнаружена. Формы *upak/upaq*, по мнению некоторых ученых, есть результат контаминации *up* 'мука' (= "размельченный", "раздробленный") с *uvaq/uvaq*, хотя, по Э. В. Севортяну, *upaq* 'мелкий' < *up-paq* < *up-laq* 'мелко размолотый', 'мелкий' (ЭСТЯ I, 561). Однако, если принять такую этимологию, остается необъясненной форма *upaq*.

Видимо, можно (пока теоретически) предположить историческую реальность глагола *up-*, гомогенного *uw-/*

ov-/üg-/..., который так же, как и корень в оуиг/уиг 'судьба', 'счастье', 'благо', на основании семасиологической коррелятивности связывается с тюрк. оң в ЭСТЯ I, 565.

Ср. маньчжурское *ufa 'мука' ⇔ 'молоть' (Котвич 68); а также казах. ора, уйг. ура 'пудра' и т. п.

*üj

Трудно определить, какая из форм ev, öj, üj и т. п. со значением "дом" является наиболее распространенной (ЭСТЯ I, 47), что значительно осложняет этимологизирование данной лексемы. Г. Вамбери сближал это слово (ev) с oj- 'копать', 'выкапывать' ⇔ oj 'углубление', 'нора' (Vámbéry 43). С семасиологической точки зрения ср. т.-ма. žŷg (y), — одно из наиболее широко представленных названий жилища, которое «служит для передачи понятий не только жилья человека, но и жилья животных (нора, логовище, берлога и т. п.)» (Константинова 225). Следует признать, что семантическая филиация "жилище-берлога", характерная для ряда тунгусо-маньчжурских названий (Там же, 230 и др.), типична и для тюркских языков.

Известны случаи сближения этого слова с глаголом üj- 'сваливать/собирать/нагромождать в одно место/кучу'. Так, говоря о нерасчлененной категории имен-глаголов, к которой исторически восходят многие глаголы в тюркских языках, Н. А. Баскаков приводил среди примеров синкретизма ккалп. üj 'дом/собрать, собирать, складывать в кучу' (Баскаков КЯ 162, 178, 312, 390). Также объединял глагольные и именные üj 'дом' ⇔ üj- 'складывать' в узбекском языке А. Н. Кононов⁶².

Существуют и этимологии, представляющие это слово как заимствование⁶³. См. также этимологию Н. Карашевой в ҚТҚЭС 203—204 и мн. др. Несмотря на все это, вопрос о происхождении данного слова пока следует считать открытым.

⁶² Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, с. 245—246, 258.

⁶³ См., например: Поливанов Е. Д. К этимологии слова *yi*, *ei* — дом, юрта. — Труды лингвистического сектора Узбекского научно-исследовательского института культурного строительства. Ташкент, 1934, т. 1, вып. 2, где это слово возводится к кит. источнику.

*sač/čac

В списке общетюркских односложных основ А. М. Щербак объединяет в одну лексему *sač значения 'волосы' и 'разбрасывать', 'рассеивать', 'рассыпать' (ЩФ 196) (в казахском и других тюркских языках формы глагола и имени также совпадают — *šaš/čac* и т. д.), что недостаточно убедительно с семантической стороны, так как здесь необходимо установить переходные ступени между этими понятиями ("нечто рассыпающееся, развевающееся" и т. п.).

Подробнее о формах, обладающих этими значениями, см.: Исхаков Опыт 9; ДТС 479; Ибатов 184; РСл IV, 195, 389—390, 394, 395, 973, 974; Ряснен 72; Исхаков Ф. Г. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — В кн.: ИСГТЯ I, с. 69 и мн. др.

*šek

Можно ли поставить рядом казах. *šek* 'мерить, вешать' и *šek* 'предел', 'граница'? Или ср. *šek* 'обозначать (границы)', 'прокладывать (дорогу, путь)'⁶⁴ в казах. *жол шекті* и вышеприведенное существительное. Во всяком случае чув. "распространенное" «*чи́ке* 'межа', 'граница', 'рубеж', 'предел', 'край', 'черта' при более известном *чек* ~ *шек* (казах., кирг., крым.-тат. и др.)» (САГ 443) оправдывает попытки восстановления былого синкретизма этого корня.

*čöl

В др.-т. имеются формы *čölgi* 'степной', 'дальний', *čöllig* (? *čöllig*) 'степь' (Малов П 373, 376). Форма *čölgi* дает нам право взять за исходное написание *čöllig*, а не подправленное *čöllig*. В обоих случаях мы имеем отглагольные аффиксы -gi, -ig и глагольный корень *čöl-*, выделяемый морфологическим путем. Ср. *belgi, belge* < *bel-* (ЭСТЯ II, 110) и др.

Афф. -gi в др.-т. *čöl-gi* 'степной' сближается некоторыми учеными с афф. -qī/-ki (Кондратьев 20), хотя последний присоединяется к послелогу-аффиксу -ga/-gä и

⁶⁴ Возможно, этот глагол гомогенен тюрк. *säk* 'ударять', 'махать', 'колотить', 'выдолбить' (РСл III, 1945—1947), имеющему свой именной коррелят.

к афф. местно-исходного и дательного падежей -tä/-da, -jä и др., в то время как афф. -gi — непосредственно к основе-корню. Подробнее об этом отглагольном аффиксе см.: Наджип I, 108—118. Нельзя путать этот показатель с омонимичным аффиксом в küzgi 'осенний', iški 'внутренний' (подробней о нем см.: Аширалиев 79). Ср. с ними отглагольное iški 'напиток' (Наджип I, 400) и др.

Рассматриваемый корень можно считать общеалтайским. ср. монг. цөл, казах., ккалп. šöl, в большинстве тюркских языков cöl 'пустыня' (Сыдыков 127).

*iγ

Казах. диал. iγal (наряду с лит. iļal) 'влага, сырость' (Аманжолов 425 и др.) восходит к iγ или iγ-, ср. тур. диал. iğ 'туман' (ЭСТЯ I, 646). «Неясно отношение к ығал и ығ (ығ-) другой турецкой диалектной формы: ıba 'сырость', 'влажность' (<*ıb-a?) и отмеченного Т. Ценкером глагола ایتیق ыбытмақ 'быть влажным') быть сырым' (Zenker I, 2)» (Там же).

*ij

Среди «слов, подвергшихся семантическим изменениям» в современном киргизском языке по сравнению с древним енисейским, И. А. Батманов отмечает др.-т. ij- 'говорить' и кирг. ij 'плач', 'причитание при покойнике' (Батманов ЯЕП 57). Современное киргизское именное значение слова, если данное сближение соответствует действительности, может свидетельствовать о былом синкретизме данного корня или является продуктом действия словообразовательной модели «имя — глагол» в более поздние времена. Др.-т. глагол ij- 'говорить' сравнивается с алт. ij 'плач' также и в БАБ 242.

*ijt ~ *it

Сравнивая формы ijt- и it- 'толкать' и др., Э. В. Севортян замечает, что «распределение их по языкам не совпадает, исключая алтайский, в котором имеется... ийт- ~ ит-... Поэтому в отношении алтайского и, возможно, ногайского... могла бы быть допущена гипотеза о вторичности -й- в позиции после и-» (ЭСТЯ I, 386). Однако это положение не распространяется на остальные тюркские языки, в которых засвидетельствована иная

картина, позволяющая все же для рассматриваемого глагола «предположить фонетически более закономерную форму *ийит-, откуда могла получиться форма ийт-» (Там же). Последнее подтверждается уйг. диал. išt- в том же значении (Jagring 136).

По поводу формы ите- в том же значении, что и ит-, отмечается: «Более правильным будет рассматривать ее в качестве интенсива от ит-, чем производным от *ит в именном значении, так как данные на этот счет отсутствуют» (ЭСТЯ I, 387). Ср. тур. и др. it- и «распространенное» крым.-тат. и др. ite- 'толкать', в которых Э. В. Севортян предполагает вслед за П. М. Мелиоранским ослабленные формы интенсивности (САГ 443—444).

О глаголе it-/üt- 'толкать' см. также: Рсянен 58; ДТС 215 и др. Ср. др.-т. itip- 'рваться вперед' (Малов П 382) и казах. ijtip- в том же значении.

Вопрос о том, может ли иметь данный корень синкретичный характер (на что указывают его «удлиненные» формы), вследствие недостаточности фактов следует считать открытым.

Заключение

Явление тюркской глагольно-именной корреляции тесно связано с историей тюркских частей речи и со спецификой тюркских корней, являющихся (в подавляющем большинстве случаев) самостоятельными словами с особой нулевой формой. Поэтому при построении схемы частей речи в тюркских языках и особенно при изучении истории их формирования необходимо учитывать данный феномен и распространенность его на ранних этапах развития тюркских языков.

В глагольно-именной омонимии корней-основ в тюркских языках следует видеть реликт древнейшего общетюркского языкового состояния, о чем свидетельствует большое количество синкретичных корней-основ обще- и межтюркского типов, а также наличие вариативных и других синкретичных форм, поддающихся выявлению путем реконструкции и сравнительного, морфологического анализа. Явление полифункциональности корней в тюркских языках — рефлекс доаффиксальной стадии пратюркского словообразования, восходящей к более ранним эпохам дописьменного функционирования. Учитывая последнее, а также данные тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, следует интерполировать данное явление не только в пра-, но и прототюркский период.

Тюркский синкретизм, будучи остаточным явлением в тюркских языках, бытует не только в виде омонимов, но и «скрытой» форме, часто фиксируя отдельные компоненты глагольно-именных пар в разных языках и фонетических оформлениях. «Скрытые синкретизмы», обнаруживаемые в результате этимологической реконструкции с учетом известных фонетических закономерностей, всегда должны представлять собой гомогенный комплекс праформ, обладающих синкретичной глагольно-именной

семантикой. Более того, присущей пратюркской лексике является не столько глагольно-именная омонимия, т. е. омоформность корней, сколько омоморфность коррелятов на уровне неразложимых односложных основ.

Следы синкретизма частей речи в тюркских языках иногда обнаруживаются и в грамматической сфере — глагольно-именной омонимии дериватов или образующих их аффиксов. Однако в интерпретации последнего явления нужно быть чрезвычайно осторожным, так как здесь возможны случайные совпадения глагольных и именных производных образований (или их аффиксов). Как показало исследование, именно синкретичные корни породили синкретичные же основы. Если обозначить основу условно знаком □, а суффикс О, то их взаимоотношения можно представить в виде следующих схем-формул, генетически восходящих к первой из них:

$$\begin{array}{l} \square \frac{\text{глагольно-}}{\text{именная}} + \bigcirc \frac{\text{глагольно-}}{\text{именной}} \\ \square \frac{\text{глагольно-}}{\text{именная}} + \bigcirc \rightarrow \text{отглагольный} \\ \square \frac{\text{глагольно-}}{\text{именная}} + \bigcirc \rightarrow \text{отыменный} \\ \square \text{— глагольная} + \bigcirc \frac{\text{глагольно-}}{\text{именной}} \\ \square \text{— именная} + \bigcirc \frac{\text{глагольно-}}{\text{именной}} \end{array}$$

С учетом того, что, несмотря на свою архаичность, синкретизм основ и морфологических показателей еще окончательно не изжит в тюркских языках, теоретически и практически в них возможны все указанные случаи соотношения морфем словоформы, причем:

$$* \square \frac{\text{глагольно-}}{\text{именная}} > \square, \bigcirc \frac{\text{глагольно-}}{\text{именной}},$$

где □ — в первом случае нечленимая моносиллабическая основа, а в последнем может быть любой основой из числа всех возможных в смысле ее частеречной принадлежности. Наши выводы относительно синкретичности словообразовательных показателей носят предварительный характер.

Не подлежит сомнению реальность грамматического синкретизма также на уровне односложных слов-корней.

Под грамматическим синкретизмом в данном случае следует иметь в виду:

неомонимичные соответствия, когда разные фонетические варианты одного и того же слова в процессе лексико-семантического развития закрепляются за разными частями речи (глаголами и именами);

случаи десемантизации аффиксов, стяжения или выпадения некоторых согласных в корне, редукции гласного, элизии, метатезы, появления долгот или другие просодические явления и факты, которые приводят к возникновению глагольно-именных пар (например, art- ⇔ art; ajt- ⇔ a:t; bek- ⇔ bek и т. п.);

действие словообразовательной модели «имя — глагол» или глагольно-именные корреляты, один из компонентов которых сформировался в историческое время.

Количество синкретичных корней-основ, обнаруженных в процессе зондирования лексики современных, древне- и старотюркских языков и поморфемного анализа дериватов, говорит не только в пользу реальности словообразовательной модели «имя — глагол», но и об ее продуктивности на древнейших стадиях развития тюркских языков.

С семасиологической точки зрения синкретичная семантика тюркских корней является отголоском древнейшей (и первичной) комплексности семантики праформ. Поэтому, изучая диахронические срезы лексики тюркских языков, необходимо учитывать эволюцию значений тюркских слов от исходного нерасчлененного, общего и более конкретному, частному. Успешное выявление новых синкретичных омоформ во многом зависит не только от эффективных методов анализа и реконструкции, но и широкого привлечения архаичной лексики из состава пословиц и поговорок, фразеологизмов, всевозможных связанных грамматических единств, словосочетаний, парных слов, удвоенных основ, композитов и т. д.

Изучение явления тюркского глагольно-именного лексико-грамматического синкретизма на уровне односложных образований является первым этапом исследования проблемы, без которого невозможен объективный анализ сходных процессов в полисиллабических структурах.

Список синкретичных корней-основ

ab/ap 'опешить/растеряться/засуетиться (от смущения)' ⇔ 'замешательство', 'затруднительное положение', 'смущение', 'спешка';
 а:у 'отравлять', 'горчить' ⇔ 'яд', 'горький';
 ау/ав 'огораживать', 'сгрудить' ⇔ 'огороженное место' (гомогенно ав 'охотиться' ⇔ 'охота');

ау 'подниматься', 'свешиваться' ⇔ 'переход', 'промежность';
 аз 'уменьшаться' ⇔ 'малое количество';
 ај/ат 'говорить', 'называть' ⇔ 'зов, клич', 'призыв', 'имя';
 ај/аџ 'всходить (о луне)' ⇔ 'луна', 'месяц';
 ај 'почитать', 'питать уважение, пристрастие' ⇔ 'верное понятие, правило';

ај/ат/ад/ар/аз/ас^{v v} 'разделять' ⇔ 'промежуток между двумя штанинами (то место, где они расходятся)';

ај/еј/ег/иг 'бояться, опасаться' ⇔ 'боязнь';

ајт 'спрашивать' ⇔ '*спрос';

ақ 'течь, литься' ⇔ 'течение, жидкость';

ақ 'стареть' ⇔ 'старый';

ал 'брат', 'принимать', 'получать' ⇔ '*принимание';

ал 'слабеть', 'быть слабым, немощным, бессильным' ⇔ 'слабый', 'немощный (о животных)';

ал а) 'лишиться рассудка, беситься (о животных)' ⇔ 'лишившийся ума, глупый';

б) 'опешивший', 'испугаться', 'смутиться', 'быть в недоумении' ⇔ 'опешивший', 'смущенный' (гомогенно предыдущей паре);

ал 'быть открытым', 'обширным' ⇔ 'ширь';

аџ 'думать, размышлять, помнить, припоминать, понимать, вспомнить' ⇔ 'ум, сознание, разум, восприимчивость, понятливость, мысль';

ап/аџ/ау 'быть/становиться густым (о молоке)' ⇔ 'молозиво';

аџ а) 'быть раскрытым', 'образовывать щель', 'широко распахиваться' ⇔ 'яма', 'промоина', 'отверстие', 'прорубь', 'щель, трещина, расщелина', 'расселина';

б) 'опешить', 'приходить в замешательство' ⇔ 'удивленный', 'пораженный', 'изумленный', 'растерянный';

аг/иг 'увеличиваться', 'быть в излишке', 'превосходить' ⇔ 'остаток', 'излишек';

аг 'быть чистым' ⇔ 'чистый' (гомогенно 'отделять' ⇔ 'отделенный, выделенный');

аг/аз/ај/... 'отделять', 'очищать (один предмет от другого)', 'очищать тело, дух, сознание', 'очищаться', 'отделиться, лишаться' ⇔ 'нечто очищенное от примесей';

аг 'взваливать, нагружать на спину', 'нести на спине' ⇔ 'спина', 'тыл';

арт 'навьючивать' ⇔ 'спина';

арт 'увеличивать, прибавлять' ⇔ 'излишек';

ат 'холостить' ⇔ 'мерин, лошадь (ездовая)';

ат/аз/ај/... 'шагать' ⇔ 'шаг';

ав/ав/ау/ан/аб/ов/оу/о: /ув/ув/у: 'охотиться', 'окружать',

'устраивать засаду' ⇔ 'охота', 'предмет охоты', 'добыча', 'улов', 'засада';
 v
 ac 'быть голодным, голодать, изголодаться' ⇔ 'голод, голодный';
 v
 ac 'быть/становиться горьким, кислым, едким, жгучим' ⇔ 'горький', 'кислый', 'едкий, едкость', 'жгучесть';
 v v
 ac/as 'открывать' ⇔ 'открытый';
 v
 ac 'прививать', 'оплодотворять' ⇔ 'прививка', 'цветочная пыльца';
 ba/baʉ/baw/baj/boʉ/biv 'вязать, связывать' ⇔ 'веревка, связь, связка';
 baj 'богатеть' ⇔ 'богач';
 baj/bad 'устраивать конные состязания', 'устраивать празднества' ⇔ 'скачки', 'бег', 'состязание', 'приз на скачках';
 bal * 'быть глинистым, влажным' ⇔ 'глина', 'грязь', 'маленький арык';
 bag 'быть' ⇔ 'сущее, имеющееся налицо';
 bag/bog 'уходить, идти вперед' ⇔ 'впереди, вперед' (Г. Вамбери);
 bas 'давить' ⇔ 'давка';
 bas 'начинать' ⇔ 'начало', 'голова';
 v v
 ba/bal/bas/bis 'ранить', 'надрезать' ⇔ 'рана', 'надрез';
 bat 'оседать', 'погружаться', 'тонуть' ⇔ 'осадок'; 'погружение';
 bez 'иметь/питать/испытывать/получать отвращение' ⇔ 'неприятный';
 bek 'укреплять' ⇔ 'крепкий';
 bel 'обозначаться', 'метить' ⇔ 'признак, знак, метка';
 beŋ 'быть вечным' ⇔ 'вечный';
 bek 'усиливаться, становиться крепким' ⇔ 'сильный, крепкий';
 v
 bes/bel 'пеленать', 'привязывать к колыбели' ⇔ 'кушак', 'перевяз', 'то, чем обвязываются, опоясываются';
 bet/pit 'укреплять', 'крепить' ⇔ 'крепкий';
 bes 'кормить', 'питать', 'воспитывать' ⇔ 'откорм', 'откармливание', 'воспитание';
 boʉ/boʉ/biv/biv 'душить' ⇔ 'удушие';
 voj 'иметь высокий рост' ⇔ 'рост';
 voj 'красить' ⇔ 'краска';
 vol 'поспевать, уродиться, созреть' ⇔ 'обильный, плодородие, урожайность';
 vol/ol 'быть', 'становиться', 'происходить' ⇔ 'положение';
 vot/but 'мешать', 'перемешивать' ⇔ 'каша', 'смесь';
 vot/but/bog 'производить на свет детенышей' ⇔ 'детеныш (животных)';
 bög/... 'запруживать, перекрывать' ⇔ 'запруда, плотина';
 bök/pök/pek/bük/büj/biq/bik 'наедаться', 'насыщаться' ⇔ 'насытившийся', 'сытый';
 böi 'разделить', 'выделить' ⇔ 'часть', 'доля', 'отдел';
 böp/bün/bup/buŋ/muŋ 'впасть в детство', 'ослабеть (от старости)', 'стареть' ⇔ 'глупый, глупец', 'невежда'; 'хилость', 'болезненность', 'спокойный', 'тихий';

buу/buv *'испаряться' ⇔ 'пар';
 buz/boz 'портить', 'разрушать' ⇔ 'порча', 'разрушение';
 buz 'замерзать, застывать' ⇔ 'лед';
 buј 'испускать благовоние' ⇔ 'благовоние';
 buј 'замерзать' ⇔ *'стужа';
 'быть в засаде' ⇔ 'засада', 'находящийся в засаде';
 bul 'находить' ⇔ 'находка';
 bul 'мешать', 'смешивать' ⇔ 'смешанное';
 buп 'быть недовольным', 'затрудняться' ⇔ 'кризис', 'затрудни-
 тельное положение', 'тесный', 'стесненный';
 buг 'крутить', 'вертеть' ⇔ 'кручение', 'верчение';
 buг 'клубиться (о дыме и т. п.)' ⇔ 'клубы (дыма и т. п.)';
 buг 'подниматься', 'испаряться', 'пахнуть', 'благоухать' ⇔ 'дым',
 'пыль', 'пар';
 buг 'выглядеть нездоровым', 'стонать' ⇔ 'стон';

v

bus/pus/pas 'дымить', 'быть пасмурным, сумрачным' ⇔ 'туман';
 'мгла', 'пасмурная погода', 'мрачный', 'печальный';
 бүк 'гнуть, сгибать(ся)' ⇔ 'сгиб, место сгиба';
 бүк/büg 'колдовать', 'ведать' ⇔ 'колдовство';
 бүл 'портиться' ⇔ 'порча';
 бүг 'затягивать (с образованием складок), сморщить' ⇔ 'неров-
 ность, почка';
 бүг/püg/пуг 'покрывать', 'накрывать', 'завертывать, сворачи-
 вать' ⇔ *'покрытие';
 бүт 'завершаться, заканчиваться' ⇔ 'целый, полный';
 бүт/but/пут 'верить, веровать, молиться' ⇔ 'идол, божество';
 биј 'плясать' ⇔ 'пляска, танец';
 бил 'знать' ⇔ 'знание';
 бит 'писать' ⇔ 'письмо' (гомогенно 'вырезать' ⇔ 'надрез');
 бит/pit 'укреплять' ⇔ 'крепкий';
 гүг/kүг/гуг 'гремять', 'грохотать' ⇔ 'грохот', 'гром';
 үег 'скрипеть' ⇔ 'скрип';
 даі 'быть изодранным в клочья' ⇔ 'изодранный в клочья';
 ег 'пилить' ⇔ 'то, чем пилят';
 ез 'много говорить, болтать' ⇔ 'болтун', 'пустомеля';
 еј/ез/іј/... 'находиться позади', 'следовать', 'преследовать' ⇔ 'пре-
 следование', 'следование';
 еі глагольный корень в составе еітек 'рука' ⇔ 'рука';
 ел 'расти, вырастать' ⇔ 'рост';
 ем 'лечить' ⇔ 'лекарство';
 ем 'сосать (мать)' ⇔ 'та, которую сосут (самка, мать)';
 'то, что сосут (грудь женская, сосок, сосцы)';
 еп/іп 'спускаться' ⇔ 'спуск';
 еп/еп/іп 'быть широким' ⇔ 'ширина' (гомогенно кең 'широкий',
 'ширина');
 еп/еп/ем/іп/іп 'трудиться, мучиться' ⇔ 'труд', 'работа', 'мучение',
 'беспокойство';
 ер 'уметь', 'быть способным' ⇔ 'умение' 'способный, способ-
 ность';
 ег 'ссориться', 'спорить', 'браниться' ⇔ 'ссора', 'спор', 'брань';
 ег/іг/үг 'лениться' ⇔ 'лень';

- eg/iŕ '(рас)таять' ⇔ 'таяние';
 eg 'шутить' ⇔ 'шутка';
 eg 'дерзать, созидать, производить' ⇔ 'созидатель, производи-
 тель';
 eg 'раскалывать' ⇔ 'бурав';
 es 'помнить, знать' ⇔ 'память', 'ум';
 ew 'спешить', 'торопиться' ⇔ 'спешка';
 et 'делать' ⇔ 'дело';
 jaz 'сделать плоским, сравнять' ⇔ 'равнина, ровное место';
 jaz 'писать' ⇔ 'письмо';
 jaz (?) 'ошибаться, заблуждаться' ⇔ 'вред, раскаяние';
 jaj 'расстилать', 'подстилать' ⇔ 'подстилка, расстиланье';
 jaq 'подходить, приближаться' ⇔ 'край, бок, сторона';
 jaq 'мазать, натирать' ⇔ 'мазь, масло';
 jal 'гореть' ⇔ 'пламя';
 jal 'лакать', 'лизать', 'глодать' ⇔ 'жидкое месиво (для собак)',
 'жидкая пища для собак (из муки и отрубей)';
 jap 'возвращаться, подходить с боку, касаться' ⇔ 'бок, сторона,
 край';
 jaŋ 'махать рукой' ⇔ 'махание рукой';
 jar 'строить' ⇔ 'постройка', 'стройка', 'строение';
 v
 zar 'закрывать' ⇔ 'закрытие';
 jar 'рассекать, раскалывать' ⇔ 'расщелина, яр';
 jar 'выносить судебное решение, судить' ⇔ 'приказание';
 jar 'помогать, защищать' ⇔ 'помощник, помощь';
 jat 'лежать, ложиться' ⇔ 'положение, состояние';
 jav/jaŋ/jaŋ 'угрожать' ⇔ 'враг';
 v
 jax 'оплодотворяться' ⇔ 'род', 'семя';
 v
 jas/jas/jaz 'скрываться', 'таить' ⇔ 'скрытый', 'тайный';
 v
 jäl/zel 'вдохновляться' ⇔ 'вдохновение';
 jel 'испускать ветры' ⇔ 'ветер';
 jeŋ 'победить' ⇔ 'победа';
 v
 jer 'плакать' ⇔ 'плач';
 joŋ 'густеть, стать плотным' ⇔ 'густой, плотный';
 joj- ⇔ joŋ 'сводить на нет, уничтожать, прятать' ⇔ 'отсутствующий,
 отсутствие, нет';
 joŋ 'подниматься вверх, летать' ⇔ 'верх, высь, летучий';
 jog/jug/jüg /... 'идти', 'ходить', 'передвигаться' ⇔ 'хождение',
 'путь';
 jort 'идти рысью' ⇔ 'рысь';
 v v v v
 zos/zus (?) 'кипеть, волноваться' ⇔ 'кипение, волнение';
 v
 jöŋ/zöŋ 'направляться', 'отправляться', 'выступить' ⇔ 'направле-
 ние', 'отправление';
 v
 jöt/zöt/jüt/züt 'кашлять' ⇔ 'кашель';
 juŋ 'прилипнуть, приставать' ⇔ 'смола'; 'то, что прилипло';

^v
jum/zum 'сжать', 'сжимать', 'зажать' ⇔ 'зажатый', 'сжатый',
'воздержание';

^v
zut 'глотать' ⇔ 'глоток';

^v
jus 'течь (о мокроте)' ⇔ 'мокрый', 'сырой', 'сырость';

jük 'навьючивать' ⇔ 'вьюк';

^v ^v
zīy/zay/sīq 'плакать' ⇔ 'плач';

jīy 'приготовить' ⇔ 'приготовленный, готовый';

jīj/jiz/jīt 1) 'портиться', 'гнить', 'протухнуть' ⇔ 'порча', 'гниение';

2) 'пахнуть', 'сильно пахнуть', 'пропахнуть' ⇔ 'запах';

^v ^v
zīj/zīq 'собирать, накапливать, копить, сосредотачивать' ⇔ 'пол-
ный, большое количество, много'; 'густой, сплошной';

^v
jīq/zīq 'валить' ⇔ *'сваленный';

jīl 'ползать, извиваться' ⇔ 'то, что ползет';

^v
jīl/zīl/īl 'быть теплым' ⇔ 'теплый';

^v
zīm 'молчать, затихнуть' ⇔ 'тишь, тишина; молчанки (народная
игра)';

^v
zīr, zīrt 'распороть', 'расколоть', 'расщепить, разодрать' ⇔ 'рас-
кол', 'расщепление';

jīj 'шить' ⇔ 'шов';

^v
jīk/zīk 'соединять, сжимать, сдавливать', 'сцеплять' ⇔ 'щель, паз,
шов', 'грань, сцепление';

^v
jīk/zīk 'щель, паз, шов', 'грань', 'сцепление' ⇔ 'соединять, сжи-
мать, сдавливать', 'сцеплять';

jīt a) 'исчезать' ⇔ 'отсутствие, исчезновение';

^v
б) то же ⇔ zūt 'падеж скота', 'мор, гибель, смертность';

kaḡ 'обтягивать, распяливать' ⇔ 'натянутый';

kās 'свернуться' 'сгуститься (о крови, молоке и т. п.)' ⇔ 'свер-
нувшееся (молоко и т. п.)';

kāv/kūj 'жевать' ⇔ 'жвачка';

ke/kek 'заикаться' ⇔ 'заика';

kel 'приходить, выходить замуж' (чув.) ⇔ 'жена';

kem 'уменьшаться' ⇔ 'малый, незначительный' (?);

keḡ/geḡ 'быть широким, расширяться' ⇔ 'широкий, обширный';

ker 'растягивать, ставить юрту' ⇔ 'юрта';

kert 'надрезать, делать зарубку' ⇔ 'вырезка';

kes 'резать, делить' ⇔ *'нож'; 'кусоч, часть, прорезь';

[ket-/ḡat-/kit- 'идти назад' ⇔ qat/kat 'назад, задом' (Г. Вамбери);

^v
kes 'опаздывать, медлить' ⇔ 'поздний, долго; вечер';

*kōz/*kōḡ 'видеть, смотреть' ⇔ 'орган зрения, глаза';

kōl 'запрягать, впрягать' ⇔ 'упряжное животное/животные', 'гу-
жевой транспорт';

kōr 'пухнуть, вздуться' ⇔ 'пухлость, вздутость';

kōt 'поднимать' ⇔ 'подъем, верх';

- *köt 'идти назад' ⇔ 'задняя часть, позади';
- v
 köc 'кочевать, отправиться' ⇔ 'кочевка, путешествие';
 küz 'озреть, поспеть' ⇔ 'осень, обилие';
 küj- a) ⇔ köz/kög 'быть пригорелым, жечься, гореть' ⇔ 'уголья, жар';
 б) ⇔ күп 'гореть, жечь, печь' ⇔ 'солнце';
 küj/küt/küd/küδ/küs/küg 'беречь, наблюдать', 'охранять' ⇔ 'наблюдение', 'взгляд', 'охрана';
 күг/güg/kög 'возбуждаться', 'напрягаться' ⇔ 'храбрый', 'отважный', 'бодрый';
 кіг 'быть грязным' ⇔ 'грязь';
 *qa 'собирать, складывать (в ящик, сосуд)' ⇔ 'ящик', 'сосуд';
 qad/qad/kadh/xas/qaj 'замерзать', 'погибать в буран, пургу', 'погибать от метели' ⇔ 'буран', 'вьюга', 'метель', 'пурга', 'снежная буря';
 qaz/qas/gaz 'рыть', 'копать', 'окапывать' ⇔ 'мотыга, которой окапывают', 'то, чем копают';
 qaj 'плыть', 'барахтаться' ⇔ 'плавание', 'барахтанье';
 qaj 'скользнуть' ⇔ 'скользкое место';
 qaj 'обратиться назад' ⇔ 'задняя часть, обратно';
 qaq/qiq/qij 'сердиться', 'гневаться', 'кричать', 'громко говорить' ⇔ 'гнев', 'крик', 'громкая речь';
 qaq 'бить' ⇔ 'битый';
 qaq 'сушить' ⇔ 'сушеный';
 qap 'отдыхать, почитать', 'удовольствоваться', 'удовлетвориться', 'утолиться' ⇔ 'удовольствие', 'удовлетворение', 'покой, отдых';
 qar 'покрывать, закрывать, затворять' ⇔ 'вместилище, сосуд';
 qar 'щупать, захватывать, цепляться, трогать рукой' ⇔ 'рука, верхняя часть руки';
 qar 'стареть, состариться' ⇔ 'старый, старик';
 qar 'проклинать, кричать' ⇔ 'крик, зов';
 qarǵ 'стареть' ⇔ 'старик', 'старый';
 qar 'твердеть' ⇔ 'твердый';
 qar 'накладывать рядами, складывать, ставить в ряд' ⇔ 'ряд, пласт, слой';
- v
 qas 'убегать, избегать' ⇔ 'бегство';
 qoz 'гореть, разгореться' ⇔ 'уголья, жар';
 qoj 'оставлять' ⇔ 'остаток';
 qoq 'чадить, пахнуть горелым (о мясе); тлеть, обугливаться, разлагаться' ⇔ 'прах, струп, запах, пыль, пепел, нечисть';
 qol a) 'просить, вымалить' ⇔ 'рука';
 б) 'рука' ⇔ qil- 'делать' (?);
 qom/qum 'волноваться (о воде)' ⇔ 'волны, волнение';
 qog 'тратить(ся)', 'расходовать' ⇔ 'расход', 'убыток', 'ущерб';
- v
 qos 'соединять, запрягать, добавить, удвоить' ⇔ 'двойной, пара, парный';
 quj 'лить, наливать, выливать' ⇔ 'вымоина; колодец; русло реки';
 qug/qog 'строить, возводить (стену, забор, ограду)' ⇔ 'стена', 'строение', 'постройка', 'место, обнесенное забором, стеной';
 qug 'сохнуть, высыхать' ⇔ 'сухой, засохший';

qut/qurt 'освободить(ся), избавлять(ся)' ⇔ 'освобождение', 'избавление';

*qut 'жить, выигрывать' ⇔ 'жизнь, благо, счастье';

quv/qow/қоу 'клеветать', 'сплетничать', 'преследовать клеветой', 'следить' ⇔ 'сплетня', 'клевета', 'ябеда';

qiz 'быть горячим, пламенеть' ⇔ 'жара, огонь, жаркий';

qiz 'быть яловой' ⇔ 'еще не приносившая приплода самка';

qij 'резать (наискось, косо)', 'косить, делать кривым' ⇔ 'косой, косягор, берег';

qil/qis/qis 'делать', 'совершать' ⇔ 'исполнение', 'завершение';

qip 'желать, влюбляться' ⇔ 'прилежный, любитель чего-либо';

'тот, который любит чем-либо заниматься';

qir 'соскабливать, разбить, уничтожить' ⇔ 'резьба, резник, резня';

qis 'давить, жать, стеснять, теснить' ⇔ 'редкий, малый';

qit 'давить, стеснять' ⇔ 'недостаточный, скудный, редкий';

laj 'сделаться мутным, потерять глянец' ⇔ 'мутный (о воде), без глянца, грязь';

lav/lav/lip/lur 'вспыхнуть', 'гореть', 'пламенеть' ⇔ 'вспышка', 'пламя', 'огонь';

maq 'хвалить', 'славить' ⇔ 'хвала, слава';

maq 'шагать, ходить' ⇔ 'шаг, хождение';

men/ben 'я', 'сам' ⇔ 'присваивать себе', 'считать своим';

mert 'вывихнуть(ся)', 'выйти из сустава', 'причинить себе вред' ⇔ 'вывих', 'перелом';

miq 'печалиться', 'горевать' ⇔ 'печаль', 'горе';

min/min/bön/bun/miq 'допустить недостаток, допустить глупость' ⇔ 'недостаток', 'порок', 'глупость';

min/min/mün/min/bin/mön/mön/maq 'подниматься', 'взбираться' ⇔ 'подъем', 'верх';

oq 'красть' ⇔ 'вор';

oj 'играть', 'резвиться' ⇔ 'игра';

oj 'помещать', 'водворять', 'укладывать', 'поселять' ⇔ 'населенное место';

oj 'думать, быть в сознании, глубоко вдумываться, мыслить' ⇔ 'мысль, ум, сознание';

oj 'сделать углубление, углубляться, делать выемку, долбить' ⇔ 'углубление, яма';

oq 'стрелять' ⇔ 'стрела, пуля';

oq 'звать, называть, читать' ⇔ 'голос, слово, крик';

oi/sh 'долбить, выдалбливать', 'делать борозду' ⇔ 'желобок, борозда', 'нечто выдолбленное';

on/on/ön/ön /... 'выступать/выдаваться вперед' ⇔ 'выдающееся вперед (грудь и т. п.)';

on/ön 'бледнеть', 'увядать', 'выцветать' ⇔ 'увядший', 'бледный', 'вялый';

on 'быть удачливым, удасться, иметь успех' ⇔ 'правый', 'правильный, соответствующий';

or а) 'пожирать, втягивать, глотать' ⇔ 'вдыхание, втягивание, дыхание в себя';

б) 'оседать (о почве), оползать' ⇔ 'вязкое, рыхлое место';

og 'рыть, копать' ⇔ 'ров, яма';

og 'находиться где-либо' ⇔ 'место, которое кто-либо занимает',
 'местонахождение';
 og 'жать', 'полоть', 'стричь' ⇔ 'то, чем стригут', 'жатва', 'про-
 полка';
 ot 'гореть' ⇔ 'огонь';
 ot 'лечить' ⇔ 'лекарство' (<'лекарственная трава');
 ö, ög 'думать', 'мыслить', 'помнить' ⇔ 'дума', 'мысль', 'память';
 ög/ök 'ожидать', 'жаждать (встречи с кем-либо)', 'стремиться (к
 чему либо)' ⇔ 'ожидание', 'встреча';
 ög/öw/öv/öj/ou 'хвалить, восхвалять' ⇔ 'хвала, прославление,
 слава';
 öz/üös/var/oi 'течь', 'протекать' ⇔ 'ручей, река, проток, пролив';
 öz/ös/oz 'быть собственным' ⇔ 'сам', 'свой', 'собственный';
 ök 'кашлять' ⇔ 'кашель';
 ök/oq 'отрыгивать', 'рвать' ⇔ 'отрыжка', 'рвота';
 öi 'быть/становиться влажным, мокрым' ⇔ 'мокрый', 'влажный',
 'сырой';
 v
 ölc 'мерить, отмерять' ⇔ 'измерение';
 öп/üп 'расти', 'произрастать', 'подниматься' ⇔ 'ствол, стебель,
 рост', 'возраст';
 öп 'менять цвет, выцветать' ⇔ 'цвет';
 öп 'быть другим' ⇔ 'другой', 'иной';
 öр 'целовать' ⇔ 'поцелуй';
 öг 'подниматься вверх' ⇔ 'подъем, верх';
 öг 'плести', 'сплестать' ⇔ 'плетенный', 'плетение';
 öг 'покрывать' ⇔ 'покрытие';
 öг/üг 'гореть' ⇔ 'огонь', 'пламя';
 öгт 'гореть', 'загораться' ⇔ 'пожар', 'огонь';
 öт 'переправляться, проходить, миновать' ⇔ 'переправа, переход,
 путь';
 öт 'издавать звуки, звучать, повествовать, говорить' ⇔ 'голос';
 öт 'кашлять' ⇔ 'кашель';
 öт/öd 'советовать', 'наставлять', 'поучать' ⇔ 'совет', 'назидание',
 'учение', 'наставление';
 v
 öс 'биться об заклад, держать пари' ⇔ 'заклад, пари';
 per-/ber- 'бить', 'ударять', 'колотить' ⇔ 'удар', 'ушиб' (гомогенно
 mert/bert);
 рö: (?) 'загораживать, запруживать, затыкать' ⇔ 'ограда, запру-
 да, затычка';
 рök 'насыщаться' ⇔ 'сытый' (см. böк);
 рöгт 'обваривать', 'ошпаривать', 'тушить' ⇔ 'процесс варки, ошпа-
 ривания', 'то, чем (или — что) ошпаривают, тушат';
 (р) üг 'плодиться, производить детенышей' ⇔ 'плод, дитя';
 v v v
 pis/pis/bis/pis /... ' (со)зреть', 'варить (ся)' ⇔ 'созревший', 'поспев-
 ший';
 saj/soj/süj/sij 'вонзать', 'колоть' ⇔ 'то, чем вонзают, прокалыва-
 ют'; 'то, что втыкают';
 saj 'считать, рассчитать' ⇔ 'счет, число';
 saq/saq 'считать', 'думать, полагать' ⇔ 'число', 'ум';
 saq 'ожидать, стеречь, хранить' ⇔ 'бережливый, ожидающий, ожи-
 дание, настоженный';

sal 'класть', 'положить (что-либо)' ⇔ 'носилки' (+плот?);
 sal 'отвисать', 'быть вялым' ⇔ 'отвисший', 'вялый';
 san 'считать' ⇔ 'счет, количество';
 sap 'сучить, приставлять' ⇔ 'нитка, ручка';
 sag 'обертывать', 'обвертывать', 'перевязывать' ⇔ 'обертка', 'повязка';
 sas 'быть испуганным' ⇔ 'пугливый';
 saw 'выздоровливать' ⇔ 'здоровый';
 sav 'удалять', 'отделять' ⇔ 'удаленный', 'отдельный';
 sez 'чувствовать' ⇔ 'чувство';
 ser 'прибавлять' ⇔ 'прибавка';
 soq 'ударять' ⇔ 'удар';
 sus 'молчать, успокаивать' ⇔ 'молчание, молчаливый, спокойный';
 suv/suy /... 'мокнуть', 'сделаться жидким, мокрым', а также 'холодеть/быть холодным' ⇔ 'вода', 'жидкость', а также 'холод' (последние значения — в комплексной связи с центральными);
 suj/soj/coj/juj/joj 'лгать', 'врать' ⇔ 'лжец', 'ложь';
 suq/soq 'совать', 'всовывать' ⇔ 'то, что суют, просовывают', 'указательный палец';
 sul 'оголяться' ⇔ 'оголенный';
 sus 'черпать' ⇔ 'черпак';
 süj 'целовать' ⇔ 'поцелуй';
 sül/sil 'тереть, чистить', 'освежать' ⇔ 'очищенный', 'свежесть';
 sü:l 'быть в периоде течки' ⇔ 'течка';
 süñ/süm 'сморкаться' ⇔ 'сопли';
 süg 'делать борозды', 'пахать', 'строгать', 'вырезать' ⇔ 'борозда', 'плуг', 'узор (вырезанный)' и т. п.;
 süç 'спотыкаться', 'оступиться', 'ошибаться' ⇔ 'спотыкание', 'заблуждение', 'ошибка', 'забывчивость';
 sîz/sîs 'болеть', 'ныть' ⇔ 'острая боль', 'ломота';
 sîz/cîz/siz/sîj/cij/sij 'чертить', 'проводить черту', 'линию' ⇔ 'черта', 'линия';
 sîz/sîs/suz/süz 'просачиваться', 'фильтровать' ⇔ 'щель', 'сито';
 sîq 'жать, теснить, сжать' ⇔ 'сдавленный, плотный, тесный, частый';
 sik/sig 'совершать coitus' ⇔ 'penis';
 si/sî/sij/sig/sik/sîd/sît/sîd 'мочиться' ⇔ 'моча';
 taq 'прицеплять', 'прибивать' ⇔ 'подвеска/привеска', 'подкова';
 tal 'уставать, терять сознание' ⇔ 'обессиленный, опешивший';
 tal 'заходить, тонуть' ⇔ 'вниз' (Г. Вамбери);
 tal 'определять', 'соизмерять' ⇔ 'штука', 'отдельная часть (чего-либо)';
 tam 'капать' ⇔ 'капля';
 tan 'отрицать, отрекаться' ⇔ 'отрицание, отречение';
 tañ 'удивляться, быть известным' ⇔ 'удивление, слава';
 tap 'служить' ⇔ 'служба', 'поклонение';
 tap 'следить', 'наследить' ⇔ 'след', 'пятно';
 tag 'быть тесным', 'теснить', 'сжимать' ⇔ 'теснота, тесный, узкий';

v v
tas/tīs 'быть вне, выйти из границ' ⇔ 'внешность, внешняя сторона';

tat 'пробовать, вкушать, иметь вкус' ⇔ 'вкус';

tār/tez/tās/tiz/des/ter/tag/... 'быстро двигаться/передвигаться/идти/бежать' ⇔ 'скорый', 'проворный, поспешный';

tel 'припускать сосуна к матери (о животных)' ⇔ 'молодое животное, которое отнято от матери и сосет у другой самки'; 'молодое животное, сосущее и свою и чужую мать';

ter 'собирать' ⇔ 'сбор';

ter 'потеть' ⇔ 'пот, испарина';

tev 'обманывать, прельщать, подстрекать' ⇔ 'обман, хитрость, ложь', 'коварство';

v
tes 'продырявить, сверлить' ⇔ 'дыра, скважина';

toṽ 'подниматься (о пыли)' ⇔ 'пыль';

toz 'распыляться, обратиться в пыль' ⇔ 'пыль, пылинка';

toj- ⇔ toj/toq 'насыщаться, насытиться, пресыщаться; пировать' ⇔ 'сытый; пир, праздник';

toṽ 'мерзнуть, замерзать' ⇔ 'мерзлый, холод';

toq 'бить, ударять' ⇔ 'кий', 'колотушка';

tol 'наполняться' ⇔ 'полный';

top 'иметь одежду' ⇔ 'одежда';

top 'складывать' ⇔ 'куча';

tōz 'терпеть', 'переносить', 'подчиниться' ⇔ 'терпение';

tu:/tuj 'закрывать', 'запруживать', 'заключить' ⇔ 'верша, морда', 'заключенный, закрытый';

tūp 'отстаиваться, отстояться, стать чистым' ⇔ 'отстоявшийся, чистая (вода)';

tuog 'голодать', 'голод' (як.);

tur 'стоять', 'остановить', 'задержать' ⇔ 'остановка', 'задержание';

tut 'держат', 'схватить', 'поймать', 'ловить', 'удерживать' ⇔ 'облава', 'ловля', 'залог, заклад';

tuv/tuṽ/ton/toq/toṽ/tu: 'родиться', 'уродиться', 'рождаться' ⇔ 'рождение', 'плод', 'выкидыш';

v
tus 'повстречаться' ⇔ 'встреча'; 'то, что напротив';

tūz/tiz 'равнять, ставить в ряд' ⇔ 'ровный, равный';

tūj- ⇔ dūk 'ткнуть, тыкать, ударить слегка' ⇔ 'клюв, удар, толчок';

tūp 'темнеть, смеркаться' ⇔ 'вечер, ночь';

tūt 'дымить(ся)' ⇔ 'дым';

tūt/tīt 'разрывать, раздирать', 'разделять на волоски', 'щипать, трепать, рвать, теревить', 'раскалывать (полено)' ⇔ 'разрыв', 'то, что разделяют (на нити, волоски, волокна)', 'полено';

v
tūs 'сходить, слезать; падать' ⇔ 'остановка; полдень';

v
tūs 'спать' ⇔ 'сон';

tīq/tik 'втыкать, ставить; колоть' ⇔ 'отвесный, прямой, вертикальный, прямостоящий; спица, шило';

tīq 'прятать', 'спрятать (от других)' ⇔ 'скупой';

tīm 'утихнуть; быть тихим, молчаливым' ⇔ 'молчание, молчали-
вый';

tīp a) 'дышать' ⇔ 'вдох, дыхание';

б) 'отдыхать' ⇔ 'отдых';

в) 'успокаиваться' ⇔ 'покой';

tīŋ 'оправиться, крепнуть, приободриться' ⇔ 'бодрый, крепкий,
сильный';

v v v v v

tīs/cic/cis 'испражняться' ⇔ 'испражнение';

*tiz глагольный корень в составе tize, tiscek ⇔ 'колено';

til 'говорить' ⇔ 'язык';

til 'разрезать, резать' ⇔ 'ломтик, ломоть';

tir 'трястись, трепетать' ⇔ 'дрожание';

tir/dig 'жить', 'проживать' ⇔ 'живой', 'одушевленный';

v v

vac (чув. диал.) 'работать с силой, напором' ⇔ 'сила';

uz 'удлиниться', 'быть длинным' ⇔ 'длинный';

uj/oj/iw/ub/... 'стыдиться' ⇔ 'стыд';

uj- ⇔ uz 'подходить, соответствовать' ⇔ 'подходящий, годный';

uj/iu/ub/... 'густеть', 'свертываться' ⇔ 'свернувшееся (молоко и

т. п.)';

uq/iu/oq/ou 'создавать', 'порождать', 'рождать' ⇔ 'род', 'потом-
ство', 'поколение', 'происхождение';

uq 'понимать', 'разуметь', 'внимать', 'знать' ⇔ 'мнение', 'значе-
ние', 'понимание';

ul 'становиться большим', 'возвышаться' ⇔ 'большой', 'вели-
кий';

um/im 'схватить', 'достать', 'страстно желать' ⇔ 'страсть, жела-
ние', 'хватка';

um 'надеяться, уповать' ⇔ 'надежда';

up 'крошить' ⇔ 'порошок, крошка';

ug 'приносить потомство, оплодотворять' ⇔ 'семя, зерно';

ug 'бить', 'ударять', 'драться' ⇔ 'то, чем бьют', 'дубина, палица',
'драка';

ug 'опухать' ⇔ 'опухоль', 'нарост';

us 'думать', 'разуметь' ⇔ 'дума', 'разум';

v

us 'быть высоким', 'возвышаться' ⇔ 'вершина';

uv/üg/ük 'тереть', 'молоть', 'дробить', 'размельчать' ⇔ 'размоло-
тый', 'мелкий', 'стертый' и т. п.;

uv/uj/uq/ud/ud/i 'спать' ⇔ 'сон';

v

uc 'летать, парить'; 'лететь, окрылиться' ⇔ 'крыло';

v

uc 'захватывать горстью' ⇔ 'горсть';

üg/ük/üj 'собирать в кучу', 'сгрудить' ⇔ 'куча', 'груда';

ün/ön 'звучать', 'слышаться' ⇔ 'звук', 'шум', 'голос';

ün/in 'пробивать отверстие' ⇔ 'отверстие /нора';

üz 'рвать', 'отрывать', 'разрывать' ⇔ 'разрыв', 'отрыв';

ül 'выделять', 'отделять (часть от чего-нибудь)' ⇔ 'доля', 'часть';

ür 'лаять, брехать' ⇔ 'лай';

ürk 'испугаться', 'бояться', 'вздрогнуть' ⇔ 'испуг';

ürgr 'взъерошиться, взлохматиться' ⇔ 'взъерошенный', 'лохма-

тый';

- üs/es '(о)пьянеть' ⇔ 'пьяный';
 üs/ös 'быть наверху' ⇔ 'верхний';
 üt 'палить, опаливать' ⇔ 'опаливание';
 üt 'входить' ⇔ 'проход, отверстие';
 üs 'сверкание' ⇔ 'сверкать';
 saу/соу/ciү/cig/cij/cäk/cek/sek 'завязать (узлом)' ⇔ 'узел';
 saq 'ударять, шлепать' ⇔ 'стукотня, шлепок';
 sans/sanç 'колоть', 'болеть', 'ныть' ⇔ 'острая боль', 'колики',
 'резь';
 sar/sar 'хлестать', 'стегать', 'шлепать' ⇔ 'удар (кнутом)', 'шле-
 пок';
 sar а) 'скакать' ⇔ 'галоп, скачка';
 б) 'нападать' ⇔ 'нападение';
 в) 'ударить, рубить' ⇔ 'меч, *сабля', 'удар';
 sat 'бить шлепками, ударять' ⇔ 'шлепок', 'удар';
 sat 'путаться', 'приходить в беспорядок' ⇔ 'путаница', 'беспоря-
 док';
 sat 'соединяться, столкнуться' ⇔ 'место соединения', 'столкнове-
 ние';
 saу/caq/suv 'шуметь', 'сделать известным' ⇔ 'шум', 'слава';
 sas/sas 'рассыпать', 'развевать' ⇔ 'нечто рассыпающееся, разве-
 вающееся';
 säk 'наносить знак, делать надрез, надсек' ⇔ 'знак, помета, отме-
 тина';
 sek/sek 'мерить, измерять, определять, чертить' ⇔ 'предел', 'гра-
 ница', 'черта';
 soq 'собирать, туго связывать; складывать в кучу' ⇔ 'сверток,
 узелок; много';
 sök 'становиться на колени, кланяться' ⇔ 'коленипоклонение';
 söl глагольный корень в составе sölgі, sölig ⇔ 'пустыня, степь';
 сіз/sіз 'жарить на масле', 'топить жир' ⇔ 'масло', 'жир', 'остат-
 ки вытопленного курдюка';
 сір (~ ріс метат.?) /сөр 'резать', 'рубить, разделять' ⇔ 'кусок',
 'раздел', 'часть';
 ciң/ciңk/ciң/caң/saң 'звенеть' ⇔ 'колокольчик', 'звон';
 ciг/ciг 'гнить', 'выскакивать (о прыще)' ⇔ 'чирей, прыщ', 'гнилой,
 гниль';
 ciт 'связать, сплести, соединить' ⇔ 'изгородь, плетень';

- ^v cit 'морщить' ⇔ 'морщина';
^v suq 'шуметь' ⇔ 'шум';
^v sur (чув.) 'белеть', 'бледнеть' ⇔ 'катаракта', 'белый';
^v surt 'жить, обитать' ⇔ 'жизнь, обитание';
^v ^v sīq/cīq 'отсыревать, намокать' ⇔ 'сырой, влажный, сырость, роса, влага';
^v sīm 'щипать' ⇔ 'щипок';
^v ^v ^{vv} sīs/sīs 'пухнуть, опухать' ⇔ 'опухоль';
iŷ/ib 'быть влажным/сырым' ⇔ 'влажность', 'сырость, туман';
iŷ 'покачиваться, колебаться' ⇔ 'покачивание', 'колебание';
ij 'говорить, причитать' ⇔ 'плач', 'причитание при покойнике';
iq 'икота', 'крик, которым приказывают верблюду лечь' ⇔ 'икать', 'кричать';
iq 'идти по ветру, плыть по течению' ⇔ 'подветренная сторона, направление вниз по реке';
ij 'прясть, вить, закручивать' ⇔ 'прялка, пряжка, веретено';
ij 'сгибать, гнуть' ⇔ 'склон, изгиб';
ij 'есть' ⇔ 'питание';
ij 'дубить, мять' ⇔ 'дубление, выделка (кожи)';
^v ^v iпс/iпс 'пытать', 'мучить' ⇔ 'пытка', 'мука';
is/iz 'мочить' ⇔ 'смоченный';
is 'нагреваться, накаляться' ⇔ 'горячий', 'жара';
is 'резать' ⇔ 'отрезанное';
^v is 'сверкать', 'блестеть', 'сиять' ⇔ 'сверканье', 'блеск', 'сияние';
iz/ig/ij 'искать', 'наводить справки', 'следить' ⇔ 'след, отпечаток';
ij/ej/eб 'хороший', 'добро', 'благо' ⇔ 'быть хорошим, добрым (о человеке, вещи и др.)';
ij 'пахнуть' ⇔ 'запах';
ijt, it 'толкать' ⇔ 'толчок';
il 'вешать' ⇔ 'петля';
il/il 'быть передним/впереди' ⇔ 'передний';
iпс/tiпс/tiпс 'успокаиваться' ⇔ 'покой';
iп/iп/iп 'смеркаться' ⇔ 'сумерки';
ig/eg 'пугаться', 'вздрагивать' ⇔ 'испуганный, боязливый, сконфуженный';
ig 'гноиться', 'свертываться, скисать (о молоке)' ⇔ 'гной, прокисшее молоко' и т. д.
^v ic a) 'быть/находиться внутри' ⇔ 'внутренняя часть, подкладка';
b) 'пить, принимать внутрь' ⇔ 'внутренность, нутро'.

(Примечание. Фоно-семантически различающиеся и отчасти лексикализовавшиеся гомогенные формы приведены как самостоятельные корни-основы).

Список сокращений

- Абаев СЕИ — *В. И. Абаев*. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.
- Айдаров — *Г. Айдаров*. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Наука, 1971. 380 с.
- Алдаспан — *М. Магауин*. Алдаспан (XV—XVIII ғасырлардағы казак ақын, жырауларының шығармалар жинағы). Алматы: Жазушы, 1971, 278 б.
- Аманжолов — *С. А. Аманжолов*. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата: Казах. гос. учебно-педагогическое изд., 1959, ч. 1. 452 с.
- АФТ — *П. М. Мелиоранский*. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- Ахатов — *Г. Х. Ахатов*. Татарская диалектология. Уфа, 1977.
- Аширалиев — *К. Аширалиев*. Древние тюркские элементы в современных языках. — В кн.: ИФТЯ, с. 23—109.
- Ашмарин — *Н. Ашмарин*. Словарь чувашского языка: I—XVII. Казань; Чебоксары, 1928—1950.
- Әрәб вә фарс — *Әрәб вә фарс сөзләри лугәти*. Редаксија һејәти: Б. Т. Абдуллајев, Ә. Ә. Оручов, Ј. З. Ширвани. Мәс'ул редактору: Ј. З. Ширвани. Бақы, Азербайжан ССР Елмләр Академијасынын нәшријјаты, 1967. 1036 с.
- БАБ — *И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин*. Современная и древняя енисейка. Фрунзе: Изд. АН КиргССР, 1962.
- Базылхан ҚМС — *Б. Базылхан*. Қазақша-монғолша сөздік. Уланбатыр: Монғолия Ғылым академиясының Тіл мен әдебиет ин-ты, 1977. 393 б.
- Баранов — *Х. К. Баранов*. Арабско-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 943 с.
- Баскаков Вв. — *Н. А. Баскаков*. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969.
- Баскаков Кум, — *Н. А. Баскаков*. Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М.: Наука, 1972. 280 с.
- Баскаков ҚЯ — *Н. А. Баскаков*. Каракалпакский язык: Фонетика и морфология. Ч. 1. Части речи и словообразование. М.: Изд. АН СССР, 1952. 544 с.
- Баскаков Н — *Н. А. Баскаков*. Ногайский язык и его

диалекты: Грамматика, тексты и словарь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940, 272 с.

Баскаков Туба

— *Н. А. Баскаков*. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М., 1966.

Батманов ИФТЯ

— *И. А. Батманов*. Источники формирования тюркских языков Южной Сибири и Средней Азии. — В сб.: ИФТЯ, с. 5—22.

Батманов ЧРК

— *Батманов И. А.* Части речи в киргизском языке: Материалы к стандартной схеме морфологии киргизского языка. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1936. 48 с.

Батманов ЯЕП

— *И. А. Батманов*. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1959.

БК

— *Н. А. Баскаков, С. Б. Бекназаров, У. Н. Кожуров*. Русско-каракалпакский словарь. М., 1947.

Бертагаев

— *Т. А. Бертагаев*. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М.: Наука, 1969.

БК

— Русско-каракалпакский словарь /Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1967.

БМ

— *Н. А. Баскаков*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М.: Наука, 1979. 274 с.

Бозинген

— Бозинген: (монголия казактарының өлең-жырлары). Алматы: Жазушы, 1971. 212 б.

Болганбаев

— *Ә. Болганбаев*. Қазақ тілінің синонимдер сөздігі. Алматы: Мектеп, 1975. 308 б.

Боровков

— *А. К. Боровков*. Лексика среднеазиатского тевисира XII—XIII вв. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. 366 с.

Боровков Бад.

— *А. К. Боровков*. «Бада'и 'ал-лугат»: Словарь Тали 'Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.

БРС

— Башкирско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.

БСЛ

— *Л. З. Будагов*. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., т. 1, 2, 1869—1871.

Вербицкий

— *В. И. Вербицкий*. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.

Гальди

— Венгерско-русский словарь /Под: общей ред. Ласло Гальди. Москва; Будапешт: «Русский язык» и АН Венгрии, 1974. 872 с.

Гаффаров

— *М. А. Гаффаров*. Персидско-русский словарь. М., 1914, т. 1; М., 1927, т. 2.

ГРС

— Гагаузско-русско-молдавский словарь

- Дмитриев СТЯ
— *Н. К. Дмитриев*. Строй тюркских языков. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Дмитриева. Названия растений
— *Л. В. Дмитриева*. Названия растений в тюркских и других алтайских языках. — В кн.: ОСЛАЯ, с. 151—223.
- ДТС
— Древнетюркский словарь /Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Егоров
— *В. Г. Егоров*. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Ибатов
— *А. Ибатов*. Кутбтын «Хусрау уа Шірін» поэмасының сөздігі (XIV ғасыр). Алматы: Ғылым, 1974. 278 б.
- Иллич-Свитыч ССН
— *В. М. Иллич-Свитыч*. Соответствия смычных в нестратических языках. — В кн.: Этимология 1966. М., Наука, 1968, с. 304—355.
- Индекс ФАН
— Девону луғотит турк. Индекс — луғат. Ғ. Абдурахмонов Ва С. Муталлибовлар шитироки ва тахрири остида. Тошкент: «ФАН», 1967.
- ИРЛТЯ
— Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- ИСГТЯ I
— Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I. Фонетика /Под ред. Н. К. Дмитриева. М.: Изд. АН СССР, 1955.
- ИСГТЯ II
— Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология /Под ред. Н. К. Дмитриева. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
- ИСГТЯ III
— Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис /Под ред. Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, Е. И. Убрятовой. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- ИСГТЯ IV
— Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. IV. Лексика /Под ред. Н. К. Дмитриева и Н. А. Баскакова. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Исхаков Опыт
— *Ф. Г. Исхаков*. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. — В кн.: ИСГТЯ IV, 5—68.
- ИФТЯ
— Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири /Под ред. И. А. Батманова. Фрунзе: Илим, 1966.
- ИЭАЯ
— Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука. 1979. 262 с.
- Калужиньски I
— *С. Калужиньски*. Этимологические исследования по якутскому языку: Двусложные основы (I). — Rocznik Orientalistyczny. T. XXXIX, Z. 2, 1977, с. 5—14.

- Калужиньски II — *С. Калужиньски*. Этимологические исследования по якутскому языку: Двусложные основы (II). — *Rocznik Orientalistyczny*. Т. XL, Z. 1, 1978, с. 71—82.
- Калужиньски III — *С. Калужиньски*. Этимологические исследования по якутскому языку: Двусложные основы (III). — *Rocznik Orientalistyczny*. Т. XL. Z. 2, 1979, с. 39—49.
- Кеңесбаев Ф — *І. Кеңесбаев*. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы: Ғылым, 1977. 712 б.
- КкРС — Каракалпакско-русский словарь /Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.
- Кондратьев — *В. Г. Кондратьев*. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Изд. ЛГУ, 1970.
- Кононов РТ — *А. Н. Кононов*. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Кононов ГЯТРП — *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л.: Наука, 1980. 256 с.
- Константинова — *О. А. Константинова*. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем. — В сб.: *ОСЛАЯ*, с. 224—256.
- Котвич — *В. Л. Котвич*. Исследование по алтайским языкам /Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1962.
- КРС 1954 — *Х. Махмудов, Г. Мусабаев*. Казахско-русский словарь. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1954.
- Курышжанов — *А. К. Курышжанов*. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата: Наука, 1970. 234 с.
- КЭСК — *В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев*. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- КТДС — Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі. Алматы: Ғылым, 1969. 426 б.
- КТЖЕ II — *Ж. Досқараев*. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері. II бөлім /Ред. басқарған Ғ. Ғ. Мұсабаев. Алматы: Ғылым. 1955.
- КТҚЭС — Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы: Ғылым, 1966, 240 б.
- ҚТС 1959 — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Ғылым, 1959, 1-т. 338 б.
- ҚТС 1961 — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Ғылым, 1961, 2-т. 535 б.
- ҚТС 1974 — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Ғылым, 1974, 1 т. 696 б.
- ҚТС 1976 — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Ғылым, 1976, 2-т. 695 б.
- ҚТС 1978 — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Ғылым, 1978, 3-т. 735 б.
- ҚТС 1979 — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Ғылым, 1979, 4-т. 672 б.

- ҚТС 1980 — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы: Ғылым, 1980, 5-т. 640 б.
- Левитская — Л. С. *Левитская*. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. 206 с.
- Малов П — С. Е. *Малов*. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Малов ПМК — С. Е. *Малов*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.
- Малов СЮ — С. Е. *Малов*. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. 197 с.
- Малов УНС — С. Е. *Малов*. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.
- МК I—III ФАН — М. *Кошгарий*. Туркий сўзлар девони: (девону луғотит турк). Тошкент: ФАН, 1960—1963, т. 1—3.
- Мук.-ад. — Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. М.; Л., 1938, ч. I—II; 1939, ч. III.
- Мусабаев СКЯ — Г. Г. *Мусабаев*. Современный казахский язык. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959.
- Мусаев ЛТЯ — К. М. *Мусаев*. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: (западнокыпчакская группа). М.: Наука, 1975.
- Наджиб I — Э. Н. *Наджиб*. Историко-сравнительный словарь XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. М.: Наука, 1979, кн. 1. 479 с.
- Наджиб Г II — Э. Н. *Наджиб*. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. Алма-Ата: Наука, 1975, ч. 2.
- Наливкин — В. П. *Наливкин*. Руководство к практическому изучению сартовского языка. Самарканд, 1898.
- Насилов ЯТП — В. М. *Насилов*. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М.: Наука, 1974.
- Насыров — Д. С. *Насыров*. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нукус; Казань: Каракалпакстан, 1976.
- Ондасынов АК — Н. Д. *Ондасынов*. Арабша-казакша түсіндірме сөздік /Жалпы ред. басқарған Е. Б. Бекмұхаметов. Алматы: Жазушы, 1969. 266 б.
- Ондасынов ПҚ — Н. *Ондасынов*. Парсыша-казакша түсіндірме сөздік. Алматы: Қазақстан, 1974. 384 б.
- ОСЛАЯ — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972.
- П — Э. К. *Пекарский*. Словарь якутского языка. Л., 1907—1930.

- ПОАЯ — Проблема общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971.
- Рамстедт — *Г. И. Рамстедт*. Введение в алтайское языкознание: Морфология / Под ред. и с пред. Н. А. Баскакова. М., 1957.
- Рассадин — *В. И. Рассадин*. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. 251 с.
- РКС 1954 — Русско-казахский словарь. Под ред. Н. Т. Сауранбаева. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. 935 с.
- РКС 1978 — Русско-казахский словарь / Под ред. Г. Г. Мусабаева. (А—О). Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1978, т. 1, 576 с.
- РМС — Русско-монгольский словарь. Составили А. Р. Дамба-Ринчинэ, Г. С. Мупкин. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. 780 с.
- РСл — *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий. I—IV. СПб.: Типография Императ. АН, 1893—1911.
- Рясянен — *М. Рясянен*. Материалы по исторической фонетике тюркских языков / Перев. с нем. А. А. Юлдашева. Ред., пред. и прим. Н. А. Баскакова. М., 1955.
- САГ — *Э. В. Севортян*. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- САИ — *Э. В. Севортян*. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М.: Наука, 1966. 438 с.
- Севортян ПС — *Э. В. Севортян*. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков». М.: Наука, 1966. 105 с.
- СИС — Словарь иностранных слов. М., Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1949.
- Серебренников-Гаджиева — *Серебренников Б., Гаджиева Н.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку: МААРИФ, 1979. 304 с.
- Сөз өнөрі 1978 — Сөз өнөрі: (тіл мәдениеті туралы). Алматы: Ғылым, 1978. 184 б.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., Наука, 1975, т. 1 (672 с.); 1977, т. 2 (992 с.).
- Сыдыков — *С. Сыдыков*. Тюрко-монгольские параллели. — В сб.: ИФТЯ, с. 110—229.
- Тенишев СЯ — *Э. Р. Тенишев*. Строй саларского языка. М.: Наука, 1976. 575 с.
- ТРС — Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 966 с.
- ФЗ — *Э. И. Фазылов, М. Т. Зияева*. Изысканный дар тюркскому языку. Ташкент: ФАН, 1978.

- Хадрович-Гальди — *Л. Хадрович, Л. Гальди*. Русско-венгерский словарь. Терра, Будапешт, 1970. 928 с.
- Черемисов — Бурятско-русский словарь / Составил К. М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
- Шипова — *Е. Н. Шипова*. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
- Щербак Имя — *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (имя). Л.: Наука, 1977. 191 с.
- ЩФ — *А. М. Щербак*. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 204 с.
- ЭСТЯ I—II — *Э. В. Севортян*. Этимологический словарь тюркских языков. I—II. М.: Наука, 1974, т. 1 (768 с.), 1978, т. 2 (350 с.).
- Этимология 1966 — *Этимология 1966: Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов*. М.: Наука, 1968. 412 с.
- Юдахин — *К. К. Юдахин*. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- ЮКЛ I — *Б. М. Юнусалиев*. Киргизская лексикология. Ч. I. (Развитие корневых слов). Фрунзе: Киргизское государ. учебно-педагогическое изд-во, 1959.
- Юлдашев ПС — *А. А. Юлдашев*. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.
- ЯН — Языковая номинация. М.: Наука, 1977. 357 с.
- Abu-Hayyan — *Ahmet Caferoglu*. Abû-Hayyân, Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.
- ALTAICA. PIAC. XIX. Helsinki, 1977 — ALTAICA. Permanent International Altaistic conference. XIX. Helsinki, 1977.
- Battal — *Aptullah Battal*. Ibn-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934.
- Benzing LG — *J. Benzing*. Einführung in das Studium der altaischen Philologie und Turkologie. Wiesbaden, 1953.
- Brockelmann — *C. Brockelmann*. Mitteltürkischen Wortschatz nach Mahmūd al-Kāsgarī's Divān lûgat at-Turk. Budapest; Leipzig, 1928.
- Clauson ED — *G. Clauson*. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. 990 p.
- Clauson TMS — *G. Clauson*. Turkish and mongolian studies. London, 1962.
- Collinder — *B. Collinder*. Fenno-ugric Vocabulary: An Etymological Dictionary of the Uralic languages. Stockholm; Uppsala, 1955.
- Deny — *J. Deny*. L'armeno-coman et les «Ephémérides» de Kamieniec (1604—1613). Wiesbaden, 1957.

- Dizin — *Divanü lûgat-it-Türk* «Endeks», yazan Besim Atalay. Ankara, 1943.
- Doerfer — *G. Doerfer*. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen..., Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963; Bd. II. Türkische Elemente im Neupersischen. Alif bis ta. Wiesbaden, 1965; Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. Gimî bis kaî. Wiesbaden, 1967.
- Ettuhfet. — «Ettuhfet-üz-zekiyye fil lûgat-it-Türkiyye», çeviren Besim Atalay. Istanbul, 1945.
- Gabain — *A. von Gabain*. Alttürkische Grammatik. 2 Aufl. Leipzig, 1950.
- Gabain II — *A. von Gabain*. Alttürkische Grammatik. Dritte Auflage. Wiesbaden, 1974.
- Houtsma — *M. Th. Houtsma*. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
- Jarring — *G. Jarring*. An eastern turki-english dialect dictionary. Lund, 1964. 338 p.
- JRAS — *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. London.
- ^{-v.}
Kasgari — «*Divanü lûgat-it-Türk*» tercümesi, çeviren Besim Atalay, I—III. Ankara, 1939—1941.
- ^{-v.}
Kasgari D.
KW — см.: Dizin
— *K. Grønbach*. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.
- Lessing — *Ferdinand D. Lessing*. Mongolian-English dictionary. Berkeley and Los Angeles: University of California press. 1960. 1217 p.
— *Pavel de Courteille M.* Dictionnaire turk-oriental. Paris, MDCCCLXX.
- Pav. C.
Poppe Vergl. — *N. Poppe*. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1. Wiesbaden, 1960.
— *G. J. Ramstedt*. Studies in Korean etymology. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1949. 292 p.
- Ramstedt SKE — *G. Raquette*. English-Turki dictionary. Based on the dialects of Kashgar and Yarkand. Lund-Leipzig: Printed by Hakan Ohlsson, 1927. 139 p.
- Räsänen VEWT — *M. Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- Räsänen Mater. — *Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen*. Von Martti Räsänen. Helsinki, 1949. 249 S.
- Rossi — *Ettore Rossi*. Il «Kitāb-i Dede Qorqut». Racconti epico-cavallereschi dei Turchi Oguz. Tradotti e annotati con «facsimile» del Ms. Vat. Turco 102. Bibliotheca Apostolica Vaticana. Roma, 1952.
- Turf. VIII — *A. von Gabain*. Türkische Turfan-Texte
266

- VIII, — «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften», Klasse für Sprache, Literatur und Kunst, Jahrgang 1952, Num. 7, Berlin, 1954.
- *H. Vámbéry*. Etymologisches Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.
- Vámbéry CSpr., — *H. Vámbéry*. Cagataische Sprachstudien enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Wörterbuch der Cagataischen Sprache. Leipzig, 1867.
- Vámbéry PC — *H. Vámbéry*. Die primitive Culture des turkotatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen. Leipzig, 1879.
- Vámbéry Предисловие — *H. Vámbéry*. Рукописное предисловие к предстоящему словарю, написанное до его выхода в свет в Будапеште 13 октября 1877 года на русском языке.
- VGAS — см.: Poppe Vergl.
Zabytek — *Zajaczkowski A.* Zabytek jezykowy ze Zloty Ordy «Husrev u Sirin» Qutba. — «Rocznik Orientalistyczny», t. XIX.
- Zenker — *J. Th. Zenker*. Dictionnaire Turk—Arabe—Persan. T. 1. Leipzig, 1886.
- Yusuf ve Zel. — *Seyyad Hamza*. Yusuf ve Zeliha, nakleden Dehri Dilçin. Istanbul, 1946.
- Аз. — азербайджанский
алт. — алтайский
араб. — арабский
афф. — аффикс, аффиксальный
балк. — балкарский
бараб. — язык барабинских татар
башк. — башкирский
босн. — боснийско-турецкий (диалект)
букв. — буквально
бурят. — бурятский
венг. — венгерский
вогуль. — вогульский (мансийский)
воен. — военный
возвр. — возвратный
вост.-тюрк. — восточно-тюркский
гагауз. — гагаузский
гл. — глагол, глагольный
гольд. — гольдский (нанайский)
гот. — готский
груз. — грузинский
даг. — дагурский (диалект монгольского)
деепр. — деепричастие, деепричастный
диал. — диалектный, диалектальный
досл. — дословно, дословный
др. — другой, другие
драв. — дравидский

- др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
 древнедиал. — древнедиалектный
 др.-евр. — древнееврейский
 др.-инд. — древнеиндийский
 др.-исл. — древнеисландский
 др.-кор. — древнекорейский
 др.-прусс. — древнепруссский
 др.-сев. — древнесеверный
 др.-т. — древнетюркский
 др.-уйг. — древнеуйгурский
 ед. — единственное (число)
 енисейск. — енисейский
 ж.-уйг. — язык желтых уйгуров
 зап.-тюрк. — западно-тюркский
 зыр. — зырянский
 н.-е. — индоевропейский
 изобр. — изобразительный
 каз. — казанско-татарский
 казах. — казахский
 калм. — калмыцкий
 кар. — караимский
 кар. Г. — галицкий диалект караимского языка
 кар. Л. — луцкий диалект караимского языка
 кар. К. — крымский диалект караимского языка
 кар. Т. — тракайский диалект караимского языка
 караг. — карагасский
 карач. — карачаевский
 картв. — картвельский
 качин. — качинский
 кашгар. — кашгарский (диалект уйгурского)
 кирг. — киргизский
 кит.-кор. — китайско-корейский
 ккалп. — каракалпакский
 койб. — койбальский
 ком. — команский
 конд. — кондаковский говор
 кор. — корейский
 крым. — крымский
 крым.-тат. — крымско-татарский
 кум. — кумандинский
 кумык. — кумыкский
 кур. — курдакско-тюркский
 кыз. — кызыльский
 кыпч. — кыпчакский
 кюзр. — кюэрикский (диалект языка чулымских татар)

 л. — лицо
 лам. — ламутский (эвенский)
 латыш. — латышский
 леб. — лебединский (диалект)
 лит. — литературный
 литов. — литовский
 лоб. — лобнорский

манс.	— мансийский
маньчж.	— маньчжурский
мар.	— марийский
мед.	— медицинский
межтюрк.	— межтюркский
метаф.	— метафорический
мишар.	— мишарский диалект татарского
мн.	— множественное (число)
мокш.	— мокшанский
монг.	— монгольский
монгор.	— монгорский
морд.	— мордовский
накл.	— наклонение
нанай.	— нанайский
нег.	— негидальский
нивх.	— нивхский
ног.	— ногайский
норв.	— норвежский
н.-уйг.	— новоуйгурский
общеалт.	— общеалтайский
общетюрк.	— общетюркский
огуз.	— огузский
ойрот.	— ойротский
ольч.	— ольчский (ульчский)
ономатопозт.	— ономатопозтический
орок.	— орокский
ороч.	— ороцкий
осет.	— осетинский
осм.	— османский
парн.	— парный, парное образование
перен.	— переносный
перс.	— персидский
п.-мо.	— письменно-монгольский
побуд.	— побудительный
повел.	— повелительный
посл.	— пословица
пр.	— прочий
рус.	— русский
саг.	— сагайский (диалект хакасского языка)
салар.	— саларский
самоед.	— самоедский (самодийский)
сев. алт.	— североалтайский
сев.-зап.	— северо-западный
сев.-кор.	— северо-корейский
селькуп.	— селькупское (остяко-самоедское)
сиб. тат.	— язык сибирских татар
синкр.	— синкретичный
словар.	— словарный
см.	— смотрите
совр.	— современный
сол.	— солонский
среднеперс.	— среднеперсидский
ср.-монг.	— среднемонгольский
ср.-т.	— среднетюркский

староказах.	— староказахский
старомонг.	— старомонгольский
староосм.	— староосманский
старотур.	— старотурецкий
староузб.	— староузбекский
с.-х.	— семитохамитский
сюг.	— сарыг-югурский
тадж.	— таджикский
тамил.	— тамильский
тар.	— таранчинский
тат.	— татарский
тел.	— телеутский
т.-ма.	— тунгусо-маньчжурский
тоб.	— тобольский (диалект татарского)
тоф.	— тофаларский
тув.	— тувинский
тунг.	— тунгусский
тур.	— турецкий
туркм.	— туркменский
тюм.	— тюменский (диалект татарского)
тюрк.	— тюркский
уд.	— удэйский
удм.	— удмуртский
узб.	— узбекский
уйг.	— уйгурский
уменьш.	— уменьшительный
урал.	— уральский
уст.	— устный
фин.	— финский
финно-угор.	— финно-угорский
хак.	— хакасский
хетт.	— хеттский
ч.	— число
чаг.	— чагатайский
чад.	— чадский
чув.	— чувашский
чулым.	— чулымский
швед.	— шведский
шор.	— шорский
эвен.	— эвенский
эвенк.	— эвенкский (эвенкийский)
эст.	— эстонский
юго-вост.	— юго-восточный
юго-зап.	— юго-западный
яз.	— язык, языковой
як.	— якутский

Условные знаки

- ⇒ — глагольно-именная корреляция омонимичных и неомонимичных форм (и значений), исторически единых по своему происхождению
- /... — обозначает наличие фонетических вариантов определенной формы (и дальнейших значений)
- — дефис, стоящий после основы, указывает на ее глагольное происхождение (императив)
- > — развилось /развивается в..., перешло /переходит в...
- < — произошло /происходит из..., развилось /развивается из...
- ;: — дефис над гласной или двоеточие после гласной обозначает ее долготу
- * — архаичность формы и значения, синкретичный характер праформы; гипотетичность
- //, / — варьируется, соотносится с...
- ≈, ~ — чередуется с..., соответствует...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Проблема корневой глагольно-именной омонимии в тюркских языках: степень изученности и основные аспекты	11
Изучение тюркского синкретизма в связи с историей формирования и некоторыми грамматическими особенностями тюркских частей речи	18
Вопросы истории и теории тюркского синкретизма, разработанные советскими учеными	26
Семасиологическая обусловленность возникновения омонимности тюркских моносиллабов	36
Глава 2. Обще- и межтюркские синкретичные моносиллабы	47
Глава 3. Проявления грамматического синкретизма в тюркских языках	86
Глагольно-именная нерасчлененность аффиксов—синкретизм дериватов	89
Лексикализирующая функция конечных согласных тюркского односложного корня	95
Чередование гласных и варьирование первого компонента (согласного) тюркского моносиллаба как средство семантической дифференциации исходного значения	105
Количественные признаки гласных и глагольно-именная омонимия	112
Синкретичные основы, сформировавшиеся по словообразовательной модели «имя—глагол»	116
Глава 4. Синкретичные моносиллабы, выявленные в процессе сравнительного анализа	123
Глагольно-именные корреляты, один из которых зафиксирован только в одном или нескольких источниках	123
Общеалтайские синкретичные корни	209
Гипотетичные синкретичные корни	223
Заключение	213
Список синкретичных корней-основ	246
Список сокращений	259
Условные знаки	271

